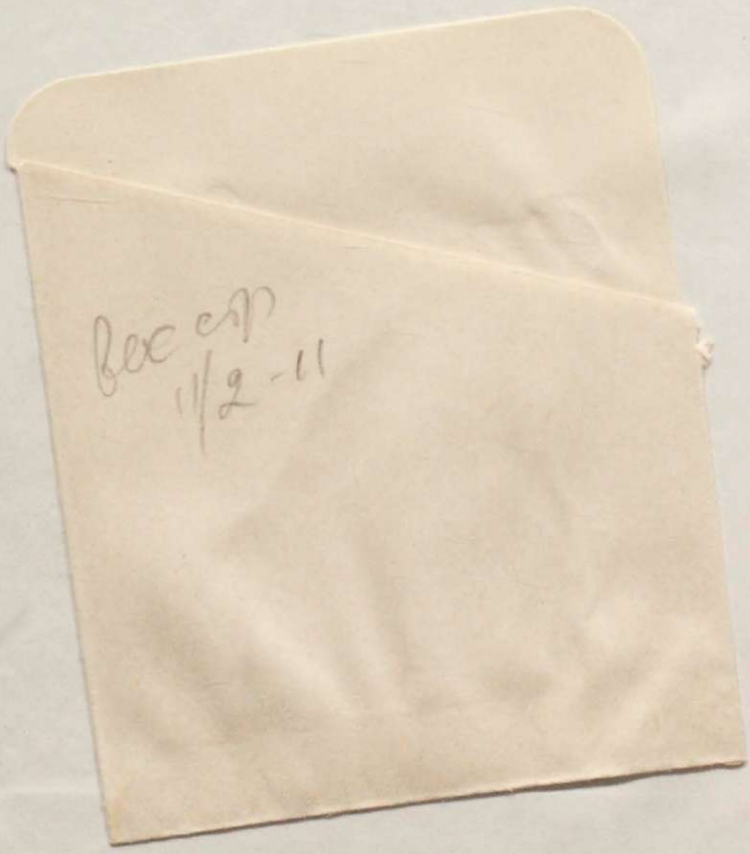
M 55/64

Rec cp
11/2-11

М 55/64
801-86
13188-X

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ БОГАТСТВА ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ ВЪ РОССІИ

Е. П. Карновича

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1885

М 55/64 Ио 0-6

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ БОГАТСТВА ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ ВЪ РОССІИ

Е. П. Карновича

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1885

УКРАИНСКАЯ ЦЕНТР. РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

26610-0

2007089994

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11 — 2

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных

Выпуск

В перепл. един. соедин. №№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн. №№

№№ списка и порядковый

200 г.

6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе изслѣдованія о частныхъ богатствахъ въ Россіи.—Источники для разработки этого предмета. — Общія замѣчанія о нашихъ частныхъ богатствахъ — Вліяніе на нихъ политики московскихъ государей. — Матеріальная зависимость русской знати отъ государя. — Послѣдствія такой зависимости. — Жалоба Ивана Грознаго на алчность московской знати. — Попрошайство. — Бѣдность нашей старой знати. — Положеніе русскаго посла въ Польшѣ. — Раздача помѣстій. — Близость къ царскому двору. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Населенныя имѣнія. — Употребленіе громадныхъ капиталовъ на покупку такихъ имѣній. — Обращеніе богатствъ, нажитыхъ простолюдинами, въ дворянскія богатства. — Богачи-полудворяне. — Значеніе посессіоннаго права въ развитіи нашихъ частныхъ богатствъ. — Горнозаводскіе промыслы. — Замѣтка о богатствѣ Лихачевыхъ. — Сравненіе прежняго времени съ нынѣшнимъ. — Русскіе банкиры. — Взяточничество, лихоимство, казнокрадство и подкупы. — Нажива губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ. — Положеніе торговыхъ людей. — Новгородскіе богачи. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій. 12

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Раздача помѣстій и вотчинъ. — Верстаніе землями. — Устройство царями Михаиломъ и Алексѣемъ своихъ имущественныхъ дѣлъ. — Родовое имѣніе Петра Великаго. — Частная собственность, принадлежавшая императрицамъ Екатеринѣ I, Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. — Удѣльныя имѣнія. — Приданое великой княгини Екатерины Павловны. — Обращеніе помѣстій въ вотчины. — Свѣдѣнія о богатствѣ частныхъ лицъ, сообщаемыя Котошихинымъ. — Раздѣлы вот-

стр.

чинъ.— Разные роды наградъ. — Распредѣленіе помѣстій въ 1699 г.— Законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи въ дворянскихъ имѣніяхъ. — Причины, вызвавшія этотъ законъ. — Учрежденіе перваго добровольнаго майората въ Россіи. 24

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конфискаціи. — Гибельное ихъ вліяніе на частное богатство. — Попытки къ отмѣнѣ ихъ. — Нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ ихъ исполненія. — Намѣреніе Павла I. — Недостатокъ звонкой монеты. — Стоимость помѣстій. — Послѣдствія обязательной службы дворянъ. — Участіе русскаго дворянства въ промышленныхъ занятіяхъ. — Сельское хозяйство. — Купечество. — Прибыльщики и откупщики. . . . 37

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Употребленіе богатствъ въ Россіи. — Старинный образъ жизни государей и знати. — Ихъ домашняя обстановка. — Простота и недороговизна жизни. — Начало роскоши. — Поощреніе ея Петромъ Великимъ.— Русскій дворъ.— Утонченность вкуса и старыя привычки.—Составленіе разныхъ коллекцій. — Библіотеки, музыка, актеры. — Финансовое затрудненіе богачей. — Желаніе знати жить въ долгъ. — Учрежденіе государственнаго банка. — Появленіе богатыхъ помѣщиковъ. — Ложныя богатства. — Прекращеніе раздачи населенныхъ имѣній. — Клады. — Повѣрья, къ нимъ относящія. 49

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вліяніе смутнаго времени на владѣніе поземельною собственностью.— Романовы.— Князья Воротынскіе и Мстиславскіе.— Богатство князей Одоевскихъ. — Отдача имѣнія Троицко-Сергіевской Лаврѣ.— Жизнь князя Одоевскаго на счетъ крѣпостныхъ музыкантовъ.— Князья Трубецкіе. — Пожалованіе Ваги и Трубчевска. — Князья Ромодановскіе. — Боярскій родъ Стрѣшневыхъ. — Отобраніе имѣній у князей Хованскихъ и князей Мышецкихъ. — Фамиліи Морозовыхъ и Милославскихъ. — Ордынъ-Нащокинъ.— Его пожертвованіе. — Князья Голицыны. — Пожалованія и награды князю Василію Васильевичу Голицыну. — Участь его богатствъ и судьба его потомства. — Переходы богатствъ въ родъ князей Голицыныхъ изъ другихъ фамилій. — Салтыковы и Мятлевы. 63

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Начало богатства Нарышкиныхъ — Раздѣленіе ихъ богатства.— Его переходъ къ Разумовскимъ. — Василій Васильевичъ Нарышкинъ.— Его вымогательства.— Заводчикъ Сибиряковъ.— Бояринъ Матвѣевъ.— Переходъ имѣнія графовъ Матвѣевыхъ. — Князья Мещерскіе.— Шепелевы. — Фамилія графовъ Головкиныхъ.—Пребываніе нѣкоторыхъ

стр.

ея членовъ въ Голландіи. — Возвращеніе ихъ въ Россію. — Переходъ имѣнія ихъ къ князю Салтыкову.— Древнія помѣстья Апраксиныхъ.— Завѣщаніе графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина.— Фельдмаршалъ Апраксинъ.— Разсказы и преданія объ отправленныхъ имъ изъ Пруссіи въ Петербургъ боченкахъ съ золотомъ. — Барышниковъ. 80

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Способы составленія частныхъ богатствъ при Петрѣ Великомъ. — Богатые представители старинныхъ родовъ и новые люди. — Богатство графовъ Шереметевыхъ. —Вліяніе на него закона о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ. — Соединеніе этого богатства съ богатствомъ князей Черкасскихъ. — Роскошная жизнь графа Петра Борисовича Шереметева. — Раздѣлъ шереметевскаго имѣнія. — Богатство графовъ Головиныхъ.—Переходъ его въ родъ князей Барятинскихъ.— Розыгрышъ въ лотерею Воротынца. — Богатство графа Толстаго.— Его промышленныя предпріятія.— Конфискація.— Имѣнія графовъ Остермановъ и князей Грузинскихъ. — Князья Прозоровскіе. — Богатство князя Гагарина. — Казнь его и князя Кольцова-Масальскаго.— Графы Мусины-Пушкины. — Пожалованіе вотчинъ господарю Дмитрію Кантемиру. — Майоратъ имъ учрежденный. — Ошибочныя похвалы Антіоху Кантемиру. — Тяжба объ имѣніи князей Кантемировъ. . . . 95

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Появленіе при Петрѣ Великомъ новыхъ богачей изъ государственныхъ людей. — Графъ Ягужинскій. — Баронъ Шафировъ. — Князь Меншиковъ — Его великолѣпіе при отъѣздѣ въ ссылку. — Обнаружившіяся его злоупотребленія и вымогательства. — Нажива его въ Польшѣ. — Захватъ земель въ Малороссіи. — Промышленныя его предпріятія. — Просьбы о пожалованіяхъ. — Владѣнія его въ Польшѣ. — Полный его титулъ. — Пожалованіе герцогства Козельскаго. — Слухи о его богатствахъ. — Какимъ оказалось оно при конфискаціи. — Помѣстья князя Меншикова. — Раздача ихъ другимъ лицамъ. — Капиталы, переведенные Меншиковымъ въ заграничные банки. — Распоряженіе ими Бирона. 117

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Начало богатствъ графовъ Румянцевыхъ и графовъ Чернышевыхъ. — Умноженіе этихъ богатствъ. — Употребленіе богатства графомъ Н. П. Румянцевымъ. — Майоратъ князя Паскевича изъ имѣнія графовъ Румянцевыхъ.— Спекуляція графа И. Г. Чернышева. — Чернышевскій майоратъ. — Долги одного изъ графовъ Чернышевыхъ. — Переходъ майората въ родъ Кругликовыхъ. — Декабристъ Н. М. Муравьевъ. — Чертковы. — Князь Чернышевъ. — Богатство графовъ Остермановъ. — Переходъ ихъ къ А. И. Толстому. — Обогащеніе думнаго дьяка Иванова. — Переходъ нажитаго имъ богатства. — Духовникъ Петра Великаго Тимофей Надаржинскій. — Безкорыстіе Лефорта. . . 13

СТР.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Богатство фамиліи Строгановыхъ. — Историческія о немъ свѣдѣнія. — Раздѣленіе этого богатства на три части. — Сліяніе его въ родѣ графовъ Строгановыхъ. — Графъ А. С. Строгановъ. — Богатство прежнихъ владѣтелей Сибири. — Князья Алачевы и князья Гантимуровы. — Богатство барона Соловьева. — Бѣдствія, его постигшія. — Замѣтка о русскихъ баронахъ. — Промышленныя богатства Гончарова, Баташевыхъ, Горденинныхъ, Тулиновыхъ. — Богачъ Курочкинъ. — Купцы Осколковъ и Евреиновы. — Графъ Владиславичъ-Рагузинскій. 145

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Богатства, составленныя горнозаводскою промышленностью. — Демидовы. — Сказанія о ихъ родоначальникѣ. — Поощренія его Петромъ Великимъ. — Акиѳій Демидовъ. — Добываніе ископаемыхъ богатствъ. — Родовыя имѣнія. — Сохраненіе ихъ въ одной линіи. — Княжескіе титулы. — Пожертвованія Демидовыхъ. — Богачъ Владиміровъ. — Богатство Твердышевыхъ и Мясникова. — Переходъ этого богатства въ разныя фамиліи. — Князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе. 162

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Наши богачи XVIII вѣка. — Графы Скавронскіе, Ефимовскіе и Гендриковы. — Баронъ Н. А. Корфъ. — Графъ Гурьевъ. — Братья Левенвольды. — Петръ Сапѣга. — Богатства, пріобрѣтенныя князьями Долгорукими. — Ихъ погибель. — Князья Юсуповы. — Богатство ихъ предковъ. — Увеличеніе его впослѣдствіи. — Князья Черкасскіе. — Переходъ имѣній одной ихъ линіи къ графамъ Шереметевымъ. — Конфискація имѣній у другой линіи. 178

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Богатство графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. — Бѣдственное положеніе канцлера Бестужева-Рюмина. — Огромныя помѣстья и нажива графа Миниха. — Волынскій и Неплюевъ. — Богатство Бирона. — Конфискація его имущества. — Владѣнія его въ Курляндіи. — Богачъ Походяшинъ. — Замѣчательная исторія нажитыхъ имъ богатствъ. . . . 194

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Богатства, составившіяся въ царствованіе Елизаветы Петровны. — Шубинъ. — Бекетовъ. — Графы Воронцовы. — Денежныя дѣла графа М. И. Воронцова. — Устройство этихъ дѣлъ его братомъ. — Богатство князей Дашковыхъ. — Графы Шуваловы. — Разсказы объ И. И. Шуваловѣ. — Графъ Лестокъ. — Поднявшійся снова вопросъ о богатствахъ

стр.

князя Меншикова. — Богатство частныхъ лицъ въ Малороссіи и на Дону.— Предоставленіе всѣхъ сокровищъ Индіи императоромъ Павломъ I атаману Орлову. 214

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Возвышеніе и богатство графовъ Разумовскихъ. — Пожалованіе имѣній Алексѣю Разумовскому.— Переходъ имѣнія Нарышкиныхъ къ его брату. — Богатство гетмана графа Разумовскаго.— Его роскошная жизнь. — Просьбы о пожалованіяхъ. — Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій.— Его долги.— Переходъ имѣнія графовъ Разумовскихъ къ князьямъ Рѣпнинымъ и графамъ Уваровымъ. — Духовникъ императрицы Дубянскій.— Пожалованія императора Петра III графу Шувалову, Гудовичу, Карновичу и Измайлову. 237

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вліяніе царствованія Екатерины Великой на частныя богатства въ Россіи.— Награды, розданныя ею въ первый годъ царствованія.— Отказы отъ наградъ.— Неудовольствіе по поводу ихъ.— Присоединеніе Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подоліи.— Прежніе богачи въ этихъ областяхъ.— Богатство графовъ Орловыхъ и князя Г. Г. Орлова.— Переходъ этого богатства къ графамъ Панинымъ и Давыдовымъ.— Богатство князя Потемкина. —Злоупотребленія князя. — Распредѣленіе потемкинскихъ богатствъ по разнымъ городамъ. 250

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Богатства людей случайныхъ.—Графъ Завадовскій.—Постройка ему дома. — Его злоупотребленія по государственному банку. — Зоричъ.— Его роскошная жизнь въ Шкловѣ. — Учрежденіе кадетскаго корпуса. — Запутанность его денежныхъ дѣлъ. — Графы Зановичи. —Васильчиковъ.— Подаренный ему домъ.— Римскій-Корсаковъ.— Образъ его жизни. — Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.— Переходъ его имѣній къ князю Голицыну и фонъ-Визину.— Ермоловъ.— Ланской.— Князь Вяземскій.— Намѣреніе императора Павла относительно конфискаціи.— Перскусихина и Сахаровъ. 272

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Графы Панины. — Безкорыстіе графа Никиты Ивановича Панина. — Данныя ему награды. — Имѣніе Матюшкина. — Татищевы.— Князь Безбородко. — Графы Кушелевы-Безбородки. — Князья Лобановы-Ростовскіе.— Злоупотребленія въ царствованіе Екатерины II.— Хищничество пристава калмыцкаго народа Кишенскаго. — Оберъ-прокуроръ Глѣбовъ. — Распоряженіе Попова казенными суммами. . . . 289

СТР.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Богатство Злобина. — Сапожниковы. — Обширность и разнообразіе ихъ торговыхъ оборотовъ.— Начало богатства Поповыхъ.— Богатства, возникшія подъ покровительствомъ Орловыхъ и Потемкина. — Баронъ Фредериксъ и Фалѣевъ. — Богачи иноземцы: Сутерландъ, Лазаревъ и Варваціи.— Неожиданное богатство Кроткова и Шустовыхъ. 303

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Раздача императоромъ Павломъ I помѣстій при вступленіи его на престолъ и при коронаціи. — Пожалованіе имѣній Кушелеву и Аракчееву.— Намѣренія Аракчеева и употребленіе его состоянія.— Князья Рѣпнины.— Князь Лопухинъ.— Переходъ его имѣнія.— Графы Кутайсовъ и Растопчинъ.— Необыкновенная щедрость императора къ князю Куракину.— Рыбныя ловли.— Князь Суворовъ и графъ Бобринскій.— Богатства, нажитыя злоупотребленіями. — Предѣлъ изслѣдованія о частныхъ богатствахъ въ Россіи. 318

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе изслѣдованія о частныхъ богатствахъ въ Россіи. — Источники для разработки этого предмета. — Общія замѣчанія о нашихъ частныхъ богатствахъ. — Вліяніе на нихъ политики московскихъ государей. — Матеріальная зависимость русской знати отъ государя. — Послѣдствія такой зависимости. — Жалоба Ивана Грознаго на алчность московской знати. — Попрошайство. — Бѣдность нашей старинной знати. — Положеніе русскаго посла въ Польшѣ. — Раздача помѣстій. — Близость къ царскому двору.

Изслѣдованіе о замѣчательныхъ богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи должно, какъ кажется, представлять весьма любопытную историческую монографію. Но до сихъ поръ этотъ предметъ не былъ разработанъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ способы пріобрѣтенія значительнаго состоянія частными лицами непосредственно на счетъ государства, составленіе громадныхъ капиталовъ торговлею или промышленностью, чрезмѣрная разжива путемъ разныхъ служебныхъ и общественныхъ злоупотребленій и, наконецъ, полученіе богатствъ, благодаря только слѣпымъ случайностямъ, могутъ обрисовывать весьма отчетливо административныя, финансовыя и экономическія условія нашего прежняго быта. Все это можетъ также дать вѣрное понятіе и о нравственномъ состояніи нашего общества въ извѣстную пору, и притомъ съ самой практической точки зрѣнія, т. е. примѣнительно къ денежнымъ дѣламъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, всего лучше узнаются и хорошія и дурныя стороны человѣка.

Для составленія исторіи замѣчательныхъ частныхъ богатствъ въ Россіи имѣется въ настоящее время немало раз-

личныхъ матеріаловъ, но всѣ они чрезвычайно разрознены, такъ что ихъ приходится извлекать не только небольшими отрывками, но очень часто даже по одной лишь строчкѣ изъ большой массы изданныхъ у насъ старинныхъ актовъ, записокъ и сочиненій по русской исторіи [1]).

Задачею нашего труда было — привести всѣ эти разбросанные и отрывочные матеріалы, по возможности, въ стройную систему, примѣнительно къ обдуманному нами общему плану. Само собою разумѣется, что при пользованіи упомянутыми матеріалами строгая историческая критика, въ большинствѣ случаевъ, была почти невозможна, такъ какъ очень часто нельзя дознаться съ точностію о томъ, какимъ именно способомъ пріобрѣтались богатства всѣми тѣми, которые въ разное время слыли у насъ извѣстными богачами, а также опредѣлить цѣнность или доходность принадлежавшаго имъ имущества. Вообще, по русской поговоркѣ, чужой карманъ — потемки, но тѣмъ не менѣе потемки эти до нѣкоторой степени освѣщаются фактами, сдѣлавшимися достояніемъ исторіи, для которой, какъ мы полагаемъ, наступила пора заниматься изслѣдованіемъ былой жизни Россіи не только политической, но и экономической, и притомъ во всѣхъ проявленіяхъ этой послѣдней. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ изслѣдованіи весьма важную сторону вопроса составляютъ: источники, виды, распредѣленія, переходы и исчезновенія значительныхъ частныхъ богатствъ.

Указаніе на все это встрѣчается иногда и въ оффиціальныхъ, изданныхъ уже у насъ историческихъ и юридическихъ актахъ; но въ нихъ это выставляется обыкновенно съ одной только внѣшней стороны. Настоящее же значеніе множества фактовъ, относящихся къ исторіи нашихъ частныхъ богатствъ, объясняется преимущественно лицами, оставившими послѣ себя записки, воспоминанія или замѣтки о томъ времени,

[1]) Мы считаемъ излишнимъ приводить особо длинный списокъ всѣхъ источниковъ, которыми мы воспользовались, такъ какъ на нихъ, тамъ, гдѣ это оказывается нужнымъ, дѣлаются ссылки въ самомъ сочиненіи. Возможность же пользоваться ими была для насъ значительно облегчена С. Н. Шубинскимъ, предоставившимъ въ полное наше распоряженіе свое замѣчательное собраніе книгъ по русской исторіи XVIII вѣка.

когда они жили. Хотя лица эти и сообщаютъ очень часто одни только доходившіе до нихъ слухи о русскихъ богачахъ, безъ всякой повѣрки такихъ слуховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же сообщаютъ и свѣдѣнія, основанныя на обстоятельствахъ хорошо имъ извѣстныхъ. Съ своей же стороны мы, въ виду этого, передаемъ почерпнутыя нами изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія или какъ вполнѣ достовѣрныя данныя, или только какъ слухи или преданія, относящіяся до какого нибудь лица, фамиліи или событія. Впрочемъ, въ сущности такая передача свѣдѣній не представляетъ въ нашемъ трудѣ ничего особеннаго, потому что такого же рода источники, точно также нелегко поддающіеся исторической критикѣ, входятъ непремѣнно въ составъ каждаго историческаго изслѣдованія.

Затѣмъ, что касается значенія словъ „замѣчательныя богатства“, то мы подразумѣваемъ подъ этими словами такія богатства частныхъ лицъ въ Россіи, на которыя современники ихъ указывали какъ на нѣчто замѣчательное, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ у нихъ явленій. Тамъ же, гдѣ не встрѣчается такихъ прямыхъ указаній, мы соображались съ тѣми данными, въ виду которыхъ — и безъ подобныхъ указаній — можно было сказать, что богатство такого-то было замѣчательно по отношенію къ тому времени, когда онъ его или пріобрѣлъ самъ или наслѣдственно пользовался имъ какъ доставшимся ему имуществомъ. Добавимъ къ этому, что — какъ мы не безъ увѣренности полагаемъ — все когда либо появившееся въ печати, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, касательно частныхъ богатствъ въ Россіи внесено въ настоящій нашъ трудъ съ прибавленіемъ къ тому нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, свѣдѣній, заимствованныхъ нами изъ рукописныхъ матеріаловъ. Въ настоящемъ изданіи сдѣлано немало дополненій, такъ какъ со времени перваго появилось не мало новыхъ свѣдѣній, относящихся къ предмету нашего изслѣдованія.

Позволяемъ себѣ думать, что въ книгѣ нашей найдется немало занимательныхъ подробностей; но если бы мы ограничились только ими, то трудъ нашъ представлялъ бы не столько общаго историческаго, сколько отрывочнаго анекдотическаго интереса. Поэтому, независимо отъ подробностей,

мы сдѣлали еще общіе выводы и такія же замѣчанія, указывающія, подъ вліяніемъ какихъ именно обстоятельствъ въ ту или другую пору могли возникать и развиваться у насъ замѣчательныя частныя богатства; какъ богатства эти подъ тѣмъ же вліяніемъ скоплялись въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или какихъ нибудь фамилій; какъ потомъ они дробились, распадались, переходили по наслѣдству или пропадали безслѣдно. Все это, какъ увидятъ наши читатели, находилось въ тѣсной связи съ гражданскими порядками и экономическимъ бытомъ Россіи, преимущественно же съ внутренними государственными переворотами, а также съ жизнью и обстановкой двора, такъ какъ у насъ въ теченіе слишкомъ долгаго времени главнымъ и даже, можно сказать, единственнымъ источникомъ частныхъ богатствъ было достояніе государства. Достояніе это, поступивъ еще въ давнее время въ полное, безотчетное распоряженіе верховной власти, раздавалось потомъ по ея волѣ — въ видѣ наградъ, подарковъ, пенсій, вспоможеній — разнымъ лицамъ или за заслуги, дѣйствительно оказанныя ими отечеству, или только по личному къ нимъ благоволенію царствовавшихъ особъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго условія у насъ замѣтнѣе всего выдавались громадныя богатства временщиковъ и фаворитовъ, окруженныхъ блестящею и, повидимому, самою аристократическою обстановкою, да и общее число громадныхъ богатствъ, добытыхъ при дворѣ, было гораздо болѣе, нежели число богатствъ, пріобрѣтенныхъ другими способами.

Вообще исторія частныхъ богатствъ въ Россіи отличается почти безпрестанною игрою слѣпаго случая. Послѣдовательное же и постепенное развитіе богатствъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ одной и той же фамиліи было слишкомъ рѣдкимъ исключеніемъ изъ этого общаго явленія. Большею частію бывало такъ: если кому разъ повалило богатство, какимъ бы то ни было путемъ, то оно обыкновенно валило неудержимо въ громадныхъ размѣрахъ до какого нибудь роковаго удара или внезапно разразившейся бѣды. Общее число громадныхъ богатствъ было однако у насъ неслишкомъ велико, такъ что всѣ они легко могутъ быть на-перечетъ. Болѣе же или менѣе равномѣрнаго распредѣленія богатствъ у насъ никогда не за-

мѣчалось. Явленіе это бываетъ по преимуществу свойственно тѣмъ государствамъ, въ которыхъ экономическая жизнь народа не получила еще правильнаго развитія и въ которыхъ государственное достояніе раздавалось въ собственность частнымъ лицамъ безъ всякихъ соображеній съ финансовыми средствами страны и даже съ дѣйствительными потребностями тѣхъ, которые обогащались такимъ способомъ.

Наряду со всѣмъ этимъ, въ исторіи нашихъ частныхъ богатствъ оказывается и чрезвычайная ихъ непрочность: обыкновенно самыя громадныя изъ нихъ не только быстро уменьшались, но и совершенно исчезали въ ближайшихъ поколѣніяхъ, происходившихъ отъ первыхъ ихъ пріобрѣтателей. Кромѣ того, быстро нажитыя богатства разлетались очень часто въ прахъ еще при жизни первоначальныхъ ихъ владѣльцевъ. Все это зависѣло главнымъ образомъ отъ личнаго характера большей части нашихъ богачей, отъ ихъ широкой натуры, безпечности и неумѣнія вести свои дѣла въ надлежащемъ порядкѣ. Разбогатѣвшія у насъ лица начинали тотчасъ же жить на самую широкую ногу, забывая свою прежню скромную долю и не заглядывая въ будущее. Сверхъ того на исчезновеніе частныхъ нашихъ богатствъ имѣли сильное вліяніе: общая гражданская, юридическая и экономическая обстановка стараго времени, въ особенности же конфискаціи, бывшія прежде у насъ въ большомъ ходу.

Отдаленная наша древность представляетъ слишкомъ скудныя и крайне неопредѣленныя свѣдѣнія относительно того предмета, которому посвящено настоящее наше сочиненіе. Историческая же послѣдовательность въ изслѣдованіи о частныхъ богатствахъ въ Россіи — да и то впрочемъ не безъ замѣтныхъ пробѣловъ и перерывовъ — можетъ начаться только съ половины XVII столѣтія, когда стали встрѣчаться касательно этого нѣкоторыя обстоятельныя данныя и когда составился довольно опредѣленный типъ богатаго русскаго человѣка.

Само собою разумѣется, что стоимость богатствъ перваго времени никакъ нельзя перевести на современную ихъ стоимость. Сдѣлать это—не въ состояніи даже самый кропотливый изыскатель, уже потому, что нарицательная цѣнность денегъ не соотвѣтствовала ихъ дѣйствительной стоимости въ ту или

другую пору. То же слѣдуетъ сказать какъ о стоимости, такъ и доходности недвижимыхъ имѣній, такъ какъ и та и другая никогда не могутъ быть установлены въ достаточную стоимость. То же слѣдуетъ и о главномъ видѣ имуществъ въ былое время — о крестьянахъ, такъ какъ плата за „душу“ и получаемый отъ нея доходъ были въ разное время настолько неодинаковы, что въ этомъ случаѣ никакъ нельзя установить какое-либо единообразіе.

Московскіе государи, уничтожая своихъ соперниковъ— удѣльныхъ русскихъ князей, и смотря на высшее, окружавшее ихъ сословіе не какъ на феодальныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, но какъ на простыхъ служилыхъ людей, повели свои дѣла такимъ образомъ, что въ Москвѣ, послѣ утвержденія въ ней единодержавія, въ теченіе долгаго времени не могло образоваться богатой родовой знати. Объ аристократіи же, т. е. о такомъ сословіи, которое бы пользовалось наслѣдственными политическими правами, не было и помину. При такомъ условіи все матеріальное благосостояніе высшаго сословія въ великомъ княжествѣ Московскомъ стало зависѣть единственно отъ воли государя, который надѣлялъ достаткомъ людей ему угодныхъ и, наоборотъ, отнималъ все безъ суда, по своему произволу, у дѣйствительныхъ или даже только у мнимыхъ своихъ лиходѣевъ.

Со времени великаго князя Ивана III выразилось въ Москвѣ явное стремленіе тамошнихъ государей подчинить себѣ служилыхъ людей не только въ политическомъ, но и въ имущественномъ отношеніи. Первый тому сохранившійся въ нашей исторіи примѣръ было отобраніе Иваномъ III земель у покоренныхъ имъ новгородцевъ и отдача этихъ земель московскимъ людямъ, взятымъ отъ дворовъ разныхъ лицъ. Отдавая имъ эти земли, великій князь московскій удержалъ за собою право отнять ихъ, если пожелаетъ, и у тѣхъ, кому онъ ихъ пожаловалъ, тѣмъ болѣе что на первый разъ земля давалась не въ родовую собственность, но только во временное владѣніе.

Такая система примѣнялась и къ другимъ областямъ государства московскаго. Осуществлять ее было нетрудно, такъ какъ великіе князья московскіе были богаты землями, а бояре

были бѣдны ими. Еще со времени Ивана Калиты они, для того чтобы скопить побольше денегъ, стали употреблять всевозможныя средства, разживаясь и удержаніемъ ордынской дани, поборами и даже лихвою. При этомъ преемники Ивана Калиты не дѣлали никакого различія между своими правами какъ государей и своими правами какъ землевладѣльцевъ и полновластныхъ хозяевъ во всемъ государствѣ. Все это утверждало имущественную зависимость подданныхъ отъ государя и придавало особый складъ всей нашей государственной и общественной жизни. Имущественная зависимость московской знати отъ государей была впослѣдствіи въ виду у поляковъ. Такъ, когда польскіе паны разсуждали объ избраніи на польскій престолъ царя Ѳедора Ивановича, то они, между прочимъ, приняли въ соображеніе, что выборъ его въ короли будетъ для нихъ невыгоденъ, такъ какъ царь богатъ деньгами и землею, а потому обезсилитъ богатыхъ пановъ, переведя къ себѣ всю служащую у нихъ мелкую шляхту.

Вообще московскіе государи, хорошо понимавшіе всю суть дѣла, не желали видѣть около себя богатыхъ вельможъ. Баронъ Герберштейнъ, посолъ римско-нѣмецкаго императора, говоря въ своемъ сочиненіи о неограниченной власти великаго князя Василія Ивановича, пишетъ, что онъ всѣхъ угнеталъ тяжелымъ рабствомъ и располагалъ по своему произволу жизнью и имуществомъ каждаго. Онъ, по словамъ Герберштейна, умышленно старался приводить своихъ бояръ въ бѣдность. Такъ, напримѣръ, если нужно было дать кому нибудь какое либо порученіе, сопряженное съ большими издержками, то онъ приказывалъ исполнить это порученіе, нерѣдко доводившее даже до разоренія, на собственный счетъ того, кому оно довѣрялось. При такой политикѣ государей московскихъ трудно было какъ составиться въ Москвѣ, такъ и удержаться тамъ богатой родовой знати. Всѣ смотрѣли на царя не только какъ на своего верховнаго повелителя, но и какъ на единственный источникъ своего матеріальнаго благосостоянія, и какъ на безграничную власть, которая можетъ во всякое время лишить каждаго всего принадлежавшаго ему имущества.

Разумѣется, что такой порядокъ не прошелъ безслѣдно въ развитіи нашей государственной жизни. Въ Венгріи, напри-

мѣръ, королевская власть потому именно и утратила такъ скоро свое важное значеніе, что тамошніе магнаты были гораздо богаче короля, который очень часто былъ вынужденъ обращаться къ нимъ съ просьбами о займахъ и о пособіи, а они, съ своей стороны, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ государя, выговаривали себѣ у него разныя преимущества и большія льготы. Точно также независимость въ матеріальномъ отношеніи отъ верховной власти польскихъ пановъ, англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ бароновъ поставила ихъ всѣхъ въ довольно независимыя къ ней отношенія, и они образовали изъ себя небѣдное само по себѣ служилое сословіе, жившее только государевымъ жалованьемъ или, какъ говорилось у насъ въ старину, „кормомъ“, но родовую аристократію съ большимъ запасомъ политическихъ правъ и съ юридически-упроченнымъ наслѣдственнымъ имуществомъ.

При такой изстари неблагопріятной обстановкѣ московской знати, ей приходилось не хлопотать о расширеніи своихъ политическихъ правъ, но думать только прежде всего о томъ, какъ бы поразжиться на счетъ богатой государевой казны. Покорность и угодливость, переходившія въ раболѣпство, были наиболѣе надежнымъ для того способомъ. Поэтому самому, быть можетъ, не столько отвлеченныя понятія о власти государя, сколько сознаніе въ необходимости его благоволенія и его милостей даже въ обыденной жизни придало особый оттѣнокъ московскому боярству. Замѣчательно, — какъ это видно изъ одного письма царя Ивана Грознаго къ князю Андрею Курбскому,—что даже этотъ крайне-подозрительный и чрезвычайно ревнивый къ своей власти государь не упрекалъ московскую знать въ попыткахъ ограничить его самодержавіе, но обвинялъ бояръ только въ томъ, что они, пользуясь его малолѣтствомъ, взяли изъ царскаго дворца серебряную посуду, а также и въ томъ, что они прибирали къ своимъ рукамъ деньги и земли.

Имущественная зависимость отъ верховной власти служилыхъ людей, хотя и бывшихъ по своимъ должностямъ знатнѣйшими особами въ государствѣ, неблаговидно проявлялась и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ такъ называемое смутное время даже столбы московскаго боярства, не говоря уже

о другихъ менѣе значительныхъ лицахъ, спѣшили, наперерывъ одинъ передъ другимъ, выпрашивать у короля польскаго Сигизмунда „деревнишекъ“, униженно называя себя при этомъ его „холопами“. Въ числѣ такихъ унижавшихся просителей встрѣчаются: бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Василій Масальскій, князь Юрій Хворостининъ, бояринъ и намѣстникъ Владимірскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ и многія другія менѣе замѣтныя личности. Съ такою цѣлью отправлялись нѣкоторые изъ нихъ и въ Тушинскій станъ, надѣясь на легкую поживу. Нельзя сказать, чтобы король Сигизмундъ былъ скупъ на подобныя раздачи. Такъ онъ между прочимъ, кромѣ даннаго обѣщанія Салтыковымъ пожаловать имъ помѣстья и вотчины, приказалъ боярской думѣ возвратить отобранныя у нихъ деревни съ денежнымъ вознагражденіемъ за претерпѣнное разореніе, а также дозволилъ имъ выбрать лучшіе дома въ Москвѣ. Когда же одинъ изъ Салтыковыхъ, Михаилъ Глѣбовичъ, пользуясь благорасположеніемъ къ нему короля и прикрываясь его именемъ, захватилъ самовольно богатыя и обширныя помѣстья Годуновыхъ, то король испугался такого своеволія; но Салтыковъ успоковивалъ его, говоря, что на Москвѣ и не за то смутъ не бываетъ.

Вообще попрошайство о дачѣ помѣстій, вотчинъ и денегъ проходитъ весьма замѣтной полосой черезъ всю исторію нашихъ частныхъ богатствъ. Даже въ XVIII вѣкѣ самые извѣстные русскіе богачи, обращаясь къ государямъ и государынямъ съ просьбами о новыхъ или прибавочныхъ пожалованіяхъ, прикидывались бѣдняками, умоляя „рабски“ и „слезно“ смиловаться надъ ихъ убожествомъ, сиротствомъ, нищетою и горестнымъ положеніемъ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что бѣдность старинной нашей знати была одною изъ главныхъ причинъ, породившихъ у насъ взяточничество, лихоимство, казнокрадство и злоупотребленія разнаго рода въ огромныхъ размѣрахъ. Лица, поставленныя на высокія государственныя должности, не имѣвшія сами по себѣ обезпечивавшаго ихъ состоянія и не получавшія отъ правительства необходимой матеріальной поддержки,

старались составить себѣ достатокъ иными, незаконными способами. Такіе способы все болѣе и болѣе входили въ обычай и обращались въ привычку.

До чего у всѣхъ обычно было поползновеніе поживиться на чужой счетъ, это видно изъ письма царя Алексѣя Михайловича къ архіепископу Новгородскому, впослѣдствіи патріарху, Никону. Царь, разсказывая въ этомъ письмѣ объ описи имущества умершаго патріарха Іосифа, писалъ: „Не много я не покусился на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими святыми молитвами; ей! ей! ни до чего не дотронулся".

Примѣры нечестной разживы, подаваемые высшими лицами, не только заражали, но и оправдывали тѣхъ, кто стоялъ ниже ихъ въ служебной іерархіи и пользовался должностнымъ положеніемъ для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ. По поводу такой незаконной разживы, одинъ изъ добросовѣстныхъ сотрудниковъ Петра Великаго, генералъ Генингъ, управлявшій горною частію въ Сибири, писалъ ему: „Ты, государь, не жалѣй здѣсь управителямъ дать довольное жалованіе для того, что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякій хочетъ, и хотя бы и добрый человѣкъ, да, не имѣя пропитанія, принужденъ неправильнымъ питаться; сперва возьметъ только для нужды, а потомъ въ богатство, и такъ у тебя много пропадаетъ и людямъ въ разореніе, да и тѣ, собравъ, также не толстѣютъ". До какой степени однако государи иной разъ были невнимательны къ нуждамъ даже самыхъ высшихъ сановниковъ, можно заключить между прочимъ изъ слѣдующаго:

Представитель въ Польшѣ царя Ѳедора Алексѣевича, думный дворянинъ Тяпкинъ, долженъ былъ ѣхать на коронацію Яна Собѣсскаго изъ Варшавы въ Краковъ, но денегъ у него не было ни гроша. „Занять безъ закладу не добуду,—доносилъ Тяпкинъ царю,—а заложить нечего. Одна была ферезишка подъ золотомъ, да и та у мѣщанина пропадаетъ въ закладѣ, потому, что выкупить нечѣмъ. Выбраться не на чемъ въ люди, лошадь пала, придется и самому издохнуть отъ скудости".

При этомъ Тяпкинъ высказывалъ и господствовавшее въ его время понятіе о царѣ, не только какъ о верховномъ пра-

вителѣ государства, но и какъ о раздавателѣ вещественныхъ благъ. Сравнивая порядки, бывшіе въ Польшѣ, съ порядками, существовавшими въ его отечествѣ, Тяпкинъ писалъ: „Не такіе тутъ порядки, что въ государствѣ московскомъ, гдѣ какъ привѣтное солнце въ небеси единый монархъ и государь во вселенной просвѣщается и своимъ государскимъ повелѣніемъ яко солнечными лучами всюду единъ сіяетъ; единаго слушаемъ, единаго боимся, единому служимъ всѣ; онъ единъ даетъ и отнимаетъ по данной свыше государю благодати".

Надѣленіе достаткомъ, а иной разъ, по ограниченнымъ потребностямъ стараго времени, и излишнимъ богатствомъ великіе князья московскіе тѣсно связали съ своими политическими видами. Они очень хорошо понимали, что небогатая и притомъ постоянно находящаяся на глазахъ государя знать не можетъ быть ему опасна, а потому они, въ первое время по утвержденіи московскаго единодержавія, давали знатнымъ боярамъ помѣстья около Москвы. Такъ Иванъ III отдалъ болѣе семи тысячамъ тяглыхъ людей помѣстья въ разныхъ областяхъ государства, а двадцати восьми своимъ боярамъ пожаловалъ до 300,000 десятинъ въ окрестностяхъ Москвы. Современемъ цѣнность подмосковныхъ помѣстій сдѣлалась весьма значительна, но не вслѣдствіе особенной ихъ доходности, но только вслѣдствіе близости ихъ къ царскому двору, около котораго искали всѣ чаявшіе чего нибудь для своихъ выгодъ. Въ этомъ отношеніи исторія нашихъ частныхъ богатствъ чрезвычайно разнится отъ исторіи такихъ же богатствъ въ государствахъ западной Европы. Тамошняя аристократическая, а не только служилая, знать являлась ко двору государей для того, чтобъ, поддерживая его блескъ, проживать наслѣдственное свое достояніе. Такимъ, напримѣръ, образомъ при пышномъ дворѣ Людовика XIV разорились самыя знатныя фамиліи Франціи. У насъ же, наоборотъ,—близость ко двору внушала пріятныя надежды на разживу, и надежды эти, какъ мы увидимъ, осуществлялись очень часто.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Населенныя имѣнія.—Употребленіе громадныхъ капиталовъ на покупку такихъ имѣній.—Обращеніе богатствъ, нажитыхъ простолюдинами, въ дворянскія богатства.—Богачи-полудворяне.—Значеніе посессіоннаго права въ развитіи нашихъ частныхъ богатствъ.—Горнозаводскіе промыслы.—Замѣтка о богатствѣ Лихачевыхъ.—Сравненіе прежняго времени съ нынѣшнимъ.—Русскіе банкиры.—Взяточничество, лихоимство, казнокрадство и подкупы.—Нажива губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ.—Положеніе торговыхъ людей.—Новгородскіе богачи.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій.

Самымъ главнымъ и сравнительно самымъ прочнымъ родовымъ богатствомъ частныхъ лицъ въ Россіи были земли, населенныя со временъ царя Ѳедора Ивановича крѣпостными крестьянами. Такія имѣнія сдѣлались впослѣдствіи исключительною принадлежностію потомственнаго дворянства. Въ былую пору, при слишкомъ слабомъ развитіи у насъ такихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которыя могли бы приносить значительную прибыль, и при несуществованіи другихъ видовъ доходной недвижимой собственности, населенныя крѣпостными крестьянами имѣнія сдѣлались самымъ заманчивымъ пріобрѣтеніемъ для людей богатыхъ. Права владѣть ими добивался каждый разжившійся простолюдинъ, пріобрѣтая или прямо за деньги или за большія пожертвованія, при посредствѣ своихъ милостивцевъ и покровителей, гражданскіе чины, приносившіе потомственное дворянство. Страсть дѣлаться помѣщиками была въ особенности сильна съ половины прошлаго столѣтія, и разбогатѣвшіе откупщики обращались обыкновенно въ крупныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ по десяти,

а иногда даже и по двадцати слишкомъ тысячъ душъ крестьянъ. Въ богатыхъ же помѣщиковъ обращались и разживавшіеся купцы, и такіе же заводчики. Такой переходъ вновь явившихся у насъ богачей изъ низшихъ сословій въ высшее произвелъ то, что почти всѣ богатства, составлявшіяся у насъ первоначально въ кругу торговой или промышленной дѣятельности, дѣлались богатствами дворянскими, если и не при первыхъ ихъ пріобрѣтателяхъ, то при ближайшихъ ихъ наслѣдникахъ, которые большею частію, отказываясь отъ того, чѣмъ занимались ихъ отцы или дѣды, проживали на барскій ладъ доставшіяся имъ богатства.

Представители этихъ богатствъ вступали, безъ особыхъ затрудненій, въ родственныя связи съ знатными родами, а дѣти и внуки ихъ нерѣдко занимали видныя мѣста среди старинаго и богатаго нашего дворянства. Къ числу такихъ фамилій принадлежатъ между прочимъ фамиліи: горнозаводчиковъ Демидовыхъ и Баташевыхъ, откупщиковъ Устиновыхъ и Рюминыхъ, фабрикантовъ Гончаровыхъ, купцовъ Варенцовыхъ, занимавшихся издѣліемъ ножеваго товара, суконныхъ фабрикантовъ Тулиновыхъ и заводчиковъ Мальцевыхъ. Если же самому разжившемуся простолюдину не удавалось почему либо выдти или вывести своихъ сыновей въ дворяне, то этихъ послѣднихъ старались сдѣлать полудворянами. Съ такою цѣлью ихъ женили на дворянскихъ дочеряхъ, хотя бы и совершенно бѣдныхъ, и потомъ на имя ихъ женъ покупали большія населенныя имѣнія, въ ожиданіи пока мужья ихъ или ихъ дѣти не пріобрѣтутъ сами, какъ потомственные дворяне, права владѣть имѣніями этого рода.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что у насъ считаютъ извѣстное богатство Лихачевыхъ купеческимъ богатствомъ, но это ошибочно. Богачи Лихачевы — представители древней боярской фамиліи, польскаго происхожденія. Родоначальникъ ихъ выѣхалъ въ Россію въ 1424 году, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ предки ихъ занимали видныя придворныя должности. Главная же часть ихъ богатства досталась отъ князя Потемкина, сестра котораго была за однимъ изъ Лихачевыхъ. Впослѣдствіи же богатство этихъ Лихачевыхъ было увеличено полковникомъ кавалергардскаго полка И. В. Лихачевымъ (1800—1870),

совершено случайно занявшимся винными откупами при содѣйствіи В. А. Кокорева. У покойнаго И. В. Лихачева родовое имѣніе состояло изъ 6,000 душъ, а въ настоящее время двое сыновей, сверхъ доставшихся имъ капиталовъ, владѣютъ заповѣдными имѣніями или майоратами, изъ которыхъ каждый майоратъ представляетъ стоимость 1.000,000 рублей, въ видѣ поземельной собственности въ разныхъ губерніяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія подобные переходы встрѣчались и въ другихъ государствахъ Европы, но тамъ они составляли довольно рѣдкое исключеніе, потому что тамошніе представители торговыхъ и промышленныхъ классовъ, образуя изъ себя особыя самостоятельныя, и въ политическомъ отношеніи даже сильныя, корпораціи, и сами не очень желали, да и не такъ легко, какъ у насъ, могли переходить въ высшее сословіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обращать свои капиталы на пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній. У насъ же и гражданская и общественная обстановка упомянутыхъ сословій была до такой степени неблагопріятна, что представители ихъ поневолѣ должны были стараться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе обезпечить положеніе и свое собственное и своего семейства, примкнувъ къ дворянству съ тѣхъ поръ, какъ оно, сравнительно съ прочими сословіями, получило особыя вольности, права и преимущества. Такой переходъ, по прежнимъ узаконеніямъ, былъ вовсе не труденъ, и онъ представлялся тѣмъ болѣе удобнымъ, что коммерческіе обороты были у насъ слишкомъ слабы, а спекуляціи разнаго рода вовсе ненадежны, тогда какъ обращеніе удачно-нажитыхъ богатствъ на покупку дворянскихъ имѣній было дѣломъ не только болѣе прочнымъ, но даже и болѣе прибыльнымъ, не говоря уже объ удовлетвореніи суетности и тщеславія.

Надобно впрочемъ замѣтить, что со временъ Петра Великаго у насъ явилось нѣчто среднее между помѣстнымъ дворянскимъ и денежнымъ купеческимъ богатствами, а именно: заводы и фабрики, состоявшіе на такъ называемомъ посессіонномъ правѣ. Собственники такихъ заводовъ и фабрикъ, какъ дворяне, такъ равно и купцы, могли владѣть крестьянами, приписанными на вѣчныя времена къ посессіоннымъ фабрикамъ и заводамъ. Установившійся же вслѣдствіе этого крѣпостной,

а потому и дешевый, трудъ содѣйствовалъ весьма много образованію громадныхъ богатствъ, принадлежавшихъ нѣкоторымъ заводчикамъ и фабрикантамъ, которые однако, какъ мы замѣтили выше, или сами, или ихъ ближайшіе наслѣдники, переходили обыкновенно въ дворянство. Богатѣйшими изъ владѣльцевъ посессіонныхъ заводовъ сдѣлались въ прошломъ столѣтіи тѣ, которымъ принадлежали чугунные, желѣзные и мѣдно-плавильные заводы. Не ошибаясь можно сказать, что и до сихъ поръ еще самыми богатыми у насъ фамиліями считаются тѣ, къ которымъ перешли по наслѣдству или по покупкѣ упомянутые заводы. По крайней мѣрѣ это было такъ до отмѣны крѣпостнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательнаго труда на заводахъ, хотя и тогда многіе заводы по причинѣ дурнаго управленія или разстраивались, или приходили въ упадокъ.

Кромѣ того въ прежнее время источниками къ составленію значительныхъ богатствъ служили разные казенные откупа: таможенные, заставные и преимущественно винные, а также казенные подряды и поставки, а позднѣе и золотые пріиски. О концессіяхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, такъ быстро обогатившихъ на нашихъ глазахъ нѣсколькихъ лицъ, въ былую пору, разумѣется, не могло быть и помину; точно такъ же какъ и объ устройствѣ различныхъ акціонерныхъ обществъ и замысловатыхъ банковъ, причемъ, какъ извѣстно, учредители и тѣхъ и другихъ успѣваютъ захватить въ свои руки львиную долю. Въ прежнее время у насъ не существовало и биржевой игры, представляющей нынѣ возможность если и не сдѣлаться большимъ богачомъ, то все же, при счастіи, пріобрѣсть болѣе или менѣе порядочное состояніе. Наконецъ и о правительственныхъ займахъ съ громаднымъ выигрышемъ не имѣли въ былую пору никакого понятія. Банкирскія операціи были прежде у насъ чрезвычайно слабы, да и тѣ немногія извѣстныя банкирскія фирмы, которыя дѣйствовали въ Россіи, принадлежали иностраннымъ негоціантамъ или евреямъ. Собственно же русскихъ банкирскихъ фирмъ до конца XVIII столѣтія было только двѣ—Соловьева въ Амстердамѣ и московскаго купца, а потомъ барона, Николая Роговикова. Прочіе же извѣстные банкиры въ Россіи, до ба-

рона Штиглица, были: Липманъ, Сутерландъ, Фридериксъ и Раль, лица не-русскаго происхожденія. Въ настоящее же время самыя видныя банкирскія богатства въ Россіи сосредоточились въ рукахъ евреевъ.

Внѣ мирныхъ занятій война служила источникомъ обогащенія для подрядчиковъ и поставщиковъ. Этимъ способомъ болѣе другихъ разжились купцы Шемякинъ, Фалѣевъ и Фридериксъ. Военная добыча также иногда обогащала русскихъ военачальниковъ, потому что прежде въ завоеванной странѣ забирали все, что только можно было взять. Такъ, напримѣръ, въ „Собраніи Государственныхъ Граматъ и Договоровъ“ упоминается, что во время войны Россіи съ Польшей, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, „разные люди поимали въ полонъ и вывезли въ Россійское государство польскаго и литовскаго народа всякихъ чиновъ мужескаго и женскаго пола многія сотъ тысячи, также и костельныхъ всякихъ утварей и украшеній“. При заключеніи Андрусовскаго мира были отпущены въ Польшу только шляхтичи и духовные, а другіе остались въ Россіи и обратились въ крѣпостныхъ людей. Позднѣе часть громаднаго богатства графовъ Шереметевыхъ составилась при безпощадномъ разгромѣ Лифляндіи генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ тоже вывезъ немало богатствъ изъ Польши. Адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, явясь въ 7 миляхъ отъ Стокгольма, пріобрѣлъ военной добычи, оцѣненной на 1.000,000 рублей, изъ которой ему самому досталась немалая часть. Справедливость требуетъ сказать, что въ доброе старое время немало было такихъ, и высокихъ и низшихъ, мирныхъ должностей, на которыхъ люди при легкой въ ту пору сдѣлкѣ съ совѣстію, въ короткое время становились богачами. Управленіе приказами, особенно помѣстнымъ, сильно обогащало бояръ и дьяковъ; потомъ президентство въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, преимущественно въ военной, адмиралтейской и вотчинной, было тоже чрезвычайно выгодно. Управленіе губерніями и провинціями вело къ большой разживѣ. Поборы и взяточничество не считались въ общественномъ мнѣніи важными преступленіями, пятнающими

доброе имя; правительство же слишкомъ снисходительно смотрѣло на все это, и на воеводство прямо просились для того, чтобы кормиться. Фельдмаршалъ Минихъ въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ, что императрица Анна Ивановна, по своей уживчивости съ людьми, снисходительно смотрѣла на неправую разживу своихъ министровъ. При императрицѣ Елизаветѣ было то же самое, и даже, какъ можно заключать изъ сочиненія князя Щербатова, снисходительность въ этомъ случаѣ со стороны государыни была еще болѣе.

Изъ всѣхъ частей мѣстнаго управленія особенно лакомой приманкой была Сибирь. Въ старину правительство смотрѣло на Сибирь только какъ на доходную статью или какъ на свою оброчную деревню, и потому чѣмъ болѣе доставлялось оттуда казнѣ, тѣмъ лучше считалось тамошнее управленіе, хотя на дѣлѣ оно было рядомъ нескончаемыхъ злоупотребленій со стороны главныхъ правителей и прочихъ властей. На должности сибирскихъ губернаторовъ разжились чрезвычайно князь Гагаринъ и князья Черкасскіе, но и кромѣ ихъ можно указать на нѣкоторыя и теперь еще существующія у насъ фамиліи, давнишніе представители которыхъ были на сибирскомъ губернаторствѣ и потому оставили своимъ наслѣдникамъ весьма значительное пріобрѣтенное ими богатство.

Изъ оффиціальныхъ актовъ извѣстно, что губернаторы брали въ прежнее время большіе подарки и получали по своимъ должностямъ значительные доходы. Такъ, напримѣръ, одна лишь бердичевская ярмарка приносила губернатору ежегодно дохода до 30,000 рублей; вице-губернаторы, въ качествѣ предсѣдателей казенныхъ палатъ, успѣвали собирать значительные капиталы, а одинъ совѣтникъ могилевской казенной палаты, изъ самыхъ бѣдныхъ полоцкихъ мѣщанъ, съумѣлъ на своей неважной должности пріобрѣсти домъ, 300 душъ крестьянъ и составить капиталъ въ 200,000 рублей.

Лихоимство и казнокрадство были также въ сильномъ ходу. Бо́льшая часть и тѣхъ и другихъ проходила безнаказанно, но иногда вызывала и крутую расправу съ виновными. Такъ въ 1722 году былъ битъ кнутомъ воронежскій губернаторъ, бывшій потомъ герольдмейстеромъ, Колычевъ за лихоимство, которое доходило до 700,000 рублей. При Петрѣ

же Великомъ, не смотря на всю его безпощадную строгость и бдительность, оберъ-фискалъ Нестеровъ, слѣдовательно главный блюститель интересовъ казны, не побоялся похитить у нея 300,000 рублей. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ сенаторъ Сукинъ былъ обвиненъ въ томъ, что взялъ 10,000 рублей съ поставщиковъ во время персидскаго похода и дозволялъ имъ за это разныя злоупотребленія; при ней же иркутскому губернатору Жолобову, нажившему на своей должности въ короткое время болѣе 40,000 рублей, была отрублена голова за лихоимство.

Даже самые близкіе къ государямъ люди, какъ-то: князь Меншиковъ, графъ Головкинъ и Шафировъ, и тѣ разживались крайне-нечестными способами. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда устроивался бракъ наслѣдника, великаго князя Петра Ѳедоровича, саксонскій дворъ домогался, чтобы онъ женился на принцессѣ Маріаннѣ, второй дочери короля польскаго и курфирста саксонскаго Августа. По поводу бывшихъ въ это время министерскихъ подкуповъ, Фридрихъ Великій, знавшій очень хорошо всѣ тайны европейскихъ кабинетовъ, писалъ: „Русскій министръ Бестужевъ-Рюминъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, еслибы у кого нибудь нашлось довольно денегъ, чтобы купить ее“. Даже въ царствованіе императрицы Екатерины II,—въ вѣкъ кажущійся достаточно просвѣщенный,—окружавшіе государыню сановники хватали гдѣ только могли и не брезгали даже довольно малыми суммами. Такъ придворный брилліантщикъ Позье въ запискахъ своихъ говоритъ, что онъ былъ вынужденъ дать, для скорѣйшаго полученія слѣдовавшихъ ему отъ двора денегъ, статсъ-секретарю императрицы Олсуфьеву 200 рублей, такъ какъ, добавляетъ Позье, я зналъ, что онъ безъ этого ничего не сдѣлаетъ. Говоря о вліяніи того же Олсуфьева на канцлера графа Воронцова, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Чарльсъ Гинбюри, писалъ въ Лондонъ, что за 500 дукатовъ чистыми деньгами и за 500 дукатовъ пенсіона онъ можетъ располагать Олсуфьевымъ и извлечь изъ него пользу. Сообщая о злоупотребленіяхъ, бывшихъ при дворѣ Екатерины II, князь Щербатовъ между прочимъ пишетъ: „Построитъ ли кто домъ на данныя отъ нея отчасти деньги

или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на люменаціи пишетъ: „твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая“, или подписываетъ на домѣ: „щедротами Великія Екатерины“, забывая припомнить—но разореніемъ Россіи“.

Въ способахъ незаконной наживы военное вѣдомство не отставало въ старину отъ гражданскаго. На командуемый полкъ командиръ смотрѣлъ не иначе, какъ на свое собственное имѣніе, извлекая изъ него всевозможные доходы, а солдаты не только въ обыкновенныхъ случаяхъ замѣняли крѣпостную прислугу, но и ходили цѣлыми полками обстроивать усадьбы своихъ начальниковъ-помѣщиковъ. Генералъ Ковальскій въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія каждый кавалерійскій полкъ давалъ своему командиру ежегоднаго дохода до 100.000 рублей ассигнаціями.

Вообще же о томъ, до какой степени вошло у насъ въ привычку живиться на казенный или общественный счетъ, можно видѣть между прочимъ изъ того, что даже такой, повидимому, вполнѣ безупречный человѣкъ, какъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, и тотъ былъ не прочь злоупотребить иной разъ своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ. Такъ, будучи петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, онъ истребовалъ отъ города болѣе 1.000.000 рублей на постройку для себя въ Екатерингофѣ лѣтняго увеселительнаго дома, гдѣ онъ, какъ завѣдывавшій театрами, началъ давать роскошные праздники хорошенькимъ актрисамъ. Привычка пользоваться для своихъ выгодъ оффиціальнымъ положеніемъ укоренилась у насъ до такой степени, что, какъ мы видимъ это и нынѣ, чиновныя лица, обезпеченныя вполнѣ достаточнымъ содержаніемъ, получаемымъ отъ правительства, продавали свое служебное вліяніе подъ благовиднымъ прикрытіемъ, участвуя въ разныхъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ. Въ сущности такая нажива денегъ представляетъ ни что иное, какъ только прежнее взяточничество и лихоимство.

Торговля и промышленность въ до-петровское время рѣдко служили источникомъ большаго обогащенія. При ничтожныхъ торговыхъ оборотахъ внутри государства, коренное наше купечество находилось въ бѣдномъ положеніи. Внѣшній же торгъ

былъ захваченъ сперва англичанами, а потомъ голландцами и нѣмцами. На земскихъ соборахъ, происходившихъ въ XVII столѣтіи, постоянно слышались жалобы на бѣдственное состояніе русской торговли. Такъ на соборѣ, бывшемъ въ 1642 году, гости и торговые люди заявляли государю: „Мы, холопы твои, торговые гостинной и суконной сотни людишки, за нами нѣтъ вотчинъ, а отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ смоленскую службу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца. Наши торжишки отняли иноземцы, нѣмцы и кизельбашцы (персіяне), оскудѣли мы отъ воеводскаго задержанія и насильства“. Впрочемъ въ прежнее время торговля наша терпѣла не только отъ иноземцевъ и воеводъ, но на застой ея имѣло иногда вліяніе даже самое грубое суевѣріе. Такъ напримѣръ, въ 1632 году, при дошедшихъ въ Москву слухахъ о томъ, что какая-то колдунья наговариваетъ на хмѣль, привозимый изъ Литвы въ Россію, запрещено было скупать тамъ хмѣль подъ угрозою смертной казни. Уже одно такое правительственное распоряженіе даетъ весьма ясное понятіе о томъ, подъ вліяніемъ какихъ нелѣпыхъ воззрѣній могла слагаться въ былое время наша экономическая жизнь, въ какомъ положеніи должны были находиться наши торговые интересы и какъ трудно было пріобрѣтать богатство среди разныхъ неблагопріятныхъ условій, а между прочимъ и въ виду возможности появленія подобныхъ ограничительныхъ и грозныхъ указовъ. Кромѣ того, торговля наша была чрезвычайно стѣснена и тѣмъ еще, что съ половины XVII вѣка у правительства все было на откупу: деготь, уголь, рогожа, шлеи, хомуты, проруби, бани. Оно же обратило въ свою монополію: юфть, ленъ, пеньку, соль и сало.

Не смотря однако на все это, у насъ являлись въ то время, хотя и весьма рѣдко, богатые торговцы. Котошихинъ говоритъ, что у иныхъ гостей торговъ было на сто тысячъ рублей. Такимъ богатымъ гостемъ, былъ, вѣроятно, жившій въ смутное время въ Ярославлѣ солепромышленникъ Данило Эйловъ, голландецъ по происхожденію, но православный по вѣрѣ. Онъ былъ настолько богатъ, что могъ на собственный свой счетъ составить цѣлую дружину и присоединить ее къ ярославскому ополченію, шедшему на избавленіе Москвы отъ поляковъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изъ богатыхъ русскихъ купцовъ намъ извѣстны гость Василій Шоринъ и купецъ Антонъ Лаптевъ. Первый изъ нихъ навлекъ на себя, какъ сборщикъ пятинной деньги, всеобщую ненависть москвичей, и разъяренная толпа самымъ дерзкимъ образомъ требовала у царя его выдачи на народную расправу. Что же касается купца Лаптева, то онъ, какъ человѣкъ весьма предпріимчивый, хотѣлъ дать своимъ капиталамъ болѣе широкіе обороты. Съ этою цѣлью онъ повезъ въ Германію различные русскіе товары на большую сумму, но нѣмцы у него ничего не купили, „для того чтобы—какъ сказано было въ жалобѣ на нихъ Лаптева—инымъ торговымъ русскимъ людямъ ѣздить къ нѣмцамъ было неповадно“. Вообще же въ исходѣ XVII столѣтія русскіе купцы жаловались царю, что „отъ нѣмцевъ быть имъ въ вѣчной нищетѣ и скудости“.

Протоколы верховнаго тайнаго совѣта свидѣтельствуютъ, что и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не смотря на многія поощренія, оказанныя Петромъ Великимъ русскому купечеству, оно находилось въ крайне-бѣдственномъ положеніи, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, содѣйствовавшихъ его разоренію. Замѣчательныя купеческія богатства стали составляться во второй половинѣ XVIII столѣтія, да и то не столько вслѣдствіе торговли, сколько вслѣдствіе откуповъ и казенныхъ подрядовъ.

Вполнѣ богатые дѣятельные торговые люди являлись въ отдаленную пору только въ вольномъ Новгородѣ. Торгъ съ ганзеатическими городами далъ возможность возникнуть въ этомъ городѣ весьма богатому по тому времени купечеству. Въ особенности новгородцы успѣвали разживаться торговлею мѣхами, которые прежде чрезвычайно дорого цѣнились во всей Европѣ. Эта выгодная торговля побуждала новгородцевъ къ завоеваніямъ на сѣверѣ, какъ въ мѣстностяхъ изобиловавшихъ пушнымъ звѣремъ. Изъ новгородцевъ былъ особенно извѣстенъ своимъ богатствомъ посадникъ Своеземцевъ. Онъ въ 1315 году купилъ шенкурскую землю за 20,000 бѣлокъ. Впослѣдствіи въ Шенкурье или въ Вагу стали выселяться зажиточные новгородскіе бояре, и среди ихъ фамилія Своеземцевыхъ по своему богатству въ XIV и XV столѣтіяхъ не уступала фамиліи Строгоновыхъ. Намъ не удалось однако найти никакихъ свѣдѣній

о томъ, какъ разсѣялось или куда перешло по наслѣдству богатство Своеземцевыхъ, которое, какъ надобно полагать, было однимъ изъ громаднѣйшихъ и древнѣйшихъ въ Россіи.

Говоря о разныхъ видахъ преступной разживы, должно замѣтить, что—какъ гласитъ преданіе, сомнѣваться въ достовѣрности котораго нѣтъ достаточныхъ основаній—у насъ средствомъ къ составленію нѣсколькихъ значительныхъ богатствъ послужила и поддѣлка ассигнацій. Если даже въ самое недавнее время—какъ это было видно изъ одного уголовнаго процесса, происходившаго въ московскомъ окружномъ судѣ—ловкіе люди успѣли поддѣлать нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ на 200,000 рублей, то понятно, что въ прежнее время, — при мѣньшихъ въ техническомъ отношеніи затрудненіяхъ такой поддѣлки, при болѣе слабой бдительности разныхъ властей и при меньшей понятливости народа въ этихъ дѣлахъ—поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ ассигнацій могли производиться съ успѣхомъ въ большихъ размѣрахъ.

Попытка къ этому не замедлила обнаружиться вскорѣ по введеніи у насъ, въ 1769 году, бумажныхъ денегъ. Такъ, по указу сената, отъ 25 октября 1772 года, приговорены были къ смертной казни: капитанъ Сергѣй Пушкинъ и членъ мануфактуръ-коллегіи Пушкинъ за попытку провезти изъ-за границы въ Россію фальшивыя ассигнаціи. Но по конфирмаціи императрицы Екатерины II приговоръ этотъ былъ смягченъ, и первому изъ виновныхъ назначено было вѣчное заточеніе въ отдаленномъ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ, а второй, какъ менѣе виновный, былъ сосланъ въ Тобольскъ. Извѣстный генералъ-адъютантъ и богачъ Зоричъ, имѣвшій нѣкоторое время большое значеніе при дворѣ Екатерины II, былъ, какъ говоритъ статсъ-секретарь Храповицкій, также не безгрѣшенъ въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій, заготовленныхъ его пріятелями, графами Зановичами.

Въ недавнее время молва—неизвѣстно справедливо или ложно—приписывала такой способъ разживы одному изъ извѣстнѣйшихъ еврейскихъ богачей.

Случаи обогащенія фальшивыми ассигнаціями относятся преимущественно къ 1812 году, когда вдругъ появились въ Москвѣ громадные купеческіе капиталы у лицъ, до того времени со-

вершенно бѣдныхъ и не занимавшихся никакими значительными коммерческими предпріятіями. Разсказывали, что этимъ внезапно появившимся богачамъ удалось захватить въ свои руки фальшивыя ассигнаціи, ввезенныя Наполеономъ I въ Москву въ огромномъ количествѣ, и потомъ, по причинѣ отличной ихъ отдѣлки, пустить безнаказанно въ ходъ какъ настоящія „бумажки“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Раздача помѣстій и вотчинъ.— Верстаніе землями.—Устройство царями Михаиломъ и Алексѣемъ своихъ имущественныхъ дѣлъ.— Родовое имѣніе Петра Великаго.—Частная собственность, принадлежавшая императрицамъ Екатеринѣ I, Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ.— Удѣльныя имѣнія.—Приданое великой княгини Екатерины Павловны.— Обращеніе помѣстій въ вотчины.— Свѣдѣнія о богатствѣ частныхъ лицъ, сообщаемыя Котошихинымъ.— Раздѣлы вотчинъ.— Разные роды наградъ.— Распредѣленіе помѣстій въ 1699 году.— Законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи въ дворянскихъ имѣніяхъ.— Причины, вызвавшія этотъ законъ.— Учрежденіе перваго добровольнаго майората въ Россіи.

Въ прежнее время поземельная собственность, и въ особенности населенная крѣпостными людьми, была главнымъ видомъ нашихъ частныхъ богатствъ. Собственность же эта пріобрѣталась чрезъ пожалованіе помѣстьями и вотчинами. Такимъ образомъ пріобрѣтены были частными лицами всѣ недвижимыя населенныя имѣнія не только въ Великой Россіи, но и въ Малороссіи, и въ Новороссійскомъ краѣ и въ Западномъ краѣ, подвластномъ прежде Польшѣ. Только Сибирь и крайніе сѣверные предѣлы Россіи составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Въ Сибири не было помѣстныхъ владѣльцевъ, и дворяне никогда не покупали тамъ дешево стоившихъ прежде земель для населенія ихъ своими крестьянами, какъ это дѣлали они въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было много простора и мало населенія. Безъ всякаго сомнѣнія причиною тому была отдаленность Сибири отъ центровъ нашего помѣщичества, не наводившая даже на мысль о возможности такого предпріятія.

При московскихъ царяхъ помѣстья давались служилымъ людямъ вмѣсто денежнаго жалованья, съ ограниченіемъ въ нѣ-

которыхъ случаяхъ правъ отчужденія такихъ имѣній, а также и передачи ихъ прямымъ наслѣдникамъ. При этомъ однако допускался обмѣнъ помѣстій по обоюдному соглашенію между владѣльцами. Вотчинами же цари, а впослѣдствіи императоры и императрицы, до вступленія на престолъ Александра Павловича, жаловали безъ всякаго ограниченія въ правахъ на владѣніе и распоряженіе ими. Ограниченіе относилось только къ непередачѣ наслѣдственныхъ вотчинъ въ чужой родъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Иногда вмѣсто вотчинъ выдавались до Петра Великаго деньги изъ царской казны на покупку вотчинныхъ имѣній, которыя пріобрѣтались впрочемъ и на собственныя деньги бояръ и другихъ служилыхъ лицъ, или переходили къ нимъ по наслѣдству или доводились въ приданое за ихъ женами. Вообще же вотчинное право имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи нашихъ частныхъ богатствъ, такъ какъ это право служило главною основою для пріобрѣтенія населенныхъ имѣній и сліянія ихъ въ большихъ размѣрахъ во владѣніи какого нибудь отдѣльнаго лица или какой либо фамиліи.

Помѣстьями награждались духовныя лица и всѣ состоявшіе какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, начиная отъ самыхъ знатнѣйшихъ вельможъ и кончая самыми низшими чинами въ государствѣ. Когда царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ 1551 году, пожелалъ усилить военныя средства Россіи съ тѣмъ, чтобы во всякое время имѣть готовое войско, то онъ роздалъ 1078 лицамъ 151,200 четвертей въ мѣстахъ, лежавшихъ въ 60 и 70-ти верстахъ отъ Москвы. Эти новые помѣщики обязаны были, по требованію государя, являться на войну въ извѣстномъ вооруженіи и съ необходимыми жизненными припасами. Розданныя на первый разъ помѣстья были весьма незначительны, такъ какъ на каждаго изъ получившихъ ихъ приходилось отъ 100 до 150,—и наконецъ самое большое до 200 четвертей земли *). Помѣстья эти не могли считаться хорошимъ состояніемъ и потому еще, что требовав-

*) Въ старину у насъ пространство пашенныхъ земель опредѣлялось не десятинами, а хлѣбными мѣрами, по количеству производимаго на нихъ посѣва четвертями и четвериками. Каждая обыкновенная четверть заключала въ себѣ $1^1/_{27}$, а въ дикихъ поляхъ по 2 десятины.

шаяся съ нихъ воинская повинность была чрезвычайно обременительна.

Впослѣдствіи стали верстать помѣстнымъ окладомъ такъ называемыхъ „новиковъ“ для обезпеченія ихъ содержанія какъ людей служилыхъ. Съ возвышеніемъ служебной степени возвышались и помѣстные оклады, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу распространялось и помѣстное право по всей Россіи, такъ какъ вновь жалуемымъ назначались помѣстья не только около Москвы, но и далѣе, въ „дикихъ поляхъ“, гдѣ каждый имѣлъ право отыскивать себѣ помѣстье по своему выбору. Около же Москвы раздавались попрежнему помѣстья только боярамъ и знатнымъ лицамъ. Вмѣстѣ съ помѣстьями поступали иногда въ частное владѣніе озера, бобровые гоны, рыбныя ловли. Цѣнность и доходность помѣстій и вотчинъ поднялись при укрѣпленіи крестьянъ за помѣщиками.

Разумѣется, что богатѣйшими вотчинниками въ Россіи были сами цари. Въ отношеніи пріобрѣтенія родоваго богатства, первые государи изъ дома Романовыхъ держались политики своихъ предшественниковъ на московскомъ престолѣ. Такъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, не смотря на свой слишкомъ юный возрастъ, руководимый безъ всякаго сомнѣнія людьми опытными, неохотно шелъ на царство до тѣхъ поръ, пока не было обезпечено его личное состояніе. Ему недостаточно было, чтобы бояре служили ему какъ государю „безъ всякаго позыбанія“, но онъ вслѣдствіе росписи, присланной ему земскимъ соборомъ, писалъ въ Москву: „По этой росписи хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ мало для обихода нашего, того не будетъ и на пріѣздъ нашъ; денегъ въ сборѣ нѣтъ, наши дворцовыя села розданы были въ помѣстья или запустошены“. Указывая на это, онъ требовалъ, чтобы прежде всего привели въ надлежащій порядокъ его хозяйственныя и денежныя дѣла. Послѣднія однако были такъ плохи, что онъ, въ 1617 году, просилъ денегъ взаймы у персидскаго шаха, который и прислалъ ему серебряныхъ слитковъ на 7000 рублей. Понятно, что если глава государства находился въ такомъ стѣсненномъ положеніи, то боярамъ было еще хуже. Дѣйствительно, времена самозванцевъ, нашествіе поляковъ, грабежи зашлыхъ казаковъ и своихъ воровскихъ людей сильно разстроили и тѣ

немногія частныя богатства, которыя успѣли составиться у насъ въ прежнее время. Но царь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ отличный хозяинъ. Такъ, напримѣръ, отправляя подъ Смоленскъ войско, онъ самъ слѣдилъ за всѣми мелочами, относившимися къ устройству обоза, а посылая въ Чердынь новопечатанныя книги, онъ приказывалъ взять съ торговыхъ людей деньги не только за книги, но и за короба, рогожи и веревки.

Вообще цари Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ такъ устроили свои частныя дѣла, что принадлежавшія послѣднему изъ нихъ вотчины заключали въ себѣ до 50,000 дворовъ, кромѣ бобылей, и приносили ежегодно до 200,000 рублей дохода, и сверхъ того, имѣя въ совокупности 10,743 десятинъ обработанной земли, онѣ доставляли не только въ царскія житницы, но и для продажи частнымъ лицамъ значительное количество сельскихъ произведеній. Изъ вѣдомостей Приказа Большаго Дворца, относящихся ко временамъ царя Алексѣя Михайловича, видно, что при хорошемъ урожаѣ въ царскихъ вотчинахъ собиралось ржи около 3,900 четвертей, овса до 4,485 четвертей, ячменя до 56 четвертей, пшеницы 1,350 четвертей, меду до 237 пудовъ и хлѣбнаго вина выкуривалось до 3,607 ведеръ. Кромѣ того, на царскій дворъ шло ежегодно до $^1/_{10}$ всѣхъ государственныхъ доходовъ, а по особымъ случаямъ издерживалась ихъ по этой статьѣ иной годъ и цѣлая половина.

Петръ I отдѣлилъ однако богатства, пріобрѣтенныя въ личную собственность его отцомъ и дѣдомъ, какъ государями, отъ наслѣдственнаго своего состоянія, и какъ представитель боярскаго рода Романовыхъ считалъ себя помѣщикомъ только 800 душъ въ Новгородской губерніи, и въ частной жизни онъ сообразовался съ небольшими доходами, получаемыми имъ съ этого имѣнія, не пользуясь лично государственнымъ достояніемъ. Послѣ своей кончины онъ не оставилъ ни капиталовъ, ни сокровищъ, лично ему принадлежавшихъ, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ исключеніе между своими предшественниками и преемниками. Такъ у императрицы Екатерины I оказалось свое весьма значительное состояніе. Императрица Анна Ивановна, по словамъ фельдмаршала графа Миниха,

оставила послѣ себя, кромѣ разныхъ сокровищъ, 2.000,000 серебряныхъ рублей наличными деньгами, какъ частную свою собственность. Послѣ императрицы Елизаветы Петровны остались сундуки, наполненные червонцами, не смотря на крайнее истощеніе финансовыхъ средствъ государства; кромѣ того у нея, какъ и у императрицы Анны Ивановны, было бриллiантовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на несмѣтныя суммы.

Лордъ Букингэмъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, донося своему правительству объ уплатѣ императрицею Екатериною II нѣкоторыхъ ея долговъ, добавилъ: „при вступленіи на престолъ Петръ III нашелъ значительное богатство, накопившееся въ послѣдніе годы царствованія его предшественницы, когда съ уменьшеніемъ ея развлеченій уничтожились ея расходы. Денегъ этихъ онъ не успѣлъ растратить, и потому послѣ его смерти въ различныхъ дворцахъ найдены были большія суммы.

Императоръ Павелъ Петровичъ въ изданномъ имъ актѣ, подъ названіемъ „Учрежденіе объ императорской фамиліи“, отдѣлилъ юридически частную собственность государя и членовъ императорской фамиліи отъ государственнаго достоянія. При этомъ, подобно тому какъ и при богатствахъ частныхъ лицъ, главнымъ видомъ имуществъ были населенныя, такъ называемыя удѣльныя имѣнія. Изъ этихъ имѣній было выдѣлено слишкомъ 50,000 душъ, съ 300,000 рублей ежегоднаго дохода, въ приданое великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, супругѣ Георга, принца Голштинскаго, а отъ нея имѣніе это перешло къ его сыну Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

Началомъ болѣе значительныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прочныхъ недвижимыхъ родовыхъ богатствъ въ Россіи послужило обращеніе помѣстій въ вотчины. Такой способъ пожалованія земельныхъ недвижимыхъ имуществъ сначала былъ очень рѣдокъ, но онъ учащался все болѣе и болѣе и участился особенно въ исходѣ XVII столѣтія, когда за крымскіе походы, предпринятые княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, а также за ревность, оказанную служилыми людьми при охраненіи царя Петра Алексѣевича въ Троицкой лаврѣ отъ мятежныхъ покушеній стрѣльцовъ, очень много помѣстій было обращено въ вотчины, то есть деревни и земли,

данныя только во временное пользованіе въ видѣ жалованья за службу, были утверждены за владѣльцами какъ ихъ потомственная собственность. Вообще же, помѣстья были обращаемы въ вотчины или за особенныя заслуги помѣщиковъ или по случаю радостныхъ событій въ царскомъ семействѣ или въ государствѣ. Сверхъ того, по царскимъ указамъ, время отъ времени поступали въ продажу пустопорожнія земли, но покупать ихъ имѣли право лишь тѣ, которые находились на царской службѣ и были, въ званіи людей служилыхъ, верстаны помѣстьями. Купленныя такимъ образомъ земли дѣлались уже вотчиною, обращаясь въ наслѣдственное достояніе дѣтей и дальнѣйшихъ потомковъ ихъ перваго пріобрѣтателя.

При такихъ условіяхъ стали образовываться у насъ значительныя родовыя недвижимыя имѣнія. Изъ сочиненія Котошихина: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ видно, что въ ту пору нѣкоторые изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей владѣли уже обширными населенными имѣніями, такъ какъ инымъ изъ нихъ принадлежало не только по 1,000, по 2,000, по 3,000, по 7,000, но даже по 10 и по 12,000 крестьянскихъ дворовъ, „а кто дослужится—замѣчаетъ Котошихинъ—за инымъ бояриномъ есть близко 17,000 крестьянскихъ дворовъ, а у иныхъ только по 100 или 200 дворовъ“. За патріархомъ считалось 17,000 дворовъ, а за четырьмя митрополитами 22,000 крестьянскихъ дворовъ.

Увеличеніе размѣра и числа вотчинъ зависѣло впрочемъ не отъ одной только удачной службы, но и отъ получаемыхъ наслѣдствъ послѣ родственниковъ. Если однако просмотрѣть находящійся въ сочиненіи Котошихина списокъ тѣхъ фамилій московской знати, которыя въ половинѣ XVII столѣтія владѣли значительными вотчинами и помѣстьями, то окажется, что большая часть этихъ фамилій въ настоящее время уже не существуетъ. Потомки же другихъ, не угасшихъ еще фамилій, или не имѣютъ вовсе никакого наслѣдственнаго состоянія, или же владѣютъ самою ничтожною уцѣлѣвшею у нихъ долею изъ богатствъ, принадлежавшихъ ихъ предкамъ. Наконецъ, если нѣкоторые представители изъ боярскихъ родовъ, существовавшихъ во времена царя Алексѣя Михайловича, и

оказываются нынѣ людьми богатыми, то начало ихъ богатствъ рѣдко восходитъ къ половинѣ XVII столѣтія: большею же частію эти богатства недавнія, такъ какъ они были пріобрѣтены ихъ ближайшими предками только въ XVIII вѣкѣ. Замѣчаніе это относится между прочимъ къ родамъ князей Голицыныхъ, князей Куракиныхъ, князей Барятинскихъ, а также Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ, князей Трубецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Главною причиною недолговѣчности дворянскихъ богатствъ были раздѣлы вотчинъ между всѣми сыновьями владѣльца поровну, съ выдѣломъ какой либо части въ приданое дочерямъ. Поэтому очень часто сыновья весьма богатаго человѣка, при ихъ многочисленности, дѣлались помѣщиками и вотчинниками средней руки, а внуки, при такомъ же условіи, обращались уже въ мелкопомѣстныхъ владѣлцевъ, если только ихъ отцамъ или имъ самимъ не удавалось какимъ нибудь образомъ увеличить свое наслѣдственное достояніе. Въ исторіи нашихъ частныхъ богатствъ встрѣчается однако немало подновленій упавшихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ выгодною женитьбою. Этимъ же способомъ нѣсколько самыхъ незначительныхъ личностей успѣли попасть въ число богачей, а потомъ и въ среду русской знати.

Кромѣ помѣстій и вотчинъ, денежныя и другія награды, получавшіяся отъ государей, способствовали увеличенію богатства частныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, царь Борисъ Ѳедоровичъ подарилъ воеводѣ Петру Ѳедоровичу Басманову, за пораженіе самозванца, тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами и въ добавокъ къ тому выдалъ ему 2,000 рублей, составляющихъ по нынѣшнему курсу 100,000 рублей, а также множество серебряныхъ сосудовъ изъ кремлевской казны. Богатыя награды, заключавшія въ себѣ порядочное состояніе, получалъ впослѣдствіи, при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, знаменитый ближній бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Петръ Великій прекратилъ существовавшій у насъ азіатскій обычай жалованья какъ поношенными шубами съ царскаго плеча, такъ и совершенно новыми. Онъ чаще всего дарилъ близкимъ своимъ людямъ или тѣмъ, которыхъ считалъ этого достойными, свои портреты, осыпанные брилліантами. Большею же частію подарки его, какъ человѣка разсчетливаго, заклю-

чались въ предметахъ недорогой стоимости—кубкахъ и чаркахъ. На выдачу денегъ большими суммами онъ былъ туговатъ, и, какъ говорили въ народѣ, „давился изъ за коньяка“. Преемники Петра не слѣдовали этому правилу, и изъ нихъ никто не былъ такъ щедръ на награды деньгами, драгоцѣнными столовыми сервизами, картинами, домами и т. д., какъ императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, въ особенности же послѣдняя. Она, какъ мы увидимъ, обогащала, въ полномъ смыслѣ этого слова, подобными наградами лицъ, заслужившихъ ея благоволеніе. Иногда подарки дѣлались способомъ весьма страннымъ по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ. Такъ одно изъ приближенныхъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ лицъ, камеръ-юнкеръ Никита Андріяновичъ Возжинскій, былъ въ 1745 году посланъ въ Казань съ объявленіемъ о мирѣ, заключенномъ между Россіею и Швеціею. По этому случаю для него повелѣно было собирать по всей Казанской губерніи деньги по реэстру, присланному отъ губернатора. Сама же императрица Елизавета писала губернатору: „За такую радостную вѣсть дарить его всѣмъ, особливо купечеству, какъ въ Казани, такъ и во всѣхъ городахъ Казанской губерніи, чтобъ собрали въ одномъ мѣстѣ чѣмъ его подарить, дабы съ нашею честью и его чиномъ сходно было.“ Одинъ городъ Царевококшайскъ обязанъ былъ прислать въ даръ Возжинскому 100 рублей, а изъ сборовъ по всей обширной губерніи должна была составиться весьма почтенная сумма, которая и была представлена Возжинскому.

При императорѣ Павлѣ Петровичѣ даже обыкновенныя денежныя награды были весьма значительны. Такъ изъ записокъ Державина мы узнаёмъ, что ему по росписи на 1801 годъ была назначена обычная годичная награда въ 100,000 рублей, какъ государственному казначею. Но лица окружавшія государя успѣли убѣдить его, что Державину, по недавнему его вступленію въ упомянутую должность, этого будетъ много. Тѣмъ не менѣе 100,000 рублей было отпущено изъ казны, но изъ нихъ Державинъ получилъ только 10,000 руб., а изъ остальныхъ взяли себѣ: генералъ-прокуроръ Обольяниновъ 30,000 рублей, адмиралъ Кушелевъ 30,000 рублей и мужъ Анны Петровны Лопухиной, князь Гагаринъ, 30,000 рублей.

Что же касается собственно богатствъ, основанныхъ на помѣстномъ правѣ, то въ 1699 году, т. е. передъ соединеніемъ помѣстій съ вотчинами, въ нынѣшнихъ великорусскихъ губерніяхъ считалось всего 2,981 дворянскія фамиліи, представляемыя 15,041 лицомъ, имѣвшимъ за собою недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами. Мы не имѣемъ свѣдѣній какъ распредѣлялись эти имѣнія между ихъ владѣльцами, но по всей вѣроятности въ этомъ распредѣленіи не произошло значительныхъ перемѣнъ противъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщалъ Котошихинъ и которыя уже приведены нами.

Петръ Великій, находя, что вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ будетъ чрезвычайно быстро бѣднѣть только-что организованное имъ дворянское сословіе или шляхетство въ Россіи, вознамѣрился ввести, относительно наслѣдованія въ дворянскихъ фамиліяхъ, тотъ порядокъ, какой, возникнувъ изъ феодальнаго быта, существовалъ въ его время во всей западной Европѣ и отличительною чертою котораго было учрежденіе майоратовъ, т. е. такихъ недвижимыхъ имѣній, которыя, не раздробляясь между всѣми равноправными наслѣдниками, переходили во всей своей цѣлости только къ одному изъ нихъ, старшему въ родѣ [1]).

Съ цѣлью учрежденія такихъ имѣній въ Россіи, 18 марта 1714 года былъ обнародованъ Петромъ Великимъ не совсѣмъ толково для нашего времени написанный манифестъ о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ. Какъ видно изъ этого манифеста, государь признавалъ, что „раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ, великой есть вредъ въ государствѣ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самымъ фамиліямъ паденіе“. Въ подтвержденіе этого указывалось въ манифестѣ на то, что „ежели, напримѣръ, кто 1,000 дворовъ имѣетъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольной, тра-

[1]) Майораты въ западной Европѣ, появившіеся впервые въ Италіи, были учрежденіями чисто-аристократическаго свойства, для передачи дворянскихъ титуловъ вмѣстѣ съ имѣніемъ. Однако они были крайне стѣснительны не только въ семейной жизни, но и въ общемъ экономическомъ и финансовомъ развитіи страны, такъ какъ они представляли собою неподвижные капиталы, и еще въ XVI вѣкѣ во Франціи начали стараться объ уничтоженіи майоратовъ, но они подъ вліяніемъ аристократическихъ понятій удержались тамъ до первой французской революціи.

пезу славную, обхожденіе съ людьми ясное. Когда же по смерти раздѣлится дѣтямъ его, которыя, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждый ясно (хоть и не такъ), то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и 200 дворовъ принуждены едва ли не то же самое нести, какъ 1,000 дворовъ."

Послѣдствіемъ этого, по словамъ упомянутаго манифеста, должно быть разстройство податей. „А когда отъ тѣхъ пяти сыновъ — говорилось далѣе въ манифестѣ — по два сына будутъ, то по 100 дворовъ, и тако умножась въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ и знатная фамилія, вмѣсто славы поселяне будутъ, какъ много уже тѣхъ экземплеровъ есть въ россійскомъ народѣ".

Дѣйствительно, такихъ „экземплеровъ" было тогда немало. Многіе княжескіе роды, происходившіе отъ Рюрика, обѣднѣли съ давнихъ поръ до того, что, напримѣръ, князья Бѣлосельскіе были послужильцами или „держальниками" у какихъ-то Травиныхъ; а князья Вяземскіе до того, — какъ говорилось въ старину, — „захудѣли", что были деревенскими дьячками въ имѣніи Вельяминовыхъ, занимая эти мѣста наслѣдственно. Другія знатныя дворянскія фамиліи дошли также до совершеннаго обнищанія, и между ними представители боярскаго рода Ласкиревыхъ, — происходившихъ въ прямомъ мужскомъ колѣнѣ отъ византійскихъ императоровъ, изъ дома Ласкарисовъ, — затерялись при Петрѣ I между однодворцами.

Вводя въ силу законъ о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ, Петръ Великій принималъ въ соображеніе, что дворяне, получая каждый равную долю изъ отцовскаго имѣнія, „при даровомъ хлѣбѣ безъ принужденія служить не будутъ". Такимъ образомъ, заимствуя идею о майоратахъ изъ феодальной Европы, Петръ Великій въ то же время не придавалъ этимъ учрежденіямъ исключительно аристократическій характеръ, но примѣнялъ ихъ къ практической потребности той среды, для которой имъ было издано новое узаконеніе. По причинамъ, указаннымъ въ манифестѣ, Петръ I узаконилъ, чтобы помѣщики дворовъ не продавали и не закладывали, а отдавали бы ихъ одному изъ сыновей по духовной; если же духовной сдѣлано не будетъ, то все недвижимое имѣніе дол-

жно перейти къ старшему сыну умершаго владѣльца. Бездѣтный же дворянинъ могъ передать свое недвижимое имѣніе, въ цѣломъ его составѣ, своему однофамильцу, а если у него будутъ только дочери, то все имѣніе должно было перейти къ одной изъ нихъ, но съ тѣмъ, чтобы мужъ ея непремѣнно принялъ фамилію своего тестя; если же этого сдѣлано имъ не будетъ, то указано брать имѣніе жены на государя. Установляя такой порядокъ наслѣдованія въ дворянскихъ фамиліяхъ, Петръ имѣлъ въ виду, что „господинъ будетъ довольнѣе и лучше льготить подданныхъ, а не разорять ихъ, фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы". Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно было не ставить въ безчестіе кадетамъ (младшимъ сыновьямъ) ни словесно, ни письменно, если они, не получая отъ отца родоваго недвижимаго имѣнія, станутъ заниматься торговлею, знатными художествами или поступятъ въ бѣлое духовенство.

Понятно, что если бы этотъ законъ Петра Великаго сохранялъ долгое время свою силу, то составъ русскаго дворянства въ имущественномъ отношеніи былъ бы совершенно иной, нежели тотъ, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи и какимъ онъ остается еще и нынѣ. Изъ среды дворянства, подъ вліяніемъ закона 18 марта 1714 года, выдѣлились бы только нѣкоторыя отрасли дворянскихъ фамилій, представители которыхъ удерживали бы исключительно за собою болѣе или менѣе значительныя вотчины, однажды вошедшія въ ихъ родъ. При такихъ условіяхъ дворянство наше, вообще какъ сословіе, было бы гораздо бѣднѣе, нежели теперь, хотя въ частности среди его и существовали бы „славные и великіе домы". Впослѣдствіи мы увидимъ, что и при императрицѣ Екатеринѣ II составлялось подобное предположеніе, съ придачею къ нему безусловно-феодальнаго оттѣнка, такъ какъ у насъ должны были бы возникнуть наслѣдственныя княжества, графства, баронства и господарства.

Изданный Петромъ Великимъ законъ о единонаслѣдіи шелъ однако въ разрѣзъ съ стародавними, коренными понятіями и обычаями русскихъ. При дѣйствіи его успѣли объединиться въ рукахъ одного наслѣдника только два замѣчательныя богатства, а именно графовъ Шереметевыхъ и князей Кантэ-

міровъ, такъ какъ къ этимъ имѣніямъ, изъ которыхъ каждое оставалось нераздѣльнымъ, было назначено по одному только наслѣднику, съ отстраненіемъ прочихъ равноправныхъ, по прежнимъ узаконеніямъ, наслѣдниковъ. Вообще же дворянство чрезвычайно тяготилось этимъ закономъ, который и былъ отмѣненъ указомъ императрицы Анны Ивановны отъ 17 марта 1731 года. При обнародованіи этой отмѣны упоминалось, что по указамъ великихъ государей, по „Соборному Уложенію“, по закону Божьему и по преданію святыхъ апостоловъ, положено, чтобы отцы дѣтей своихъ въ движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ дѣлили всѣхъ по равнымъ частямъ, но что это „отрѣшено“ въ 1714 году особливыми пунктами блаженныя и вѣчно-достойныя памяти императора Петра Великаго, который „по первенству одного наслѣдника учинить изволилъ въ такомъ всемилостивѣйшемъ намѣреніи, чтобъ этимъ раздѣленіемъ деревень въ разныя руки фамиліи не передавать и чтобы знатные домы отъ того не упадали“. Однако, такое намѣреніе Петра Великаго, какъ видно изъ указа императрицы Анны Ивановны, на дѣлѣ не исполнялось. „Сожалѣя — какъ говорится въ этомъ указѣ — о своихъ младшихъ сыновьяхъ, отцы всѣми способами, не смотря на всѣ убытки и разореніе, дѣлили дѣтей своихъ поровну и укрѣпляли за ними имѣнія продажею и закладными чрезъ разныя руки или брали съ единственнаго наслѣдника страшную клятву въ томъ, что онъ самъ раздѣлитъ имѣніе на равныя части между своими братьями“. „Оттого, продолжаетъ указъ, происходили не только ненависти и ссоры, но нѣкоторые, отважа себя, до смерти побивали“. Въ виду этого слѣдуетъ замѣтить, что до закона 18 марта 1714 года, въ исторіи наслѣдованія большихъ богатствъ у насъ и въ государствахъ западной Европы встрѣчается большая разница. Легенды и преданія тамошнихъ богатыхъ и знатныхъ фамилій наполнены разсказами о похищенныхъ, подмѣненныхъ, а также изведенныхъ убійствомъ или отравою старшихъ единственныхъ наслѣдниковъ въ семействѣ. У насъ же, при равномъ раздѣлѣ имѣній между всѣми братьями, не было прежде особенныхъ поводовъ прибѣгать къ истребленію главныхъ наслѣдниковъ.

Отмѣняя по изложеннымъ въ указѣ причинамъ петровскій законъ о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ, импера-

трица повелѣвала, чтобы какъ помѣстья, такъ и вотчины безразлично назывались недвижимымъ имѣніемъ и чтобы какъ тѣ, такъ и другія дѣлились между наслѣдниками по „Уложенію“ царя Алексѣя Михайловича. Вмѣстѣ съ этимъ позволено было отцамъ и матерямъ, объявившимъ уже наслѣдникомъ одного изъ своихъ сыновей, отмѣнять это распоряженіе, предоставляя братьямъ и сестрамъ раздѣлиться между собою полюбовно. Такимъ образомъ окончательно рушилась мысль Петра Великаго — создать въ Россіи богатыхъ наслѣдственныхъ представителей среди дворянства, — мысль, которую едвали можно признать подходящей къ потребностямъ семействъ и государства.

При Екатеринѣ II въ первый разъ дозволено было графу Чернышеву учредить по собственной его просьбѣ майоратъ. Впослѣдствіи давались подобнаго рода высочайшія разрѣшенія, но только въ видѣ исключенія изъ общаго порядка. Наконецъ, законодательство наше положительно дозволило, при извѣстныхъ условіяхъ, учрежденіе майоратовъ, подъ названіемъ „заповѣдныхъ имѣній“, не дѣлая однако этого ни для кого обязательнымъ.

Нѣсколько старинныхъ майоратовъ, учрежденныхъ еще при польскомъ правительствѣ, подъ названіемъ ординацій, существуетъ въ западномъ краѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конфискаціи. — Гибельное ихъ вліяніе на частное богатство. — Попытки къ отмѣнѣ ихъ. — Нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ ихъ исполненія. — Намѣреніе Павла I. — Недостатокъ звонкой монеты. — Стоимость помѣстій. — Послѣдствія обязательной службы дворянъ. — Участіе русскаго дворянства въ промышленныхъ занятіяхъ. — Сельское хозяйство. — Купечество. — Прибыльщики и откупщики.

Независимо отъ семейныхъ раздѣловъ, прочному существованію значительныхъ дворянскихъ богатствъ весьма много препятствовали конфискаціи, введенныя у насъ съ давнихъ временъ въ видѣ „взятія имѣнія и животовъ на государя“. Мы думаемъ, что если бы можно было свести подробные итоги всѣхъ такихъ взятій и конфискацій, то по всей вѣроятности оказалось бы, что посредствомъ ихъ было всего болѣе разрушено старинныхъ частныхъ богатствъ. По прежнимъ понятіямъ, государская опала должна была распространяться не только лично на одного виновнаго, но и на все его семейство, которое, помимо добавочныхъ, примѣненныхъ къ нему болѣе или менѣе тяжкихъ каръ, лишалось всего принадлежавшаго и главѣ семейства и его членамъ имущества какъ недвижимаго, такъ и движимаго. Затѣмъ отобранное имѣніе или поступало въ казну, или въ личную собственность государя, или же тотчасъ раздавалось другимъ лицамъ и притомъ нерѣдко такимъ, которыя сами устроивали паденіе богатаго вельможи. Исторія наша изобилуетъ случаями подобнаго неожиданнаго и быстраго разрушенія самыхъ громадныхъ богатствъ. Очень часто, сперва при московскомъ, а потомъ и при петер-

бургскомъ дворѣ, приготовлялась исподволь опала сильнаго и богатаго сановника не только изъ личной къ нему непріязни, но и изъ желанія поживиться отобраннымъ у него имѣніемъ. Нерѣдко противники его, видя удачные подкопы подъ намѣченную личность, составляли заранѣе челобитныя объ отдачѣ имъ той или другой вотчины будущаго опальнаго.

Казнь или ссылка богатаго вельможи были своего рода праздникомъ для другихъ лицъ или приближенныхъ непосредственно ко двору, или имѣвшихъ тамъ своихъ милостивцевъ и покровителей. Немедленно послѣ конфискаціи являлись челобитчики съ просьбами о пожалованіи имъ имѣнія казненнаго или ссыльнаго за ихъ службу и вѣрность. Вслѣдствіе конфискацій погибли состоянія многихъ русскихъ богачей, какъ-то: князя Хованскаго, князя Голицына, князей Мышецкихъ, князя Кольцова-Масальскаго, князей Сибирскихъ, князя Гагарина, Кикина, Лопухина, барона Шафирова, графа Толстаго, графа Девіера, князя Меншикова, князей Долгорукихъ, графа Лестока и многихъ другихъ.

У князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго было отнято въ 1687 году безповоротно 400 дворовъ за то, что онъ ѣздилъ по троицкой дорогѣ, къ Красной Соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ, везшихъ царскую казну. При большомъ наплывѣ челобитчиковъ отписныя деревни разбирались весьма быстро, и громадное состояніе богача дробилось такимъ образомъ на многіе мелкіе участки.

При существованіи конфискацій и указъ Петра Великаго о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ не могъ бы окончательно упрочивать богатства знатныхъ фамилій, потому что представители этихъ фамилій, какъ лица, ближайшія ко двору, чаще всего подвергались опалѣ, а слѣдовательно и лишенію имущества, которое въ этихъ случаяхъ не передавалось ближайшимъ наслѣдникамъ. Манифестъ 18-го марта 1714 г. не сдѣлалъ относительно этого никакой оговорки, а на практикѣ, и послѣ его изданія, конфискаціи шли своимъ чередомъ. Въ одномъ изъ указовъ Петра Великаго было постановлено: „помѣстья и вотчины преступниквъ, посланныхъ въ ссылку съ женами и дѣтьми, отдавать не въ родъ ихъ, а просителямъ въ раздачу“. При этомъ однако допускалось отдѣленіе,

изъ конфискованныхъ имуществъ, такихъ имѣній, которыя принадлежали лично сыновьямъ и женамъ преступника, если тѣ и другія не были признаны виновными и если женино имѣніе не было перепродано по рядным записямъ. Взятіе имущества и животовъ на государя представлялось мѣрою крайне несправедливою, а потому бояре, при избраніи на царство Бориса Годунова, князя Василія Шуйскаго и королевича Владислава, старались уничтожить подобный произволъ, требуя отъ избираемыхъ государей, чтобъ они безъ боярскаго приговора ни отъ кого не отнимали имѣній. Въ виду безпрестанныхъ конфискацій, всѣ сознавали непрочность своихъ какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ богатствъ, и вотъ почему не только верховники, предложившіе императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, при избраніи ея на престолъ, ограничительные пункты, но и противная имъ партія, челобитчики, заявили предъ новою государынею просьбу объ отмѣнѣ конфискаціи, тѣмъ болѣе, что эта суровая мѣра приводилась обыкновенно въ исполненіе даже безъ формальнаго суда, а только по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Но домагательство дворянства съ уничтоженіемъ, 28 февраля 1730 года, митавскихъ кондицій, осталось безъ всякихъ послѣдствій, и при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ конфискаціи были очень часты.

Позднѣе Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, въ запискѣ, поданной имъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, „для памяти“, предлагалъ установить „фундаментальные и непремѣнные законы, и увѣрить и обѣщать предъ Богомъ, какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ, свято и ненарушимо сохранять ихъ“. Въ этой своего рода конституціи Шуваловъ помѣстилъ статью, по которой впадшее въ преступленіе дворянство теряло бы только благопріобрѣтенное, а не родовое имѣніе, которое должно было переходить къ законнымъ наслѣдникамъ въ такомъ же точно порядкѣ, какъ перешло бы оно послѣ смерти владѣльца. Мысль Шувалова не была приведена въ исполненіе. Императрица Елизавета Петровна только ограничила прежніе слишкомъ широкіе размѣры конфискацій. При ней указано было: не конфисковать имѣній жены за преступленіе мужа, а также и имѣнія, принадлежащаго самому преступнику, если оно было въ законномъ порядкѣ отчуждено имъ

до совершенія преступленія. Конфискація существовала въ нашемъ законодательствѣ и при императрицѣ Екатеринѣ II, но на практикѣ она имѣла примѣненіе только въ Курляндіи и польскихъ провинціяхъ. Съ изданіемъ дворянской граматы, 11 апрѣля 1785 года, конфискація имуществъ у виновныхъ дворянъ безъ суда была отмѣнена, но императоръ Павелъ I намѣревался возстановить ее, предполагая, въ 1800 году, отобрать какъ недвижимое, такъ и движимое имѣніе у графа Семена Романовича Воронцова и князя Платона Александровича Зубова.

По дѣйствующему нынѣ у насъ законодательству, конфискація допускается въ нѣкоторыхъ только случаяхъ на основаніи особыхъ высочайшихъ повелѣній и то какъ чрезвычайная мѣра.

Вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, на которыя мы уже указали, а именно, вслѣдствіе раздачи помѣстій и вотчинъ дворянству, а также вслѣдствіе легко осуществлявшагося стремленія разбогатѣвшихъ купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, откупщиковъ, прибыльщиковъ, подрядчиковъ и компанейщиковъ переходить въ дворяне и покупать населенныя имѣнія, — главнымъ представителемъ у насъ частныхъ богатствъ было помѣстное дворянство. При этомъ условіи дошло до того, что самое опредѣленіе чьего либо состоянія разрѣшалось обыкновенно отвѣтомъ на вопросъ: сколько за такимъ-то душъ? И этотъ странный способъ измѣренія частнаго богатства продолжался до уничтоженія крѣпостнаго права. Наличныхъ капиталовъ скоплялось весьма немного: золота и серебра въ изобиліи у насъ никогда не было. Котошихинъ замѣчаетъ, что „золото и серебро въ Россіи не родится, хотя,—добавляетъ онъ—въ нѣкоторыхъ кроникахъ и писали, что на золото и серебро урожайная“. Притомъ значительная часть золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней обращалась у насъ въ мертвый капиталъ. Это происходило между прочимъ и отъ ложнопонимаемой набожности, такъ какъ въ церкви и монастыри дѣлались весьма драгоцѣнныя приношенія. Вигель разсказываетъ, что въ Тихвинскомъ монастырѣ онъ видѣлъ золотую лампаду съ брилліантовой подвѣской, принесенную въ даръ однимъ изъ графовъ Шереметевыхъ и оцѣненную въ 60,000 руб-

лей. Изъ „Описанія Астрахани“, составленнаго г. Рыбушкинымъ, мы узнаёмъ, что въ тамошній Успенскій соборъ были пожертвованы ризы на образа, стоившія не только 20,000, но слишкомъ 43,000 рублей, и что въ ризницѣ этого же собора находились двѣ архіерейскія митры, изъ которыхъ одна цѣнилась въ 50,000, другая даже въ 150,000 рублей. Неизвѣстно, впрочемъ, кто пожертвовалъ эти сокровища, но подобные факты даютъ достаточное понятіе о томъ, сколько богатства оставалось, а можетъ быть и теперь остается, безъ практическаго употребленія. При Екатеринѣ II, для сервировки столовъ у намѣстниковъ въ торжественные дни, было отправлено въ губернскіе города казеннаго столоваго серебра на 1.750,000 рублей, что, по сдѣланному въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“ замѣчанію, равнялось 10.000.000 по нашему курсу 1862 года, а теперь еще болѣе.

Бумажно-денежныхъ цѣнностей въ старину у насъ вовсе не существовало; введенныя же при Екатеринѣ II ассигнаціи долгое время не пользовались большимъ кредитомъ, такъ что собственно при недостаткѣ звонкой монеты и копить было нечего. Екатерина II въ одной изъ своихъ замѣтокъ передаетъ, что ко времени вступленія ея на престолъ, монетный дворъ, начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича, выпустилъ въ обращеніе золотой, серебряной и мѣдной монеты на 100.000,000 рублей, и что изъ этого общаго количества 40.000,000 рублей вышло уже изъ государства, такъ какъ векселей или не знали, или употребляли ихъ очень мало. Такимъ образомъ на все тогдашнее, слишкомъ двадцатимилліонное населеніе Россіи приходилось всѣхъ денегъ только 60.000.000 рублей, и такъ какъ это относительно небольшое количество наличной монеты было въ постоянномъ оборотѣ, то скопить значительный капиталъ въ серебрѣ и золотѣ было чрезвычайно затруднительно. Это удавалось только сильнымъ лицамъ, успѣвавшимъ, такъ или иначе, захватывать золотую и серебряную монету въ свои руки при самомъ выходѣ ея изъ чеканки. Особеннымъ искусствомъ въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, отличался при Екатеринѣ II графъ Завадовскій. Даже мѣдныя деньги и тѣ быстро уходили изъ обращенія.

Кстати замѣтимъ при этомъ, что всѣ разсказы иностран-

цевъ о богатствѣ старой Россіи представляютъ болѣе вымысла, нежели правды. Россія была одною изъ бѣднѣйшихъ странъ Европы, и заѣзжавшихъ къ намъ иностранцевъ могло поражать богатство только царскаго двора и нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ немногихъ, вельможъ.

Для опредѣленія размѣра богатства частныхъ лицъ, основаннаго на владѣніи ими помѣстьями и вотчинами, слѣдовало бы знать доходность и тѣхъ и другихъ; но такъ какъ доходность имѣній была нетолько неодинакова въ разное время но и чрезвычайно разнообразна въ одну и ту же пору, смотря по мѣстности имѣній, качеству почвы и другимъ условіямъ, то опредѣлить ее, хотя бы приблизительно, нѣтъ никакой возможности. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ о пожалованіяхъ кому-либо помѣстій или вотчинъ встрѣчается иногда прибавочная замѣтка о томъ, сколько пожалованное имѣніе могло приносить ежегоднаго дохода. Но подобныхъ свѣдѣній попадается такъ мало, что мы, на основаніи ихъ, не рѣшаемся сдѣлать никакого общаго вывода.

Что же касается стоимости населенныхъ имѣній, то и къ ней примѣняется сдѣланное нами общее замѣчаніе о доходности имѣній. Въ частности же замѣтимъ, что, напримѣръ, изъ указа императрицы Екатерины II, изданнаго въ 1766 году и относящагося къ покупкѣ въ дворцовое вѣдомство помѣщичьихъ деревень, мы узнаёмъ, что тогда каждая ревизская душа была оцѣнена только въ 30 рублей и то лишь потому, что, какъ сказано въ указѣ, „нынѣ на оныя цѣны повысились“. Съ этимъ извѣстіемъ о малостоимости деревень во второй половинѣ XVIII столѣтія согласуется и докладъ, представленный Екатеринѣ II генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ. Въ докладѣ своемъ онъ говоритъ, что въ 1762 и 1763 годахъ цѣна деревнямъ самая извѣстная считалась по 30 рублей за душу, такъ что многіе, получившіе деревни, эту денежную сумму предпочитали деревнямъ. „Теперь же,—т. е. въ 1783 году, сказано далѣе въ докладѣ, менѣе 70 и до 100 рублей ни одна россійская деревня (правильнѣе ревизская душа) куплена быть не можетъ, не упоминая о разныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна недвижимыхъ имѣній гораздо болѣе возвысилась“.

На невысокую стоимость помѣщичьихъ имѣній оказывала

большое вліяніе и прежняя обязательная служба дворянства. Такъ какъ всѣмъ помѣщикамъ приходилось отбывать государеву службу, то при заглазномъ управленіи имѣніемъ не только хозяйство приходило въ упадокъ, но на счетъ имѣнія сильно живились завѣдывавшія имъ лица, а отъ этого уменьшалась доходность, а вмѣстѣ съ тѣмъ упадала и стоимость имѣнія. Еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ дозволено было „для занятій домашнею экономіею“ оставаться въ деревняхъ одному изъ нѣсколькихъ братьевъ, но разумѣется, что такая льгота не обезпечивала достаточно интересовъ другихъ отсутствующихъ совладѣльцевъ. Императоръ Петръ III освободилъ дворянство отъ обязательной службы, но при случившемся вслѣдъ затѣмъ государственномъ переворотѣ никто не могъ быть увѣренъ въ прочности этой новой милости, оказанной дворянству. Когда же дворянство увидѣло ея подтвержденіе императрицею Екатериною II, то оно нашло для себя удобнымъ пріобрѣтать помѣстья, въ которыхъ можно было устроиваться на постоянное житье, не опасаясь уже требованія на безсрочную или слишкомъ долговременную службу и не покидая при этомъ помѣстья на произволъ прикащиковъ и старостъ. Изъ „Записокъ“ Андрея Тимофеевича Болотова мы видимъ, какъ даже въ царствованіе Екатерины II обжившееся въ своихъ деревняхъ дворянство начинало тревожиться при распускаемыхъ слухахъ о призывѣ его вновь къ обязательной службѣ.

Впрочемъ, занимаясь своимъ хозяйствомъ, помѣщики наши не имѣли въ виду обогатиться на счетъ своихъ имѣній. Если же они и вдавались въ какія-либо спекуляціи по этой части, то такія спекуляціи были неудачны. Русскіе богачи, побывавъ въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій заграницей и присмотрѣвшись къ тамошнимъ сельско-хозяйственнымъ порядкамъ, вводили ихъ иногда у себя, но, къ сожалѣнію, безъ всякаго соображенія о томъ, насколько они могутъ быть пригодны для нашего климата и главныхъ условій нашего деревенскаго быта.

Изъ всѣхъ бывшихъ у насъ подъ рукою свѣдѣній намъ сдѣлался извѣстенъ одинъ только случай составленія значительнаго богатства сельско-хозяйственною промышленностью, предпринятою въ большихъ размѣрахъ. Такъ Вигель въ „Запискахъ“

своихъ разсказываетъ о жившемъ въ концѣ прошлаго столѣтія саратовскомъ помѣщикѣ Колокольцовѣ, который сталъ разработывать вольнонаемнымъ трудомъ степи около Иргиза. Занимаясь этимъ, онъ вскорѣ сдѣлался такъ богатъ, что его заподозрили въ поддѣлкѣ ассигнацій и въ разбояхъ. Конецъ его печаленъ: онъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ, а примѣръ его, какъ агронома-промышленника, не вызвалъ подражателей среди помѣщиковъ.

Кромѣ того стоимость помѣстій уменьшалась еще и вслѣдствіе побѣговъ крестьянъ на украйныя мѣста. Изъ сочиненія Посошкова—„О скудости и богатствѣ“,—видно, между прочимъ, какъ велико было число бѣглыхъ крестьянъ, а между тѣмъ они, какъ рабочая сила, составляли главную стоимость помѣщичьихъ имѣній. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія весьма часто встрѣчаются жалобы помѣщиковъ на то, что у нихъ въ имѣніяхъ души „раскрадены“. Въ добавокъ ко всему этому, цѣнность имѣній упадала и отъ неопредѣленности правъ поземельнаго владѣнія. Черезполосность была чрезвычайная, и она сопровождалась самовольными захватами земли, не только бывшей въ спорѣ, но и совершенно чужой. Тяжебныя же дѣла шли въ ту пору чрезвычайно медленно: гражданскіе процессы тянулись иной разъ цѣлое столѣтіе, обезсиливая средства спорящихъ сторонъ платежемъ судебныхъ пошлинъ, штрафами, пенями и приношеніями въ пользу судей. Такъ, напримѣръ, въ 1711 году началась тяжба о деревнѣ Бирибиной между Врасскими и Шуваловыми; она была рѣшена въ пользу первыхъ только въ 1801 году, а денежные по ней разсчеты окончились въ 1811 году.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, существуетъ у насъ мнѣніе, будто бы въ старину дворянство наше, по чувству врожденной ему сословной гордости, отстранялось отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Слѣдуетъ, однако, въ виду многихъ фактовъ, признать, что такое мнѣніе оказывается совершенно ложнымъ. Замѣтимъ, что не только наше дворянство средней руки, но высшіе государственные сановники и знатные царедворцы всегда готовы были пуститься въ разныя спекуляціи, если только представлялся къ тому удобный случай и если, что̀ для нихъ было еще важнѣе, имъ не было надобности трудиться при этомъ самимъ, а достаточно было ссудить свое имя

или оказывать предпринимателямъ свое покровительство. Такъ еще при Петрѣ Великомъ не только баронъ Шафировъ, графъ Толстой, но даже и самъ надменный князь Меншиковъ принялись устроивать фабрики и взяли на откупъ нѣкоторыя отрасли тогдашней русской торговли. Положимъ, что Шафировъ и Меншиковъ были люди новые, но Толстой принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ русскихъ фамилій. При Елизаветѣ князь Куракинъ, вышедшій изъ старой московской знати, торговалъ пенькою у петербургскаго порта, только не совсѣмъ удачно, такъ какъ при бывшемъ, 6 іюля 1761 года, въ Петербургѣ сильномъ пожарѣ, у него въ складахъ и на судахъ сгорѣло этого товара на 30,000 рублей. При императрицѣ же Елизаветѣ Петровнѣ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ и графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, оба по происхожденію изъ старинныхъ русскихъ дворянъ, занимались весьма усердно коммерческими предпріятіями въ обширныхъ размѣрахъ, а послѣдній изъ нихъ велъ даже заграничную торговлю.

Въ особенности же какъ наше дворянство, такъ и вельможи,—не исключая изъ числа ихъ и великолѣпнаго князя Тавриды,—принимали дѣятельное участіе въ винныхъ откупахъ, хотя большею частію и при посредствѣ подставныхъ лицъ. Но нѣкоторые изъ представителей нашего стариннаго боярства были прямодушнѣе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ открыто. Такъ нѣкто Петрово-Соловово, изъ фамиліи нѣкогда родственной царскому дому, загребалъ огромные капиталы, благодаря своей винно-откупной дѣятельности, но и кромѣ его нѣкоторые потомки тѣхъ, которые вдревле предводительствовали побѣдоносно на поляхъ брани великокняжескими и царскими ратями, весьма успѣшно предводительствовали цаловальниками за кабачными стойками. При Екатеринѣ II, какъ видно изъ „Дневника“ Храповицкаго, извѣстными винными откупщиками были: князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой, князь Сергѣй Гагаринъ и князь Куракинъ.

Точно также старинные наши баре очень охотно дѣлались горнозаводскими промышленниками, такъ что вообще господствующее у насъ мнѣніе о родовой спѣси нашего дворянства противъ торговли и промысловъ оказывается, какъ мы замѣтили выше, совершенно ложнымъ.

Съ своей стороны императрица Екатерина II хотѣла удержать русское дворянство отъ занятій торговлею и промышленностью, и въ своемъ знаменитомъ „Наказѣ“ писала: „Противно существу торговли, чтобы дворянство въ самодержавномъ государствѣ оную дѣлало, и противно существу самодержавнаго правленія, чтобы дворянство въ ономъ торговлю производило“.

Въ этихъ строкахъ не только проглядывали принесенные къ намъ съ запада сословные предразсудки феодальнаго дворянства, но и проскальзывало стремленіе старомосковской политики, которая, какъ мы видѣли, клонилась къ тому, чтобы въ имущественномъ отношеніи держать высшее сословіе въ сколь возможно большей зависимости отъ верховной власти. Екатерина II, указывая на службу, какъ на единственное занятіе, приличное дворянству, тѣмъ самымъ ставила это сословіе въ полную зависимость отъ правительства, тогда какъ такая зависимость—по крайней мѣрѣ въ имущественномъ отношеніи—должна была бы значительно ослабѣть, если бы дворянство стало находить для себя матеріальныя средства и внѣ служебной дѣятельности.

Правда, что и нѣкоторые депутаты, собранные въ 1767 году въ Москвѣ для составленія новаго „Уложенія,“ заявили слѣдующее:„ Фабриканты изъ купечества накупили великія деревни не только по близости къ фабрикамъ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ и пользуются, яко сущіе дворяне, не принадлежащими имъ преимуществами, а дворяне содержатъ у себя не малыя фабрики, что̀, кажется, и совсѣмъ къ дворянству и купечеству не принадлежащее“. Изъ этого видно, что дворянство наше охотно пускалось въ промышленныя предпріятія въ самую цвѣтущую свою пору. Но при этомъ не безъ увѣренности можно полагать, что сдѣланное дворянскими депутатами заявленіе было вовсе не самостоятельнымъ отголоскомъ дворянской спѣси, но что депутаты поддѣлывались подъ мысль, высказанную въ „Наказѣ“ относительно различія между занятіями, свойственными дворянству, и между занятіями, приличествующими купечеству. Здѣсь былъ высказанъ только теоретическій взглядъ, тогда какъ на практикѣ само дворянство доказывало совершенно иное.

Богатыхъ купеческихъ домовъ изъ природныхъ русскихъ въ прошломъ столѣтіи было у насъ немного, но тѣмъ не менѣе въ рукахъ купечества, по преимуществу, сосредоточивались денежные капиталы. Нѣкоторымъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что, по случаю уничтоженія внутренныхъ пошлинъ, депутація отъ купечества поднесла императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ знакъ признательности, „діамантъ вѣсомъ въ 56 каратовъ на золотомъ подносѣ, до 10,000 червонцовъ на трехъ серебряныхъ блюдахъ и 50,000 рублей монетою".

Екатерина II—какъ разсказываетъ Храповицкій—хотѣла въ 1789 году воспользоваться богатствами частныхъ людей, сдѣлавъ у нихъ большой правительственный заемъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто процентовъ давать чины и баронскій титулъ. Вести это дѣло поручено было генералъ-прокурору Соймонову, но онъ испыталъ неудачу.

Прибыльщики, т. е. лица, измышлявшія средства къ усиленію государственныхъ доходовъ, подрядчики и откупщики въ прошломъ столѣтіи, благодаря всего болѣе участію вельможъ въ ихъ предпріятіяхъ, а также покровительству сильныхъ лицъ, дѣлались въ самое короткое время извѣстными милліонерами. Изъ числа такихъ богатѣйшихъ лицъ были: Лукинъ, Шемякинъ, Кандалинцевъ, Хлюстинъ, Походяшинъ, Рюминъ и Логиновъ.

Прибыльщики, подъ видомъ услугъ казнѣ, старались извлечь изъ народа всевозможныя для нихъ выгоды, и еще въ 1749 году купцы Ворожейкинъ и Курчаниновъ предлагали правительству „приростить болѣе 50,000 рублей дохода за бороды и неуказное платье". Откупщики обязаны были давать 10% съ чистой прибыли въ казну на богоугодныя дѣла, но по этой части не было строгаго контроля. Мало того, одинъ изъ упомянутыхъ откупщиковъ, именно Логиновъ, устроилъ однажды въ Москвѣ народный праздникъ, на которомъ излишкомъ оставшейся у него водки перепоилъ народъ до-пьяна, такъ что нѣсколько человѣкъ замерзло, причемъ полиція, какъ тогда увѣряли, подобрала до 400 тѣлъ. Отказываясь платить узаконенный процентъ на богоугодныя дѣла, Логиновъ, покровительствуемый Потемкинымъ, выставлялъ, какъ разсказываетъ Державинъ, данный имъ народный праздникъ какъ сдѣланное имъ

пожертвованіе. Впрочемъ откупщики, наживаясь отъ народа, вмѣстѣ съ тѣмъ разстроивали казну. Такъ на одномъ Логиновѣ недочетъ простирался до 2.000,000 рублей, и немногимъ изъ нихъ удавалось прекращать свои откупныя операціи благополучно безъ болѣе или менѣе значительнаго казеннаго долга, который обыкновенно оказывался неоплатнымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Употребленіе богатствъ въ Россіи.—Старинный образъ жизни государей и знати.—Ихъ домашняя обстановка.—Простота и недороговизна жизни.—Начало роскоши.—Поощреніе ея Петромъ Великимъ.—Русскій дворъ.—Утонченность вкуса и старыя привычки.—Составленіе разныхъ коллекцій.—Библіотеки, музыка, актеры.—Финансовое затрудненіе богачей.—Желаніе знати жить въ долгъ.—Учрежденіе государственнаго банка.—Появленіе богатыхъ помѣщиковъ.—Ложныя богатства.—Прекращеніе раздачи населенныхъ имѣній.—Клады.—Повѣрья, къ нимъ относящіяся.

Говоря о способахъ составленія частныхъ богатствъ въ Россіи, нужно сказать и о ихъ употребленіи. Изъ сдѣланныхъ выше замѣчаній видно, что въ прежнія времена, за весьма рѣдкими исключеніями, капиталы не шли ни въ какіе особые обороты, которые могли бы увеличить нажитое однажды богатство. Правда, что со времени Петра Великаго нѣкоторые наши купцы, которыхъ онъ пріучалъ дѣйствовать „кумпанствами“, задавались большими предпріятіями, но такъ какъ въ этомъ случаѣ отвага превосходила обыкновенно разумные, осторожные разсчеты, то затѣваемыя у насъ коммерческія предпріятія лопались, и богачи-промышленники обращались въ такихъ же бѣдняковъ, какими они были до своей первой разживы.

Значительная масса дворянскихъ богатствъ была не только прожита, но и безразсудно промотана, если не первыми ихъ пріобрѣтателями, то ближайшими ихъ наслѣдниками. Это случилось собственно въ прошломъ столѣтіи, такъ какъ до того времени дорого стоющая роскошь и безполезныя растраты были у насъ не въ большомъ ходу. По образу старинной рус-

ской жизни и неизмѣняемости какъ домашняго, такъ и общественнаго быта и издерживаться было не на что.

Не вдаваясь въ подробности по этому предмету, мы представимъ только въ общихъ чертахъ, на что, до введенія къ намъ европейскихъ обычаевъ, могли издерживаться самые богатые у насъ люди. Самыя помѣстительныя и удобныя по тому времени хоромы стоили весьма недорого. Обстановка ихъ не требовала большихъ издержекъ, ни при первоначальномъ обзаведеніи, ни при послѣдующихъ подновленіяхъ. Одежда была обыкновенно весьма проста, а дорогіе наряды какъ мужскіе, такъ равно и женскіе, не подчиняясь причудливымъ требованіямъ моды, переходили постоянно отъ одного поколѣнія къ другому, да и самыя торжественныя угощенія были неприхотливы и незатѣйливы. Главная роскошь людей богатыхъ состояла въ многочисленной прислугѣ. Котошихинъ говоритъ, что въ иныхъ боярскихъ домахъ число прислуги доходило до 1,000 человѣкъ,—но зато и содержаніе ея при готовыхъ домашнихъ запасахъ обходилось весьма недорого; притомъ прислугу одѣвали очень просто, такъ какъ она ходила въ сермягахъ и босикомъ, и только въ важныхъ случаяхъ надѣвала простые суконные кафтаны.

Такая въ сущности нищенская обстановка не помѣшала однако Карамзину, восхвалявшему до-петровскій нашъ бытъ, написать слѣдующія фразистыя строки объ обстановкѣ московскаго боярства: „Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или шли на совѣтъ къ государю“. Петръ очень разумно заставилъ замолчать боярскіе бубны и изгналъ азіатскую пышность изъ обстановки старомосковской знати.

Впрочемъ, въ до-петровской нашей жизни было одно удобство: тогда богатые люди, имѣя все готовое для домашняго своего обихода, могли легко хранить золотыя и серебряныя деньги въ окованныхъ желѣзомъ сундукахъ, встрѣчая очень рѣдко надобность вынимать изъ нихъ на свои потребности рубли, а тѣмъ болѣе червонцы.

Князь Щербатовъ, въ сочиненіи своемъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, говоря о временахъ царей московскихъ, замѣчаетъ: „Не только подданные, но и государи жизнь вели самую простую: дворцы ихъ были необширны, достаточно было семи, восьми, десяти комнатъ“. Были: крестовая, она же была и аудіенцъ-залою, гдѣ ожидали государя бояре и другіе сановники; столовая небольшая, такъ какъ на царскихъ обѣдахъ присутствовало весьма немного, а для особыхъ торжествъ — Грановитая палата. Спальня общая съ царицею. За спальнею покои для царицыныхъ дѣвушекъ и комнаты для малолѣтнихъ царскихъ дѣтей, въ которыхъ они по двое и по трое живали; особыя комнаты они получали только тогда, когда приходили въ возрастъ, да и то не болѣе трехъ комнатъ: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Во всѣхъ комнатахъ стѣны были голыя и не было другой мебели, кромѣ скамеекъ, покрытыхъ кармазиннымъ сукномъ. Рѣзная работа на дверяхъ считалась великолѣпіемъ. Въ иныхъ комнатахъ стѣны были украшены грубою иконописью, плохими изображеніями святыхъ и цвѣтами на подобіе арабесковъ. Нѣсколько креселъ изъ орѣховаго дерева, обитыхъ сукномъ или трипомъ, предназначались собственно для царя и царицы. Какъ необыкновенную роскошь считали тогда обивку крестовой палаты золотыми кожами. Цари ежедневно обѣдали на оловѣ, а серебро употреблялось только въ торжественныхъ случаяхъ“.

Такое описаніе царской обстановки даетъ приблизительное понятіе о простотѣ и о неприхотливой домашней жизни богатыхъ московскихъ бояръ.

Кушанья за царской трапезой хотя и были многочисленны, но зато и очень просты. Говядина, баранина, свинина, гуси, индѣйки, утки, русскія куры, тетерева и поросятина были вполнѣ достаточны въ ту пору для самаго великолѣпнѣйшаго стола. Телятину употребляли вообще мало, а каплуновъ вовсе не знали. „Величайшее великолѣпіе,“ замѣчаетъ князь Щербатовъ, „состояло при обѣдахъ въ томъ, чтобъ кругъ жаренаго или ветчины обернуть золотой бумагой и позолотить пирожное, приготовленное на меду изъ чистой крупичатой муки“. До конца XVII вѣка на столѣ у самыхъ первыхъ нашихъ богачей не бывало другихъ овощей, кромѣ капусты, чеснoку,

свеклы, луку и рѣдьки. Спаржа и артишоки были ввезены въ Россію въ первый разъ изъ Голландіи только въ началѣ прошлаго столѣтія. Тогда же стали появляться у насъ оливки и каперсы. Рыбный столъ былъ еще проще, нежели скоромный. Вмѣсто десерта употребляли въ старину: изюмъ, коринку, винныя ягоды, медовую пастилу, горохъ, яблоки, груши, огурцы, виноградъ въ патокѣ, а не свѣжій, потому что въ такомъ видѣ его стали привозить къ намъ только при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Даже и арбузы доставлялись къ царскому двору изъ Астрахани какъ чрезвычайная рѣдкость. Напитки были: квасъ, пиво, медъ, водка; иностранныя же вина, красное, бѣлое, романея, аликанте, употреблялись рѣдко для угощенія важныхъ гостей, да и то съ большою бережливостію. Только при Аннѣ Ивановнѣ стали входить въ употребленіе въ самыхъ богатыхъ домахъ: бургундское, капское и шампанское, которое прежде замѣнялось на торжественныхъ обѣдахъ венгерскимъ.

Такимъ образомъ, наши богачи прежняго времени не имѣли возможности проживаться на ѣдѣ и на угощеньѣ. Роскошные, дорого стоющіе пиры начались собственно со временъ Петра I, но они тогда были очень рѣдки и учащались постепенно, представляя съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе какъ великолѣпія, такъ и утонченности.

Во время царей московскихъ вся роскошь богатыхъ бояръ обращалась на конскіе уборы: арчаки и сѣдла украшались драгоцѣнными каменьями, стремена дѣлали иногда золотыя, попоны шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ и съ запонами изъ дорогихъ каменьевъ. Все это, впрочемъ, служило цѣлыя столѣтія безъ всякой перемѣны, такъ что въ этомъ видѣ большія богатства были въ нѣкоторыхъ семействахъ наслѣдственны, переходя въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ отъ одного къ другому. Нельзя не согласиться, что если бы и теперь, даже при настоящей дороговизнѣ на всѣ жизненные припасы, привести жизнь современныхъ нашихъ богачей къ той обстановкѣ, среди которой жила старая московская знать, то расходы ихъ оказались бы крайне ничтожны. Это соображеніе наводитъ на мысль, что прежнія частныя богатсва не были у насъ въ сущности слишкомъ значительны, такъ какъ

на счетъ ихъ теперь могли бы удовлетворяться, да и то съ трудомъ, только потребности скромнаго домашняго обихода.

Самодѣльные русскіе экипажи были самые простые, а мужчины обыкновенно ѣздили верхомъ. Даже у царицъ были колымаги безъ стекляныхъ оконъ и безъ рессоръ. Эти колымаги были ничуть не затѣйливѣе нынѣшнихъ тарантасовъ и въ нихъ для сидѣнья клали пуховики. Вся роскошь этихъ неуклюжихъ экипажей состояла только въ томъ, чтобы позолотить и узорчато вытиснуть кожу, покрывавшую такую колымагу.

Надобно впрочемъ замѣтить, что европейская роскошь, хотя и весьма слабо, стала проникать къ намъ еще до Петра Великаго, и знаменитый князь Василій Васильевичъ Голицынъ обставилъ себя, какъ передаетъ графъ Невиль, самымъ великолѣпнымъ образомъ, на образецъ тогдашнихъ европейскихъ богачей. Хотя Петръ Великій и жилъ самъ чрезвычайно просто, но тѣмъ не менѣе онъ допускалъ и даже поощрялъ въ придворномъ кругу роскошь, какъ одно изъ необходимыхъ условій для развитія фабрикъ, ремеслъ и въ особенности торговли. Изданный имъ законъ о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ клонился между прочимъ и къ тому, чтобы дать возможность знатному дворянству жить пышно и представительно.

Вскорѣ послѣ Петра Великаго роскошь сдѣлала въ Петербургѣ слишкомъ быстрые успѣхи, а при Екатеринѣ I значительно умножился ввозъ въ Петербургъ заграничныхъ уборовъ и иностранныхъ винъ. Въ небольшомъ городкѣ, основанномъ Петромъ Великимъ въ Ингерманландіи, стали жить такъ широко, что бывшій въ Петербургѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія по поводу этого писалъ слѣдующее: „Я былъ при многихъ дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ всѣ богатѣйшіе дворы, потому что здѣсь все богаче, нежели въ Парижѣ“. Великолѣпіе обстановки въ частной жизни доходило въ Петербургѣ уже въ 1728 году до того, что балъ, данный герцогомъ де-Лиріемъ, обошелся ему въ 6,979 рублей. „Невозможно было сдѣлать праздникъ на мѣньшую сумму, писалъ онъ,—гдѣ все дѣлается съ блескомъ и великолѣпіемъ“. Не

смотря на то, что герцогъ получалъ отъ испанскаго двора 8,000 дублоновъ въ годъ жалованья—что составляло по тогдашнему нашему курсу 32,000 рублей,—онъ, гоняясь, по образу своей жизни, за рускими богачами, прожился наконецъ до того, что долженъ былъ заложить какому-то еврею орденъ Золотаго Руна, осыпанный брилліантами.

Императрица Анна Ивановна, дворъ которой отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ и тратилъ огромныя суммы, преслѣдовала, однако, роскошь среди своихъ подданныхъ, но преслѣдованія эти были направлены собственно только противъ дорогой одежды, на которую были налагаемы печати и которую дозволялось донашивать, не дѣлая вновь такой же одежды.

При Аннѣ Ивановнѣ появилась мебель краснаго дерева въ комнатахъ богатыхъ русскихъ вельможъ; размѣры ихъ домовъ значительно увеличились, стѣны начали обивать штофомъ и оклеивать дорогими обоями. При ней же, какъ выражается князь Щербатовъ, „экипажи то же великолѣпіе возчувствовали". Явились кареты позлащенныя, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ съ золотыми и серебряными бахрамами и съ шелковыми кутасами, богатыя ливреи, лучшія лошади, серебряныя и позолоченныя шоры. Комнатные приборы, такъ называвшіеся „нахтиши" (спальные туалетные поставцы со множествомъ мѣстъ для поклажи), дѣлались уже изъ серебра, взамѣнъ простыхъ деревянныхъ сундуковъ.

Еще при Петрѣ Великомъ знатныя русскія дамы перестали довольствоваться однимъ или двумя платьями, какъ довольствовались ихъ матери, бабушки и прабабушки, но начали имѣть по нѣскольку платьевъ съ галунами, шитьемъ и „пондеспанами" (points d'Espagne). Впослѣдствіи наряды стали еще роскошнѣе. Лэди Рондо въ своихъ письмахъ подробно описываетъ ихъ великолѣпіе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, обходилось въ ту пору слишкомъ дорого, такъ какъ всѣ принадлежности параднаго дамскаго туалета доставлялись изъ заграницы.

Но, не смотря на начавшуюся у насъ европейски-утонченную роскошь, сохранялись еще слишкомъ замѣтно старыя привычки. Такъ, Манштейнъ разсказываетъ, что ему приходилось

видѣть господъ въ богатѣйшемъ одѣяніи и въ растрепанномъ парикѣ: неискусный портной кромсалъ прекраснѣйшія ткани, и если нарядъ не оставлялъ желать ничего лучшаго, то его портилъ экипажъ: великолѣпно одѣтый баринъ разъѣзжалъ въ дрянной повозкѣ, запряженной отвратительными клячами. Въ домахъ, гдѣ все блестѣло золотомъ и серебромъ, господствовала величайшая нечистота, и женщины въ этомъ отношеніи были не лучше мужчинъ. На одну какъ слѣдуетъ одѣтую даму приходилось десять въ безобразномъ нарядѣ. Весь домашній бытъ отмѣченъ былъ недостаткомъ порядка, и мало было домовъ, гдѣ одна бы часть хозяйства соотвѣтствовала другой.

Вѣкъ Екатерины II былъ особенно роскошенъ оттого, что-только что составившіяся при ней, а еще ранѣе и при Елизаветѣ Петровнѣ, многія дворянскія богатства не успѣли еще распасться.

Около этого времени русскіе вельможи-богачи настроили себѣ великолѣпные дворцы, преимущественно въ Москвѣ, а также загородные дома въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ.

Въ Москвѣ при Екатеринѣ II преимущественно основывали свое мѣстопребываніе недовольные вельможи и, стараясь, сообразно понятіямъ того времени, пріобрѣсти себѣ популярность, жили съ великолѣпной обстановкой, тратя между прочимъ свои богатства на приживальщиковъ и прихлебателей. Поэтому въ Москвѣ сохранялось болѣе всего разсказовъ, впрочемъ съ большими преувеличеніями, о богатствахъ русскихъ вельможъ прошлаго столѣтія.

Дома русской богатой знати, не понимавшей ничего не только въ классической, но и въ родной древности, а также не знавшей толку въ художественныхъ произведеніяхъ, наполнялись рѣдкостными коллекціями мраморовъ, антиковъ, „болванчиковъ“ и картинъ. „Можно подумать,—говоритъ англійскій путешественникъ Кларкъ, бывшій въ Россіи въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія,—что русскіе богачи обобрали всю Европу для составленія своихъ замѣчательныхъ коллекцій“.

Желая сообразоваться съ духомъ того времени, начавшимъ уже требовать образованія отъ людей, попадавшихъ на общественныя вершины, русскіе богачи во второй половинѣ XVIII вѣка употребляли свои средства и на устройство дорого сто-

ившихъ библіотекъ. Но иногда желаніе завести у себя замѣчательное книгохранилище было только желаніемъ выставить напоказъ свою любовь къ просвѣщенію. Такъ Гельбигъ разсказываетъ, что обогащенный Екатериною II Иванъ Николаевичъ Корсаковъ задумалъ обзавестись библіотекою, и когда къ нему явился книгопродавецъ съ вопросомъ, какія ему желательно имѣть книги?—то Корсаковъ отвѣчалъ ему: „Это ваше дѣло, а мнѣ все равно. Ставьте только большія книги на нижнія полки, а маленькія на верхнія. Словомъ, сдѣлайте такъ, какъ это сдѣлано у государыни“.

Ловкіе эксплуататоры умѣли между прочимъ пользоваться появившеюся у насъ страстью къ древностямъ, и нѣкто Салакадзевъ дошелъ въ торговлѣ этого рода предметами даже до того, что продавалъ выгодно обломки камня, на которомъ будто спалъ Димитрій Донской послѣ куликовскаго побоища. Не только первостепенные, но и средней руки богачи, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ музыкѣ, начали составлять изъ своихъ крѣпостныхъ людей оркестры музыкантовъ. Такая потѣха стоила не мало денегъ, но зато иногда приносила и выгоду: такъ, напримѣръ, прожившійся въ конецъ князь Одоевскій содержалъ себя на счетъ своихъ музыкантовъ. Вмѣстѣ съ оркестромъ заводили иногда и крѣпостныхъ актеровъ, но когда дѣла у владѣльцевъ этихъ подневольныхъ артистовъ разстроивались, то они посылали своихъ вассаловъ играть для собственнаго своего прокормленія въ губернскіе города, а одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, Столыпинъ, отдалъ свою труппу на московскую сцену.

Богатые люди имѣли дома въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, и хотя не жили въ этихъ домахъ, но изъ пустаго чванства не отдавали ихъ въ наймы. Все это показываетъ, какъ безтолково въ прежнее время проживались у насъ и родовыя и лично пріобрѣтенныя богатства.

„При императрицѣ Елизаветѣ“, говоритъ князь Щербатовъ, „вельможи изыскивали въ одеждѣ все, что̀ есть богатѣе, — въ столѣ все, что̀ есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ все, что̀ есть рѣже; возобновили древнюю многочисленность прислуги, надѣвъ на нее дорогую одежду“. При ней, какъ разсказываетъ придворный брилліантщикъ Позье, придворныя дамы надѣвали изумительное

множество брилліантовъ. На дамахъ сравнительно низшаго званія бывало брилліантовъ на 10 и на 12,000 рублей. Экипажи богачей блистали золотомъ, дорогія лошади были не столько удобны къ ѣздѣ, сколько для виду. Золоченныя колеса, красная сафьянная сбруя съ вызолоченнымъ наборомъ, кучера въ бархатныхъ кафтанахъ съ бобровою опушкою являлись на улицу при ежедневныхъ выѣздахъ богатыхъ людей. Въ торжественные же дни поѣздъ снаряжался еще великолѣпнѣе: у нѣкоторыхъ богатыхъ господъ парадныя кареты съ зеркальными стеклами были вызолочены снаружи. Цугъ отличныхъ коней съ кокардами и бантами на головахъ. Кучера безъ бородъ, но съ усами, въ трехугольныхъ шляпахъ, пудренные, съ косами; позади каретъ стояли рослые гайдуки, одѣтые егерями или гусарами. Впереди кареты бывали скороходы, и они, опираясь на длинныя булавы, дѣлали размашистые скачки. Одѣты были эти бѣгуны въ легкія куртки съ ленточными бантами на колѣнкахъ и локтяхъ; такой нарядъ они носили и въ самые сильные морозы. На головахъ у нихъ были бархатныя шапочки съ кистями и страусовыми перьями. Владѣльцы этихъ скороходовъ употребляли ихъ не только для парада, но и вмѣсто почтъ.

Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогою мебелью. Съ изумительною роскошью жили богачи того времени: графы Разумовскіе, Шереметевы, Апраксинъ, Шуваловъ и князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, „отбѣгающій отъ службы поручикъ“. Тогда, по словамъ князя Щербатова, роскошь въ одеждѣ превзошла всѣ предѣлы: „часто гардеробъ составлялъ почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ какого нибудь придворнаго и щеголя“. По словамъ Щербатова же, еще въ 1748 году „у всего двора былъ одинъ только шитый золотомъ красный суконный кафтанъ у Василья Ильича Бибикова, а въ 1777 году всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣянія носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье“. Серебряные сервизи и дорогой хрусталь считались необходимою домашнею принадлежностью каждаго богатаго человѣка.

Вообще образъ жизни нашихъ баръ сталъ таковъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, что расходы начали обык-

новенно превышать доходы, и мы увидимъ, въ какихъ тискахъ находились наши вельможные тузы, разорявшіеся на представительность изъ желанія подражать тогдашнимъ версальскимъ аристократамъ, доживавшимъ свое время. Особенно трудно было тогда лицамъ только что вышедшимъ въ люди, такъ какъ имъ, не имѣя никакого наслѣдственнаго состоянія, приходилось равняться по своей роскошной обстановкѣ съ богачами, имѣвшими уже родовую обзаводку. Поэтому, напримѣръ, канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, считавшійся богачемъ, перебивался всю жизнь какъ бѣднякъ, и даже графъ Кирило Разумовскій жаловался императрицѣ Елизаветѣ на затруднительность своего положенія въ финансовомъ отношеніи.

Живя выше наличныхъ и даже будущихъ своихъ средствъ, наши богачи затягивались въ неоплатные долги. Позье, о которомъ мы упомянули выше, сообщаетъ, что петербургская знать въ половинѣ прошлаго столѣтія добивалась только того, чтобъ покупать въ кредитъ, не имѣя чѣмъ заплатить, и потому, когда къ квартирѣ Позье подъѣзжали кареты шестернею, то онъ приказывалъ запирать двери и сказывать, что его нѣтъ дома.

Если Позье съ своей стороны былъ такъ тугъ на кредитъ къ тогдашнимъ русскимъ богачамъ, то съ другой стороны императрица Елизавета Петровна держалась иной системы. Она, или, вѣрнѣе сказать, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, открыла правительственный кредитъ, который въ свою очередь былъ одною изъ причинъ разоренья людей богатыхъ, а также создалъ у насъ ложное, слишкомъ непрочное богатство. Надобно впрочемъ добавить, что во всемъ этомъ былъ виноватъ собственно не кредитъ, но только его крайне-неразумное употребленіе со стороны тѣхъ, которые имъ пользовались.

Подъ конецъ царствованія Елизаветы Петровны стали у насъ въ провинціяхъ, вдали отъ двора, являться богатые помѣщики, владѣвшіе иногда слишкомъ 10,000 душъ крестьянъ. Этому въ значительной степени содѣйствовало учрежденіе государственнаго банка, который началъ выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Тогда многіе помѣщики, вполнѣ обезпеченные своими доходами и потому не имѣвшіе надобности въ займахъ для удовлетворенія своихъ текущихъ расходовъ, спѣшили однако воспользоваться банковыми ссудами,

которыя казались очень выгодными. Они закладывали въ банкъ состоявшія за ними имѣнія и на полученныя такимъ образомъ деньги покупали новыя вотчины, которыя тоже, въ свою очередь, отдавались ими въ залогъ банку, а полученныя въ ссуду деньги служили средствомъ къ дальнѣйшему пріобрѣтенію ими деревень.

Вслѣдствіе этого у насъ явилось много дворянъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями, но помѣстьями заложенными и слѣдовательно не представлявшими уже прежней своей доходности. О раціональномъ же улучшеніи своихъ хозяйствъ на занятыя въ банкѣ деньги вовсе не думали, такъ какъ вообще полагали, что дворянское богатство должно заключаться въ сколь-возможно большемъ числѣ крестьянскихъ душъ и тяглъ, не подозрѣвая, что оно прежде всего поставлено въ прямую зависимость отъ хорошаго устройства имѣнія, хотя бы имѣніе это и не было слишкомъ значительно.

Такой ошибочный взглядъ велъ къ тому, что быстрая покупка иногда нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ разомъ дѣлала помѣщика богачемъ, но богачемъ только для вида. Въ сущности же она была обыкновенно причиною его разоренія, такъ какъ заложенное въ банкѣ имѣніе, при плохомъ управленіи, мотовствѣ, дѣлало помѣщика несостоятельнымъ по платежу лежавшаго на немъ долга, и купленное на занятыя деньги имѣніе не удерживалось за неразсчетливымъ покупщикомъ.

Притомъ весьма многіе стали занимать деньги даже не для пріобрѣтенія новыхъ помѣстій, но на прожитокъ, и тѣмъ чрезвычайно запутывали свои денежныя дѣла.

При Екатеринѣ II назначенъ былъ выпускъ на 33.000,000 рублей банковыхъ билетовъ, изъ нихъ 22.000,000 рублей разрѣшено было выдать дворянству за 8% ежегодно на уплату долговъ подъ залогъ имѣній съ разсрочкою на 12 лѣтъ; къ этимъ 22 милліонамъ было присоединено еще 4.000,000, составлявшіе фондъ прежняго заемнаго банка. Затѣмъ 11.000,000 рублей было предназначено въ раздачу городскимъ обывателямъ подъ залогъ домовъ. Война съ Турціею въ 1787 году помѣшала исполненію этого предположенія, и деньги были обращены на военныя издержки. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій съ своей стороны представлялъ, что обѣднѣвшему

и безъ того дворянству дается поводъ къ новому разоренію, хотя такою операціею само правительство и надѣялось дать дворянству способъ раздѣлаться съ старыми долгами.

При императорѣ Павлѣ принята была противъ долговъ, разорявшихъ наслѣдственныя богатства, другая мѣра—былъ изданъ „Уставъ о банкротахъ“, главная цѣль котораго была удержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ сверхъ доходности и тѣмъ болѣе сверхъ стоимости имѣнія. „Уставомъ“ этимъ предполагалось сжать кредитъ въ самые тѣсные предѣлы. Заемныя письма велѣно было писать у крѣпостныхъ дѣлъ, а ежели долговыя будутъ письма, то по нимъ производить взысканіе не иначе какъ по формѣ судомъ и неспорнымъ исполненіемъ. При этомъ, однако, кредитъ купечества по векселямъ оставленъ въ прежней силѣ. Съ своей стороны Державинъ, какъ сенаторъ, высказывалъ мысль, чтобъ довѣренность дѣлать дворянству не иначе, какъ по открытому листу, засвидѣтельствованному правительствомъ, съ означеніемъ въ этомъ листѣ, гдѣ у кого какое имѣніе есть, такъ чтобъ на этомъ листѣ каждый заимодавецъ подписывался, сколько подъ какое имѣніе денегъ далъ, дабы послѣдующій заимодавецъ могъ видѣть, не безопасно ли ему подъ то имѣніе ссудить деньги. Предложеніе это принято не было, такъ какъ оно отнимало бы всякое довѣріе лично къ дворянину, перенося его только на недвижимое имѣніе.

Къ числу причинъ, содѣйствовавшихъ у насъ не только разстройству, но и совершенному разоренію частныхъ богатствъ, должно отнести и карточную игру. Въ концѣ XVIII вѣка она развилась въ огромныхъ размѣрахъ, особенно въ Москвѣ, куда со всѣхъ сторонъ съѣзжались ловкіе шулера. Императрица Екатерина II, какъ говорится въ изданномъ ею указѣ о запрещеніи азартныхъ игръ, явила новый знакъ материнскаго попеченія, повелѣвъ признавать карточные долги недѣйствительными. Но мѣра эта не прекратила бѣшеной картежной игры и, какъ говорятъ преданія, ставки въ банкъ червонцами дѣлали не счетомъ, а мѣрою—стаканами. Молодые богатые наслѣдники преимущественно становились жертвами опытныхъ и недобросовѣстныхъ игроковъ.

При императорѣ Александрѣ I пресѣкся самый главный

источникъ обогащенія нашихъ вельможъ, а именно: въ 1801 году прекратилось жалованіе населенными имѣніями. Новый государь твердо и положительно отказывалъ на поступавшія къ нему, по прежнему обычаю, челобитныя о такомъ пожалованіи имѣніями. Не говоря о томъ, до какой степени имѣли вліяніе на эту отмѣну личныя понятія государя о несправедливости закрѣпощенія сельскаго населенія за частными владѣльцами, нельзя не имѣть въ виду, что, по словамъ Державина, за раздачею скоровременно и безразсудно, въ прежнее время, кому ни попало, россійскихъ казенныхъ крестьянъ и польскихъ арендъ, при восшествіи на престолъ императора Александра I не было уже чѣмъ жаловать. Вѣроятно и это обстоятельство имѣло также свою долю вліянія на рѣшимость государя.

Къ средствамъ болѣе или менѣе практическаго свойства, которыя употреблялись для пріобрѣтенія у насъ богатствъ и о которыхъ мы уже говорили, нужно присоединить еще и игру воображенія. Въ старое время у насъ господствовало среди всѣхъ классовъ населенія повѣрье въ клады. Основаніемъ этому служило то, что иногда зажиточные люди, боясь покражи или истребленія пожаромъ накопленныхъ вещей и денегъ, зарывали ихъ въ землю, потомъ умирали, не взявъ спрятаннаго ими изъ потаеннаго, извѣстнаго имъ только однимъ мѣста. По прошествіи же многихъ лѣтъ иногда находили случайно зарытое добро, стоимость котораго слишкомъ преувеличивала народная молва. Точно также и разбойники зарывали иной разъ награбленное ими въ лѣсахъ и другихъ намѣченныхъ ими мѣстахъ. Во время пугачевщины было немало случаевъ зарытія въ землю денегъ и дорогихъ вещей, и съ тѣхъ поръ съ особенною силою пошла въ ходъ молва о богатыхъ кладахъ. Державинъ передаетъ слухъ, что послѣ разгрома Желѣзняка предводительствуемые имъ казаки, безпощадно грабившіе польскихъ пановъ, шляхту и евреевъ, зарыли въ лѣсахъ несмѣтныя богатства: золотую и серебряную посуду, а также пушки, набитыя жемчугомъ и золотомъ. Разсчетъ на легкое въ Россіи вѣрованіе въ возможность отыскивать клады доходилъ до того, что, напримѣръ, къ Петру Великому явился какой-то сербъ Волошанинъ и подбивалъ государя отыскивать кладъ царей:

персидскаго Дарія Кодомана и македонскаго Александра Великаго. По разсказамъ Волошанина, кладъ этотъ находился въ Венгріи и состоялъ изъ слитковъ золота, царскихъ коронъ, „золотаго змія, въ усѣхъ котораго учиненъ камень діамантъ, золотаго болвана—бога жидовскаго, золотаго льва“ и пр.

Намъ, впрочемъ, не встрѣтилось ни одного случая обогащенія посредствомъ найденнаго клада. Пускались же подъ рукою иногда слухи объ этомъ, но для того, чтобы отклонить общественное или полицейское вниманіе отъ богатства, нажитаго какимъ нибудь преступнымъ способомъ. Да и разбогатѣть отъ находки клада трудненько, такъ какъ, по народному повѣрью, онъ не дается въ руки безъ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ, заклинаній и безъ знанія приговоровъ. Приговоры же при зарытіи кладовъ бываютъ весьма различны. Иногда, какъ расказываютъ, прячутъ въ землю кладъ на голову или на нѣсколько человѣческихъ головъ. Въ такомъ случаѣ тотъ, кто захотѣлъ бы достать его, долженъ погубить извѣстное заговоренное число людей и тогда кладъ достанется ему безъ всякихъ затрудненій. Если подозрѣваютъ, что кто-нибудь сбирается зарыть кладъ, то близкіе къ нему люди подстерегаютъ его, и когда онъ примется за работу, тогда подслушиваютъ его слова и переговариваютъ ихъ, послѣ чего кладъ переходитъ легко. Въ народѣ ходитъ множество разсказовъ о такихъ будто бы найденныхъ кладахъ, какихъ въ дѣйствительности, по ихъ громадной стоимости, не могло никогда существовать. Иногда кладъ зарываютъ на счастливаго, и послѣ этого кладъ является ему собакой, кошкой, курицей. Если кладъ явится въ такомъ видѣ, то слѣдуетъ идти за нимъ, и когда онъ остановится, то не плошать, а ударить его на-отмахъ, чѣмъ попало, вскрикнувъ—разсыпься! и гдѣ онъ разсыплется, тамъ и слѣдуетъ копать землю. Бываютъ клады извѣстные многимъ, но взять ихъ все-таки нельзя, потому что чрезвычайно трудны тѣ условія, какія должно исполнить для пріобрѣтенія клада.

Пока люди простые и легковѣрные надѣялись разбогатѣть, отыскавъ большой кладъ, люди практическіе, неподатливые на подобныя сказки, искали и обрѣтали богатства другими способами.

Объ этомъ-то и пойдетъ теперь нашъ разсказъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вліяніе смутнаго времени на владѣніе поземельною собственностью. — Романовы. — Князья Воротынскіе и Мстиславскіе. — Богатство князей Одоевскихъ. — Отдача имѣнія Троицко-Сергіевской Лаврѣ. — Жизнь князя Одоевскаго на счетъ крѣпостныхъ музыкантовъ. — Князья Трубецкіе. — Пожалованіе Ваги и Трубчевска. — Князья Ромодановскіе. — Боярскій родъ Стрѣшневыхъ. — Отобраніе имѣній у князей Хованскихъ и князей Мышецкихъ. — Фамиліи Морозовыхъ и Милославскихъ. — Ордынъ-Нащокинъ. — Его пожертвованіе. — Князья Голицыны. — Пожалованія и награды князю Василію Васильевичу Голицыну. — Участь его богатствъ и судьба его потомства. — Переходы богатствъ въ родъ князей Голицыныхъ изъ другихъ фамилій. — Салтыковы и Мятлевы.

Въ такъ называемое смутное время у насъ шелъ вопросъ не только о династіяхъ и объ образѣ правленія, но въ продолженіе его и экономическій бытъ нашъ становился близокъ къ большому перевороту. При появленіи втораго лжецаря Дмитрія, объявлялось изъ Тушинскаго стана, что царь идетъ на то, чтобъ все перевернуть на Руси: при немъ богатые должны будутъ обнищать, нищіе обогатѣть, бояре станутъ мужиками, а холопы и мужики вознесутся въ боярство и будутъ править землею. Хотя такія предвѣщанія и не сбылись, но тѣмъ не менѣе въ распредѣленіи частныхъ богатствъ произошли у насъ большія измѣненія. Не говоря о тѣхъ грабежахъ и опустошеніяхъ, какіе испытало въ то время московское государство, нельзя не замѣтить, что помѣстья,—главный видъ тогдашнихъ богатствъ въ Россіи,—относительно права частныхъ лицъ на владѣніе ими, были въ самомъ шаткомъ положеніи. Помѣстья, розданныя царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуй-

скимъ и Лжедимитріемъ, не были прочны за ихъ владѣльцами. Послѣ того одни бояре успѣли выпросить себѣ помѣстья и вотчины у короля польскаго Сигизмунда III, который въ этомъ отношеніи оказывался весьма щедрымъ, другіе съ такими же просьбами обращались къ Тушинскому вору, который и съ своей стороны не отказывалъ просителямъ, обѣщаясь потвердить свои пожалованія по вступленіи въ Москву. Наконецъ былъ приговоръ земской думы, по которому князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, Прокопій Ляпуновъ и атаманъ Иванъ Заруцкій, будучи признаны правителями русской земли, получили право раздавать и отбирать помѣстья.

Въ это время разсѣялись богатства Годуновыхъ; вотчины и помѣстья, принадлежавшія царю Борису Ѳедоровичу и его сыну, какъ частнымъ лицамъ, были разобраны боярами. Другая линія Годуновыхъ, не отличавшаяся впрочемъ особеннымъ богатствомъ, существовала до начала XVIII в., и въ спискѣ помѣстныхъ владѣльцевъ въ 1699 году встрѣчается одинъ Годуновъ. Такая же участь постигла и вотчины бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и его братьевъ, отвезенныхъ въ Польшу, но представители фамилій князей Шуйскихъ,—люди съ весьма ограниченнымъ достаткомъ,—встрѣчались на Литвѣ и на Волыни еще въ исходѣ прошлаго столѣтія. Они происходили отъ уѣхавшаго въ Польшу князя Шуйскаго, получившаго помѣстья отъ короля Сигизмунда III. Вообще же разстройство поземельныхъ владѣній въ смутное время дошло до того, что даже дворцовыя помѣстья и вотчины, какъ намъ пришлось замѣтить выше, были запустошены и разобраны въ частныя руки.

По прекращеніи смутъ, во главѣ русской земли сталъ боярскій родъ Романовыхъ, происходившій отъ выѣхавшаго изъ Пруссіи вельможи. Фамилія Романовыхъ, какъ по родству съ царскимъ домомъ, такъ и по мѣстничеству, стояла высоко среди московской знати въ исходѣ XVI столѣтія, но о богатствѣ ея намъ не пришлось встрѣтить особыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ состояніе Романовыхъ, какъ опальныхъ бояръ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ, должно было сильно пошатнуться, и ссылка Петра Великаго на ограниченность своего родоваго состоянія показываетъ, что Романовы не были изъ числа лю-

дей богатыхъ. Фамилія ихъ не по царской линіи пресѣклась во второй половинѣ XVII столѣтія. Ближайшими родственниками Романовыхъ были князья Сицкіе-Рюриковичи. Одинъ изъ нихъ, бояринъ князь Василій Андреевичъ († 1578 г.), женатый на Аннѣ Романовнѣ, сестрѣ царицы Анастасіи, оставилъ сыновей и внуковъ; другой, также бояринъ, князь Иванъ Васильевичъ, былъ женатъ на Ефиміи Никитичнѣ Романовой, сестрѣ патріарха Филарета; родъ его пресѣкся со смертью его единственнаго сына.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ поземельная собственность была приведена въ нѣкоторый порядокъ утвержденіемъ прежнихъ раздачъ царскими граматами, и во второй половинѣ XVII столѣтія богатыми помѣстными владѣльцами были изъ княжескихъ родовъ: Воротынскіе, Мстиславскіе, Одоевскіе, Трубецкіе, Ромодановскіе, Голицыны, Лыковы, Хованскіе, Мышецкіе, Пронскіе, Прозоровскіе, а изъ боярскихъ родовъ: Милославскіе, Стрѣшневы, Нарышкины, Салтыковы, Морозовы, Матвѣевы, и въ особенности именитые люди Строгановы, не принадлежавшіе впрочемъ ни къ родовой, ни къ личной московской знати, но составлявшіе собою какъ бы особое сословіе въ государствѣ.

Князья Воротынскіе — Рюриковичи по происхожденію — были извѣстны своимъ богатствомъ еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, но богатѣйшимъ ихъ представителемъ долженъ считаться бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ († 1679 г.), мать котораго, изъ фамиліи Стрѣшневыхъ, была родная сестра царицы Евдокіи Лукьяновны и съ кончиною котораго пресѣкся знаменитый родъ Воротынскихъ. Старшій сынъ его, князь Михаилъ Ивановичъ, умеръ бездѣтнымъ раньше отца двумя годами, обѣ старшія дочери его умерли въ дѣвицахъ. Младшая же вышла замужъ за князя Петра Алексѣевича Голицына, но такъ какъ отъ этого брака у нихъ не было дѣтей, то все имѣніе князей Воротынскихъ, какъ выморочное, поступило въ казну. То же было и съ богатствомъ князей Мстиславскихъ, потомковъ великаго князя литовскаго Гедимина. Послѣдній представитель этой фамиліи, бояринъ и конюшій Ѳедоръ Ивановичъ, умеръ въ 1622 году; послѣ него не осталось потомства, такъ какъ сынъ и дочь его умерли прежде

его въ молодыхъ годахъ; младшій братъ его умеръ еще въ 1582 году бездѣтнымъ; старшая сестра дѣвицею постриглась въ монахини, а младшая, княжна Анастасія Ивановна, не оставила дѣтей отъ брака съ бояриномъ княземъ Василіемъ Корданковичемъ Черкасскимъ. Сохранилось извѣстіе, что Борисъ Годуновъ, опасаясь соперничества богатаго и знатнаго рода князей Мстиславскихъ съ родомъ Годуновыхъ, не дозволялъ вступить въ бракъ боярину князу Василію Ивановичу Мстиславскому, но намекалъ ему, что если онъ истребитъ царевича Дмитрія Ивановича, то получитъ руку Ксеніи Борисовны, и что при этомъ даны будутъ ему въ удѣлъ царства Сибирское и Казанское.

Что касается обширныхъ въ старину имѣній князей Одоевскихъ, старшаго нѣкогда въ Россіи княжескаго, недавно пресѣкшагося рода, то значительная часть этихъ имѣній была отчуждена изъ ихъ фамиліи въ давнее время, вслѣдствіе набожности одного изъ его членовъ. По поводу этого, покойный князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій разсказывалъ слѣдующее:

„Однажды, въ молодости, онъ пріѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, и тамошніе монахи узнали какъ-то, что онъ князь Одоевскій. Вслѣдствіе этого къ нему поспѣшилъ самъ намѣстникъ Лавры и предложилъ, не угодно ли ему отправиться въ соборъ, гдѣ всею монашествующею братіею будетъ отслужена панихида по усопшимъ его предкамъ? Финансовыя дѣла князя, не имѣвшаго никакого родоваго состоянія, были не въ цвѣтущемъ положеніи, и онъ косвеннымъ образомъ далъ понять отцу-намѣстнику, что сдѣланное ему предложеніе нѣсколько затрудняетъ его потому, что при торжественной обстановкѣ поминовенія его прародителей ему пришлось бы сдѣлать значительный вкладъ въ лаврскую казну. „Не извольте объ этомъ безпокоиться, ваше сіятельство, возразилъ намѣстникъ,—мы и такъ обязаны молиться объ упокоеніи усопшихъ князей Одоевскихъ, потому что одинъ изъ предковъ вашихъ завѣщалъ нашей обители 6,000 душъ крестьянъ на вѣчное поминовеніе какъ его самого, такъ и всѣхъ его сродниковъ“.

Фамилія князей Одоевскихъ продолжала быть богатой и въ XVIII столѣтіи, въ особенности когда одному изъ предста-

вителей ея, дѣйствительному тайному совѣтнику и президенту вотчинной коллегіи, князю Ивану Васильевичу Одоевскому (род. 1710 г., † 1758 г.), досталась по наслѣдству часть имѣнія угасшей фамиліи князей Лыковыхъ. Но все его богатство не пошло ему въ прокъ: онъ замотался до того, что, какъ разсказываетъ князь Щербатовъ, долженъ былъ продать всѣ свои деревни, оставивъ только крѣпостныхъ музыкантовъ, которые, ходя въ разныя мѣста играть за деньги, содержали и себя и своего барина. Наконецъ, этотъ прожившійся князь-сановникъ и александровскій кавалеръ дошелъ до того, что воровалъ у графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго деньги во время карточной игры. Упомянутый, извѣстный въ русской литературѣ князь Владиміръ Ѳедоровичъ былъ родной его правнукъ, не наслѣдовавшій отъ своего прадѣда ни состоянія, ни безчестности, а только страсть его къ музыкѣ, и притомъ такую страсть, изъ которой, какъ извѣстно, онъ не извлекалъ для себя никакихъ доходовъ.

Другая, старшая линія князей Одоевскихъ сохранила свои богатства до болѣе поздняго времени. Послѣдній представитель этой линіи, князь Сергѣй Петровичъ Одоевскій, былъ убитъ въ 1813 году въ сраженіи подъ Дрезденомъ, и сестра его, княжна Дарья Петровна, завѣщала, съ высочайшаго разрѣшенія, все доставшееся ей родовое имѣніе, состоявшее изъ 8,000 душъ крестьянъ, мужу своему генералъ-лейтенанту русской службы графу де-Кенсонѣ, бывшему потомъ, при Бурбонахъ, пэромъ Франціи.

Богатство князей Трубецкихъ, древнихъ владѣтелей города Трубчевска,—въ нынѣшней Орловской губерніи,—происходящихъ, по нѣкоторымъ сомнительнымъ, впрочемъ, сказаніямъ, отъ великаго князя литовскаго Гедимина и остававшихся послѣдними удѣльными князьями въ Россіи, было весьма значительно. Еще въ то время, когда князья Трубецкіе или Трубчевскіе сохраняли свое наслѣдственное княженіе, одному изъ нихъ, въ 1579 году, былъ пожалованъ городъ Переяславль-Залѣсскій „со всѣми пошлинами“. Занявъ при вступленіи въ подданство Россіи одно изъ высшихъ мѣстъ среди московской знати, князья Трубецкіе сохраняли въ цѣлости свои наслѣдственныя имѣнія въ особенности потому, что родъ ихъ въ бы-

лое время не размножался. Одинъ изъ нихъ, князь Дмитрій Тимофеевичъ, столь извѣстный въ смутное время, получилъ, въ началѣ 1613 года, отъ царя Михаила Ѳедоровича въ потомственное владѣніе вотчину Вагу, — нынѣшній городъ Шенкурскъ, въ Архангельской губерніи,—какъ сказано въ данной ему на эту вотчину граматѣ: „За многія службы и за радѣніе, и за промыслъ, и за дородство, и за храбрство, и за правду, и за кровь". Когда князь Дмитрій Тимофеевичъ умеръ въ 1625 году въ Тобольскѣ, будучи намѣстникомъ Сибири, и потомства послѣ себя не оставилъ, то пожалованная ему вотчина выбыла опять въ казну изъ рода князей Трубецкихъ. Другой представитель этой фамиліи, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Царь пожаловалъ ему, 17 марта 1660 года, принадлежавшій нѣкогда предкамъ его городъ Трубчевскъ съ уѣздомъ, со всѣми людьми посадскими, служилыми, жилецкими и уѣздными, и даже самихъ горожанъ, незадолго до того поступившихъ въ число дѣтей боярскихъ, отдалъ „во власть, судъ и владѣніе" князя Алексѣя Никитича. При пожалованіи ему этого имѣнія, онъ былъ названъ „державцемъ Трубчевскимъ", такъ что дѣлался чѣмъ-то въ родѣ владѣтельнаго князя. Трубецкой недолго впрочемъ пользовался всѣмъ этимъ, такъ какъ онъ постригся въ монахи и въ 1663 году умеръ бездѣтнымъ, возвративъ царю все полученное имъ имѣніе.

Важская волость была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ богатства частныхъ лицъ. Шуйскій отдалъ эту волость, бывшую за Григоріемъ Годуновымъ, племяннику своему князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и брату своему Дмитрію. Волость Вага доставалась обыкновенно лицамъ близкимъ къ царю. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ владѣлъ ею Борисъ Годуновъ, а когда воцарился этотъ послѣдній, то онъ отдалъ ее брату своему Григорію. Въ смутное время бояринъ Михаилъ Салтыковъ писалъ Сапѣгѣ, что въ хорошую пору волость эта—когда тамъ были тайги и кабаны,— давала 9,000 рублей ежегоднаго дохода, а въ то время только 3,000. Салтыковъ, желавшій захватить Вагу самъ, уменьшалъ получавшійся съ нея доходъ, тогда какъ онъ по другимъ извѣстіямъ хотя и уменьшился, но все же простирался до 6,000 рублей. Флет-

черъ говоритъ, что Вага приносила 32,000 рублей доходу, а Горсей пишетъ, что доходъ съ нея простирался до 35,000 рублей въ годъ.

Въ это время князей Трубецкихъ въ Россіи не было, потому что старшій братъ князя Алексѣя Никитича, князь Юрій, женатый на дочери главнаго коновода польской партіи, боярина Михаила Глѣбовича Салтыкова, отъѣхалъ въ 1611 году вмѣстѣ съ тестемъ своимъ въ Польшу, гдѣ умерли онъ и оба его сына. Вскорѣ послѣ смерти князя Алексѣя Никитича пріѣхалъ въ Россію единственный внукъ князя Юрія Петровича, тоже Юрій Петровичъ. Женившись на родной сестрѣ любимца Софіи, князя Василія Васильевича Голицына, онъ, благодаря этому сильному въ то время родству, получилъ обширныя помѣстья. Одинъ изъ сыновей его, князь Иванъ Юрьевичъ (род. 1667 г., † 1750 году), послѣдній боярин, не оставилъ сыновей, а у другаго его сына, князя Юрія Юрьевича, былъ сынъ фельдмаршалъ и генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ (род. 1700 г., † 1768), одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ того времени, какъ самъ по себѣ, такъ и по женитьбѣ на графинѣ Анастасіи Гавриловнѣ Головкиной. Въ фамилію же князей Трубецкихъ перешла часть богатствъ графовъ Румянцовыхъ вслѣдствіе женитьбы князя Юрія Никитича на графинѣ Дарьѣ Александровнѣ Румянцовой. Но впослѣдствіи всѣ богатства этой фамиліи раздѣлились между многочисленными ея представителями. Ей же досталась нѣкоторая доля изъ богатства Твердышевыхъ и Мясниковыхъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Къ богатой московской знати принадлежали, въ исходѣ XVII столѣтія, Ромодановскіе, вѣтвь князей Стародубовскихъ, изъ потомства Рюрика. Одному изъ нихъ, князу Юрію Ѳедоровичу, царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ въ вотчину обширное и промышленное село Кимры. При Петрѣ Великомъ князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ, умершій въ 1717 году, владѣлъ большимъ состояніемъ, которое отъ него перешло къ сыну его, князю Ивану Ѳедоровичу. Со смертью послѣдняго, въ 1730 году, пресѣкся родъ князей Ромодановскихъ, и единственною наслѣдницею ихъ осталась княжна Екатерина Ивановна (род. 1701 г., † 1761 года), бывшая замужемъ за вице-канцлеромъ

и кабинетъ-министромъ графомъ Михайломъ Гавриловичемъ Головкинымъ, кончившимъ жизнь свою въ Собачьемъ-Острогѣ.

О безкорыстіи и честности князя Ѳедора Юрьевича Нартовъ разсказываетъ, что когда царь Петръ Алексѣевичъ, при началѣ войны со Швеціею, сильно печалился о томъ, что у него нѣтъ денегъ, и хотѣлъ отобрать монастырскія сокровища въ казну, то князь Ромодановскій передалъ царю громадное количество русской серебряной монеты и голландскихъ ефимковъ. Деньги эти, съ грудами серебряной и позолоченной посуды, были на храненіи у Ромодановскаго, но никто не зналъ объ этомъ, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ Ромодановскому сберегать и деньги, и посуду въ особой кладовой при тайной канцеляріи и выдать сохраняемыя тамъ деньги только въ случаѣ войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромодановскій пожелалъ воспользоваться ими, то онъ безъ всякой отвѣтственности могъ бы сдѣлать это.

Императоръ Павелъ I возстановилъ въ 1798 году угасшую фамилію князей Ромодановскихъ, въ лицѣ потомка ихъ по женскому колѣну,—сенатора Николая Ивановича Ладыженскаго, дозволивъ ему именоваться княземъ Ромодановскимъ-Ладыженскимъ; но мать этого новаго князя не принадлежала къ младшей богатой линіи князей Ромодановскихъ, и потому Ладыженскіе, получившіе ихъ фамилію и находясь потомъ въ числѣ помѣщиковъ Могилевской губерніи, владѣли тамъ имѣніемъ, пожалованнымъ отъ императора Павла I упомянутому князю Николаю Ивановичу Ромодановскому-Ладыженскому.

Перечисляя богатые роды русскихъ бояръ XVII столѣтія, должно упомянуть о Стрѣшневыхъ, извѣстность которыхъ началась со времени брака царя Михаила Ѳедоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневой, въ 1626 году, причемъ отецъ царицы, до того времени бѣдный помѣщикъ, возведенный въ санъ боярина, получилъ обширныя помѣстья. Изъ этого же рода былъ бояринъ и сенаторъ Тихонъ Никитичъ (род. 1649 г., † 1719 г.), едвали не самый близкій человѣкъ Петру Великому. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ царя, и при отъѣздѣ его за-границу Стрѣшневъ былъ назначенъ первымъ правителемъ государства, причемъ ему особо „на столъ“ были

пожалованы села и деревни. Имѣнія его должны были наслѣдовать дѣти родной его внуки, князья Голицыны, но Екатерина II не разрѣшила этого и удержала эти имѣнія въ казнѣ. Родъ Стрѣшневыхъ пресѣкся въ 1802 году, и часть ихъ имѣнія отошла къ внукамъ генералъ-аншефа Петра Ивановича Стрѣшнева—братьямъ Глѣбовымъ, которымъ высочайше дозволено было именоваться Глѣбовыми-Стрѣшневыми, но и ихъ мужское потомство угасло, и въ недавнее время фамилія Стрѣшневыхъ передана князю Шаховскому, женившемуся на дѣвицѣ Бреверн. Мать ея была урожденная Глѣбова-Стрѣшнева, и къ ней, пополамъ съ сестрою ея, бывшею замужемъ за купцомъ Томашевскимъ, должно было перейти родовое имѣніе бояръ Стрѣшневыхъ.

Въ концѣ XVII вѣка славился своимъ богатствомъ боярин князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, по прозванію Тараруй, изъ рода Гедимина. Онъ былъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа и однимъ изъ главныхъ двигателей раскола. Ему и сыну его боярину Андрею Ивановичу были, 17 сентября 1682 года, отрублены головы въ селѣ Воздвиженскомъ, а все ихъ имѣніе отобрано въ казну. За дѣятельное участіе въ расколѣ потеряли около того же времени свои обширныя родовыя вотчины, въ нынѣшней Новгородской губерніи, князья Мышецкіе, потомки маркграфа Мейсенскаго или Мисницкаго прибывшаго въ Россію, въ половинѣ XV столѣтія, бывшіе въ XVII вѣкѣ одними изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ Вотской пятинѣ. Вслѣдствіе этой конфискаціи многіе изъ князей Мышецкихъ до того обѣднѣли, что нынѣ живутъ какъ простые крестьяне.

Богатые нѣкогда роды бояръ Морозовыхъ и Милославскихъ пресѣклись: родъ первыхъ въ исходѣ XVII столѣтія, а послѣднихъ въ 1791 году, и намъ неизвѣстно, какъ распредѣлились принадлежавшія имъ богатства. Извѣстно только, что Петръ I ожесточенно преслѣдовалъ Милославскихъ, какъ родственниковъ царевны Софіи, распускавшихъ о немъ самые злые слухи, и имѣніе самаго богатаго изъ нихъ, боярина Ивана Михайловича, не оставившаго, впрочемъ, дѣтей, было отобрано въ казну. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ числѣ весьма богатыхъ людей считался и Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, потомокъ итальянца, выѣхавшаго въ Россію въ

началѣ XIV столѣтія. Афанасій Лаврентьевичъ былъ намѣстникомъ шацкимъ, бояриномъ и оберегателемъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ. Онъ не наслѣдовалъ богатствъ отъ своихъ предковъ, и царь, для поддержанія съ достоинствомъ его высокаго званія, требовавшаго особеннаго представительства предъ иностранцами, пріѣзжавшими въ Москву, пожаловалъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе богатую Порѣцкую волость, главною мѣстностью которой было село Порѣчье, нынѣ уѣздный городъ Смоленской губерніи. Имѣніе это, лежавшее при рѣкѣ Казилѣ, было въ ту пору чрезвычайно доходно, такъ какъ въ немъ находилась пристань, съ которой черезъ рѣку Двину доставлялись къ рижскому порту русскіе товары и издѣлія. Кромѣ того, Ордыну-Нащокину въ Костромскомъ уѣздѣ дано было въ вотчину 500 крестьянскихъ дворовъ, а по званію боярина ему была сдѣлана ежегодная прибавка къ жалованью въ 500 рублей. Прибавка эта была чрезвычайно значительная, такъ какъ тогда самый большой денежный годовой окладъ бояръ доходилъ только до 200 рублей. Ордынъ-Нащокинъ отрекся, однако, отъ всѣхъ пожалованныхъ ему богатствъ и въ 1680 г. умеръ бездѣтенъ и вдовъ, инокомъ подъ именемъ Антонія, обративъ доходы съ пожалованной ему Порѣцкой волости на устройство въ Псковѣ больницы и богадѣльни.

Если мы не ошибаемся, въ настоящее время фамилія Ордынъ-Нащокиныхъ болѣе не существуетъ.

Въ русской исторіи многочисленный родъ князей Голицыныхъ, потомковъ великаго князя литовскаго Гедимина, извѣстенъ по тому участію, какое постоянно принимали члены этого рода въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ князей Голицыныхъ обращаютъ на себя вниманіе и по принадлежавшимъ имъ въ разное время богатствамъ. Богатѣйшимъ же представителемъ этой фамиліи, не только относительно той эпохи, когда онъ жилъ, но и вообще, можно считать знаменитаго князя Василія Васильевича (род. 1633 г., † 1713 г.), прозваннаго Великимъ Голицынымъ. Еще отъ своихъ предковъ, бывшихъ боярами послѣдовательно въ пяти поколѣніяхъ, онъ наслѣдовалъ весьма значительное состояніе, которое увеличилось еще болѣе вслѣдствіе

чрезвычайнаго расположенія къ нему сестры и соправительницы царей Ивана и Петра Алексѣевичей—царевны Софіи Алексѣевны. Не смотря на неудачи, испытанныя княземъ Голицынымъ въ крымскихъ походахъ, царевна щедро награждала его. При ней онъ получилъ на Рязани, въ Старорязанскомъ округѣ, Красныя Слободы; въ Ярославлѣ—въ Пятницкой волости—деревню Алексѣевскую; въ Казанскомъ подгородномъ станѣ—села Жеребей и Флоровское. Къ этому была добавлена вотчина въ Суздальскомъ уѣздѣ, состоявшая изъ села Решмы и Юхомонской волости. Ему же отдана была изъ отписныхъ имѣній боярина Милославскаго, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, Бѣлгородская волость съ селами и деревнями, а также и со всѣми угодьями; село Лежнево и земли въ разныхъ городахъ на 1,000 четвертей. Въ одной Бѣлгородской волости было 2,000 крестьянскихъ дворовъ. Кромѣ того, онъ получалъ три раза весьма значительныя по тому времени прибавки къ окладу денежнаго жалованья: такъ въ первый разъ ему прибавлено было 250 рублей, во второй 200 и въ третій 300 рублей.

Независимо отъ этого, князь Василій Васильевичъ Голицынъ получилъ еще и другія дорого стоившія тогда награды: за первый крымскій походъ ему была подарена золотая чаша вѣсомъ въ $2^1/_2$ фунта, атласный кафтанъ на соболяхъ, стоившій 400 рублей, и медаль на золотой цѣпи, украшенной дорогими каменьями и стоившей на теперешнія наши деньги до 30,000 руб. сер. Еще и прежде, подъ предлогомъ усмиренія имъ стрѣлецкаго мятежа, ему былъ пожалованъ бархатный кафтанъ, на которомъ по серебряному полю были золотые цвѣты. Кафтанъ этотъ, подложенный соболями, цѣнился въ 500 рублей; подарокъ этотъ сопровождался пожалованіемъ серебрянаго кубка въ 10 фунтовъ. Послѣдняя награда дана была Голицыну въ 1689 году: она состояла изъ золоченнаго кубка и кафтана на соболяхъ. Подобнаго рода подарки считались въ то время капитальнымъ имуществомъ и цѣнились весьма дорого, не только какъ знаки особой царской милости, но и какъ вещи чрезвычайной стоимости.

Пользуясь особенными милостями царевны Софіи Алексѣевны, князь Василій Васильевичъ Голицынъ окружилъ себя

всевозможною для той поры пышностію. „Я былъ пораженъ — пишетъ Невиль, посланникъ польскаго короля — богатствомъ его дворца и воображалъ, что нахожусь въ чертогахъ какого нибудь итальянскаго государя. Дворецъ его великолѣпнѣйшій въ Европѣ: онъ покрытъ мѣдью снаружи, а внутри убранъ богатѣйшими коврами и дорогими картинами".

Въ 1689 году Петръ лишилъ князя Василія Васильевича и его старшаго сына, князя Алексѣя Васильевича, боярскаго сана и отобралъ у нихъ все ихъ имѣніе. Голицынъ былъ обвиненъ въ томъ, что нанесъ въ крымскихъ походахъ своимъ нерадѣніемъ „великое разореніе". Онъ былъ отправленъ въ ссылку въ Яренскъ, а помѣстья, вотчины и все, что онъ имѣлъ, велѣно было „раздать въ раздачу"; кабальныхъ же и крѣпостныхъ, за исключеніемъ записанныхъ за нимъ крестьянъ, отпустить на волю.

При описи имѣнія князя, — разсказываетъ Невиль, — нашли зарытыхъ въ погребахъ его дома 100,000 червонцевъ и 40 пудовъ серебряной посуды. При этомъ обнаружилось, что знаменитый бояринъ, не довольствуясь милостью любившей его царевны, пріобрѣталъ богатство и другими еще нечестными способами. Такъ, въ числѣ разныхъ описанныхъ у него драгоцѣнностей, найдена была осыпанная брилліантами булава, которая была отнята имъ у малороссійскаго гетмана Дорошенко, получившаго ее въ подарокъ отъ турецкаго султана Селима IV. Другая, такая же драгоцѣнная булава, находившаяся въ числѣ сокровищъ князя Голицына, вмѣстѣ съ торжественно-освященнымъ мечемъ, была собственноручно пожалована ему царями Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами, при отправленіи его въ первый крымскій походъ.

Желябужскій сообщаетъ, что въ 1686 году, при заключеніи мира съ Польшею, изъ 200,000 рублей, слѣдовавшихъ къ уплатѣ Польшѣ, князь Голицынъ выговорилъ себѣ тайно половину этой суммы, какъ оберегатель посольскихъ дѣлъ. Онъ же разсказываетъ, что князь Василій Васильевичъ, остановившись у Перекопа, взялъ отъ крымскихъ татаръ 2 бочки съ золотой монетой, почему и донесъ въ Москву, что дальше идти нельзя, такъ какъ нѣтъ ни хлѣба, ни воды. Татары однако надули Голицына: когда взятыя имъ у нихъ золотыя деньги

явились въ продажѣ въ Москвѣ, то онѣ оказались мѣдными съ тонкою лишь позолотою.

Послѣ упомянутаго разгрома, линія князей Голицыныхъ, происходящая отъ князя Василія Васильевича, пришла въ такой упадокъ, что родной внукъ его, маіоръ князь Михаилъ Алексѣевичъ, состоялъ шутомъ при дворѣ императрицы Анны Ивановны, и за охраненіе ея любимой собаки получилъ, при заключеніи Бѣлградскаго мира, въ награду 3,000 рублей. Этотъ обѣднѣвшій потомокъ знаменитаго рода, извѣстный подъ именемъ Квасника, былъ обвѣнчанъ въ ледяномъ домѣ съ калмычкою Авдотьею, по прозванію Буженіновой.

Впослѣдствіи изъ князей Голицыныхъ, по значительному богатству, были извѣстны сыновья князя Михаила Андреевича. Изъ нихъ старшій, князь Дмитрій Михайловичъ (род. 1665 г., † 1738 года), дѣйствительный тайный совѣтникъ, принималъ, въ званіи члена верховнаго тайнаго совѣта, самое дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ при вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны. Онъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ тогдашней Россіи. Въ подмосковскомъ селѣ своемъ, Архангельскомъ, онъ собралъ замѣчательную для той поры библіотеку и устроилъ при ней обширный и разнообразный музей. Когда при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ опала постигла князей Голицыныхъ, то село Архангельское было конфисковано, а вслѣдъ затѣмъ пожаловано князю Борису Григорьевичу Юсупову. Родной племянникъ князя Дмитрія Михайловича, тоже князь Дмитрій Михайловичъ (род. 1721 г., † въ 1793 году), принадлежалъ къ числу извѣстныхъ русскихъ богачей, сохранившихъ по себѣ добрую память. Онъ устроилъ въ Москвѣ и обезпечилъ на счетъ своихъ средствъ обширную больницу, извѣстную подъ названіемъ Голицынской.

Независимо отъ того состоянія, которымъ, какъ наслѣдственнымъ или какъ жалованнымъ, владѣли въ разное время члены изъ рода князей Голицыныхъ, въ родъ этотъ, вслѣдствіе брачныхъ связей, переходили богатства и изъ другихъ фамилій. Такъ, часть строгановскихъ богатствъ перешла по матери къ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, владѣльцу извѣстнаго села Кузминокъ подъ Москвою. Въ этотъ же родъ

перешло нынѣ имѣніе графовъ Остерманов и часть имѣній, пожалованныхъ императоромъ Павломъ I любимцу его, графу Ивану Павловичу Кутайсову, а также значительныя доли изъ состоянія такихъ богачей, какими были графы Чернышевы, графы Румянцовы, графы Разумовскіе, графъ Андрей Ѳедоровичъ Ушаковъ, князь Потемкинъ-Таврическій и Твердышевы. Къ одному же изъ князей Голицыныхъ перешло значительное состояніе извѣстнаго дипломата, графа Аркадія Ивановича Маркова, который при императрицѣ Екатеринѣ II получилъ въ короткое время 4,000 душъ въ Подольской губерніи, каменный трехэтажный домъ на Дворцовой площади въ Петербургѣ и множество подарковъ отъ иностранныхъ державъ. Онъ былъ, какъ передаетъ въ своихъ „Запискахъ“ статсъ-секретарь Грибовскій, чрезвычайно скупъ, не дѣлалъ ни обѣдовъ, ни ужиновъ и скопилъ много денегъ и брилліантовъ. Кромѣ того, къ дѣтямъ адмирала князя Бориса Васильевича (род. 1705 г., † 1768 года) должно было перейти, по матери ихъ, Екатеринѣ Ивановнѣ Стрѣшневой, весьма значительное состояніе Стрѣшневыхъ, но императрица Екатерина II, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не приказала передавать князьямъ Голицынымъ деревни, принадлежавшія ихъ дѣду, а удержала эти деревни въ казенной описи.

Въ числѣ русскихъ богачей въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ извѣстенъ камергеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (род. 1769 г., † 1817 г.). Жихаревъ, въ „Запискахъ современника“, упоминаетъ, что этотъ князь Голицынъ прожилъ въ короткое время 40,000 крестьянъ и потомъ принужденъ былъ довольствоваться небольшимъ пенсіономъ, который выдавали ему племянники его, князья Гагарины.

Въ ряду богатой старинной знати занимали постоянно видное мѣсто Салтыковы, потомки выѣхавшаго въ началѣ XIII вѣка изъ Пруссіи въ Новгородъ Михаила Прушанина или Прашинича. Замѣчательно, что ни изъ одной фамиліи не было сперва столько бояръ, а потомъ генералъ-фельдмаршаловъ, какъ изъ фамиліи Салтыковыхъ. Часть богатства Салтыковыхъ, независимо отъ прежнихъ помѣстій и вотчинъ, бывшихъ за ними еще въ XVI вѣкѣ, составилась и изъ значительныхъ

имѣній, пожалованныхъ королемъ польскимъ Сигизмундомъ III боярину Михаилу Глѣбовичу Салтыкову, который во время междуцарствія былъ главнымъ дѣятелемъ польской партіи, и въ 1611 году отъѣхалъ съ своими сыновьями въ Литву. Годомъ ранѣе уѣхалъ туда же и родственникъ его, Иванъ Никитичъ Салтыковъ. Потомки этого послѣдняго, откинувъ великорусское окончаніе своей фамиліи на „овъ“, стали называться Солтыками, и многіе изъ нихъ, паны чрезвычайно богатые, ставъ въ ряду польскихъ магнатовъ, сдѣлались въ XVIII столѣтіи извѣстны какъ самые ярые ненавистники Россіи.

Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по Андрусовскому миру, Смоленская область была отдана Польшею Россіи, то внуки Михаила Глѣбовича Салтыкова возвратились въ Россію, а дочь одного изъ нихъ, боярина Ѳедора-Александра Петровича, сдѣлалась супругою царя Ивана Алексѣевича и была матерью императрицы Анны Ивановны. Это родство съ царскимъ домомъ содѣйствовало умноженію богатствъ Салтыковыхъ, такъ какъ отецъ царицы получилъ богатыя и обширныя вотчины. Мужское и женское поколѣніе этой линіи Салтыковыхъ прекратилось, такъ что упомянутые вотчины выбыли изъ ихъ рода, перейдя къ другой дочери Ѳедора-Александра Петровича, Анастасіи Ѳедоровнѣ, бывшей замужемъ за княземъ-кесаремъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Ромодановскимъ, а черезъ нее перешли онѣ къ фамиліи графовъ Головкиныхъ, за которыми, впрочемъ, не удержались, вслѣдствіе конфискаціи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ имѣній графа Михаила Гавриловича Головкина и жены его, графини Екатерины Ивановны, рожденной княжны Ромодановской.

Между тѣмъ одинъ изъ Салтыковыхъ, по другой линіи, Семенъ Андреевичъ (род. 1672, † 1742 года), оказалъ большія услуги императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ при возстановленіи самодержавной ея власти. Кромѣ того онъ считался, по матери императрицы, недальнимъ родственникомъ Анны Ивановны. Вслѣдствіе всего этого, Салтыковъ былъ щедро награжденъ ею: онъ получилъ отъ нея 10,000 душъ крестьянъ. Въ письмахъ своихъ къ Бирону онъ, будучи въ 1733 году московскимъ генералъ-губернаторомъ, писалъ: „Живу въ дворцѣ, пью, ѣмъ, по милости государыни, готовое, изъ своего дома ничего

не беру, и служители, и карета, и лошади дворцовые". Не смотря однако на все это, онъ, какъ вліятельное лицо, бралъ у компанейщиковъ деньги, которыя и долженъ былъ возвратить имъ при начавшемся надъ нимъ слѣдствіи. Семенъ Андреевичъ Салтыковъ имѣлъ двухъ сыновей: графа Петра Семеновича (родил. 1700 года, † 1772 года) и графа Владиміра Семеновича. Старшій изъ нихъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ и оставилъ сына графа Ивана Петровича (род. 1730 г., † 1805 г.), бывшаго также генералъ-фельдмаршаломъ. Оба они получили недвижимыя имѣнія въ разное время, соотвѣтственно ихъ возвышенію по службѣ. Ихъ богатство было такъ громадно, что сынъ графа Ивана Петровича (род. 1784 г., † 1813 года) могъ, въ 1812 году, составить и содержать на свой счетъ цѣлый полкъ. И онъ въ состояніи былъ сдѣлать это, не смотря на то, что отецъ его въ молодости былъ большимъ мотомъ. Живя въ Парижѣ, Салтыковъ дѣлалъ такіе страшные долги, что нашъ посланникъ при французскомъ дворѣ, въ письмахъ своихъ къ канцлеру графу Воронцову, считалъ ихъ „безчестьемъ всей русской націи".

Впослѣдствіи графъ Петръ Ивановичъ жилъ всегда на самую широкую ногу. Такъ у него въ Москвѣ было три роскошно отдѣланныхъ дома, которыхъ онъ не отдавалъ въ наемъ никому: въ одномъ жила отдѣльно его дочь; другой, загородный, служилъ ему мѣстомъ прогулокъ и третій, находившійся у Тверскихъ воротъ, стоялъ совершенно пустой.

Мужское потомство фельдмаршала графа Ивана Петровича прекратилось со смертью его единственнаго сына. Одна изъ дочерей его, графиня Анна Петровна, бывшая замужемъ за графомъ Григоріемъ Владиміровичемъ Орловымъ, не имѣла дѣтей, а потому все имѣніе обоихъ фельдмаршаловъ Салтыковыхъ перешло,—черезъ другую дочь послѣдняго изъ нихъ, графиню Прасковью Ивановну, бывшую замужемъ за сенаторомъ Петромъ Ивановичемъ Мятлевымъ,—къ сыну ея, Ивану Петровичу Мятлеву, автору извѣстныхъ „Сенсацій мадамъ Курдюковой", „Фонариковъ" и пр.

Другая часть имѣній Салтыковыхъ перешла къ воспитанникамъ внука перваго фельдмаршала, графа Петра Владиміровича († 1806 г.), Каргопольскимъ, которымъ императоръ Павелъ

Петровичъ пожаловалъ титулъ и гербъ графовъ Салтыковыхъ, а императоръ Александръ Павловичъ предоставилъ имъ всѣ права наслѣдства. Подобный переходъ имѣнія былъ допущенъ и въ пользу Жердеевскихъ, дѣтей графа Сергѣя Владиміровича Салтыкова, рожденныхъ до брака. Они были узаконены указомъ императора Александра Павловича съ фамиліею и титуломъ графовъ Салтыковыхъ и со всѣми правами наслѣдства, но обѣ эти линіи графовъ Салтыковыхъ пресѣклись.

Третій изъ Салтыковыхъ, графъ, а впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Николай Ивановичъ (род. 1736 г., † 1816 года) былъ богатъ по матери своей, баронессѣ Строгановой. Находясь же при воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей, онъ жилъ во дворцѣ, со всѣмъ своимъ семействомъ, на всемъ содержаніи отъ двора, стоившемъ въ годъ болѣе 20,000 рублей. Онъ имѣлъ 6,000 родовыхъ душъ и столько же жалованныхъ, и сверхъ того, будучи, какъ разсказываютъ современники, чрезвычайно скупъ, успѣлъ при сбереженіи своихъ доходовъ пріобрѣсти еще 10,000 душъ.

Къ одному изъ внуковъ его, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, перешло въ недавнее время состояніе пресѣкшагося рода графовъ Головкиныхъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Начало богатства Нарышкиныхъ.—Раздѣленіе ихъ богатства.—Его переходъ къ Разумовскимъ.—Василій Васильевичъ Нарышкинъ.—Его вымогательства.—Заводчикъ Сибиряковъ.—Бояринъ Матвѣевъ.—Переходъ имѣнія графовъ Матвѣевыхъ.—Князья Мещерскіе.—Шепелевы.—Фамилія графовъ Головкиныхъ.—Пребываніе нѣкоторыхъ ея членовъ въ Голландіи.—Возвращеніе ихъ въ Россію.—Переходъ имѣнія ихъ къ князю Салтыкову.—Древнія помѣстья Апраксиныхъ.—Завѣщаніе графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина.—Фельдмаршалъ Апраксинъ.—Разсказы и преданія объ отправленныхъ имъ изъ Пруссіи въ Петербургъ боченкахъ съ золотомъ.—Барышниковъ.

Доведя свѣдѣнія о фамиліи Салтыковыхъ до позднѣйшаго времени, мы, держась принятаго нами порядка, т. е. того времени, когда возникали чьи либо замѣчательныя богатства, или достигали наибольшихъ размѣровъ, должны перейти къ фамиліи Нарышкиныхъ.

Вступленіемъ своимъ въ ряды московской знати, а также и своимъ богатствомъ, Нарышкины были обязаны браку Натальи Кириловны Нарышкиной (род. 1651 г., † 1694 года) съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1671 году. О крайней бѣдности Нарышкиныхъ до этого случая встрѣчается много печатныхъ разсказовъ, но безъ всякаго сомнѣнія разсказы эти слишкомъ преувеличены съ цѣлью выставить переходъ „добродѣтельной“ Натальи Кириловны отъ ничтожества къ величію. Послѣ этого брака, первымъ богачемъ въ Россіи сдѣлался отецъ царицы, бояринъ Кирило Полуэктовичъ (род. 1623 года, † 1691 года), имѣвшій въ пожалованныхъ ему отъ зятя вотчинахъ 88,000 душъ крестьянъ. Двое старшихъ сыновей его,

двадцатичетырехлѣтній боярин Иванъ Кириловичъ и двадцатилѣтній комнатный стольникъ Аѳанасій Кириловичъ, убитые мятежными стрѣльцами 15 мая 1682 года, не оставили послѣ себя дѣтей. Двое младшихъ его сыновей, Мартемьянъ и Ѳедоръ, умерли въ 1691 году также бездѣтными. Вслѣдствіе этого огромное имѣніе Кирила Полуэктовича Нарышкина перешло къ оставшемуся въ живыхъ единственному его сыну, боярину и начальнику посольскаго приказа Льву Кириловичу, за выдѣломъ небольшой части племянницѣ его Натальѣ Мартемьяновнѣ, бывшей замужемъ за княземъ Василіемъ Петровичемъ Голицынымъ.

Въ 1705 году, по смерти боярина Льва Кириловича, имѣніе его раздѣлено было на равныя части между двумя его сыновьями — дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Александромъ Львовичемъ (род. 1694 г., † 1745 года) и флота капитаномъ Иваномъ Львовичемъ (род. 1700 г., † 1734 года). Изъ нихъ у послѣдняго была одна только дочь Екатерина Ивановна (род. 1729 г., † 1771 года), вышедшая въ 1746 году замужъ за гетмана графа Кирила Григорьевича Разумовскаго и передавшая въ родъ Разумовскихъ 44,000 душъ крестьянъ, т. е. половину всѣхъ недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ Кирилѣ Полуэктовичу Нарышкину, въ числѣ которыхъ были огромныя пензенскія вотчины. Другая же половина старинаго нарышкинскаго имѣнія раздѣлилась между двумя сыновьями Александра Львовича: оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ и извѣстнымъ во времена Екатерины II оберъ-шталмейстеромъ Львомъ Александровичемъ (род. 1733 года, † 1799 года). Послѣдній изъ нихъ значительно увеличилъ свое родовое состояніе женитьбой на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, племянницѣ графовъ Разумовскихъ. По богатству своему онъ считался наравнѣ съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, и о немъ, какъ и о Строгановѣ, Екатерина II говорила, что онъ дѣлаетъ все, чтобъ разориться, но никакъ не можетъ достигнуть этого. Нарышкинъ жилъ настоящимъ бариномъ и первый завелъ хоръ роговой музыки. Жена его брата, умершаго бездѣтнымъ, Анна Никитишна, рожденная Румянцева, хотѣла отказать свое весьма значительное состояніе графамъ Румянцевымъ, но Нарышкины выиграли этотъ

процессъ и богатство, хотя и порядкомъ разстроенное, перешло къ сыновьямъ Льва Александровича — Александру и Дмитрію (род. 1764 г., † 1838 года). Изъ нихъ послѣдній былъ женатъ на Маріи Антоновнѣ Четвертинской (род. 1779 года, † 1854 года), и ему императоръ Александръ I пожаловалъ обширныя земли въ Тамбовской губерніи. Сынъ ихъ, оберъ-каммергеръ Эммануилъ Димитріевичъ, извѣстный своею благотворительностію, устроилъ на свой счетъ учительскую семинарію въ Тамбовѣ.

Другая младшая линія Нарышкиныхъ, не родственная царскому дому, не отличалась такимъ богатствомъ, какъ старшая, но съ именемъ одного изъ ея представителей, коллежскаго совѣтника Василія Васильевича Нарышкина, соединено воспоминаніе объ одномъ изъ замѣчательныхъ сибирскихъ богачей Михаилѣ Сибиряковѣ, который жилъ въ Нерчинскѣ и въ 1774 году, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ тамъ серебро-плавильный заводъ, употребивъ на него 50,000 рублей. Въ распоряженіи Сибирякова бывало иной годъ до 600,000 пудовъ руды, и онъ не даромъ слылъ на всю Сибирь самымъ богатымъ человѣкомъ. При Екатеринѣ II былъ назначенъ на должность управляющаго нерчинскими заводами упомянутый Василій Васильевичъ Нарышкинъ. Этотъ новый начальникъ принялся сильно чудить и вскорѣ истратилъ всю заводскую казну на праздники и на бросаніе въ народъ денегъ. Почувствовавъ послѣ этого въ нихъ надобность, онъ сталъ обирать Сибирякова, принимая отъ него богатые подарки и забирая отъ него взаймы, безъ отдачи, значительныя суммы. Сибиряковъ сначала поддавался Нарышкину безропотно, но наконецъ рѣшился воспротивиться, когда Нарышкинъ потребовалъ разомъ отъ него 5,000 рублей, будто бы на устройство промышленной компаніи для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Кяхту китайскихъ шелковыхъ товаровъ. Сибиряковъ долго отказывалъ Нарышкину въ этой суммѣ, ссылаясь на то, что на немъ самомъ накопилось много казеннаго долга и что наличныхъ денегъ у него нѣтъ, а взять ихъ неоткуда. Тогда разсерженный Нарышкинъ — какъ говоритъ мѣстное преданіе — собралъ бывшую въ его распоряженіи артиллерію и окружилъ солдатами домъ Сибирякова, угрожая, что онъ приметъ стрѣлять изъ

пушекъ, если Сибиряковъ не удовлетворитъ его требованія. Это дѣло происходило въ 1776 году и кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ, осажденный въ своемъ домѣ пѣхотою и угрожаемый артиллеріею Нарышкина, вышелъ на крыльцо и съ низкимъ поклономъ представилъ своему побѣдителю на серебряномъ подносѣ требуемую имъ сумму. Воинственный Нарышкинъ удовлетворился этимъ и, заключивъ съ нимъ миръ и распустивъ свою команду, вошелъ въ домъ Сибирякова, гдѣ и пировалъ съ обобраннымъ хозяиномъ шумно и весело до поздней ночи.

Нельзя сказать, до какой степени достовѣренъ этотъ разсказъ. Несомнѣнно только то, что злоупотребленія Нарышкина на должности начальника нерчинскихъ заводовъ были очень велики, если онъ, не смотря на то, что имѣлъ знатную родню и былъ крестникомъ императрицы Екатерины II, въ октябрѣ 1777 года былъ лишенъ не только должности, но и чиновъ.

Замѣтимъ при этомъ, что намъ не удалось встрѣтить никакихъ свѣдѣній о томъ, куда дѣлось или какъ распредѣлилось богатство Сибирякова между его наслѣдниками.

Въ связи съ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ Нарышкинами при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, находится и богатство графовъ Матвѣевыхъ.

Изъ родословной книги, изданной редакціею журнала „Русская Старина“, видно, что предокъ графовъ Матвѣевыхъ былъ воеводою при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. По другимъ же извѣстіямъ, дѣдъ знаменитаго ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева (род. 1625, убитъ стрѣльцами въ 1682 году), Нестеренко Матвѣевъ, былъ простолюдинъ и торговалъ рыбою.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но до Артамона Сергѣевича фамилія Матвѣевыхъ не была ни знатна, ни богата. Первою причиною ея возвышенія при царскомъ дворѣ было родство Матвѣева съ Нарышкинымъ, вошедшимъ въ большую честь и силу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Артамонъ Сергѣевичъ былъ женатъ на Евдокіи Григорьевнѣ Гамильтонъ († 1672), дочери шотландца, прибывшаго въ Россію въ началѣ XVII столѣтія. Родная ея племянница по отцѣ, Евдокія Петровна, фамилія которой изъ Гамильтонъ была передѣлана въ

Хомутову—была за комнатнымъ стольникомъ Ѳедоромъ Полуэктовичемъ Нарышкинымъ, роднымъ дядею царицы Наталіи Кириловны. Матвѣевъ, достигнувъ высокаго служебнаго положенія, владѣлъ богатыми помѣстьями, и это обстоятельство давало недругамъ его поводъ обносить передъ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Матвѣева и обвинять его въ неправедномъ стяжаніи принадлежавшихъ ему имѣній. Покойный Терещенко, издавшій книгу подъ заглавіемъ „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“, говоритъ, что помѣстья Матвѣева были куплены имъ посредствомъ капитала, наслѣдованнаго отъ его отца, и что умноженію родоваго богатства Артамона Сергѣевича способствовали царскія милости и подарки, привозимые ему изъ заграницы иностранными послами, какъ оберегателю государственныхъ посольскихъ дѣлъ. По всей однако вѣроятности, недруги Матвѣева и намекали на эти подарки, какъ на неправедныя стяжанія Матвѣева. Когда же имъ не удалось погубить Матвѣева посредствомъ навѣтовъ и договоровъ, то они прямо донесли государю, что сокровища боярина Матвѣева накоплены взятками и притѣсненіями, что всѣ свои вотчины купилъ онъ силою во время управленія имъ новгородскимъ приказомъ и что тѣмъ самымъ онъ разорилъ множество лицъ и семействъ.

Царь, какъ надобно полагать, убѣдился въ любостяжаніи Матвѣева и онъ, представляемый въ нашихъ сказаніяхъ образцомъ народолюбиваго и добродѣтельнаго боярина, былъ назначенъ воеводою въ Верхотурье, но такое назначеніе было въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ только благовидною ссылкою. Исполняя волю царскую, Матвѣевъ поѣхалъ въ 1676 году къ мѣсту новаго своего назначенія, но на дорогѣ, въ Казани, нагналъ его дьякъ Гороховъ и объявилъ состоявшійся надъ нимъ боярскій приговоръ, въ силу котораго Матвѣевъ, обвиняемый въ умыслѣ извести царя, былъ лишенъ всѣхъ званій, а также и всего принадлежавшаго ему имѣнія. При описи имущества, бывшаго съ Матвѣевымъ въ Казани, исполнитель приговора, дьякъ Гороховъ, захватилъ у него всѣ драгоцѣнности, золото и серебро, и цѣлые четыре воза, нагруженные этими предметами, отправилъ къ себѣ въ Москву. За

скорое же исполненіе порученнаго ему дѣла дьякъ Гороховъ получилъ изъ отписныхъ имѣній Матвѣева, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, село Папулово съ деревнями. По словамъ „Приложенія къ запискамъ русскихъ людей“, самъ Гороховъ „въ Москву, яко изъ Восточной Индіи Гишпанской съ безцѣннымъ золота и серебра караваномъ на кораблѣ прибылъ“. До какой степени былъ прежде богатъ Матвѣевъ, можно заключить изъ того, что однихъ только его пожитковъ было продано на 85,323 тогдашнихъ рубля.

Въ 1680 году Матвѣевъ, сосланный первоначально въ Пустозерскъ, былъ переведенъ оттуда въ Мезень, а въ 1682 году, передъ смертью царя Ѳедора Алексѣевича, онъ былъ переведенъ въ городъ Лухъ, причемъ данъ былъ ему, взамѣнъ прежнихъ имѣній, въ вотчину изъ дворцовыхъ селъ Верхній Ландехъ, состоящій изъ 700 дворовъ. По воцареніи Ивана Алексѣевича Матвѣевъ былъ вызванъ въ Москву, и тогда ему были отданы всѣ отнятыя у него помѣстья и вотчины, которыя, по смерти его, перешли къ единственному сыну его Андрею Артамоновичу (род. 1666 г., † 1728 г.), бывшему потомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и получившему въ въ 1715 году графское достоинство. Графъ Матвѣевъ былъ мотъ большой руки. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, онъ занялъ у Меншикова подъ залогъ брилліантовъ 9,000 рублей изъ 6% въ годъ. Онъ жаловался постоянно на скудость, а между тѣмъ въ Вѣнѣ любовница стоила ему болѣ 12,000 гульденовъ въ годъ. Старшая изъ его дочерей, графиня Марія Андреевна, обратившая на себя вниманіе Петра Великаго, была сосватана царемъ съ богатымъ приданымъ за Петра Ивановича Румянцева. Бракъ этотъ былъ первою основою колоссальнаго богатства Румянцевыхъ. Двѣ другія дочери графа Андрея Артамоновича были замужемъ: Наталья Андреевна за княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ, а младшая за генералъ-поручикомъ Ампліемъ Степановичемъ Шепелевымъ. Между этими дочерьми графа Андрея Артамоновича и раздѣлилось огромное богатство Матвѣевыхъ, такъ какъ со смертью сына его, графа Ѳедора Андреевича, умершаго въ 1734 году холостымъ, пресѣкся родъ графовъ Матвѣевыхъ. До того вре-

мени князья Мещерскіе, происходящіе отъ завоевателя Мещеры, не были извѣстны своимъ богатствомъ.

Упомянувъ о фамиліи Шепелевыхъ, скажемъ, что она по своему богатству была замѣтна среди русскаго дворянства. Этому содѣйствовали выгодные браки Шепелевыхъ, такъ какъ, кромѣ Амплія Степановича, одинъ изъ Шепелевыхъ былъ женатъ на дочери богатаго желѣзно-заводчика Баташева, а другой на племянницѣ князя Потемкина, Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

Имѣнія, перешедшія отъ Баташевыхъ къ Шепелевымъ, находились преимущественно въ Нижегородской, а отчасти во Владимірской и Тамбовской губерніяхъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Оки. Первые открывшіе въ этихъ мѣстностяхъ желѣзную руду были муромскіе посадскіе люди Желѣзняковъ и братья Мездряковы. Они устроили на рѣкѣ Снаводи желѣзный заводъ, и дѣла ихъ шли очень хорошо до тѣхъ поръ, пока заводъ ихъ не былъ разграбленъ и разоренъ напавшею на него шайкою разбойниковъ. Послѣ этого разоренія Баташевы построили, около тѣхъ же мѣстъ, новый заводъ, а князь Рѣпнинъ не въ дальнемъ отъ нихъ сосѣдствѣ устроилъ желѣзный заводъ на рѣкѣ Ерешмѣ, купленный впослѣдствіи Баташевыми. Всѣ эти заводы, равно какъ и заводъ Гусевскій, Велетминскій, Илевскій, Жежеринскій, Пристанскій, Верхнеунженскій и Снаводскій, Иванъ Родіоновичъ Баташевъ завѣщалъ своей родной внучкѣ Дарьѣ Ивановнѣ, вышедшей замужъ за Дмитрія Дмитріевича Шепелева.

Возвышеніе Нарышкина отозвалось и на другой еще фамиліи, сдѣлавшейся впослѣдствіи весьма извѣстною по своему богатству—на фамиліи Головкиныхъ.

Родъ Головкиныхъ не принадлежалъ къ старинному боярству, и они своимъ появленіемъ среди русской знати обязаны, какъ и Матвѣевъ, родству съ Нарышкиными. Первымъ знатнымъ лицомъ изъ Головкиныхъ былъ бояринъ Иванъ Семеновичъ Головкинъ, имѣвшій за собою только 5 крестьянскихъ дворовъ, но оставившій послѣ своей смерти сыну своему, Гавріилу Ивановичу (род. 1660 г., † 1734 г.), довольно значительное состояніе. Этотъ послѣдній пользовался особенною благосклонностію Петра Великаго, былъ при немъ государственнымъ

канцлеромъ и получилъ отъ него большія помѣстья и графское достоинство. При своемъ богатствѣ онъ былъ чрезвычайно разсчетливъ: въ Петербургѣ у него былъ простой мазанковый домъ, и вообще онъ жилъ нисколько не лучше самыхъ недостаточныхъ людей того времени. Въ 1711 году Петръ I подарилъ ему Каменный островъ. Богатство свое графъ Гавриило Ивановичъ увеличивалъ и нечестными путями, такъ какъ онъ по дѣлу гетмана Мазепы, начавшемуся вслѣдствіе доноса Кочубея и Искры, о замышляемой гетманомъ измѣнѣ, взялъ съ него порядочную взятку. Сынъ его, графъ Михаилъ Гавриловичъ, вице-канцлеръ при императрицѣ Аннѣ, женитьбою на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской увеличилъ еще болѣе родовое свое состояніе, получивъ за женою въ приданое до 20,000 душъ крестьянъ.

По восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, графъ Головкинъ, какъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ прежняго правительства, былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ, протомившись въ ссылкѣ въ Собачьемъ-Острогѣ, вмѣстѣ съ женою, четырнадцать лѣтъ, а имѣніе ихъ было конфисковано. Возвратившейся изъ Сибири графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Головкиной императрица Екатерина II, взамѣнъ отобранныхъ у нея обширныхъ отцовскихъ вотчинъ, пожаловала нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Графъ Михаилъ Гавриловичъ потомства послѣ себя не оставилъ, а принадлежавшія ему деревни, послѣ ихъ конфискаціи, частью были розданы другимъ лицамъ, частью поступили въ казенное вѣдомство. Въ деревняхъ этихъ считалось 25,000 душъ крестьянъ; онѣ находились въ лучшихъ и плодороднѣйшихъ губерніяхъ, и первоначально предполагалось раздать ихъ лейбъ-компанцамъ, возведшимъ на престолъ императрицу Елизавету Петровну.

Братъ вице-канцлера, графъ Александръ Гавриловичъ, при воцареніи Елизаветы Петровны, находился посланникомъ въ Голландіи. Онъ, опасаясь преслѣдованій за образъ дѣйствій своего брата, не рѣшился возвратиться оттуда въ отечество и остался тамъ навсегда, утвердивъ въ своей фамиліи протестантское исповѣданіе и успѣвъ перевести въ амстердамскій банкъ значительные капиталы. Опасенія графа Головкина

оказались, однако, напрасны: его вовсе не преслѣдовали за вины его брата, а потому какъ онъ самъ, такъ и его сыновья, хотя и жившіе постоянно заграницей, но не отказавшіеся отъ русскаго подданства, продолжали владѣть по-прежнему принадлежавшими имъ въ Россіи имѣніями и пользовались всѣми доходами, получаемыми съ этихъ имѣній.

Потомство же старшаго его брата, графа Ивана Гавриловича, оставалось въ Россіи, сохранивъ также всѣ свои имѣнія; но эта линія графовъ Головкиныхъ пресѣклась въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ колѣнѣ. Что же касается линіи графовъ Головкиныхъ, основавшихъ пребываніе свое въ Голландіи, то сыновья и внуки графа Гаврила Александровича служили въ голландской службѣ, но по восшествіи на престолъ Екатерины II, они, по ея приглашенію, возвратились обратно въ Россію, и императрица подтвердила за ними право владѣнія всѣми родовыми ихъ имѣніями. У графа Александра Гавриловича, отъ брака съ австрійскою графинею Екатериною Дона, были четыре сына и четыре внука. Изъ этихъ послѣднихъ графъ Юрій Александровичъ (род. 1749 г., † 1846 года), протестантъ и не умѣвшій говорить по-русски, былъ оберъ-камергеромъ и посломъ въ Китаѣ, а потомъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе разговора его съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ объ англійскихъ университетахъ, былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Двоюродные его братья не имѣли ни сыновей, ни дочерей, а у него были одна только дочь, сдѣлавшаяся такимъ образомъ единственною наслѣдницею всего головкинскаго богатства и бывшая замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины графа Юрія Александровича Головкина, имъ съ высочайшаго разрѣшенія было учреждено заповѣдное имѣніе изъ 8,000 душъ крестьянъ, которое и перешло къ родному внуку его, князю Алексѣю Александровичу Салтыкову, бывшему предводителю дворянства Курской губерніи, принявшему фамилію Головкина.

Въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій замѣтными у насъ богачами становятся Апраксины. Фамилія графовъ

Апраксиныхъ татарскаго происхожденія. Одинъ изъ ихъ предковъ, Матвѣй Андреевичъ Апраксинъ, выѣхалъ изъ Рязани въ Москву и получилъ отъ великаго князя Ивана III помѣстья въ уѣздахъ Владимірскомъ и Муромскомъ. Изъ сыновей его Прокофію Матвѣевичу данъ былъ въ кормленіе городъ Гороховецъ съ мытомъ и Обнорская волость; другой, Иванъ Матвѣевичъ, получилъ Сямскую волость, а третій, Ерофей Матвѣевичъ,—волости Отъѣзжую и Бибикову. Впослѣдствіи сыну Прокофія Матвѣевича была пожалована волость Инобожская. Въ послѣдующія затѣмъ времена Апраксины какъ-то затерялись, и фамилія ихъ заняла снова видное мѣсто среди богатой русской знати только въ исходѣ XVII столѣтія, вслѣдствіе брака царя Ѳедора Алексѣевича съ Марѳой Матвѣевной Апраксиной (род. 1664 г., † 1715 г.). При Петрѣ Великомъ были извѣстны три ея брата: графъ Петръ Матвѣевичъ, бояринъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ (род. 1659 г., † 1728). графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, генералъ-адмиралъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта (род. 1661 г., † 1728 г.) и графъ Андрей Матвѣевичъ, генералъ-майоръ и оберъ-шенкъ (род. 1663 г., † 1731 г.). Такъ какъ по существовавшему въ прежнее время обычаю, ближайшіе родственники новой царицы получали отъ ея супруга значительныя помѣстья, то и Апраксины вслѣдствіе новаго ихъ родства сдѣлались весьма богатыми помѣщиками. Кромѣ того и Петръ Великій не оставлялъ своими наградами обоихъ старшихъ Апраксиныхъ. Они, между прочимъ, въ 1710 году, получили графское достоинство царства россійскаго, и это достоинство въ 1722 году было распространено и на младшаго ихъ брата.

Понятіе о разнообразномъ въ ту пору богатствѣ графовъ Апраксиныхъ ближе всего можетъ дать составленное въ октябрѣ 1728 года завѣщаніе генералъ-адмирала графа Ѳедора Апраксина. Въ этомъ завѣщаніи онъ „рабски“ просилъ императора Петра II, чтобъ его величество повелѣлъ душеприказчикамъ исполнить, между прочимъ, слѣдующее:

Большой въ Петербургѣ домъ, стоящій на Невѣ, со всѣмъ уборомъ, съ имѣющимися при немъ дворами, всѣ дворы, ближнія и дальнія вотчины, все движимое имѣніе, что̀ останется за завѣщаніемъ, отдать наслѣдникамъ какъ указы повелѣ-

ваютъ. На основаніи же дѣйствовавшихъ тогда законовъ все недвижимое имѣніе графа Ѳедора Апраксина, какъ бездѣтнаго, должно было перейти къ старшему наслѣднику, какимъ въ то время былъ младшій изъ его братьевъ, графъ Андрей Матвѣевичъ. Затѣмъ графъ Апраксинъ завѣщалъ: фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну 4 большія серебряныя сулеи, съ цѣпями, да на кафтанъ пуговицы золотые съ алмазами; дѣйствительному тайному совѣтнику князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову большую „передачу“ серебряную, золотые пуговицы съ алмазами и два большихъ каридона (канделябры) изъ серебра, 15 мѣстъ конфектнаго сервиза, двѣ сулеи съ цѣпями и сервизъ, купленный у князя Хованскаго; Михаилу Ильичу Чирикову онъ оставлялъ серебряный позолоченный бокалъ съ чернью, который былъ „презентованъ“ Апраксину отъ ревельскаго шляхетства; затѣмъ Апраксинъ просилъ, чтобъ государь повелѣлъ принять въ его память: по полдюжинѣ серебряныхъ блюдъ князю Василію Владиміровичу Долгорукому, графу Гаврилу Ивановичу Головкину, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и графу Андрею Ивановичу Остерману. Князю Василію Лукичу Долгорукому Апраксинъ завѣщалъ двѣ „передачи“ серебряныя; любимцу императора, оберъ-камергеру князю Ивану Алексѣевичу Долгорукому 4 фляги серебряныя съ цѣпями, купленныя изъ дома дѣда его, князя Григорья Ѳедоровича, и сверхъ того два большихъ серебряныхъ кувшина, три музыкантскія трубы и одну валторну серебряныя. Адмиралу Петру Ивановичу Сиверсу Апраксинъ оставилъ серебряный корабельный подносъ и порожнее мѣсто въ Кронштадтѣ. Въ дополненіе къ тому имѣнію, которое по манифесту 1714 года должно было перейти къ брату генералъ-адмирала, графу Андрею Матвѣевичу, какъ учиненному старшимъ наслѣдникомъ, Апраксинъ просилъ о передачѣ ему Лябедянской, Пензенской и Новгородской вотчинъ, погоста Михайловскаго съ 10 другими погостами и съ двумя деревнями, а также и всѣхъ принадлежавшихъ къ этимъ имѣніямъ земель и мѣстъ. Ему же онъ передавалъ свои петербургскія мызы: Осиновую Рощу, Сиворицы и всѣ приморскія мѣста, а также и находившіяся въ Петербургѣ мѣста: на рѣчкѣ Мьѣ (Мойкѣ) и на рѣчкѣ Фонтанкѣ (гдѣ нынѣ на-

ходится Апраксинъ дворъ, владѣлецъ котораго, графъ Апраксинъ, считается по цѣнѣ этого зданія первымъ собственникомъ во всемъ Петербургѣ). Ему же отдавалъ онъ: свой московскій загородный домъ, алмазную шпагу, пожалованную за взятіе Выборга, четыре большіе серебряные кувшина и 500 червонцевъ. Сыну его, графу Ѳедору Андреевичу, генералъ-адмиралъ оставлялъ 500 червонцевъ и 6 серебряныхъ чашъ съ покрышами, которыя ставятся на столъ съ кушаньемъ, и одинъ гарнитуръ серебряный, который тоже употребляется на столѣ, а къ нему серебряныхъ ложекъ, вилокъ и ножей на 12 персонъ, а также золотыя съ алмазами пуговицы.

Оставшіяся за этимъ завѣщаніемъ вотчины, а именно: новгородскую—село Петровское, подмосковную—село Никольское съ деревнями, землями и угодьями, а также московскій каменный домъ, ревельскій загородный дворъ и ревельскія мызы онъ просилъ продать повольною цѣною съ тѣмъ, чтобы вырученныя за это деньги раздать неимущимъ въ милостыню и употребить на выкупъ плѣнныхъ и для уплаты за тѣхъ, кто долженъ казнѣ, а также обратить часть этихъ денегъ въ другія „нужныя мѣста“. Племяннику своему, графу Алексѣю Петровичу Апраксину, онъ оставлялъ: портретъ Петра Великаго, обложенный алмазами, золотую кавалерію св. Андрея, украшенную драгоцѣнными камнями, четыре большихъ серебряныхъ сулеи съ такими же цѣпями, шесть большихъ столовыхъ серебряныхъ чашъ съ покрышами для кушаньевъ и серебряный столовый гарнитуръ съ такимъ же приборомъ на 12 персонъ, 15,000 рублей и золотыя съ алмазами пуговицы. Затѣмъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ распредѣлилъ разные предметы между племянниками, племянницами и внукой, бывшею замужемъ за Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Изъ этихъ распредѣленій оказывается, что кромѣ серебряныхъ вещей, назначенныхъ въ раздачу прежде, у Апраксина было 2,000 серебряныхъ тарелокъ и 40 дюжинъ серебряныхъ приборовъ. Имъ же онъ оставлялъ нѣмецкія золотыя пуговицы съ алмазами на кафтаны, съ тѣмъ, что если такихъ всѣмъ не достанетъ, то додѣлать ихъ противъ такой же мѣры.

Завѣщаніе графа Апраксина дополнено многими денежными выдачами разнымъ постороннимъ лицамъ, свойственни-

камъ, а также служившимъ при немъ адъютантамъ и секретарю, духовнику, копiисту, карликамъ, пажамъ, кухмистеру и вообще всей прислугѣ. Въ монастыри для поминовенiя и „для размноженiя школъ“ онъ обязалъ своего старшаго наслѣдника выдавать ежегодно по 300 рублей, а также завѣщалъ построить церковь на деньги, собранныя его трудами изъ разныхъ партикулярныхъ контрибуцiй и взятыхъ имъ морскихъ призовъ. Въ заключенiе своего завѣщанiя онъ упоминалъ о состоявшихъ за нимъ дворцовыхъ волостяхъ: Толмачевской, Дорской, Изборской и Самерской, которыя прежде были за его сестрою, царицею Маѳою Матвѣевною, а по смерти ея были пожалованы ему „по жизнь“ Петромъ Великимъ, и для того „рабски доносилъ“, чтобъ оныя были приняты куда его императорское величество всемилостивѣйше изволитъ повелѣть.

Вслѣдствiе этого завѣщанiя всѣ богатства генералъ-адмирала графа Апраксина перешли къ младшей линiи, которая и донынѣ владѣетъ частью родовыхъ богатствъ.

Изъ другой отрасли Апраксиныхъ, не имѣющей графскаго титула, не столько своимъ богатствомъ, сколько непомѣрнороскошнымъ образомъ жизни былъ извѣстенъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ (р. 1702 г., † 1760 г.), генералъ-фельдмаршалъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ доводилъ роскошь въ своей жизни до громадныхъ размѣровъ. Князь Щербатовъ пишетъ, что фельдмаршалъ Апраксинъ имѣлъ „великiй столъ“, и первый изъ русскихъ вельможъ ѣлъ въ буквальномъ смыслѣ на серебрѣ и на золотѣ, а сотни богатѣйшихъ кафтановъ наполняли его гардеробъ. Во все время похода въ Пруссiю, все, что̀ услаждало его вкусъ и привычки, слѣдовало въ его обозѣ, подъ который недостаточно было 500 лошадей. Для собственнаго же его употребленiя было при немъ 50 заводскихъ богатоубранныхъ лошадей, а палатки его составляли цѣлый городъ. О житьѣ его во время прусскаго похода передаетъ немало въ своихъ „Запискахъ“ и Болотовъ, какъ очевидецъ. Сколько извѣстно, фельдмаршалъ Апраксинъ не имѣлъ собственныхъ средствъ для такой необыкновенной роскоши, и, по всей вѣроятности, пользовался ею отчасти въ долгъ, отчасти на казенный счетъ.

Объ этомъ Апраксинѣ Бантышъ-Каменскiй, въ составлен-

номъ имъ „Словарѣ достопамятныхъ людей земли русской“, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

Фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, послѣ удачнаго сраженія русскихъ съ пруссаками при Грос-Егерндорфѣ, отправилъ въ Петербургъ изъ Пруссіи черезъ одного маркитанта нѣсколько боченковъ съ червонцами подъ видомъ вина. Предувѣдомленная мужемъ о такой необыкновенной посылкѣ, фельдмаршальша приказала поставить при себѣ въ погребъ привезенные маркитантомъ боченки и, выславъ оттуда людей, съ однимъ довѣреннымъ дворецкимъ откупорила ихъ, причемъ изъ боченковъ не посыпалось золото, а полилось вино. Впослѣдствіи — добавляетъ Бантышъ-Каменскій — будто бы оказалось, что маркитантъ, воспользовавшись паденіемъ Апраксина, предпочелъ доставить женѣ его вино, удержавъ червонцы для себя. Д. И. Языковъ, издавая „Записки“ Нащокина, говоритъ, что разсказъ объ этомъ очень похожъ на сказку. Такое же мнѣніе высказалъ и покойный П. П. Пекарскій въ статьѣ своей „Походъ 1757 года“. Между тѣмъ, М. И. Семевскій въ напечатанной имъ въ 1859 году въ „Военномъ Сборникѣ“ статьѣ, подъ заглавіемъ „Историческое преданіе 1757 года“, помѣстилъ подробный разсказъ объ этомъ случаѣ, замѣчая, что если сказка приводится многими писателями, если она сохранилась въ запискахъ современниковъ и если, наконецъ, — что всего важнѣе, — она прожила столѣтіе въ какомъ нибудь глухомъ углу Смоленской губерніи и доселѣ разсказывается съ мельчайшими подробностями, хотя и не безъ нѣкоторыхъ прикрасъ, то это уже не сказка, а историческое преданіе, въ которомъ если не все, то многое справедливо.

Съ своей стороны, г. Семевскій передаетъ слышанное имъ отъ старика-крестьянина преданіе, въ сущности сходное съ разсказомъ Бантышъ-Каменскаго, но преданіе это разъясняетъ, что такъ сильно поживившійся на счетъ фельдмаршала Апраксина маркитантъ былъ вяземскій мѣщанинъ Иванъ Сергѣевъ, по прозванію Барышниковъ, уроженецъ той мѣстности, гдѣ сохранилось о немъ преданіе. Барышниковъ, догадавшись, какое несмѣтное богатство онъ везетъ, вынулъ изъ боченковъ золото и налилъ ихъ виномъ. Явившись въ Петербургъ, онъ

сдалъ боченки по принадлежности и началъ заниматься торговлей, не подавая вида, что онъ разжился. Вскорѣ онъ вышелъ въ купцы, а наконецъ перешелъ и въ дворяне. Воспользовавшись дворянскимъ правомъ, онъ купилъ огромное имѣніе и въ двухъ селахъ построилъ не дома, а дворцы, завелъ огромную дворню, большую охоту, музыкантовъ, актеровъ, актрисъ и зажилъ большимъ бариномъ. Поступалъ онъ впрочемъ осторожно, съ оглядкою, не торопясь, и притворяясь будто разживается мало-по-малу чрезъ торги и казенные подряды, чѣмъ онъ и дѣйствительно занимался. По преданію, въ домѣ Барышникова сундуки были наполнены деньгами.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но фельдмаршалъ Апраксинъ чрезмѣрною роскошью разстроилъ свое состояніе до того, что въ 1763 году вдовѣ его, оставленной съ дѣтьми „въ немалыхъ долгахъ“, императрица Екатерина II приказала выдать изъ дворянскаго банка 60,000 рублей заимообразно безъ процентовъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Способы составленія частныхъ богатствъ при Петрѣ Великомъ.—Богатые представители старинныхъ родовъ и новые люди. — Богатство графовъ Шереметевыхъ. — Вліяніе на него закона о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ. — Соединеніе этого богатства съ богатствомъ князей Черкасскихъ. — Роскошная жизнь графа Петра Борисовича Шереметева. — Раздѣлъ шереметевскаго имѣнія.—Богатство графовъ Головиныхъ. — Переходъ его въ родъ князей Барятинскихъ.—Розыгрышъ въ лотерею Воротынца.—Богатство графа Толстаго. — Его промышленныя предпріятія. — Конфискація. — Имѣнія графовъ Остермановъ и князей Грузинскихъ.—Князья Прозоровскіе.—Богатство князя Гагарина.—Казнь его и князя Кольцова-Мосальскаго.—Графы Бутурлины и графы Мусины-Пушкины. — Пожалованіе вотчинъ господарю Дмитрію Кантемиру. — Майоратъ имъ учрежденный. — Ошибочныя похвалы князю Антіоху Кантемиру. — Тяжба объ имѣніи князей Кантемировъ.

Преобразованія, произведенныя Петромъ Великимъ, образцы которыхъ онъ позаимствовалъ изъ западной Европы, произвели существенныя измѣненія въ прежнемъ нашемъ государственномъ строѣ и вообще въ экономической жизни Россіи. Что же касается собственно способовъ пріобрѣтенія частныхъ богатствъ, то хотя при немъ, вслѣдствіе начавшагося у насъ развитія торговли и промышленности, и открылись къ этому нѣкоторые новые пути, но тѣмъ не менѣе удержались въ своей силѣ и старые клонившіеся къ тому способы. Такъ, раздача имѣній, населенныхъ крѣпостными крестьянами, продолжалась и при Петрѣ Великомъ въ большихъ размѣрахъ. Введенныя же имъ ревизіи населенія окончательно закрѣпили крестьянъ за помѣщиками и придали бо́льшую стоимость такимъ имѣніямъ. Случаи огромной наживы почти на глазахъ

самого государя, хотя и чрезвычайно строгаго, были очень часты, и только по временамъ надъ виновными въ этомъ разражалась безпощадная гроза.

При Петрѣ Великомъ составилось нѣсколько громадныхъ богатствъ, владѣльцами которыхъ явились немногіе представители старинныхъ боярскихъ родовъ, такъ какъ бо́льшая часть такихъ богатствъ была собственностью людей не только новыхъ, но даже и иностранцевъ. Въ числѣ богачей перваго разряда, т. е. богачей изъ стараго боярства, были графъ Шереметевъ и графъ Головинъ.

Послѣдствія манифеста, изданнаго 18 марта 1714 года Петромъ Великимъ о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ, успѣли весьма замѣтно отразиться на извѣстномъ во всей Россіи громадномъ состояніи графовъ Шереметевыхъ. Родъ Шереметевыхъ происходитъ отъ знатнаго выходца изъ Пруссіи, изъ „решскихъ“, т. е. нѣмецко-имперскихъ князей. Выходецъ этотъ былъ родоначальникомъ нѣсколькихъ дворянскихъ фамилій, а въ числѣ ихъ и фамиліи Романовыхъ. Шереметевы онъ принадлежали издревне къ московской знати, и еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ слылъ въ народѣ богачемъ, почему Грозный, приговоривъ его къ смертной казни, настойчиво допытывался, куда онъ скрылъ свои богатства.

Богатѣйшимъ же представителемъ фамиліи Шереметевыхъ былъ въ началѣ прошлаго столѣтія бояринъ, потомъ генералъ-фельдмаршалъ, а съ 1706 года и графъ русскаго царства съ титуломъ „свѣтлости“, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ сподвижниковъ Петра Великаго. Кромѣ родовыхъ имѣній и помѣстій, пожалованныхъ Шереметеву государемъ, увеличенію его богатства послужила немало и война въ Лифляндіи, гдѣ, по выраженію самого царя, онъ „славно похозяйничалъ“. Военная добыча и уводъ плѣнныхъ крестьянъ изъ завоеванныхъ мѣстъ содѣйствовали увеличенію богатаго домашняго скарба фельдмаршала и умноженію крѣпостнаго крестьянскаго населенія въ принадлежавшихъ ему деревняхъ. Не смотря однако на свое повидимому большое богатство, графъ Шереметевъ—который между прочимъ за полтавское сраженіе получилъ Юхотскую волость

съ 12,000 душъ крестьянъ — обыкновенно забиралъ впередъ жалованье и не разъ обращался къ Петру съ просьбой о выдачѣ денегъ и о пожалованьѣ помѣстій, ссылаясь на то, что ему „бѣдному“ нечѣмъ жить, и дѣйствительно онъ умеръ съ казеннымъ долгомъ, а вдова его жаловалась всѣмъ и каждому на разоренье отъ исковъ. Трудно, однако, сказать, до какой степени все это было справедливо и не проявлялась ли здѣсь обычная въ то время привычка прикидываться бѣдняками.

По смерти графа Бориса Петровича Шереметева въ 1719 году, первымъ богачемъ въ тогдашней Россіи считался сынъ его, графъ Петръ Борисовичъ, по злобному выраженію князя Щербатова, не носившій, а таскавшій свое имя. Этотъ лично ничтожный представитель своего знаменитаго рода былъ однако главнымъ виновникомъ богатства графовъ Шереметевыхъ, вошедшаго въ народную поговорку. По своей же пышной обстановкѣ онъ успѣлъ придать наружный блескъ „таскаемому“ имъ имени: онъ жилъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ. „Одежды его, замѣчаетъ князь Щербатовъ, наносили ему тягость отъ злата и серебра и ослѣпляли блистаніемъ очи, экипажи у него были выписаны изъ Франціи, столъ у него былъ постоянно великолѣпный, множество прислуги, и въ домѣ его было столько предметовъ самой утонченной роскоши, что онъ, не готовясь нисколько, могъ каждый день принять у себя императрицу“.

Что же касается его богатствъ, то они достались ему по стеченію слѣдующихъ обстоятельствъ:

Въ „Отголоскахъ Старины“, изданныхъ г. Любецкимъ, говорится между прочимъ, что за смертью старшаго изъ сыновей графа Бориса Петровича, Михаила, отъ перваго брака съ Евдокіею Алексѣевною Чириковою, и за денежнымъ вознагражденіемъ меньшаго Сергѣя, средній его сынъ, Петръ, отъ втораго брака съ Анною Петровною Салтыковой, по первому мужу Нарышкиною, остался единственнымъ наслѣдникомъ всего состоянія. Надобно однако замѣтить, что хотя дѣйствительно старшій сынъ фельдмаршала умеръ ранѣе отца, но что онъ оставилъ сына, который по представительству своего отца имѣлъ такое же право на наслѣдство дѣда, какъ и дядя

его, графъ Петръ Борисовичъ. Между тѣмъ онъ, какъ сынъ пасынка второй жены фельдмаршала, былъ вслѣдствіе ея вліянія на мужа обойденъ, такъ что все недвижимое имѣніе графа Бориса Петровича перешло къ сыну его, графу Петру Борисовичу. По поводу такого раздѣла, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, въ 1810 году, писалъ: „Графъ Петръ Борисовичъ остался наслѣдникомъ 60,000 душъ не одинъ: у него былъ братъ (племянникъ?), нѣсколько сестеръ, въ томъ числѣ и моя бабка, княгиня Наталья Борисовна: и такъ графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучимъ на чужихъ развалинахъ".

За такого богатаго жениха вышла самая богатая невѣста въ тогдашней Россіи—княжна Варвара Алексѣевна Черкасская (род. 1711, † 1767 года). Жениться на ней собирался было князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, но это ему не удалось, такъ какъ князь Черкасскій желалъ выдать дочь свою за какого нибудь богача. Княжна Черкасская принесла въ приданое своему мужу болѣе 80,000 душъ крестьянъ, кромѣ несмѣтныхъ богатствъ, нажитыхъ между прочимъ князьями Черкасскими и въ Сибири. За нею получилъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ и знаменитое село Останкино подъ Москвою, съ великолѣпно отдѣланнымъ домомъ, богатою утварью, садами и обширными прудами. Ему же, по женѣ, достались всѣ ближнія къ Москвѣ отличнѣйшія имѣнія канцлера князя Черкасскаго, простиравшіяся отъ Москвы чуть не до Коломны. Въ числѣ этихъ имѣній было и село Вешняково, нѣкогда принадлежавшее Шереметевымъ и отошедшее отъ нихъ къ князьямъ Одоевскимъ, а чрезъ княжну Черкасскую снова возвратившееся въ родъ Шереметевыхъ. Отъ Черкасскаго, кромѣ всего этого, перешли къ графамъ Шереметевымъ безцѣнныя лавровыя и померанцовыя деревья огромной величины, считавшія уже и тогда нѣсколько столѣтій своей жизни. Оранжереи, теплицы и грунтовые сады Останкина снабжали фруктовыми отводами всѣ окрестныя помѣстья и много способствовали развитію плодоваго садоводства не только подъ Москвою, но и во всей Россіи.

Главнымъ подмосковнымъ родовымъ имѣніемъ графа Петра Борисовича было Кусково и Спасское. Здѣсь при немъ

былъ построенъ домъ по плану французскаго архитектора Валли. Въ этомъ домѣ были драгоцѣнные гобелены, яшмовыя вазы, огромныя зеркала, статуи, антики, множество бронзы и художнически разрисованные плафоны. Были комнаты: одна изъ сплошныхъ венеціанскихъ зеркалъ, другая обдѣланная малахитомъ. Въ оружейной находились, между прочимъ, дамасскія сабли въ золотыхъ ножнахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Въ саду было 17 прудовъ, обширныя оранжереи, карусели, гондолы, руины, китайскіе и итальянскіе домики, китайская башня на подобіе нанкинской съ колоколами, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты и пр. Въ особомъ домѣ былъ устроенъ столъ, гдѣ, по желанію гостя, опускалась внизъ и подымалась вновь каждая тарелка. Такихъ механическихъ кувертовъ было 16. Въ Кусковѣ былъ заведенъ и звѣринецъ, въ которомъ находились: американскіе, архангельскіе и сибирскіе олени (до 600 головъ), пѣгіе и черные волки, лисицы, медвѣди, дикія козы, серны, сайгаки. Погребъ былъ наполненъ самыми дорогими винами.

Въ этомъ великолѣпномъ имѣніи Шереметевъ давалъ роскошныя празднества, на которыя однихъ званыхъ гостей собиралось до 2,000, а столъ сервировался золотою посудою на 60 приборовъ. Около 1786 года ежегодный расходъ на содержаніе этого имѣнія простирался до 16,000 рублей. Затѣмъ по прочимъ предметамъ своего хозяйства графъ Петръ Борисовичъ отличался систематическою экономіею и строго соблюдалъ заранѣе составленныя имъ смѣты. Самъ же онъ на свои личныя надобности получалъ ежемѣсячно 1,000 серебряныхъ рублей.

23 августа 1775 года Екатерина посѣтила Шереметева въ Кусковѣ. Графъ Комаровскій, видѣвшій данный по этому случаю владѣльцемъ Кускова праздникъ, въ своихъ „Запискахъ“ пишетъ, между прочимъ, „что всего болѣе удивило меня, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицей. Оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на томъ возвышеніи былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ бриліантовъ“.

Французскій посланникъ, извѣстный писатель, графъ Сегюръ, бывшій тоже на этомъ праздникѣ, удивляясь вообще

богатству графа Петра Борисовича Шереметева, а также крѣпостнымъ его актерамъ и актрисамъ, говоритъ: „Всего удивительнѣе то, что несмѣтное число хрустальной посуды, покрывшей весь столъ, за которымъ сидѣло сто человѣкъ гостей, было украшено и обогащено дорогими неподдѣльными каменьями разныхъ породъ и цвѣтовъ, чрезвычайно цѣнными".

Вообще у графа Бориса Петровича Шереметева, вслѣдствіе брака его съ княжною Черкасскою, независимо отъ движимости, составилось такое вотчинное богатство, какого не было въ Россіи ни прежде, ни послѣ, такъ какъ число крестьянъ въ имѣніяхъ графовъ Шереметевыхъ простиралось въ сложности до 160,000 душъ, не говоря уже о томъ, что многіе изъ шереметевскихъ крестьянъ были сами по себѣ не только зажиточны, но и чрезвычайно богаты, и сколько ни наживались около графовъ Шереметевыхъ ихъ управляющіе и повѣренные, но всетаки состояніе ихъ было всегда громадно.

При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ ею былъ отмѣненъ, но такъ какъ въ младшей линіи графовъ Шереметевыхъ, въ двухъ слѣдовавшихъ одно за другимъ поколѣніяхъ, оставался въ живыхъ одинъ только наслѣдникъ, то такимъ образомъ здѣсь былъ естественный майоратъ и все имѣніе, доставшееся этой линіи, оставалось нераздѣльно въ теченіе 150 лѣтъ. Между тѣмъ старшая линія графовъ Шереметевыхъ, обездоленная при первоначальномъ раздѣлѣ имѣнія фельдмаршала и не поддержавшая себя такимъ необыкновенно выгоднымъ бракомъ, каковъ былъ бракъ съ княжною Варварою Алексѣевной Черкасскою, находилась въ совершенно иномъ положеніи, и лѣтъ сорокъ тому назадъ одинъ изъ представителей этой линіи, графъ Николай Алексѣевичъ Шереметевъ, занималъ весьма скромную должность главнаго смотрителя при странноприимномъ шереметевскомъ домѣ въ Москвѣ, основанномъ въ 1803 году оберъ-камергеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (род. 1751 года, † 1809 года) женился тайно въ 1801 году на крѣпостной своей дѣвушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Кузнецовой, прозваніе которой было передѣлано сперва въ Ковалеву, а потомъ въ

Ковалевскую съ разглашеніемъ, будто она происходитъ отъ польскаго шляхтича Ковалевскаго, записаннаго неправильно, при ревизіи, за графомъ Шереметевымъ въ числѣ крѣпостныхъ его людей. По мѣстнымъ преданіямъ, эта крестьянка-графиня была за ея умъ и доброе сердце вполнѣ достойна своей участи. Память о бракѣ кусковскаго барина съ крестьянкой сохранилась въ извѣстной повсемѣстно въ Россіи старинной пѣсни, начинающейся словами: „Вечоръ поздно изъ лѣсочка я коровушку гнала“. По завѣщанію графини Прасковьи Ивановны († 1803 г.) ежегодно выдается безпомощнымъ бѣднымъ сиротамъ дѣвицамъ 6,000 рублей, бѣднымъ семействамъ 5,000 рублей, убогимъ ремесленникамъ 4,000 рублей и употребляется на выкупъ за долги и на разные вклады 5,000 рублей. Драгоцѣнную брилліантовую цѣпь, стоившую 12,000 рублей, которую она надѣвала, являясь до своего замужества на сценѣ кусковскаго театра, графиня Шереметева подарила въ петербургскую Воскресенскую церковь. По ея же мысли основанъ ея мужемъ въ Москвѣ страннопріимный домъ, на который было употреблено нѣсколько милліоновъ денегъ и для вѣчнаго содержанія котораго были приписаны къ нему значительныя имѣнія, такъ что память этой незнатной по рожденію женщины заслуживаетъ полнаго уваженія.

Послѣ смерти графа Николая Петровича, все его имѣніе перешло къ единственному его сыну, графу Дмитрію Николаевичу (род. 1803 г., † 1871 г.), не имѣвшему въ то время и шести лѣтъ. Недобросовѣстные его опекуны увозили къ себѣ и распродавали все попадавшееся имъ подъ руки и, прикрываясь недостаткомъ денежныхъ средствъ, уничтожали то, что служило поддержкою имѣній и клонилось къ ихъ благоустройству. Нашествіе французовъ въ 1812 году было для нихъ какъ нельзя болѣе кстати. Ссылаясь на посѣщеніе непріятелемъ подмосковныхъ имѣній графа Шереметева, они исписали огромные реестры вещей, будто бы расхищенныхъ или уничтоженныхъ французами. Вообще опекуны богатѣйшаго наслѣдника во всей Россіи довели его дѣла до того, что если бы пришлось уплатить вдругъ всѣ лежавшіе на немъ долги, то у него осталось бы очень немного. Дѣла его въ послѣднее время стали значительно поправляться, а освобожденіе кре-

стьянъ отъ крѣпостной зависимости спасло шереметевское состояніе, измѣнивъ только его видъ, но ни его стоимость и доходность.

Послѣ графа Дмитрія Николаевича осталось двое сыновей, а потому, по прошествіи ста пятидесяти лѣтъ, огромное богатство графовъ Шереметевыхъ, соединенное съ богатствомъ княжны Варвары Алексѣевны Черкасской, подверглось въ первый разъ дѣлежу между нѣсколькими наслѣдниками и выдѣлу указной вдовьей части, чего прежде также не бывало.

Фамилія Головиныхъ происходитъ отъ грека, князя Степана Ховра, владѣтеля Судака, Манкупы и Балаклавы, выѣхавшаго изъ Крыма въ Москву въ 1391 году. Головины въ теченіе XV и XVI вѣковъ почти постоянно занимали важную должность царскаго казначея и принадлежали къ богатой московской знати. Но самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ по своему богатству былъ бояринъ, фельдмаршалъ и генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Онъ же первый изъ русскихъ получилъ, 16 ноября 1701 г., титулъ графа римской имперіи. Кромѣ весьма значительныхъ капиталовъ, графъ Головинъ владѣлъ 30,000 душъ крестьянъ. Имѣніе это раздѣлилось между многочисленнымъ его потомствомъ, но главная часть упомянутаго имѣнія перешла по одной линіи къ внукѣ его, графинѣ Наталіи Николаевнѣ, бывшей замужемъ за русскимъ генералъ-фельдмаршаломъ принцемъ Петромъ-Августомъ Голштейнъ-Бекскимъ, а по другой линіи къ правнуку его, оберъ-шенку Николаю Николаевичу Головину, умершему въ 1820 году.

Дочь принца Петра-Августа, принцесса Екатерина Петровна, была замужемъ за княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ, роднымъ дѣдомъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго. Такимъ образомъ значительная часть богатства графовъ Головиныхъ перешла черезъ принцессу Голштейнъ-Бекскую въ родъ князей Барятинскихъ, которые хотя и происходятъ въ прямой мужской линіи отъ Рюрика, но въ старину не принадлежали сами по себѣ къ богатымъ русскимъ фамиліямъ. Впрочемъ такой переходъ совершился несовсѣмъ безпрепятственно, такъ какъ отецъ принцессы Голштейнъ-Бекской, графъ Головинъ, оста-

вилъ завѣщаніе, которымъ онъ все свое недвижимое имѣніе передавалъ побочнымъ своимъ дѣтямъ. Они поселились въ Даніи, и одинъ изъ нихъ Петръ-Густавъ Головинъ былъ датскимъ генералъ-майоромъ при королѣ Христіанѣ VII. Отецъ ихъ и принцессы Голштейнъ-Бекской, графъ Николай Ѳедоровичъ, умеръ въ 1745 году, и императрица Елизавета Петровна уничтожила своею самодержавною властью его завѣщаніе, приказавъ отдать все движимое и недвижимое имѣніе покойнаго его дочери, принцессѣ Натальѣ Николаевнѣ съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы только онъ и жена его сами съ дѣтьми своими владѣніями оными пользовались, а ничего не продавали и не закладывали, и въ чужіе края не вывозили и денегъ на векселя не переводили, только тѣ дѣти ихъ могли быть полнымъ наслѣдниками, которыя въ преемномъ законѣ будутъ. Дочь принцессы, выйдя замужъ за князя Барятинскаго, перевела полученное ею богатство въ родъ князей Барятинскихъ.

Что же касается правнука перваго графа Головина, то ему принадлежалъ Воротынецъ, надѣлавшій много шума семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ послѣ смерти графа Головина село это, вмѣстѣ съ другими его имѣніями, разрѣшено было розыграть въ лотерею, которая и происходила въ залѣ С.-Петербургской биржи 12 іюня 1823 года.

По плану этой лотереи, не совсѣмъ впрочемъ ясному, первый выигрышъ состоялъ изъ селъ Воротынца, Семьяна и Бѣлявки съ деревнями. Имѣніе это находилось въ Васильевскомъ округѣ Нижегородской губерніи. Въ немъ считалось тогда 4,108 душъ при 34,000 десятинахъ земли съ богатыми рыбными ловлями, великолѣпнымъ господскимъ домомъ, садами и большою паровою мельницею, что было въ ту пору чрезвычайною рѣдкостію,—почти чудомъ. Имѣніе это приносило 33,000 рублей ежегоднаго дохода. Второй выигрышъ состоялъ изъ находившагося въ Орловской губерніи села Сергіевскаго, въ которомъ было по ревизіи 286 душъ съ 1,406 десятинами земли. Съ этого имѣнія получалось въ годъ до 20,000 рублей дохода. Третій выигрышъ былъ село Васильевское, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи; въ этомъ селѣ, при 1,392 десятинахъ земли, было 173 души; оно приносило доходу 7,000 рублей въ годъ. Четвертый выигрышъ былъ село

Давыдово, Тульской губерніи Бѣлевскаго уѣзда; въ немъ, при 132 ревизскихъ душахъ, числилось 800 десятинъ земли, доходу съ него получалось ежегодно 8,000 рублей. Кромѣ того, въ эту лотерею розыгрывался принадлежавшій графу Головину въ Нижнемъ-Новгородѣ домъ. Всѣхъ билетовъ было 170,000 по 50 руб. ассигнаціями каждый, что въ общей сложности составляло сумму 8.500,000 рублей; изъ этой суммы были назначены денежныя преміи на 6,013 выигрышей. Билетъ, выигрывавшій Воротынецъ, былъ раздѣленъ на 5 купоновъ. Денежную премію въ 200,000 рублей выигралъ ярославскій мѣщанинъ Смирновъ; вторую премію въ 100,000 рублей выиграли чиновники хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, взявшіе билетъ въ складчину. Село Сергіевское выиграла вдова коллежскаго секретаря Баранова, село Васильевское выигралъ совѣтникъ Тамбовскаго губернскаго правленія Филипповъ. Третью премію въ 100,000 рублей выиграли два нѣмца Сассенъ и Штаваманъ; четвертую также въ 100,000 рублей — петербургскій мѣщанинъ Григорьевъ. Денежныя преміи, начинаясь съ 200,000 рублей упадали постепенно до 50 рублей.

У владѣльца Воротынца остались двѣ дочери: графиня Прасковья Николаевна, бывшая за гофмаршаломъ графомъ Фредро, и графиня Елизавета Николаевна, бывшая въ замужествѣ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Потоцкимъ; но намъ неизвѣстно, какую прибыль получили онѣ отъ розыгрыша имѣнія, принадлежавшаго ихъ отцу.

Что касается богатства графа Петра Андреевича Толстаго, то оно представляетъ одинъ изъ многихъ примѣровъ прежней непрочности нашихъ частныхъ богатствъ.

Толстые, предокъ которыхъ, въ 1353 году, пришелъ изъ Германіи въ Черниговъ съ трехтысячною дружиною, не были, какъ и многіе древніе наши дворянскіе роды, замѣтны въ русской исторіи до конца XVII столѣтія. Женитьба одного изъ нихъ, Андрея Васильевича, на сестрѣ знаменитаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго, доставила ему видное положеніе при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Второй его сынъ Петръ Андреевичъ (род. 1645 г., † 1729 года), не смотря на свое родство съ ненавистными Петру Великому Милослав-

скими, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей и получилъ отъ него графскій титулъ. При Екатеринѣ I онъ былъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, но вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Петра II, въ маѣ 1727 года, былъ лишенъ чиновъ, титула и имѣнія и сосланъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, президентомъ юстицъ-коллегіи, въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ, пробывъ въ заточеніи два года.

Замѣчательно, что графъ Петръ Андреевичъ Толстой, занимая уже высшія государственныя должности, вдавался въ промышленныя предпріятія. Когда Петръ Великій, въ бытность свою въ Парижѣ, обратилъ особенное вниманіе на мануфактурную производительность Франціи, тогда Толстой и Шафировъ вызвались устроить въ Россіи фабрики, подобныя французскимъ. Такое предложеніе было государю чрезвычайно пріятно, и онъ 8-го іюля 1717 года далъ Толстому и Шафирову привиллегію, срокомъ на 50 лѣтъ, на устройство парчевыхъ и всякихъ шелковыхъ фабрикъ, за исключеніемъ чулочныхъ и галунныхъ, предоставивъ имъ, какъ особую льготу, продавать издѣлія ихъ фабрикъ безъ платы пошлинъ. Толстой и Шафировъ пріискали лучшихъ мастеровъ и отлично повели переданное въ ихъ руки дѣло. Фабрики пошли такъ удачно, что и князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, непомѣрно алчный къ наживѣ всякаго рода, вошелъ въ ихъ компанію, но вскорѣ начались между нимъ и прежними компаньонами несогласія, которыя окончились ссорой. Фабрики были закрыты, но въ 1719 году Толстой и Шафировъ вновь завели шелковую фабрику. Кромѣ того, Толстой, тоже въ компаніи съ Шафировымъ, принималъ участіе въ звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ. Князь Меншиковъ вмѣшался и въ это выгодное дѣло. Начались опять раздоры, и, чтобы положить имъ конецъ, Петръ, отнявъ эти промыслы у Толстаго и Шафирова, отдалъ ихъ на откупъ купцамъ Евреиновымъ.

Столкновенія по коммерческой части Толстаго съ княземъ Меншиковымъ подготовляли отчасти паденіе перваго. Неизвѣстно до какой степени былъ богатъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой, извѣстно только то, что въ 1727 году у него было, кромѣ недвижимости, конфисковано до 6,000 душъ крестьянъ.

Въ 1760 году Екатерина II возвратила внуку Петра Ан-

дреевича, Василію Ивановичу Толстому, графское достоинство, но мы не знаемъ, какая была возвращена ему часть изъ имѣній, конфискованныхъ у его дѣда. Вслѣдствіе этой конфискаціи, а также и вслѣдствіе многочисленности потомства графа Петра Андреевича, фамилія графовъ Толстыхъ не принадлежала впослѣдствіи сама по себѣ къ богатой русской знати, но нѣкоторые изъ ея членовъ, вслѣдствіе брачныхъ связей, были всетаки замѣчательны по своему состоянію. Такъ, бригадиръ, впослѣдствіи сенаторъ, графъ Ѳедоръ Андреевичъ (род. 1757 г., † 1849 года), женившись на Степанидѣ Алексѣевнѣ Дурасовой, родной внукѣ извѣстнаго богача Мясникова, получилъ большое состояніе, поддержанное бережливостію или, вѣрнѣе сказать, скупостію его жены. Онъ былъ страстный антикварій и неутомимый собиратель древностей. Въ коллекціи его было не мало рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, такъ какъ онъ при выборѣ ихъ постоянно руководствовался указаніями и совѣтами людей свѣдущихъ по этой части. Богатая его библіотека была впослѣдствіи пріобрѣтена правительствомъ для передачи въ составъ императорской публичной библіотеки. Онъ имѣлъ единственную дочь, графиню Аграфену Ѳедоровну, бывшую замужемъ за извѣстнымъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ. У нихъ отъ этого брака была одна дочь, графиня Лидія Арсеньевна, вышедшая замужъ за графа Нессельроде.

Другой изъ Толстыхъ, не имѣвшихъ графскаго титула, генералъ-аншефъ Матвѣй Андреевичъ († 1763) былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Остерманъ, и когда родъ графовъ Остермановъ пресѣкся, то ко внуку его, извѣстному герою Кульма, Александру Ивановичу, перешли титулъ, фамилія и имѣніе графовъ Остермановъ. Но это весьма значительное имѣніе не удержалось въ фамиліи Толстыхъ, такъ какъ графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой скончался бездѣтнымъ, и родовыя имѣнія графовъ Остермановъ вмѣстѣ съ ихъ фамиліею и титуломъ перешли къ одному изъ князей Голицыныхъ.

Наконецъ къ третьему представителю фамилія Толстыхъ, графу Александру Петровичу Толстому, женившемуся на

княжнѣ Аннѣ Егоровнѣ Грузинской, перешло въ приданое, изъ имѣнія, пожалованнаго въ 1724 году грузинскому царю Вахтангу, 8,000 душъ. Бракъ этотъ бездѣтный. Царю Вахтангу было пожаловано 32,000 душъ и въ числѣ имѣній, принадлежавшихъ царю Вахтангу и его потомкамъ, было извѣстное село Лысково въ Нижегородской губерніи. Владѣльцы этого села получали огромный доходъ съ пріѣзжавшихъ на макарьевскую ярмарку. Доходы эти сократились однако въ значительной степени съ переводомъ макарьевской ярмарки въ Нижній-Новгородъ. Впослѣдствіи къ потомкамъ царей грузинскихъ не были такъ благосклонны.

Добавимъ къ этому, что есть еще другіе князья Грузинскіе — потомки послѣдняго грузинскаго царя Ираклія. Онъ при вступленіи, въ 1800 году, въ подданство Россіи не получилъ вотчинъ, но ему и ближайшимъ его потомкамъ, сохранившимъ титулъ царевичей Грузинскихъ, были назначены особыя пенсіи. Немного лѣтъ тому назадъ прежніе царевичи Грузинскіе были причислены къ русскому дворянству съ титуломъ свѣтлѣйшихъ князей Грузинскихъ, причемъ имъ единовременно были выданы изъ казны значительные капиталы въ полное ихъ распоряженіе.

Изъ древнихъ боярскихъ родовъ ко временамъ Петра Великаго удерживали свое богатство князья Прозоровскіе, происходившіе отъ Рюрика. Изъ нихъ, князь Петръ Ивановичъ, какъ разсказываетъ князь Щербатовъ, при началѣ войны со Швеціею, сохранилъ отданныя ему Петромъ Великимъ серебряныя вещи для передѣлки въ деньги, отдавъ для этого свое собственное серебро. Когда же впослѣдствіи царь сталъ жалѣть объ этихъ вещахъ, то Прозоровскій возвратилъ ему ихъ, отказавшись отъ всякаго возмездія за свое серебро. Самымъ богатымъ изъ Прозоровскихъ былъ фельдмаршалъ князь Александръ Александровичъ младшій (род. 1732 г., † 1809). Число бывшихъ за нимъ крестьянъ, какъ наслѣдственныхъ, такъ и пожалованныхъ, простиралось до 14,000 душъ, но онъ жилъ крайне неразсчетливо и, какъ передаетъ Вигель, послѣ его смерти едва-ли осталась $^1/_{10}$ ихъ часть. Родной внукъ его, князь Александръ Петровичъ, былъ послѣднимъ представителемъ рода князей Прозоровскихъ, и фамилія ихъ,

послѣ его смерти, была передана внуку фельдмаршала по дочери князю Александру Ѳедоровичу Голицыну, который нынѣ потомственно именуется княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ.

Изъ представителей древнихъ русско-княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, составилъ себѣ при Петрѣ Великомъ огромное богатство князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, а также значительно разбогатѣлъ князь Кольцовъ-Масальскій. Князь Гагаринъ сперва былъ воеводою въ Нерчинскѣ, потомъ судьею въ сибирскомъ приказѣ, въ вѣдѣніи котораго состояла вся Сибирь. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ государя и потому въ 1711 году былъ назначенъ сибирскимъ губернаторомъ, причемъ и самый сибирскій приказъ былъ оставленъ подъ его начальствомъ. Такимъ образомъ, положеніе сибирскаго губернатора сдѣлалось очень благопріятнымъ для наживы, потому что, какъ казалось, всѣ его злоупотребленія должны были оставаться скрытыми отъ глазъ государя. При такихъ условіяхъ, князь Гагаринъ сталъ почти самовластно управлять обширною и богатою страною, которая была не разъ мѣстомъ разживы какъ его предшественниковъ, такъ и его преемниковъ. Вдобавокъ къ этому, князь Гагаринъ надѣялся на свое родство съ канцлеромъ графомъ Головкинымъ и на тѣсную дружбу съ могущественнымъ въ то время княземъ Меншиковымъ. При такой выгодной обстановкѣ сибирскій губернаторъ дѣятельно принялся за легкую для него наживу и вскорѣ пріобрѣлъ несмѣтное богатство. Въ числѣ принадлежавшихъ ему сокровищъ былъ самый драгоцѣнный изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ рубинъ, привезенный ему изъ Китая и впослѣдствіи доставшійся,—вѣроятно въ видѣ подарка,—князю Александру Даниловичу Меншикову, а отъ него перешедшій къ Екатеринѣ I.

Князь Гагаринъ удивлялъ въ Сибири всѣхъ своею необыкновенною пышностью; за обѣдомъ подавали у него кушанья на пятидесяти серебряныхъ блюдахъ при прочей соотвѣтствующей тому обстановкѣ серебряною и золотою посудою; колеса его кареты были окованы серебромъ, а подковы у лошадей были также серебряныя и даже золотыя. Въ Москвѣ онъ выстроилъ для себя обширныя и роскошныя палаты, гдѣ стѣны были зеркальныя, а потолки изъ стеколъ, на которыхъ

плавали въ водѣ живыя рыбы. Одни оклады образовъ, находившихся въ спальнѣ его московскаго дома, осыпанныя брилліантами, стоили, по оцѣнкѣ тогдашнихъ ювелировъ, болѣе 130,000 рублей. Сынъ его, путешествовавшій заграницею въ то время, когда гроза разразилась надъ его отцомъ, до такой степени сорилъ деньгами, что изумлялъ иностранцевъ, недоумѣвавшихъ, откуда у молодаго князя берется такое неисчерпаемое богатство.

Петръ однако провѣдалъ о томъ, какъ недобросовѣстно хозяйничаетъ въ Сибири тамошній губернаторъ, и, желая убѣдиться въ справедливости доходившихъ объ этомъ слуховъ, счелъ нужнымъ отстранить личное вліяніе Гагарина въ Сибири, и съ этою цѣлью вызвалъ его въ Петербургъ, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобъ онъ участвовалъ въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а самъ между тѣмъ отправилъ для развѣдки о дѣйствіяхъ губернатора одного полковника, а слѣдомъ за нимъ и своего деньщика Егора (Григорія) Пашкова. Первый изъ этихъ ревизоровъ, склоненный въ Петербургѣ на сторону Гагарина княземъ Меншиковымъ и даже Екатериною Алексѣевною — которыхъ сибирскій губернаторъ не забывалъ своими подарками и приношеніями — скрылъ отъ государя губернаторскія злоупотребленія, и за это былъ обезглавленъ. Изъ донесенія же Пашкова Петръ Великій узналъ объ ужасномъ лихоимствѣ князя Гагарина, который и былъ преданъ уголовному суду. 11 мая 1721 года данъ былъ сенату слѣдующій указъ: „Дѣла плута Гагарина надлежитъ вамъ слушать, которые важны (понеже не одна тысяча есть) и особливо которые онъ дѣлалъ уже послѣ публикованныхъ указовъ за лихоимство, и по онымъ учиня по правдѣ прислать ко мнѣ. У сына его Алексѣя взять вѣдѣніе подъ рукою, „какъ онъ поѣхалъ за море, что̀ съ нимъ было отъ отца его отправлено денегъ и золота и товаровъ, а также черезъ векселя; въ бытность за моремъ сколь денегъ и товаровъ и золотыхъ и прочихъ вещей черезъ него получалъ, и что̀ всей суммы въ ту его бытность за моремъ издержано“.

14 мая приговоръ былъ уже утвержденъ. Признано было, что Гагаринъ утаилъ на Вяткѣ отъ отпуска за море хлѣба въ 1716 году и нѣсколько изъ нихъ роздалъ иноземцамъ за

алмазныя вещи; бралъ себѣ казенныя деньги; получалъ взятки за отдачу на откупъ винной и пивной продажи въ сибирскихъ городахъ; въ 1717 году составилъ по купчинѣ Гудяжникову „воровскую цидулу“ о присылкѣ къ нему китайскихъ подарковъ, которые и получилъ; съ 1709 по 1718 годъ бралъ у купчины Карамышева казенные товары изъ китайскихъ товаровъ, купленныхъ для царицы Екатерины Алексѣевны; взялъ три алмазныя перстня и алмазъ въ звѣздѣ, а также былъ признанъ виновнымъ въ кражѣ товаровъ изъ каравана купчины Худякова. При производствѣ дѣла онъ былъ пытанъ, битъ кнутомъ и, наконецъ, 17 іюня 1721 года, повѣшенъ на площади передъ сенатомъ на страхъ другимъ, не унимавшимся, впрочемъ, лихоимцамъ. 25 ноября 1721 года деньщикъ Поспѣловъ объявилъ сенатору Дмитріеву-Мамонову, чтобы князя Гагарина, изъ петли снявъ и сдѣлавъ желѣзную цѣпь, подубнить его на той цѣпи, на той же висѣлицѣ, гдѣ онъ былъ повѣшенъ. Все имѣніе князя Гагарина было конфисковано, а нѣсколько тысячъ изъ огромнаго числа принадлежавшихъ ему крестьянъ Петръ отдалъ производившему надъ Гагаринымъ слѣдствіе Егору Ивановичу Пашкову, потомство котораго, какъ мы увидимъ, заняло впослѣдствіи видное мѣсто между самыми богатыми русскими фамиліями.

Молодой сынъ князя Матвѣя Петровича Гагарина, лишенный всего состоянія, также потерпѣлъ, по обычаю того времени, личное наказаніе: онъ былъ разжалованъ въ матросы. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Шафировой, и съ 1804 года, со смертью его дочери, княжны Анны Алексѣевны, бывшей замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ графомъ Дмитріемъ Михайловичемъ Матюшкинымъ, пресѣклась эта линія князей Гагариныхъ.

Другой представитель этого рода, генералъ-адъютантъ князь Павелъ Гавриловичъ (род. 1777 г., † 1850 г.), женатый на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной (род. 1777 г., † 1805 г.), получилъ отъ императора Павла весьма значительное состояніе. Отъ этого брака онъ имѣлъ дочь, умершую дѣвицею въ молодыхъ лѣтахъ. Одинъ изъ князей Гагариныхъ, Евгеній Григорьевичъ, былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Александра Скарлатовича Стурдзы, умершаго въ 1854 году. По

прошенію Стурдзы, высочайше утверждено, въ 1848 году, заповѣдное имѣніе въ Бессарабской области, составленное изъ помѣстья Манзырь, съ тѣмъ, чтобъ это заповѣдное имѣніе, по кончинѣ учредителя, перешло къ старшему внуку его, князю Григорію Евгеніевичу Гагарину, который, равно какъ и прочіе послѣдующіе владѣльцы означеннаго майората, обязаны именоваться князьями Гагариными-Стурдзами.

Что же касается князя Кольцова-Масальскаго, сильно разжившагося злоупотребленіями по управленію бахмутскими соляными сборами, то его постигла такая же печальная участь, какая постигла князя Гагарина; а имѣніе его, состоявшее изъ 12,000 душъ крестьянъ, было взято въ казну, и изъ нихъ нѣсколько тысячъ душъ Петръ Великій отдалъ деньщику своему Егору Пашкову, производившему также слѣдствіе и надъ княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ.

Изъ представителей другихъ древнихъ родовъ были богаты въ царствованіе Петра Великаго Бутурлины и Мусины-Пушкины. Фамилія Бутурлиныхъ, одна изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи, владѣла издревле большими помѣстьями и вотчинами. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ боярину Василію Васильевичу Бутурлину, при назначеніи его дворецкимъ „съ путемъ“, пожалованы были „въ путь“, т. е. въ доходъ, кружечныя прибыли, о также оброчные и таможенные сборы со слободъ Ярославскаго уѣзда. Петръ Великій пожаловалъ Ивану Ивановичу Бутурлину, какъ одному изъ главныхъ своихъ военныхъ сподвижниковъ, 400 крестьянскихъ дворовъ, отобранныхъ въ казну у князя Василія Владиміровича Долгорукаго по прикосновенности его къ дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Наиболѣе же извѣстнымъ лицомъ по своему богатству былъ въ этой фамиліи фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ (род. 1694 г., † 1767 года), пользовавшійся нѣкогда особымъ расположеніемъ цесаревны Елизаветы Петровны и получившій отъ нея въ 1760 году графское достоинство. Онъ женился на дочери фельдмаршала князя Голицына, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, за которою императрица Екатерина I дала большое приданое. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ богатство его увеличилось еще болѣе, и онъ по смерти своей оставилъ огромное состояніе, которое въ двухъ слѣдующихъ поколѣ-

ніяхъ переходило отъ отца къ сыну. Внукъ его, графъ Дмитрій Петровичъ, употребилъ часть наслѣдственнаго своего богатства на собраніе обширной и богатой библіотеки, которая, къ сожалѣнію, сгорѣла въ 1812 году, при занятіи Москвы французами.

Мусины-Пушкины, однородцы Бутурлиныхъ, не занимали виднаго мѣста среди московской богатой знати. Только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ числѣ комнатныхъ стольниковъ былъ извѣстенъ Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ. Онъ имѣлъ сына Ивана Алексѣевича, котораго однако царь Алексѣй Михайловичъ считалъ своимъ сыномъ, а Петръ Великій признавалъ его своимъ родственникомъ и въ этомъ качествѣ рекомендовалъ его иностраннымъ дворамъ. Упомянутый Алексѣй Ивановичъ получилъ значительныя помѣстья, а при Петрѣ Великомъ онъ имѣлъ званіе боярина и, переименованный въ дѣйствительные тайные совѣтники, былъ въ 1710 году возведенъ въ графское достоинство, и при учрежденіи сената былъ первымъ сенаторомъ. Сынъ его, графъ Платонъ Ивановичъ, былъ сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-колегіи. Замѣшанный по дѣлу кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, онъ былъ лишенъ имѣнія и сосланъ въ Соловецкій монастырь, откуда возвращенъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Черкасской, дѣдъ которой, знаменитый богачъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, далъ ей въ приданое 10,000 душъ. Намъ неизвѣстно, въ какомъ размѣрѣ были при возвращеніи отданы ему конфискованныя у него имѣнія.

Относительно возврата имѣнія дѣтямъ Мусина-Пушкина передается, на счетъ Бестужева-Рюмина, тотъ же разсказъ, какъ и относительно возвращенія имѣнія внукамъ графа Петра Андревича Толстаго. Быть можетъ, были и оба эти случая, но послѣдній изъ нихъ представляется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ при этомъ прибавляютъ, что Мусина-Пушкина просила о возвращеніи ея дѣтямъ подмосковной Раменской волости и села Образцова, что̀ составляло 9,000 душъ, но Бестужевъ-Рюминъ употребилъ тотъ же самый способъ для полученія этого имѣнія, какой употребилъ при просьбѣ Толстой.

Хотя Екатерина II и подписала потомъ указъ о возвра-

щеніи дѣтямъ графа Платона Ивановича его имѣній, остававшихся еще въ казнѣ, но едва ли много оставалось ихъ въ ту пору, когда производилась такая щедрая раздача деревень. Внукъ графа Платона Ивановича, сынъ фельдмаршала Валентина Платоновича, которому императоръ Павелъ I пожаловалъ 4,000 душъ, графъ Василій Валентиновичъ (род. 1775, † 1836 году), былъ по женѣ своей однимъ изъ первыхъ русскихъ богачей. Онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ Брюсъ, прапрадѣдъ которой, Виллимъ Брюсъ, прямой потомокъ королей шотландскихъ, служилъ въ русскихъ регулярныхъ войскахъ и умеръ въ Псковѣ въ 1680 году. Младшій изъ сыновей его, генералъ-фельдцейхмейстеръ, а потомъ генералъ-фельдмаршалъ Яковъ Виллимовичъ умеръ въ 1735 г. холостымъ, а старшій, Романъ Виллимовичъ, умеръ еще въ 1717 г., имѣлъ сына, графа Александра Романовича, и внука, графа Якова Александровича, бывшаго московскимъ главнокомандующимъ и имѣвшаго одну только дочь, графиню Екатерину Яковлевну. Мы не знаемъ, какъ составилось богатство графовъ Брюсовъ, намъ извѣстно только, что Брюсъ за Ништадтскій миръ получилъ 200 дворовъ въ Сердобольской волости Корельскаго уѣзда и 300 изъ отписныхъ или выморочныхъ въ великорусскихъ мѣстностяхъ; но оно было значительно, такъ какъ за наслѣдницею ихъ, вышедшею замужъ за графа Мусина-Пушкина, было 14,000 душъ. У нея не было дѣтей, а у графовъ Брюсовъ и родственниковъ, такъ что имѣніе этихъ послѣднихъ должно было считаться выморочнымъ.

Нынѣшніе графы Мусины-Пушкины происходятъ по другой линіи отъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, получившаго графское достоинство въ 1797 году. Онъ былъ владѣльцемъ замѣчательной библіотеки, погибшей, какъ и библіотека графа Бутурлина, въ московскомъ пожарѣ 1812 года.

Независимо отъ пожалованія природнымъ русскимъ такихъ значительныхъ имѣній, которыя дѣлали ихъ замѣчательными у насъ богачами, Петръ Великій щедро одѣлялъ и многихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ искать покровительства Россіи.

Во время неудачнаго Прутскаго похода, сторонникомъ Россіи противъ Турціи былъ молдавскій господарь Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ, потомокъ богатаго татарина, при-

нявшаго, въ половинѣ XVI вѣка, христіанство и поселившагося въ Молдавіи въ 1540 году. Невыданный туркамъ Кантемиръ перебрался, въ 1711 году, въ Россію, гдѣ былъ признанъ свѣтлѣйшимъ княземъ и получилъ отъ Петра Великаго обширныя помѣстья, въ числѣ ихъ и городъ Дмитровъ въ нынѣшней Орловской губерніи. Всего было дано ему 17,000 душъ. Въ числѣ лучшихъ пожалованныхъ ему имѣній были малороссійскія, приносившія болѣе 20,000 рублей ежегоднаго дохода. У него отъ двухъ браковъ было восемь сыновей и три дочери; изъ сыновей двое умерли въ младенчествѣ, такъ что имѣніе князя Дмитрія Кантемира должно было раздѣлиться между шестью оставшимися послѣ него въ живыхъ сыновьями. Онъ умеръ въ 1723 году, оставивъ завѣщаніе, въ силу котораго былъ вовсе устраненъ отъ наслѣдства третій сынъ его, князь Матвѣй Дмитріевичъ. Но такъ какъ по дѣйствовавшему въ то время закону о единонаслѣдіи въ дворянскихъ фамиліяхъ, завѣщатель не могъ раздѣлить своего недвижимаго имѣнія между всѣми своими сыновьями, то Кантемиръ и предоставилъ императорской власти отдать учрежденный имъ майоратъ тому изъ сыновей, который будетъ признанъ достойнымъ этого, хотя самъ, какъ говорятъ, предпочиталъ, между всѣми ими, младшаго своего сына, князя Антіоха, извѣстнаго впослѣдствіи сатирика. Между тѣмъ, такъ какъ одинъ изъ сыновей бывшаго господаря, князь Константинъ Дмитріевичъ, женился въ 1724 году на княжнѣ Анастасіи Дмитріевнѣ Голицыной, дочери князя Дмитрія Михайловича, бывшаго членомъ верховнаго тайнаго совѣта, то, благодаря этой родственной связи, дѣло устроилось такъ, что упомянутый майоратъ, помимо старшихъ князей Кантемировъ, былъ отданъ князю Константину Дмитріевичу. Это обстоятельство и было причиною противодѣйствія верховникамъ со стороны князя Антіоха.

Оставаясь безъ всякихъ средствъ, князь Антіохъ Кантемиръ думалъ устроить свои дѣла выгодной женитьбой и разсчитывалъ сдѣлаться мужемъ самой богатой въ то время невѣсты, княжны Варвары Алексѣевны Черкасской. Хотя Бантышъ-Каменскій, выхваляя Кантемира, и говоритъ, что онъ предпочелъ науку столь блестящему браку, но князь Щербатовъ свидѣтельствуетъ противное, упоминая, что Кантемиръ

самъ домогался руки богачки-княжны. Бракъ же этотъ не состоялся потому, что князь Черкасскій, не смотря на все богатство, передаваемое имъ въ приданое своей дочери, все-таки искалъ ей самаго богатаго жениха, какимъ и былъ тогда графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. За него и вышла замужъ княжна Черкасская, внеся тѣмъ самымъ въ младшую линію графовъ Шереметевыхъ свои несмѣтныя богатства. Притомъ само собою разумѣется, что бракъ съ богатой невѣстой не только не помѣшалъ бы князю Антіоху заниматься какою угодно наукою и бесѣдовать съ музами, но, напротивъ, доставилъ бы ему для этого полную свободу, какъ человѣку вполнѣ обезпеченному. Точно также невѣренъ разсказъ о томъ, что онъ, дѣйствуя для возстановленія самодержавія безъ всякихъ разсчетовъ на будущія милости, отказался отъ предложенныхъ ему императрицею Анною Ивановною помѣстій. Напротивъ, изъ духовнаго его завѣщанія видно, что онъ оставилъ послѣ себя пожалованныя ему помѣстья. Находясь посланникомъ въ Парижѣ, онъ постоянно просилъ канцлера графа Михаила Воронцова о прибавкѣ жалованья и хлопоталъ о додачѣ 240 дворовъ изъ числа неоказавшихся при пожалованіи ему и его сестрамъ 1,000 крестьянскихъ дворовъ. Съ такою же просьбою обращались и двѣ незамужнія его сестры „къ сіятельнѣйшему Бирону, яко милостивѣйшему патрону и благодѣтелю“.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ указомъ, даннымъ сенату въ 1755 году, всѣ имѣнія, пожалованныя Петромъ Великимъ князю Дмитрію Константиновичу Кантемиру, были утверждены за оставшимися въ живыхъ его сыновьями, а имѣнія, данныя имъ Анной Ивановной, были отняты и приписаны къ вотчинамъ императрицы. Въ числѣ этихъ имѣній было село Черная-Грязь, нынѣшнее Царицыно подъ Москвою.

Изъ сыновей Дмитрія Кантемира князь Сергѣй былъ извѣстенъ своею благотворительностію на пользу просвѣщенія. Онъ умеръ въ 1780 году холостымъ. Еще ранѣе, именно въ 1771 году, умеръ и тотъ изъ Кантемировъ, князь Константинъ, которому, какъ мы видѣли, достался майоратъ, учрежденный ихъ отцомъ. Онъ не оставилъ дѣтей, и въ 1780 году все имѣніе Кантемировъ перешло, въ числѣ 11,000 душъ, къ един-

ственному представителю ихъ рода, полковнику князю Дмитрію Константиновичу, родному внуку бывшаго господаря. Онъ помѣшался, воображая себя византійскимъ императоромъ, и въ 1820 году умеръ бездѣтный въ Кіевѣ, а съ нимъ пресѣклась фамилія князей Кантемировъ. Составленнымъ имъ завѣщаніемъ онъ все родовое имѣніе—какъ князей Кантемировъ, такъ и своей матери, рожденной Пассекъ,—завѣщалъ графинѣ Булгари. Но завѣщаніе его относительно имѣнія Кантемировъ, на основаніи законовъ, утверждено не было, и имѣніе это было признано выморочнымъ; что же касается материнскаго имѣнія, то оно было отдано во владѣніе Пассековъ по именному повелѣнію императора Николая Павловича.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Появленіе при Петрѣ Великомъ новыхъ богачей изъ государственныхъ людей.—Графъ Ягужинскій.—Баронъ Шафировъ.—Князь Меншиковъ.—Его великолѣпіе при отъѣздѣ въ ссылку.—Обнаружившіяся его злоупотребленія и вымогательства.—Нажива его въ Польшѣ.—Захватъ земель въ Малороссіи.—Промышленныя его предпріятія.—Просьбы о пожалованіяхъ.—Владѣнія его въ Польшѣ.—Полный его титулъ.—Пожалованіе герцогства Козельскаго.—Слухи о его богатствахъ.—Какимъ оказалось оно при конфискаціи.—Помѣстья князя Меншикова.—Раздача ихъ другимъ лицамъ.—Капиталы, переведенные Меншиковымъ въ заграничные банки.—Распоряженіе ими Бирона.

Тѣ новые порядки, которые начались у насъ при Петрѣ Великомъ, предвѣщали, что для исполненія его плановъ потребуются дѣятельные люди не только изъ стараго московскаго боярства, но и изъ другихъ слоевъ тогдашняго общества. Такимъ людямъ государь очень охотно пролагалъ широкую дорогу на служебномъ поприщѣ. Возвышаясь же по службѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали значительное состояніе, не только благодаря милостямъ государя, но нѣкоторые изъ нихъ и злоупотребляя его довѣренностію.

Изъ числа новыхъ людей, проложившихъ себѣ при Петрѣ Великомъ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ и сдѣлавшихся при немъ замѣчательными по своимъ богатствамъ были: Ягужинскій, Шафировъ и князь Меншиковъ, послѣдній въ особенности.

Къ числу самыхъ богатыхъ людей въ Россіи, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, принадлежалъ генералъ-аншефъ и оберъ-шталмейстеръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (род.

1683 г., † 1736 года), возведенный въ графское достоинство. Онъ былъ происхожденія весьма скромнаго, такъ какъ отецъ его, родомъ литвинъ, находился органистомъ при лютеранской церкви въ Москвѣ, а впослѣдствіи получилъ чинъ майора. Въ 1731 году, по сообщенію лэди Рондо, близко знавшей Ягужинскаго, доходы съ имѣній, ему принадлежавшихъ, простирались въ годъ до 40,000 рублей. Но имѣнія эти продержались не долго въ родѣ графовъ Ягужинскихъ. Сынъ графа Павла Ивановича, графъ Сергѣй Павловичъ (род. 1731 г.), увлекаясь начавшеюся среди русскихъ страстью къ заграничной жизни, промоталъ отцовское состояніе преимущественно въ Италіи и, какъ видно изъ указа, даннаго въ 1766 году императрицею Екатериною II сенату, положеніе его было „изнурительное“. Поэтому императрица поручала сенату сыскать средства, дабы съ одной стороны кредиторы графа Сергѣя Ягужинскаго не потеряли вовсе ихъ имѣнія, а съ другой стороны, чтобъ онъ самъ былъ приведенъ „въ безопасное положеніе отъ угрожаемыхъ ему ежедневныхъ бѣдствій“. Какъ устроились впослѣдствіи дѣла графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго, благодаря такой заботливости о немъ со стороны императрицы Екатерины II, намъ неизвѣстно. Со смертью же его, въ 1806 году, пресѣклась фамилія графовъ Ягужинскихъ, и часть уцѣлѣвшаго ихъ богатства должна была перейти къ графамъ Головинымъ, Лопухинымъ, князьямъ Гагаринымъ, графамъ Ефимовскимъ и графамъ Апраксинымъ, такъ какъ представители этихъ фамилій были женаты на дочеряхъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго. По всей однако вѣроятности, они не получили никакого наслѣдства, такъ какъ уцѣлѣвшее состояніе графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго должно было быть обращено на покрытіе его громадныхъ долговъ.

Другой разжившійся при Петрѣ Великомъ замѣтный государственный дѣятель былъ Петръ Павловичъ Шафировъ (род. около 1670 года), внукъ крещеннаго въ 1654 году еврея Шафира или Шапира и сынъ Павла Шафирова, переводчика посольскаго приказа. Онъ началъ свою служебную карьеру подъ покровительствомъ извѣстнаго думнаго дьяка Емельяна Украинцова, на той же должности въ посольскомъ приказѣ,

какую занималъ тамъ его отецъ. При этомъ молодой Шафировъ получалъ въ годъ жалованья по 30 рублей и харчевыхъ денегъ по 20 копѣекъ въ сутки. Вскорѣ онь сдѣлался извѣстенъ Петру, который любилъ вообще выводить въ люди даровитыя личности, а потому и бѣднякъ Шафировъ, пожалованный въ 1710 году русскимъ барономъ, получилъ отъ него чинъ тайнаго совѣтника и званіе вице-канцлера, съ награжденіемъ при этомъ значительными помѣстьями.

Вскорѣ баронъ Шафировъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ русскихъ богачей своего времени. Онъ владѣлъ помѣстьями, въ которыхъ считалось 15,000 душъ крестьянъ. Въ числѣ этихъ помѣстій были данныя ему гетманомъ Иваномъ Ильичемъ Скоропадскимъ въ Малороссіи богатыя села Панурица и Верба. Вообще Малороссія, на которую при Петрѣ Великомъ сильно ложился правительственный гнетъ, представлялась хорошимъ источникомъ нечестныхъ доходовъ для русскихъ вельможъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Съ своей стороны вице-канцлеръ баронъ Шафировъ не упускалъ случая воспользоваться такимъ благопріятнымъ для него положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи и состоялъ на постоянномъ жалованьѣ, получаемомъ имъ отъ гетмана Мазепы. Сверхъ того, онъ пускался въ разныя спекуляціи, вовлекая въ нихъ и другихъ знатныхъ лицъ. О промышленныхъ спекуляціяхъ вице-канцлера барона Шафирова мы упомянули уже, говоря о богатствѣ графа Петра Андреевича Толстаго.

9-го января 1723 года надъ барономъ Шафировымъ разразилась страшная гроза. Въ этотъ день онъ былъ преданъ уголовному суду за присвоеніе себѣ значительныхъ суммъ почтоваго вѣдомства, за произвольное повышеніе почтовой таксы и за укрывательство бѣглыхъ въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ былъ обвиняемъ и въ утайкѣ денегъ 200,000 рублей и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на 15,000 рублей, принадлежавшихъ казненному его свату, князю Матвѣю Петровичу Гагарину. Дѣло барона Шафирова кончилось для него очень плохо: его лишили чиновъ и отняли у него все нажитое имъ и пожалованное ему имѣніе, при этомъ было отобрано у него и все принадлежавшее ему движимое имущество. Спустя годъ по восшествіи своемъ на престолъ, императрица Екатерина I

вернула изъ ссылки Шафирова, но отписанное у него богатство возвращено было только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, и вдобавокъ къ этому онъ, удаленный отъ участія въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, не имѣлъ уже возможности разжиться снова, какъ разжился въ прежнее время. Поэтому, послѣ его смерти, случившейся въ 1739 году, осталось четыремъ его сыновьямъ весьма ограниченное состояніе.

Въ 1739 году, послѣ смерти дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Павловича Шафирова, продавались съ публичныхъ торговъ закупленныя имъ кожи, а также ворвань и тресковое сало, въ количествѣ 6,412 пудовъ, по 30 копѣекъ за пудъ.

Родъ бароновъ Шафировыхъ пресѣкся въ исходѣ прошлаго столѣтія на его внукахъ, а имѣніе одного изъ нихъ, барона Петра Исаевича, перешло къ побочной его дочери, дѣвицѣ Фировой, вышедшей замужъ за князя Александра Николаевича Ромодановскаго-Ладыженскаго.

Права же законнаго наслѣдства послѣ бароновъ Шафировыхъ, по прекращеніи мужскаго ихъ поколѣнія, перешли по женскому колѣну къ представителямъ слѣдующихъ фамилій: Петрово-Солововыхъ, Пассековъ, Власовыхъ, Ладыженскихъ и князей Волконскихъ.

Къ числу самыхъ знаменитыхъ богачей, бывшихъ когда либо не только въ Россіи, но и въ Европѣ, принадлежалъ и вышедшій изъ ничтожества любимецъ Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Щедро награжденный государемъ, онъ пользовался однако всякимъ удобнымъ случаемъ для наживы, не смотря на то, что вслѣдствіе этого частенько навлекалъ на себя грозный царскій гнѣвъ. Жизнь князя Меншикова настолько уже извѣстна, что всякія біографическія о немъ замѣчанія были бы здѣсь совершенно излишни. Здѣсь же только замѣтимъ, что архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ былъ смѣненъ въ 1714 г. Смѣна его совпадаетъ съ обнаруженіемъ злоупотребленій Меншикова, который поддерживалъ Курбатова. Съ своей стороны Курбатовъ, а также Римскій-Корсаковъ и князь Гагаринъ доставляли Меншикову возможность „пускаться въ разныя спекуляціи, вредныя для интересовъ государства“. Богатство

Меншикова значительно увеличилось, когда ему въ 1726 году ему были даны: Батуринъ и 1,300 дворовъ и 2,000 дворовъ, принадлежавшихъ Гадяцкому замку.

Въ 1703 году Виніусъ, угрожаемый потерею всѣхъ должностей, привезъ князю Меншикову 10 коробочекъ съ золотомъ, 150 червонныхъ, 300 рублей разной монетой и далъ обязательство въ 5,000 руб., до востребованія, но Меншиковъ о такомъ подкупѣ донесъ Петру.

11-го сентября 1727 года отправился князь Меншиковъ изъ Петербурга въ ссылку, въ принадлежавшій ему городъ Раненбургъ, въ нынѣшней Рязанской губерніи. Городъ этотъ, съ построенными въ немъ Меншиковымъ укрѣпленіями, представлялъ въ ту пору жилище средневѣковаго западнаго феодала. Двинувшійся изъ Петербурга поѣздъ князя Меншикова состоялъ изъ 5 берлиновъ, 16 колясокъ, 11 фургоновъ и колымашки. Всѣ экипажи были собственные Меншикова, великолѣпно убранные. Прислуги за нимъ слѣдовало 127 человѣкъ, а именно: 1 маршалокъ или дворецкій, 1 берейторъ, 2 мундшенка, 5 подъячихъ, 2 пѣвчихъ, 8 пажей, 2 карла, 16 лакеевъ, 6 гайдуковъ, 2 истопника, 12 поваровъ, 25 конюховъ, 1 кузнецъ, 3 шорника, 13 собственныхъ его драгуновъ, 1 сапожникъ, 5 портныхъ, 5 приказчиковъ и 20 гребцовъ. Сверхъ того, при „разрушенной“ невѣстѣ, его дочери княжнѣ Маріи Александровнѣ, находились: гофмейстеръ, пажъ и 4 конюха. Всѣ служители были вооружены ружьями и пистолетами. Въ Любани къ этому поѣзду присоединились еще: 1 берлинъ, 1 писарь и 14 конюховъ.

Паденіе Меншикова обнаружило какъ наличное его богатство, такъ и раскрыло отчасти тѣ непозволительные способы, какими оно имъ пріобрѣталось. Впрочемъ, при первоначальной ссылкѣ князя Меншикова, имѣніе у него отобрано не было, а потому выѣздъ его изъ Петербурга, хотя уже и въ видѣ опальнаго вельможи, давалъ понятіе о той необыкновенно роскошной обстановкѣ, въ какой жилъ этотъ могущественный временщикъ. Въ петербургскомъ его домѣ были штучные (паркетные) полы и стѣны были обложены изразцами, съ нарисованными на нихъ картинами изъ священной исторіи.

Сохраняя свое несмѣтное богатство, Меншиковъ и въ

ссылкѣ могъ бы жить съ необыкновенною пышностью, но вскорѣ все то, что онъ копилъ съ такою жадностію въ продолженіи двадцати семи лѣтъ, было у него отобрано. 13-го декабря 1727 года въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялось постановленіе о томъ, чтобы хотя князю Меншикову и дозволить писать распоряженія къ управляющимъ его имѣніями, но чтобы письма эти не пересылать по назначенію, а представлять въ верховный совѣтъ. Очевидно, что этимъ способомъ хотѣли разузнать предварительно объ имуществѣ ссыльнаго для того, чтобы вѣрнѣе захватить всю принадлежавшую ему собственность. Меншиковъ не вѣдалъ объ этомъ распоряженіи и продолжалъ обыкновеннымъ порядкомъ сноситься съ своими управляющими, негодуя на медленность ихъ донесеній и отвѣтовъ на его предписанія. Между тѣмъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ было опредѣлено: всѣ пожитки князя Александра Даниловича Меншикова переписать и запечатать, приставивъ къ нимъ строгій караулъ, также не допускать его къ совершенію какихъ либо крѣпостей, актовъ или сдѣлокъ по его имѣніямъ.

Въ то же время изъ верховнаго тайнаго совѣта была дана особая инструкція дѣйствительному статскому совѣтнику Плещееву, въ которой было сказано: „понеже въ одномъ нынѣшнемъ (1727) году показалась во взятьѣ въ домъ его, князя Меншикова, сумма не малая, а именно безъ мала 200,000 рублей, также и годовые доходы его не безвѣстны, что не малая же сумма въ приходѣ бываетъ, а денегъ въ домѣ его ничего не является, того ради, чтобъ онъ сказалъ подлинно, безъ утайки, куда взятую въ нынѣшнемъ году сумму онъ употребилъ, или гдѣ и у кого на сохраненіе она положена, тако же нѣтъ ли гдѣ въ чужестранныхъ государствахъ въ банкахъ и торгахъ, и буде есть гдѣ и у кого и какая сумма не отдана ли кому отъ него на какія покупки или на какіе торги и кому сколько?“

По высылкѣ изъ Петербурга князя Меншикова, тотчасъ же явились противъ него сильныя обвиненія „во взятьѣ изъ казны его императорскаго величества великой суммы“. Сверхъ того, на немъ оказались казенные долги и недоимки, обнаружились многія на него претензіи по челобитьямъ парти-

кулярныхъ людей и недочеты на немъ по неплатежу таможенныхъ пошлинъ, а также предъявлены были долги за „питья и траурные товары“. Оказалось, что онъ самовольно взялъ для себя изъ военной коллегіи 10,000 рублей; что въ Москвѣ изъ московской рентереи (казначейства) истребовано было въ его домъ 53,679 рублей; что полковникомъ Трезиномъ, завѣдывавшимъ хозяйствомъ Меншикова, было взято на его домъ изъ дворцовыхъ кладовыхъ всякихъ припасовъ и матеріаловъ, за которые по цѣнѣ или за работу слѣдовало съ него получить 13,164 рубля; что изъ рижской рентереи взято было имъ, въ 1727 году, 1,000 ефимковъ. Далѣе Меншиковъ обвинялся во взятіи у шведскаго посланника, барона Цедеркрейца, въ подарокъ 5,000 червонныхъ, а также и въ томъ, что онъ у отъѣзжавшихъ изъ Россіи герцога Голштинскаго и супруги его герцогини Анны Петровны, изъ назначенныхъ имъ государемъ 300,000 руб., вымогалъ за то, что будто бы онъ устроилъ эту выдачу, 80,000 рублей, а потомъ прямо изъ казны взялъ „насильно“ въ счетъ этой суммы 60,000 рублей, а въ остальныхъ 20,000 рубляхъ принудилъ герцога и герцогиню выдать ему долговое обязательство. Впослѣдствіи же онъ, князь Меншиковъ, эту сумму отъ нихъ получилъ, такъ какъ объ этомъ „странномъ и продерзскомъ его поступкѣ“ свидѣтельствуетъ его собственноручная росписка. Наконецъ, князя Меншикова обвиняли еще и въ томъ, что когда императоръ Петръ II, вмѣсто презента, передалъ въ собственность герцога и герцогини Голштинскихъ бывшій на англійскомъ купцѣ Марли долгъ, то князь Меншиковъ выговорилъ себѣ у нихъ изъ этой суммы „насильно“ половину и получилъ въ задатокъ 2,000 рублей, въ чемъ и имѣлась данная имъ росписка.

Не говоря о юридической достовѣрности всѣхъ этихъ обвиненій, нельзя не признать, что они вполнѣ согласуются съ тѣми корыстными и самовольными поступками, какіе позволялъ себѣ князь Меншиковъ, когда дѣло шло о наживѣ денегъ. Такъ слѣдствіе, произведенное надъ нимъ, еще по приказанію Петра Великаго въ 1723 году, тотчасъ послѣ суда надъ вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ, обнаружило всѣ его злоупотребленія и показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что глав-

ныя средства къ чрезмѣрному своему обогащенію князь Меншиковъ почерпалъ изъ военной коллегіи, президентомъ которой онъ былъ съ самаго ея учрежденія, т. е. съ 1718 года. Петръ лишилъ его въ 1723 году за это президентскаго званія и положилъ на него штрафъ въ 20,000 рублей. Но эта весьма значительная по тому времени сумма не разстроила его состоянія. Не поколебалось оно и тогда, когда у него, по этому же самому дѣлу, было отнято 15,000 душъ крестьянъ, данныхъ ему въ Малороссіи изъ конфискованныхъ имѣній гетмана Мазепы.

Во время похода въ Польшѣ, Меншиковъ также не отличался безкорыстіемъ и даже дошелъ до того, что забралъ насильно всѣ драгоцѣнности у панни Огинской, родной тетки самаго главнаго приверженца Россіи.

Князь Меншиковъ не упускалъ пользоваться чрезмѣрнымъ къ нему благоволеніемъ Петра и своимъ вліяніемъ на Екатерину I для поддержанія своихъ выгодъ. Изъ поданной имъ, 27 октября 1727 года, челобитной императрицѣ Екатеринѣ I видно, что Меншиковъ, считавшій себя пожалованнымъ „россійскимъ владѣтельнымъ княземъ“, получилъ за калишскую баталію всю Ингерманландію въ потомственное владѣніе, но что потомъ оттуда по указу государя выдѣлялись вотчины постороннимъ лицамъ. Отъ этого, какъ объяснялъ князь Ижорскій, доходы его убавились на 28,710 рублей, почему онъ и просилъ императрицу, чтобы въ вознагражденіе за это ему были даны другія вотчины. Далѣе, въ томъ же самомъ прошеніи, князь Меншиковъ напомнилъ Екатеринѣ I, что покойный супругъ ея обѣщалъ ему, князю Меншикову, въ замѣнъ бѣглыхъ крестьянъ изъ ингерманландскихъ и малороссійскихъ его вотчинъ, пожаловать другихъ крестьянъ, но не исполнилъ этого, почему Меншиковъ и домогался теперь обѣщаннаго ему государемъ дополненія, указывая на отписныя и не розданныя еще маетности наказнаго гетмана Полуботка въ Малороссіи.

Вообще Меншикову весьма хотѣлось сдѣлаться богатѣйшимъ владѣльцемъ въ Малороссіи. Когда гетманъ Мазепа, съ которымъ дружилъ онъ, отдалъ во владѣніе князю Меншикову Почепскій уѣздъ, то онъ началъ отнимать тамъ земли,

принадлежавшія войсковымъ чинамъ, и записывать эти земли за собою. Такое присоединеніе дѣлалось очень просто: повѣренные князя Меншикова являлись неожиданно въ какую нибудь слободу, село или деревню, и ставили тамъ столбъ съ его княжескимъ гербомъ, объявляя, что на основаніи гетманскаго пожалованія мѣстность эта отнынѣ составляетъ владѣніе князя Александра Даниловича Меншикова.

Помимо такихъ способовъ, князь Александръ Даниловичъ, какъ мы видѣли, пускался и въ коммерческія предпріятія, устраивая фабрики съ графомъ Толстымъ и барономъ Шафировымъ, а также принималъ участіе въ откупной торговлѣ.

Поземельныя владѣнія князя Александра Даниловича не ограничивались имѣніями въ Великой и Малой Россіи, но онъ, получивъ званіе польскаго шляхтича, имѣлъ пожалованныя ему за калишскую побѣду королемъ польскимъ Августомъ II въ предѣлахъ Польши маетности: Полеиново, Межерѣчи и Полункевичи. Кромѣ того, онъ купилъ у пана Сапѣги Горы-Горки, мѣстечко въ нынѣшней Могилевской губерніи, у одного шляхтича мѣстечко Улу, а у гетмана Поцея графство Дубровское, отобранное, впрочемъ, у него по приговору польскихъ судовъ.

Свои достоинства и свои поземельныя владѣнія князь Меншиковъ прописывалъ въ слѣдующемъ своемъ полномъ титулѣ: „Свѣтлѣйшій князь Святаго Римскаго и Россійскаго государствъ, князь и герцогъ Ижорскій, въ Дубровнѣ, Горкахъ и Почепѣ графъ, Наслѣдный Господинъ Ораніенбаумскій и Батуринскій, Его Императорскаго Величества Всероссійскаго надъ войсками командующій Генералиссимусъ, Верховный Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ, Рейхсмаршалъ, Государственной военной коллегіи президентъ, Адмиралъ краснаго флага, Генералъ-Губернаторъ губерніи С.-Петербургской, подполковникъ преображенскій, лейбъ-гвардіи подполковникъ надъ тремя полками, капитанъ компаніи бомбардирской, Орденовъ святыхъ Андрея и Александра (?), Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ Кавалеръ“.

Незадолго до паденія Меншикова, императоръ римско-нѣмецкій пожаловалъ его герцогомъ Козельскимъ (въ Силезіи) и предполагалъ возвести его въ достоинство владѣтель-

наго князя германской имперіи. Независимо отъ этого, князь Меншиковъ хлопоталъ о томъ, чтобы быть избраннымъ въ герцоги Курляндскіе.

Когда этотъ пышный владѣтель и высокій сановникъ былъ отправленъ въ ссылку, то, какъ передаетъ саксонскій посланникъ Лефортъ, одни говорили въ Петербургѣ, что вещи, отнятыя у него въ дорогѣ, стоили 20.000,000 рублей, другіе же, что только 5.000,000 рублей и что, кромѣ того, у него было отобрано дворцовой, захваченной имъ серебряной столовой посуды на 25,000 рублей, 8.000,000 червонцевъ и 30,000 рублей серебряной монетой. Все это кажется однако невѣроятнымъ—добавляетъ Лефортъ.

Въ свою очередь, князь Меншиковъ въ томъ прошеніи, о которомъ мы упоминали выше, опровергалъ ходившіе еще и прежде слухи о его несмѣтныхъ богатствахъ, говоря: „уповая, что многое есть разглашеніе, яко бы я имѣю такое довольство вотчинъ, съ которыхъ въ годъ получаю по 100,000 рублей, то прилагаю вѣдомость о количествѣ доходовъ“. До какой суммы по этой вѣдомости простирались доходы герцога Ижорскаго, имъ самимъ вычисленные, намъ неизвѣстно, конфискація же его имущества обнаружила слѣдующее:

Въ главномъ петербургскомъ его домѣ, на Васильевскомъ островѣ, три дня сряду трудились надъ описью его имущества, причемъ оказались три огромные сундука, наполненные алмазами, брилліантовыми и золотыми вещами. Кромѣ того у него были конфискованы взятыя имъ съ собою въ Раненбургъ драгоцѣнности. И чего только не находилось въ имуществѣ князя Меншикова! Здѣсь были и орденскіе кресты и звѣзды, осыпанные брилліантами и жемчугомъ, брилліантовыя запоны, множество золотыхъ табакерокъ, украшенныхъ алмазами, брилліантовыя пуговицы, такія же пряжки, перстни, куски литаго золота, красные лалы, шпаги и кортики съ золотою отдѣлкою, осыпанною брилліантами, трости съ брилліантовыми набалдашниками, изумруды, портреты въ золотыхъ рамкахъ, отдѣланныхъ алмазами, золотыя орденскія цѣпи, бѣлые и лазоревые яхонты, нитки жемчуговъ, складни съ брилліантовыми искрами, съ такими же искрами пояса и головные уборы, изумрудныя перья съ алмазами, какія въ то время носили на шляпахъ,

золотыя блюдечки съ яхонтами, изумрудами, рубинами и алмазами, „персоны“ Петра Великаго въ золотыхъ рамкахъ, образа въ золотыхъ ризахъ, унизанныхъ бурмицкими зернами, желтые алмазы, булавки съ драгоцѣнными камнями, серьги, подвѣски, нити отборныхъ бурмицкихъ зеренъ и пр. Всѣ эти драгоцѣнности, отобранныя у князя Меншикова, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны находились частію въ ея дворцѣ, частію у принцессы Анны Леопольдовны и частію у интенданта Мошкова. Изъ списка этихъ драгоцѣнностей видно между прочимъ, что, напримѣръ, одна андреевская звѣзда цѣнилась въ 5,000 тогдашнихъ рублей, большой алмазъ въ 7,000 рублей и одинъ брилліантовый складень въ 16,000 рублей. Добавимъ къ этому, что князь Меншиковъ подарилъ императрицѣ Екатеринѣ I полученный имъ отъ князя Гагарина огромный, величиною въ палецъ, рубинъ, бывшій 1722 года мая 14 главнымъ украшеніемъ ея короны и считавшійся чудомъ минеральнаго царства. Кромѣ конфискованныхъ драгоцѣнностей, остававшихся въ домѣ и на рукахъ у Меншикова, имъ было отдано на сохраненіе разныхъ брилліантовыхъ вещей на 2,780 рублей, 1,000 голландскихъ червонцевъ, 2 нитки бурмицкихъ зеренъ и 4 слитка золота, не считая другихъ мелкихъ дорого стоившихъ вещей.

Драгоцѣнныя вещи и платье, конфискованныя въ Москвѣ, были отданы въ тамошнюю мастерскую палату, а найденныя въ его домѣ, бывшемъ въ Москвѣ на Мясницкой, 72,520 руб. сданы были въ московскую рентерею. Изъ этихъ денегъ дано 20,000 рублей царицѣ Евдокіи, 5,000 рублей отданы въ дворцовую канцелярію и 47,507 рублей 41 копѣйка употреблены были на расходы по коронаціи Петра II, а 2 талера отосланы для передѣлки въ монетную контору. Деньги, привезенныя изъ Раненбурга, неизвѣстно, впрочемъ, въ какомъ, но по всей вѣроятности не въ маломъ количествѣ, поступили къ гофъ-интенданту Мошкову на дворцовые расходы. Затѣмъ 200 лавокъ въ Москвѣ, бани и дома, были отданы въ вѣдомство камеръ-коллегіи. Изъ московскихъ домовъ князя Меншикова особенно былъ замѣчателенъ слободской домъ, въ которомъ всѣ комнаты были обиты китайскими штофными обоями, мебель была вся китайская съ бронзою. Роскошное и оригинальное убран-

ство этого дома дополнялось зеркалами огромнаго размѣра, что въ ту пору представляло невѣроятную стоимость. Въ погребѣ этого дома найдено было 75 бочекъ простаго вина. Изъ слободскаго дома вещи и мебель были переданы частію въ слободской дворецъ, а частью были отданы царевнамъ Екатеринѣ и Прасковьѣ Ивановнамъ.

Роскошь князя Меншикова доходила до того, что во всѣхъ деревенскихъ его домахъ стѣны были обиты штофомъ, бархатомъ и вызолоченною кожею, и, кромѣ того, дома эти отличались богатою меблировкою. Дома князя Меншикова на Лузѣ и на Хопиловкѣ отданы были въ вѣдомство придворной канцеляріи; домъ на Мясницкой, близъ церкви Архангела Гавріила, былъ отданъ, 31 мая 1727 года, царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ; а домъ у Боровицкаго моста — сестрѣ ея, герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ. Кареты и лошади поступили въ собственность царицы Евдокіи Ѳедоровны.

Дома и сады, принадлежавшіе Меншикову въ Петербургѣ, а также пильныя мельницы отданы были въ вѣдѣніе канцеляріи отъ строеній. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ у Меншикова были дома: на Васильевскомъ островѣ, сохранившійся донынѣ (въ немъ помѣщается Павловское военное училище); на Адмиралтейскомъ островѣ близъ церкви св. Исаакія Далматскаго; деревянный домъ со скотнымъ дворомъ и садомъ на Преображенскомъ островѣ; домъ на берегу Невы и при немъ мукомольная мельница; домъ на Крестовскомъ островѣ, принадлажавшій и поступившій, какъ конфискованный, во владѣніе Меншикова послѣ ссылки Девьера, по его же проискамъ; домъ на взморьѣ; домъ, купленный у Чернышева. Кромѣ того, у Меншикова были дома: въ Ораніенбаумѣ и на дачахъ около Петербурга, изъ которыхъ одна называлась „Favorite“, а другая „Mon Courage“, а также дома въ дачахъ Иржевской и Чернышевской, въ Нарвѣ, Ямбургѣ, Копорьѣ и на рѣкѣ Ижорѣ.

Въ Малороссіи за Меншиковымъ, при конфискаціи его имущества, числилось: 4 города, 88 селъ, 99 деревень, 14 слободъ и 1 волость. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи принадлежало ему 87 рыбныхъ ловлей. Въ Ингерманландіи у него было 16 мызъ, 98 деревень и 50 пустошей; въ Копорьѣ 4

мызы и 14 пустошей. Имѣнія Меншикова, кромѣ малороссійскихъ, польскихъ, ижорскихъ, были расположены въ 36 великороссійскихъ уѣздахъ. Одной пахотной земли считалось въ этихъ имѣніяхъ по старинной мѣрѣ 152,356 четвертей. Пространство лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій не было приведено въ извѣстность при конфискаціи, но по всей вѣроятности оно было громадно. Такъ, напримѣръ, въ одномъ только Клинскомъ уѣздѣ, при дворцовомъ селѣ Копясовѣ, пожалованномъ Меншикову въ 1700 году, считалось лѣсу длиннику 40 верстъ и поперечнику 30 верстъ. Всѣ имѣнія, пожалованныя Меншикову изъ дворцовыхъ волостей, а также купленныя и пріобрѣтенныя имъ другимъ способомъ, были взяты въ дворцовое вѣдомство; малороссійскія, эстляндскія и лифляндскія имѣнія были отписаны въ казну; монастырскія же, отданныя въ оброкъ Меншикову, возвращены были монастырямъ.

Князь Меншиковъ, пользуясь занимаемымъ имъ положеніемъ, постоянно просилъ и Петра I и Екатерину I о пожалованіи ему вотчинъ изъ конфискованныхъ имѣній. Послѣ его паденія наступила очередь другихъ пользоваться его достояніемъ, и первый, получившій себѣ часть изъ имѣній герцога Ижорскаго, былъ оберъ-кухмистеръ Петра Великаго Іоганъ Фельтенъ, которому, по его прошенію, была дана одна изъ меншиковскихъ мызъ, находившихся въ Копорьѣ. За тѣмъ всѣ, по обычаю того времени, съ жадностію накинулись на лакомую добычу. Прежде всего пошли въ дѣлежъ орловскія и карачевскія имѣнія Меншикова и потомъ симбирскія. Изъ нихъ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ было отдано село Рождественское, а село Городно получилъ „мастеръ де-гардеробу“ Бемъ. Затѣмъ Степану Лопухину была пожалована извѣстная Гуслицкая волость въ Московскомъ уѣздѣ. Пожалованіе деревнями, отобранными отъ князя Меншикова, при ихъ многочисленности, продолжалось не только во время царствованія Петра II, но частію и въ царствованіе его преемницы, Анны Ивановны.

Фельдмаршалъ Минихъ въ своихъ „Очеркахъ“ говоритъ, что князь Меншиковъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ частныхъ людей въ Европѣ, что за нимъ числилось до 100,000 крестьянъ въ Россіи и что онъ кромѣ этого имѣлъ значитель-

ныя земли въ Ингріи, Ливоніи и Польшѣ, король прусскій пожаловалъ ему помѣстье (baillage) Рѣчекъ, а императоръ—герцогство Козельское. Герцогство это отошло впослѣдствіи къ фамилію графовъ Плеттенберговъ.

Вообще, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, можно сказать, что у князя Александра Даниловича Меншикова было конфисковано: 90,000 душъ крестьянъ; города: Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ; 4.000,000 тогдашнихъ рублей наличною монетою; капиталовъ въ лондонскомъ и амстердамскомъ банкахъ на 9.000,000 рублей; брилліантовъ и разныхъ драгоцѣныыхъ вещей на 1.000,000 рублей; три перемѣны, по 24 дюжины каждая серебряныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пудовъ золотой посуды.

Хранившіеся въ лондонскомъ и амстердамскомъ банкахъ капиталы князя Меншикова, переведенные имъ туда при посредствѣ Соловьева, хотя и были конфискованы, но банки отказали въ выдачѣ этихъ денегъ по требованію русскаго правительства, ссылаясь на свои уставы, по которымъ капиталы могутъ быть возвращаемы не иначе, какъ только или самому вкладчику или законнымъ его наслѣдникамъ. Между тѣмъ у князя Меншикова былъ единственный сынъ, князь Александръ Александровичъ, который на четырнадцатомъ году своего возраста былъ оберъ-камергеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и одинъ изъ всѣхъ мужчинъ имѣлъ екатериненскую ленту. При опалѣ отца онъ былъ разжалованъ и вмѣстѣ съ нимъ сосланъ сперва въ Раненбургъ, а потомъ въ Березовъ. Герцогъ де-Лирія въ одной изъ своей депешъ сообщалъ, что Петръ II передъ смертью объявилъ помилованіе дѣтямъ Меншикова, не только освободивъ ихъ изъ сибирскаго заточенія, но и наградивъ каждаго изъ нихъ майоратомъ изъ деревень и крестьянъ, стоимостію въ 10,000 рублей. Изъ протоколовъ же верховнаго тайнаго совѣта видно, что Петръ II, за десять дней до смерти, приказалъ освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова и дать имъ 100 дворовъ на прокормленіе. Но по случаю смерти императора, повелѣніе это не было приведено въ исполненіе. Послѣ того одинъ изъ родственниковъ Меншиковыхъ по матери, князь Шаховской, хлопоталъ о ихъ воз-

вращеніи и убѣдилъ Бирона, чтобы онъ женилъ брата своего Густава на дочери Меншикова, княжнѣ Александрѣ Александровнѣ. Князь Шаховской успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ и тогда, по заявленію молодаго князя Меншикова, ему были высланы изъ лондонскаго и амстердамскаго банковъ вклады, внесенные туда его отцомъ. Но изъ этой суммы молодой Меншиковъ получилъ самую ничтожную часть, такъ какъ 8.000,000 рублей поступили въ казну, а остальныя деньги были удержаны Бирономъ и часть ихъ была отдана въ приданое за невѣстою его брата. Молодой же князь Меншиковъ получилъ только 2,000 душъ, что̀ составило около $^1/_{50}$ тѣхъ имѣній, которыя принадлежали его отцу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Начало богатствъ графовъ Румянцевыхъ и графовъ Чернышевыхъ. — Умноженіе этихъ богатствъ.— Употребленіе богатства графомъ Н. П. Румянцевымъ.— Майоратъ князя Паскевича изъ имѣнія графовъ Румянцевыхъ.— Спекуляція графа И. Г. Чернышева.— Чернышевскій майоратъ.— Долги одного изъ графовъ Чернышевыхъ.— Переходъ майората въ родъ Кругликовыхъ.— Декабристъ Н. М. Муравьевъ. — Чертковы. — Князь Чернышевъ. — Богатство графовъ Остермановъ. — Переходъ ихъ къ А. И. Толстому. — Обогащеніе думнаго дьяка Иванова.— Переходъ нажитаго имъ богатства.— Духовникъ Петра Великаго Тимофей Надаржинскій.— Безкорыстіе Лефорта.

Громадное состояніе графовъ Румянцевыхъ начало составляться еще при Петрѣ Великомъ. Александръ Ивановичъ Румянцевъ (род. 1680, † 1749 года), бѣдный костромской дворянинъ, служилъ первоначально солдатомъ въ преображенскмъ полку. За открытіе въ Неаполѣ мѣстопребыванія убѣжавшаго изъ Россіи царевича Алексѣя Петровича онъ получилъ отъ Петра Великаго значительныя помѣстья. Вскорѣ потомъ царь женилъ Румянцева на графинѣ Маріи Андреевнѣ Матвѣевой, пользовавшейся особенною благосклонностію Петра Великаго, и далъ отъ себя за невѣстою очень хорошее приданое. При Аннѣ Ивановнѣ, Румянцевъ дослужился до чина генералъ-аншефа, а 15 іюля 1744 года получилъ отъ императрицы Елизаветы графское достоинство. Изъ состоянія графа Александра Ивановича Румянцева были выдѣлены доли дочерямъ его: графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ († 1786 г.), бывшей замужемъ за графомъ Яковомъ Александромъ Ивановичемъ Брюсомъ, графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ,— вступившей

въ бракъ съ Николаемъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, съ которымъ она однако скоро разъѣхалась, — и графинѣ Дарьѣ Александровнѣ, бывшей сперва за графомъ Вальдштейномъ, а потомъ за княземъ Юріемъ Никитичемъ Трубецкимъ. Но тѣмъ не менѣе, къ сыну его, графу Петру Александровичу (р. 1725, † 1796 г.), впослѣдствіи знаменитому фельдмаршалу, съ прозваніемъ Задунайскаго, перешло отъ отца весьма значительное состояніе, которое возросло при немъ до громадныхъ размѣровъ, вслѣдствіе той щедрости, съ какою награждала Екатерина II своего счастливаго полководца за его блестящія побѣды надъ турками.

Графы Румянцевы владѣли обширными помѣстьями не только въ великорусскихъ губерніяхъ, но еще въ Малороссіи и Лифляндіи. Послѣ заключенія, въ 1775 году, Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, графъ Румянцевъ получилъ 5,000 душъ, 100,000 рублей деньгами, дорогой серебряный сервизъ, лавровую вѣтвь на шляпу изъ драгоцѣнныхъ камней, стоившую 30,000 рублей, брилліантовый эполетъ и такой же фельдмаршалскій жезлъ, и, вдобавокъ ко всему этому, 100,000 рублей на постройку дома, а также и цѣнныя картины для его украшенія. Въ числѣ пожалованныхъ Румянцеву имѣній было и подмосковное село Троицкое, въ которомъ онъ устроилъ великолѣпную усадьбу, названную Кайнарджи, а ближайшей фермѣ онъ далъ названіе Кагулъ. Въ августѣ 1775 года Екатерина посѣтила Румянцева на новосельѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ ее съ изумительнымъ великолѣпіемъ. По присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи, фельдмаршалу графу Румянцеву было пожаловано тамъ (въ нынѣшней Могилевской губерніи) мѣстечко Гомель съ деревнями.

Часть богатства фельдмаршала, впрочемъ, не слишкомъ значительная, перешла къ побочному сыну его, получившему отъ короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго титулъ барона Умянцова; дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній никакихъ не имѣется. Во владѣніе же всѣмъ остальнымъ вступили законные сыновья его: графъ Михаилъ († 1806), графъ Николай († 1826 г.) и графъ Сергѣй Петровичъ († 1838).

Богатство графовъ Румянцевыхъ, сыновей фельдмаршала, должно было увеличиться еще и вслѣдствіе того, что двою-

родная ихъ тетка Анна Никитична Нарышкина († 1820 г.), рожденная Румянцева, отказала имъ свое весьма значительное состояніе, но Нарышкины начали противъ Румянцева процессъ и успѣли его выиграть.

Всѣ они были холостые, и со смертью графа Сергѣя Петровича пресѣклась фамилія графовъ Румянцевыхъ-Задунайскихъ. Онъ имѣлъ трехъ воспитанницъ, носившихъ фамилію Кагульскихъ, изъ которыхъ одна была за княземъ Петромъ Ивановичемъ Мещерскимъ. Онъ выдѣлилъ своимъ побочнымъ дочерямъ большое приданое изъ своего родоваго имущества, которое по смерти брата его, государственнаго канцлера, сосредоточилось все въ его рукахъ, за исключеніемъ лишь той части, которую графъ Николай Петровичъ оставилъ на „благое просвѣщеніе“.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ употребилъ на изданіе „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ 66,000 рублей; на изданіе лѣтописей, въ 1813 году, было имъ издержано 25,000 рублей. Кромѣ того на изданіе историческихъ памятниковъ онъ пожертвовалъ особую сумму, изъ которой 40,000 рублей было израсходовано на изданіе „Актовъ археографической экспедиціи“. Богатства канцлера заключались въ имѣніяхъ, въ которыхъ числилось 30,000 душъ крестьянъ, при 298,000 десятинахъ земли. Покровительство, оказываемое со стороны канцлера графа Румянцева раскольникамъ, значительно умножило населеніе его вотчинъ, такъ какъ раскольники охотно селились въ его имѣніяхъ, записываясь за нимъ по ревизіи. Въ Гомелѣ у него было три дворца, великолѣпно убранные, дорогія картины и обширная библіотека. Онъ обращалъ вниманіе и на промышленность: устроилъ фабрику писчей бумаги, суконную, а также и заводъ для приготовленія сыра по англійскимъ образцамъ. Кромѣ того онъ въ своихъ имѣніяхъ разводилъ мериносовъ и крымскихъ овецъ.

По пресѣченіи рода графовъ Румянцевыхъ имѣніе ихъ, какъ выморочное, поступило въ казну, но впослѣдствіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ часть его, въ видѣ продажи, была передана генералъ-фельдмаршалу князю Ивану Ѳедоровичу Паскевичу, учредившему изъ этого имѣнія майоратъ, въ которомъ считалось 19,378 ревизскихъ душъ. Это

заповѣдное имѣніе, въ случаѣ пресѣченія мужскаго потомства фельдмаршала, должно переходить постепенно, по старшинству линій, къ потомкамъ его по женскому колѣну, а въ случаѣ неимѣнія ихъ, перейти въ родъ брата фельдмаршала Степана Ѳедоровича Паскевича.

Память былаго богатства графовъ Румянцевыхъ осталась въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія. Канцлеръ графъ Николай Петровичъ снаряжалъ на свой счетъ ученыя экспедиціи и отправлялъ корабли для кругосвѣтнаго плаванія; съ большими издержками и трудами собиралъ древнія отечественныя рукописи и издавалъ ихъ отъ себя для публики; завелъ библіотеку, которая была доступна для всѣхъ, и завѣщалъ множество коллекцій и разныхъ рѣдкостей для учрежденія музея, который, оцѣненный вмѣстѣ съ зданіемъ въ 2.000,000 рублей, носитъ его имя и нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ переведенъ изъ Петербурга въ Москву.

Одновременно съ богатствомъ графовъ Румянцевыхъ и почти при одинаковыхъ условіяхъ стало возникать и богатство графовъ Чернышевыхъ, принадлежавшихъ до того времени къ безвѣстнымъ и небогатымъ дворянскимъ фамиліямъ. Первоначальнымъ своимъ богатствомъ графы Чернышевы были обязаны тому обстоятельству, что Петръ Великій устроилъ свадьбу одного изъ своихъ деньщиковъ, Григорія Петровича Чернышева, съ 17-лѣтнею Евдокіею Ивановною Ржевской, причемъ далъ новобрачному въ приданое за покровительствуемой имъ невѣстой 4,000 душъ крестьянъ. Потомъ рождавшимся отъ этого брака сыновьямъ жаловалъ на зубокъ деньги и деревни, такъ что въ непродолжительномъ времени семейство Чернышевыхъ стало пользоваться весьма замѣтнымъ достаткомъ. Императрица Елизавета Петровна, въ память своего родителя, оказывала этому семейству особенное благоволеніе. При ней, въ 1742 году, Чернышевы получили графскій титулъ и доходныя помѣстья и сдѣлались одними изъ первыхъ русскихъ богачей того времени. Изъ графовъ Чернышевыхъ былъ въ особенности извѣстенъ по своему богатству графъ Иванъ Григорьевичъ, президентъ адмиралтействъ-коллегіи и генералъ-фельдмаршалъ по флоту (род. 1726 г., † 1797 года). Умноженію его богатства содѣйствовала не мало и его же-

нитьба на одной изъ богатѣйшихъ тогдашнихъ невѣстъ — графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской. По разсказамъ князя Щербатова, онъ имѣлъ одежды особливаго вкуса и богатства, и столъ, сдѣланный со вкусомъ изъ дорогихъ вещей; ливрея его пажей была шита серебромъ, а на столъ подавались лучшія и наидрожайшія вина.

Маркатней, состоявшій при посольствѣ въ Россіи, объ Иванѣ Чернышевѣ, назначенномъ посломъ въ Англію, писалъ: его внѣшняя обстановка будетъ чрезвычайно великолѣпна и роскошна, такъ какъ онъ необыкновенно богатъ и слишкомъ расточителенъ. Брилліанты его жены, какъ передавалъ онъ мнѣ, стоятъ около 40,000 фунтовъ стерлинговъ.

Получивъ значительное родовое имѣніе, а также и взявъ богатое приданое за первою женою, графъ Иванъ Григорьевичъ увеличилъ свое состояніе и другимъ еще способомъ. Онъ за малую цѣну, т. е. не болѣе какъ за 90,000 рублей, получилъ, благодаря покровительству графа Петра Ивановича Шувалова, мѣдные заводы, на которыхъ было уже готовой мѣди слишкомъ на 100,000 рублей. Пользуясь этими заводами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ свою прибыль, онъ потомъ продалъ ихъ, совершенно уже разоренные, обратно казнѣ, взявъ съ нея за нихъ 700,000 рублей. Онъ былъ настолько богатъ впослѣдствіи, что давалъ адмиралтействъ-коллегіи по 75,000 рублей въ долгъ, не требуя возврата этихъ денегъ.

Умноженію богатства въ фамиліи графовъ Чернышевыхъ содѣйствовало еще и то, что братъ упомянутаго графа Ивана Григорьевича (р. 1712 г., † 1773 года), извѣстный между своими современниками непомѣрною скупостію, женился на графинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Ушаковой, дочери графа Андрея Ѳеодоровича Ушакова, одного изъ самыхъ грозныхъ начальниковъ тайной канцеляріи. Хотя Ушаковъ самъ по себѣ былъ такъ бѣденъ, что пришелъ изъ Новгорода въ Петербургъ пѣшкомъ, въ лаптяхъ, но во время своей долголѣтней службы успѣлъ составить огромное состояніе, которое въ полномъ своемъ составѣ досталось единственной его наслѣдницѣ, графинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Чернышевой, а отъ нея, черезъ браки ея дочерей, перешло, вмѣстѣ съ имѣніемъ графа Петра Григорьевича Чернышева, ея мужа, частью къ

сыновьямъ и дочерямъ генералъ-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова, частію же отошло къ князьямъ Голицынымъ, а между прочимъ къ внуку ея, свѣтлѣйшему князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, бывшему при императорѣ Николаѣ Павловичѣ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ этихъ имѣній, какъ видно изъ „Записокъ“ Добрынина, былъ городъ, впослѣдствіи село Радогощъ, въ нынѣшней Орловской губерніи.

Третій изъ братьевъ Чернышевыхъ, графъ Захаръ Григорьевичъ (род. 1722 г., † 1784 года), бывшій генералъ-фельдмаршаломъ при императрицѣ Екатеринѣ II, не имѣя дѣтей, оставилъ учрежденный имъ, 2 января 1774 года, такъ называвшійся „чернышевскій майоратъ“ младшему своему брату Ивану Григорьевичу. Екатерина II утвердила это завѣщательное распоряженіе и потому въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія богатство графовъ Чернышевыхъ сосредоточилось въ рукахъ одного изъ нихъ, графа Григорія Ивановича, который былъ роднымъ племянникомъ учредителю майората.

Державинъ разсказываетъ, что этотъ графъ Чернышевъ, не смотря на все дошедшее къ нему богатство, находился въ чрезвычайно разстроенныхъ обстоятельствахъ, такъ что количество лежавшихъ на немъ долговъ далеко не равнялось стоимости его собственнаго имѣнія. Надъ Чернышевымъ, по повелѣнію императора Павла, была учреждена опека, которая, разсмотрѣвъ его долги, нашла, что они большею частію несправедливы; такимъ же долгомъ былъ признанъ между прочимъ и числившійся на немъ казенный долгъ, простиравшійся до 200,000 рублей. Одинъ изъ опекуновъ, графъ Сиверсъ, предлагалъ продать все имѣніе графа Чернышева въ раздѣлъ кредиторамъ, и тогда, какъ замѣчаетъ Державинъ, Чернышеву пришлось бы питаться мірскимъ подаяніемъ. Главнымъ образомъ ввелъ въ долги Чернышева банкиръ Сутерландъ, получившій отъ него деньги на уплату долговъ и не заплатившій ихъ по назначенію. По представленію Державина, императоръ Павелъ приказалъ разсмотрѣть долги графа Чернышева судебнымъ порядкомъ, разсрочить казенныя претензіи безъ платежа процентовъ на такое время, въ продолженіе котораго ихъ можно было бы покрыть доходами, полу-

чаемыми съ имѣній, и кромѣ того подъ залогъ этихъ имѣній отпустить вновь ссуду изъ банка. Долги Чернышева, при учрежденіи надъ нимъ въ 1797 году опеки, доходили до 2.000,000 рублей. Опека существовала до 1803 года и въ продолженіе ея графъ Чернышевъ, не смотря на постоянную уплату его долговъ, получалъ ежегодно чистаго дохода 75,000 рублей. Освобожденный отъ опеки, онъ, по словамъ Державина, сдѣлался должнымъ чуть ли не вдвое болѣе чѣмъ прежде.

Впрочемъ, долги его могли падать или на собственное его имѣніе или лично на него; полученный же имъ отъ отца майоратъ, основанный дядею, оставался неприкосновеннымъ.

Единственный сынъ графа Чернышева, Григорія Ивановича, графъ Григорій Григорьевичъ, за участіе въ событіяхъ 14 декабря 1825 года былъ сосланъ въ Сибирь, а потому чернышевскій майоратъ, въ 1830 году, по смерти его владѣльца, графа Григорія Ивановича Чернышева, перешелъ къ старшей его дочери, вышедшей замужъ за тайнаго совѣтника Ивана Гавриловича Кругликова, который, на основаніи высочайшихъ указовъ отъ 2 января 1774 года и отъ 4 января 1832 года, наслѣдовалъ майоратъ, а также титулъ и фамилію графовъ Чернышевыхъ. Часть же ихъ богатствъ досталась на долю другихъ дочерей графа Григорія Ивановича, изъ которыхъ одна, Александра Григорьевна, была замужемъ за декабристомъ Никитою Матвѣевичемъ Муравьевымъ. Бракъ этотъ далъ возможность Муравьеву, во время нахожденія его въ ссылкѣ, пользоваться ежегоднымъ доходомъ въ 60,000 рублей. Другая дочь графа была замужемъ за Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ, извѣстнымъ московскимъ богачемъ, страстнымъ любителемъ древностей, нумизматомъ и собирателемъ Чертковской библіотеки (род. 1789 г., † 1858 г.), такъ что нѣкоторая доля изъ прежнихъ богатствъ графовъ Чернышевыхъ пошла и на это общеполезное учрежденіе.

Замѣтимъ при этомъ, что родной братъ Александра Дмитріевича Черткова, генералъ-лейтенантъ Николай Дмитріевичъ (род. 1794, † въ 1852 году холостымъ), пожертвовалъ 4,000 душъ на учрежденіе кадетскаго корпуса въ Воронежѣ.

Что же касается бывшаго при императорѣ Николаѣ Па-

вловичѣ военнымъ министромъ Александра Ивановича Чернышева,—сперва графа, а потомъ свѣтлѣйшаго князя,—то онъ происходилъ отъ другой линіи фамиліи Чернышевыхъ, и къ нему, по его матери Евдокіи Дмитріевнѣ Ланской, отошла часть богатства ея брата Александра Дмитріевича Ланскаго, бывшаго генералъ-адъютантомъ при императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ числѣ лицъ, которыя съ достиженіемъ виднаго положенія на службѣ или при дворѣ, пріобрѣтали вмѣстѣ съ этимъ столь значительное состояніе, что становились въ ряду замѣтныхъ богачей въ Россіи, при Петрѣ Великомъ были не только природные русскіе, но и заѣзжіе къ намъ иностранцы, и между ними выдается въ особенности, какъ одинъ изъ главныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, Андрей Ивановичъ Остерманъ (род. 1686, † 1747 года), сынъ пастора въ городкѣ Бокумѣ, пріѣхавшій въ Россію изъ Вестфаліи и сдѣланный вице-канцлеромъ при императрицѣ Екатеринѣ I.

Будучи такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ вельможъ, Остерманъ, получившій въ 1730 году графское достоинство, имѣлъ и весьма значительныя средства для того, чтобы жить соотвѣтственно своему высокому званію. Между тѣмъ вице-канцлеръ въ своей домашней обстановкѣ доходилъ не только до простоты, но и, вопреки господствующему понятію объ аккуратности нѣмцевъ, жилъ крайне неряшливо. Комнаты у него были убраны безъ всякаго вкуса, слуги были одѣты какъ нищіе, серебряная посуда содержалась въ такой нечистотѣ, что казалась оловянной; на немъ самомъ одежда была всегда грязная до отвращенія, и вообще неопрятность у него въ домѣ доходила до-нельзя.

Еще при Петрѣ I Остерманъ съумѣлъ скопить деньгу преимущественно своею бережливостію, независимо отъ доходовъ, получаемыхъ съ имѣній какъ ему пожалованныхъ, такъ и доставшихся ему въ приданое за женою его Марѳою Ивановною, происходившею изъ знатнаго боярскаго рода Стрѣшневыхъ, бывшаго въ родствѣ съ царскимъ домомъ. Саксонскій посланникъ Лефортъ разсказываетъ, что императоръ Петръ II предложилъ Остерману конфискованныя у графа Петра Андреевича Толстаго 6,000 душъ, но что онъ отказался отъ

этого предложенія, не считая себя достойнымъ подобной милости, такъ какъ не оказалъ никакихъ особыхъ заслугъ. Императрица Анна Ивановна пожаловала графу Остерману 67 гаковъ въ Лифляндіи, стоившихъ тогда 67,000 рублей, а за бѣлградскій миръ онъ получилъ драгоцѣнный перстень, богатый серебряный сервизъ и 5,000 рублей ежегодной пенсіи.

При воцареніи императрицы Елизаветы Петровны, графъ Остерманъ, какъ ревностный приверженецъ брауншвейгской фамиліи, былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ и скончался. Секретарь саксонскаго посольства Пецольтъ, говоря о паденіи Остермана, сообщаетъ — по словамъ его, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ источниковъ—что кромѣ имѣній и домовъ, пожалованныхъ ему отъ казны, наличный капиталъ его составлялъ не болѣе какъ 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, и что изъ этихъ суммъ первая хранилась въ лондонскомъ банкѣ, а вторая въ амстердамскомъ. Далѣе Пецольтъ передаетъ, что принадлежавшія графу Остерману драгоцѣнности состояли главнымъ образомъ изъ четырехъ или пяти богато украшенныхъ брилліантами портретовъ, пожалованныхъ ему Петромъ I, Петромъ II и Анной Ивановною. Въ запасѣ же у него находилось только 230 рублей. „Все это, заключаетъ Пецольтъ—слѣдуетъ считать весьма умѣреннымъ для лица, занимавшаго въ теченіе сорока двухъ лѣтъ высокія государственныя должности“.

„Остерманъ, не ослѣпляясь счастіемъ, счелъ необходимымъ оградить себя отъ его превратности и помѣстилъ въ Голландіи большую денежную сумму съ непремѣннымъ условіемъ не выдавать ее по простымъ приказамъ, но единственно въ томъ случаѣ, когда онъ или сынъ его явится лично за полученіемъ вклада. Партія, возведшая на престолъ Елизавету, узнавъ объ этой предосторожности, рѣшилась, вмѣсто того, чтобы сослать молодаго Остермана въ Сибирь вмѣстѣ съ отцомъ, выказать притворную умѣренность и выхлопотала нынѣ здравствующему (въ 1783 г.) графу Остерману паспортъ, необходимый для поѣздки въ Голландію по его дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ послано было русскому министру, находившемуся при Генеральныхъ штатахъ, приказаніе — уловить минуту, когда онъ получитъ свои деньги и, арестовавъ его подъ какимъ нибудь

благовиднымъ предлогомъ, выслать въ Россію съ его деньгами. Возмущенный такимъ предательствомъ, русскій посланникъ, вмѣсто того чтобы исполнить приказаніе, посовѣтовалъ Остерману бѣжать далѣе, не требуя своихъ капиталовъ".

Намъ положительно неизвѣстно, было ли конфисковано описанное у графа Остермана имѣніе, но если это наказаніе и постигло какъ его, такъ и двухъ его сыновей, то надобно полагать, что впослѣдствіи отцовское имѣніе было возвращено имъ, потому что за младшимъ его сыномъ, графомъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ (род. 1725 г., † 1811 года), бывшимъ при императорѣ Павлѣ государственнымъ канцлеромъ, числилось родоваго имѣнія 4,000 душъ и пожалованныхъ 6,000 душъ. Въ частной жизни канцлеръ былъ не только разсчетливъ, но и скупъ; при случаѣ же онъ не прочь былъ показать свое богатство. Такъ, въ торжественные дни, у него бывали обѣды на 300 кувертовъ съ дорогою серебряною сервировкой, причемъ общее вниманіе обращали на себя необыкновенно массивныя серебряныя блюда.

Старшій братъ канцлера, графъ Ѳедоръ Андреевичъ (род. 1723 г., † 1804 года), на 18 году имѣлъ уже александровскую ленту, но при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы былъ лишенъ этого ордена и переведенъ капитаномъ въ армейскій полкъ. Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-поручикомъ и пріобрѣлъ своею необыкновенною разсѣянностію громкую извѣстность въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Оба брата, графы Ѳедоръ и Иванъ Андреевичи, не имѣя потомства, испросили въ 1796 году у Екатерины II разрѣшеніе передать фамилію, титулъ и имѣніе двоюродному внуку ихъ, Александру Ивановичу Толстому, бабка котораго, графиня Анна Андреевна, была родная ихъ сестра. Графъ Остерманъ-Толстой, прославившійся подъ Кульмомъ, не имѣлъ дѣтей и отъ него наслѣдственныя права по графамъ Остерманамъ перешли къ внуку его по сестрѣ, князю Голицыну, титулующемуся нынѣ княземъ Голицынымъ графомъ Остерманомъ.

Хотя Петръ Великій былъ очень грозенъ въ отношеніи взяточниковъ и лихомцевъ, но, не смотря на все это, всетаки находились ловкіе люди, которые успѣвали отлично обдѣлы-

вать свои денежныя дѣла, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ. Въ числѣ такихъ людей былъ Автономъ Ивановичъ Ивановъ, сынъ московскаго священника, начавшій свою службу ничтожнымъ приказнымъ. Случайно встрѣтившись съ Петромъ Великимъ, Ивановъ полюбился царю за его прыткость и смѣтливость, и государь повелѣлъ Иванову засѣдать, въ званіи думнаго дьяка, въ помѣстномъ приказѣ. Такая должность всегда была прибыльна, но едва ли кто изъ предмѣстниковъ Иванова успѣлъ извлечь на ней столько для себя выгодъ, сколько извлекалъ онъ. Такъ какъ въ этомъ учрежденіи сосредоточивалось все дѣлопроизводство по пожалованію и отводу помѣстій и вотчинъ, а также рѣшались всѣ тяжбы и споры между поземельными владѣльцами, то лица, имѣвшія дѣла въ помѣстномъ приказѣ, не оставляли своими частыми и значительными приношеніями думнаго дьяка Иванова, заправлявшаго собственно всѣмъ приказомъ, и обращались къ нему съ просьбами, какъ къ своему милостивцу.

Ивановъ имѣлъ въ помѣстномъ приказѣ такую силу, что даже гетманъ Мазепа, купившій для себя въ 1707 году земли въ Рыльскомъ уѣздѣ, обращался письменно къ Иванову, прося его покровительства и обѣщая ему отслужить въ свою очередь за его милостивое расположеніе. Занимая такую выгодную должность и умѣя получать прибыли изъ порученныхъ ему дѣлъ, Автономъ Ивановичъ успѣлъ изъ бѣдняка сдѣлаться такимъ богачемъ, что послѣ его смерти, — неизвѣстно, впрочемъ, въ которомъ году,—осталось 16,000 душъ крестьянъ и огромные капиталы. За выдѣломъ изъ этого богатства приданаго дочери Автонома Ивановича Аграфенѣ, бывшей замужемъ сперва за Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, а потомъ за Иваномъ Ивановичемъ Бибиковымъ, остальное имущество раздѣлилось между двумя его сыновьями. Изъ нихъ младшій Василій умеръ бездѣтнымъ, а старшій Николай имѣлъ пять дочерей, въ числѣ которыхъ была Дарья Николаевна (род. 1730, † 1800 года), вышедшая замужъ за Глѣба Алексѣевича Салтыкова и по своей лютости извѣстная подъ именемъ Салтычихи. Прочія четыре дочери Николая Автономовича были замужемъ: Ѳеодора за генералъ-поручикомъ Аѳанасьемъ Семеновичемъ Жуковымъ, Татьяна за Муравьевымъ, Аграфена

за Иваномъ Никифоровичемъ Тютчевымъ и Марѳа за полковникомъ Василіемъ Ивановичемъ Измайловымъ.

При дальнѣйшихъ раздѣлахъ имѣніе, нажитое Ивановымъ, раздробилось на мелкіе участки до такой степени, что отъ этого имѣнія не осталось никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ.

Черное или монашествующее наше духовенство издревле владѣло несмѣтными богатствами, такъ что по всей вѣроятности сокровища и движимыя имущества, принадлежавшія въ общей сложности этому сословію, превосходили тѣ богатства, которыя принадлежали высшему свѣтскому классу, обращенному Петромъ Великимъ въ шляхетство или дворянство. Но все числившееся за патріархами, владыками, архимандритами и монахами, какъ за отреченными отъ міра сего, не было не только родовою, но и личною ихъ собственностію. Что же касается богатствъ бѣлаго духовенства, то и о нихъ не было слышно до временъ Петра Великаго. Первымъ богачемъ изъ этого сословія явился Тимофей Надаржинскій, родомъ малоросъ, духовникъ императора Петра Великаго. Государь не забывалъ его своими подарками и вдобавокъ къ этому пожаловалъ ему 4,000 душъ въ нынѣшнемъ Ахтырскомъ уѣздѣ. У него была единственная внучка, владѣтельница 5,000 душъ родоваго имѣнія, но когда ей минуло 13 лѣтъ, то законность рожденія ея сталъ оспаривать ея двоюродный братъ Кондратьевъ, разсчитывавшій на то, что, устранивъ такимъ образомъ Надаржинскую, онъ самъ получитъ приходившееся ей отъ ея дѣда наслѣдство. Державинъ разсказываетъ, что въ это дѣло вмѣшался извѣстный Каразинъ, надѣясь на то, что, выигравъ дѣло Надаржинской, онъ предложитъ себя ей въ женихи, и просилъ государя, чтобъ онъ приказалъ разсмотрѣть дѣло Надаржинской, какъ сговоренной его невѣсты, Лагарпу и Державину. Но Лагарпа въ это время не было уже въ Петербургѣ. Съ своей же стороны Державинъ поддержалъ законность рожденія Надаржинской, и все имѣніе было утверждено за нею. Впослѣдствіи оно перешло къ Корсаковымъ и къ князьямъ Голицынымъ.

Говоря о тѣхъ замѣчательныхъ богатствахъ, какія успѣвали себѣ составить лица, близкія къ Петру Великому, или пользуясь его милостями, или употребляя во зло оказываемое имъ

со стороны государя довѣріе, нельзя не упомянуть, что въ этомъ случаѣ одинъ изъ первыхъ его любимцемъ, Лефортъ, представлялъ рѣдкое и даже едва ли не единственное исключеніе. Лефортъ, не смотря на безграничное расположеніе государя, а также и на то, что онъ занималъ должность намѣстника новгородскаго, на которой такъ разживались его предмѣстники, владѣлъ всего 600 крестьянъ, которые, какъ разсказываетъ въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“ Голиковъ, платили ему оброка только по полтинѣ съ тягла. Безкорыстіе Лефорта видно также и изъ того, что онъ полученные имъ, во время своего посольства, подарки, состоявшіе между прочимъ, изъ золотой цѣпи въ 10 фунтовъ и серебряной посуды въ количествѣ трехъ пудовъ, пожертвовалъ на нужды государства. Ему не трудно было бы однако, пользуясь особою милостью государя, испрашивать у него для себя помѣстья и награды, какъ это обыкновенно дѣлали другіе современные ему царедворцы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Богатство фамиліи Строгановыхъ. — Историческія о немъ свѣдѣнія. — Раздѣленіе этого богатства на три части. — Сліяніе его въ родѣ графовъ Строгановыхъ. — Графъ А. С. Строгановъ. — Богатство прежнихъ владѣтелей Сибири. — Князья Алачевы и князья Гантимуровы. — Богатство барона Соловьева. — Бѣдствія, его постигшія. — Замѣтка о русскихъ баронахъ. — Промышленныя богатства Гончарова, Баташевыхъ, Горденинныхъ и Тулиновыхъ. — Богачъ Курочкинъ. — Купцы Осколковъ и Евреиновы. — Графъ Владиславичъ-Рагузинскій.

Изъ числа самыхъ замѣчательныхъ частныхъ богатствъ, составившихся издавна въ Россіи, должно выдѣлить совершенно особнякомъ богатство рода Строгановыхъ. Богатство ихъ, по своему первоначальному происхожденію, по своей необыкновенной громадности, по свойству тѣхъ имуществъ, на которыхъ оно основалось, и наконецъ по тому значенію, какое оно имѣло нѣкогда въ русской исторіи, должно, безъ всякаго сомнѣнія, стоять на самомъ видномъ мѣстѣ. Сверхъ того, богатство Строгановыхъ замѣчательно еще и тѣмъ, что оно въ теченіе слишкомъ четырехъ вѣковъ удержалось въ одной и той же фамиліи, такъ какъ хотя главная его часть и перешла по женскому колѣну, но этотъ переходъ совершился въ той же фамиліи бароновъ и графовъ Строгановыхъ. Въ Петербургѣ графы Строгановы считаются самыми старинными собственниками по принадлежащему имъ у Полицейскаго моста дому.

Подобнаго слишкомъ четырехвѣковаго сохраненія богатства въ одномъ и томъ же родѣ у насъ, за исключеніемъ

фамиліи Строгановыхъ, не встрѣчается потому, что пріобрѣтенныя въ Россіи богатства обыкновенно не переходили къ отдаленнымъ поколѣніямъ одного и того же рода.

Начальныя извѣстія о богатствѣ Строгановыхъ восходятъ къ первой половинѣ XV столѣтія, когда одинъ изъ предковъ ихъ выкупилъ на свой счетъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго изъ казанскаго плѣна. Строгановы, вышедшіе изъ среды предпріимчивыхъ и промышленныхъ гражданъ древняго Новгорода, еще задолго до царя Ивана Васильевича Грознаго владѣли въ областяхъ новгородскихъ обширными землями, а впослѣдствіи въ пермскихъ предѣлахъ имъ принадлежала страна, равная по величинѣ нынѣшнему королевству Богемскому. Соперниками Строгановыхъ по богатству были, около того времени, новгородскіе же граждане Своеземцевы, но потомъ какъ ихъ богатства, такъ и родъ Своеземцевыхъ исчезли совершенно безслѣдно, между тѣмъ какъ богатство Строгановыхъ увеличивалось все болѣе и болѣе.

Около 1498 года, Лука Строгановъ поселился въ Соль-Вычегодскѣ, а внукъ его устроилъ въ 1515 году соляныя варницы на Вычегдѣ. Онъ первый открылъ торговлю на берегахъ пустынной Оби, и успѣшный ходъ этой торговли еще болѣе умножилъ его родовое богатство. При помощи своихъ громадныхъ богатствъ, Строгановы принимали самое дѣятельное участіе въ покореніи Сибири подъ власть русскихъ государей. Въ награду же за это они получили обширныя земли и особыя права, такъ что въ первой половинѣ XVII вѣка они, подъ названіемъ „именитыхъ людей“, представляли собою какъ бы особое сословіе, состоявшее только изъ лицъ ихъ рода. Въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича нѣкоторыя статьи постановляютъ особыя правила относительно Строгановыхъ. Вообще же они долгое время пользовались такими обширными политическими правами, какія принадлежали нѣкогда только русскимъ удѣльнымъ князьямъ. Они сами производили судъ и расправу на всемъ пространствѣ своихъ сибирскихъ владѣній, строили крѣпости и содержали войско. Въ свою очередь и сами Строгановы не подлежали суду гражданскихъ властей, но должны были быть судимы въ Москвѣ

самимъ царемъ или нарочно назначеннымъ отъ него сановникомъ.

Такимъ исключительнымъ положеніемъ Строгановы были обязаны своей необыкновенной предпріимчивости, довольно рѣдкой и въ наше болѣе промышленное время. Они выпросили у царя Ивана Васильевича Грознаго дозволеніе рубить въ дикихъ мѣстахъ Сибири лѣсъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, пахать пашню, ставить дворы, призывать къ себѣ на житье неписьменныхъ и нетяглыхъ людей, заводить соляныя варницы, плавить желѣзо, пріискивать мѣдную и свинцовую руду, а также и горючую сѣру. Съ своей стороны и государство пользовалось въ смутную пору богатствомъ Строгановыхъ. Такъ, въ ту пору Петръ Семеновичъ Строгановъ щедро снабжалъ деньгами составлявшіяся противъ поляковъ ополченія, на что и издержалъ громадныя суммы. Вообще же приношенія Строгановыхъ въ продолженіе междуцарствія и царствованій Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича простирались, по нынѣшнему курсу, на 2.500,000 рублей, не считая жемчугу, серебряныхъ сосудовъ, хлѣба и соли.

Въ началѣ прошлаго столѣтія всѣ богатства Строгановыхъ сосредоточились въ рукахъ одного изъ нихъ, Григорія Ивановича. Петръ Великій подумывалъ было ограничить не только привиллегіи, но и самое состояніе Строганова, но женитьба Григорія Ивановича на Вассѣ Яковлевнѣ Новосильцевой, пользовавшейся милостію государя, предотвратила эти намѣренія. Отъ этого брака родились три сына: Александръ, Николай и Сергій. По челобитной старшаго изъ нихъ было перемѣнено старинное ихъ званіе „именитыхъ людей“ на непонятный до сихъ поръ титулъ русскихъ бароновъ. Между этими тремя новопожалованными, въ 1722 году, баронами раздѣлилось имѣніе ихъ отца, у котораго кромѣ заводовъ было 120,000 душъ крестьянъ, такъ что на каждаго изъ Строгановыхъ пришлось по 40,000 душъ.

Старшій изъ этихъ бароновъ Строгановыхъ не имѣлъ сыновей и полученное имъ отъ отца имѣніе перешло къ двумъ его дочерямъ: баронессѣ Аннѣ Александровнѣ, бывшей замужемъ за генералъ-поручикомъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ. Сынъ ихъ, дѣйствительный тайный со-

вѣтникъ 1-го класса князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, по имѣнію, полученному отъ матери, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ богачей недавняго времени. Другая дочь барона Александра Григорьевича, Варвара, была замужемъ за княземъ Борисомъ Григорьевичемъ Шаховскимъ. Она въ одной Пермской губерніи имѣла 13,000 душъ крестьянъ и черезъ внуку ея часть строгановскихъ богатствъ перешла къ графамъ Шуваловымъ. Вообще же по этой линіи Строгановыхъ они раздѣлились только на двѣ части. У барона Николая Григорьевича было три сына и три дочери, и по этой линіи имѣніе Строгановыхъ подверглось значительному раздѣлу, но оно сохранилось безраздѣльно въ потомствѣ третьяго барона Строганова — Сергія Григорьевича, перейдя къ сыну его, барону Александру Сергѣевичу (род. 1734 г., † 1811 года), получившему въ 1761 году графское достоинство римской имперіи, и къ внуку его, графу Павлу Александровичу (род. 1774 г., † 1817). Его единственный сынъ, графъ Александръ Павловичъ, былъ убитъ, на 19-мъ году жизни, подъ Краономъ въ 1814 году, и имѣнія этой младшей линіи Строгановыхъ перешли вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ къ старшей линіи ихъ же фамиліи, вслѣдствіе женитьбы барона Сергія Григорьевича Строганова на старшей дочери упомянутаго графа Павла Александровича, графинѣ Натальѣ Павловнѣ, а въ 1826 году и прочіе бароны Строгановы получили графскій титулъ отъ императора Николая Павловича.

Графъ Александръ Сергѣевичъ при Екатеринѣ Великой славился своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, и императрица нерѣдко говаривала, что два человѣка дѣлаютъ все возможное, чтобы разориться, и не могутъ. Подъ такими счастливцами она разумѣла Льва Александровича Нарышкина и графа Александра Сергѣевича Строганова. Съ такою рекомендаціею она представила этого послѣдняго пріѣзжавшему въ Петербургъ римско-нѣмецкому императору Іосифу II. Графъ Строгановъ считался блестящимъ типомъ русскаго вельможи екатерининскаго вѣка. Когда Екатерина II признала, что богатый пермскій край, съ его быстро увеличивавшимся населеніемъ и удобствами сообщенія по рѣкѣ Камѣ, требуетъ лучшей системы управленія, то она поручила Строганову, какъ вла-

дѣльцу обширныхъ имѣній въ этомъ краѣ, составить проектъ административныхъ и хозяйственныхъ улучшеній по управленію пермскаго намѣстничества, для открытія котораго и ѣздилъ онъ въ Пермь въ 1781 году и исполнилъ это порученіе при великолѣпной обстановкѣ. Онъ при торжественныхъ случаяхъ давалъ роскошные пиры и имѣлъ ежедневно для всѣхъ открытый столъ. Такъ какъ на эти обѣды собиралась мелкая сошка, то они и были весьма просты: вино, во время ихъ, обносили лакеи только два раза и невзыскательные гости, насыщавшіеся на даровщину, довольствовались кислыми щами, пивомъ и медомъ. Вообще же, при такихъ вельможескихъ прикармливаніяхъ, съ гостями не слишкомъ церемонились.

Впрочемъ и помимо обѣдовъ графъ Строгановъ доставлялъ современной ему петербургской публикѣ нѣкоторыя особыя развлеченія. Еще въ 1743 году отецъ его купилъ находящійся въ нынѣшнемъ строгановскомъ саду домъ графа Владиславича-Рагузинскаго, а потомъ прикупилъ и бывшую здѣсь дачу графа Брюса. На этомъ мѣстѣ графъ Александръ Сергѣевичъ устроилъ садъ, открытый для публики и сдѣлавшійся въ скоромъ времени любимымъ мѣстомъ загороднаго гулянья тогдашныхъ жителей Петербурга. Посѣтители сада развлекались на счетъ Строганова музыкою, пѣсенниками, фейерверками и иллюминаціями. Вдобавокъ къ этому, онъ устроилъ въ своемъ саду библіотеку, которая была доступна каждому, желавшему читать въ ней, но посѣтители сада стали очень недобросовѣстно пользоваться такимъ умственнымъ угощеніемъ, растаскивая книги въ свою собственность. Обстоятельство это вынудило Строганова закрыть для публики устроенную имъ библіотеку. Особенную пышность выказалъ Строгановъ въ 1796 году по случаю пріѣзда въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV. Король, вмѣстѣ съ императрицею, провелъ на дачѣ Строганова цѣлый день, и праздникъ, данный по этому случаю Строгановымъ, по отзывамъ современниковъ, превосходилъ все, что только король могъ видѣть у тогдашнихъ первыхъ богачей—графовъ Остермана, Безбородко и Самойлова.

О графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ сохранилась память какъ о покровителѣ наукъ, литературы и художествъ.

Онъ составилъ галлерею картинъ, написанныхъ извѣстнѣйшими художниками, собралъ дорого стоившія ему коллекціи эстамповъ, медалей и камней, но особенное вниманіе онъ обращалъ на составленіе библіотеки, которую, по огромному числу находившихся въ ней рѣдкихъ изданій, можно было считать одною изъ первыхъ въ цѣлой Европѣ. Фонъ-Визинъ и Державинъ, какъ писатели, пользовались особымъ его вниманіемъ. Поэтъ Богдановичъ былъ въ числѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, а Гнѣдичъ при его щедромъ пособіи перевелъ и издалъ Иліаду.

Заключая нашъ разсказъ объ этомъ богачѣ, нельзя не привести слѣдующихъ строкъ изъ инструкціи, данной имъ главноуправляющему всѣми его имѣніями, Климову. „Помни—писалъ ему Строгановъ—что ты сердцу моему ни спокойствія, ни сладкаго удовольствія принести не можешь, когда хотя бы до милліоновъ распространилъ мои доходы, но отягчилъ бы чрезъ то судьбу моихъ крестьянъ“.

Одновременно съ появленіемъ новыхъ громадныхъ частныхъ богатствъ при Петрѣ Великомъ уничтожились нѣкоторыя значительныя богатства. Мы говорили уже объ участи князей Мышецкихъ и князя Гагарина. Въ дополненіе къ этому намъ приходится теперь замѣтить о князьяхъ Сибирскихъ.

Сыновья послѣдняго сибирскаго царя Кучума, низложеннаго Ермакомъ Тимофѣевичемъ Повольскимъ, царевичи Алей, Алтанай и Аблагаиръ, были привезены въ Москву. Сынъ перваго изъ нихъ, Алпъ-Арсланъ, получилъ отъ царя Михаила Ѳедоровича во владѣніе городъ Касимовъ на Окѣ, въ нынѣшней Рязанской губерніи, и по этому владѣнію онъ пользовался титуломъ царя Касимовскаго. Котошихинъ говоритъ, что царевичамъ Касимовскимъ и Сибирскимъ были пожалованы помѣстья и вотчины „не малыя“ и что они женились на дочеряхъ богатыхъ бояръ. Родъ Алпъ-Арсланъ прекратился въ 1715 году на его правнукѣ, царевичѣ Василіѣ Ивановичѣ, не имѣвшемъ дѣтей, и тогда владѣнія, пожалованныя его прадѣду, какъ выморочныя, отошли въ казну.

Отъ втораго сына царя Кучума, Алтаная, пошли царевичи Сибирскіе, которымъ въ 1718 году Петръ Великій приказалъ именоваться князьями Сибирскими. Князья Сибирскіе,

предку которыхъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ были пожалованы большія помѣстья, состояли въ числѣ богатой русской знати, но, замѣшанные по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, они лишились всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній, которыя были у нихъ отобраны и частію поступили въ казну, а частію въ раздачу другимъ лицамъ. Въ настоящее время находится одинъ представитель рода князей Сибирскихъ, князь Александръ Александровичъ.

Изъ древнихъ же владѣтелей Сибири были въ началѣ XVII вѣка извѣстны по своимъ богатствамъ князья Алачевы, принадлежавшіе къ числу остяцкихъ князьковъ; изъ нихъ Алака, во время завоеванія Сибири Ермакомъ, владѣлъ улусами на берегу рѣки Оби. Внукъ его принялъ крещеніе съ именемъ князя Михаила Игичеевича Алачева и продолжалъ владѣть наслѣдственными улусами, которые послѣ его смерти перешли подъ власть сына его, князя Дмитрія Михайловича. Когда же на него поступилъ доносъ, что онъ стрѣлялъ въ церковный крестъ, то его вызвали въ Москву, отняли улусы и дали взамѣнъ ихъ значительную волость Лену на рѣкѣ Вычегдѣ близъ Яренска. Онъ не имѣлъ дѣтей, а смертью двухъ его племянниковъ, Семена и Михаила Ѳедоровича Алачевыхъ, ихъ родъ прекратился.

Въ Сибири, въ половинѣ прошлаго столѣтія, были также извѣстны по своему богатству князья Гантимуровы. Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ китайскаго богдыхана, Гантимуръ, а по своей знатности извѣстный сановникъ поднебесной имперіи, манджуръ по происхожденію, былъ посланъ въ Сибирь богдыханомъ для завоеванія Аргунскаго острова. Но, какъ говоритъ современное тому сказаніе, Гантимуръ, „увидя русскихъ людей житіе доброе и поревновавъ тому житію“, по возвращеніи въ Китай, взявъ женъ, дѣтей и родственниковъ своихъ, всего болѣе 500 человѣкъ, выѣхалъ въ русскіе предѣлы и изъявилъ желаніе поселиться здѣсь навсегда. Богдыханъ всячески домогался выдачи Гантимура и требовалъ, чтобы онъ возвратился въ Китай, заманивая его туда богатыми подарками. Не успѣвъ въ этомъ, богдыханъ желалъ захватить Гантимура силою и для исполненія этого отправилъ противъ него войско. По всей вѣроятности не столько самъ

Гантимуръ, сколько вывезенныя имъ изъ Китая сокровища побуждали богдыхана заставить своего родственника вернуться обратно туда. Наконецъ, при переговорахъ Ѳедора Алексѣевича Головина съ китайскими послами на рѣкѣ Нерчи, требовалась выдача Гантимура, но русскіе послы на это не согласились. Въ 1685 году Гантимуръ принялъ православную вѣру съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ былъ окрещенъ подъ именемъ Павла. Оба они, по грамотѣ царей Ивана и Петра Алексѣевичей, были признаны въ княжескомъ достоинствѣ и записаны въ дворяне по московскому списку. При этомъ князь Петръ Гантимуровичъ былъ вызванъ въ Москву, но на пути умеръ въ мѣстечкѣ Нарымѣ. Сынъ его, князь Павелъ, былъ въ Москвѣ и оттуда отпущенъ обратно въ Нерчинскъ съ повелѣніемъ избрать одну изъ своихъ семи женъ, крестить ее и жить съ нею. Братъ же его Чикулай остался въ Москвѣ и служилъ тамъ, а въ Сибирь болѣе не возвращался. У князя Павла Петровича отъ прежней жены былъ одинъ сынъ, князь Илларіонъ Павловичъ Гантимуровъ, служившій въ званіи стольника. Съ тѣхъ поръ среди великорусскаго дворянства фамилія князей Гантимуровыхъ уже не встрѣчается, но она упоминается въ нѣкоторыхъ розыскныхъ дѣлахъ о ссыльныхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Сибири, причемъ оказывается, что въ ту пору князья Гантимуровы были уже людьми недостаточными, и неизвѣстно, куда дѣлось богатство, вывезенное ихъ предкомъ изъ Китая.

Вслѣдствіе развитія при Петрѣ Великомъ торговыхъ нашихъ сношеній съ западной Европою, у насъ стали являться при немъ богатые негоціанты. Такимъ былъ Осипъ Алексѣевичъ Соловьевъ, родившійся въ 1676 году. Онъ происходилъ изъ архангельскаго купечества и служилъ первоначально дворецкимъ въ домѣ князя Александра Даниловича Меншикова, гдѣ узналъ его Петръ I, и, замѣтивъ въ немъ человѣка чрезвычайно способнаго и дѣятельнаго, назначилъ его на первый разъ директоромъ архангельской таможни. Постъ этотъ былъ чрезвычайно важенъ въ то время, такъ какъ тогда сосредоточивался около архангельскаго порта весь нашъ заморскій торгъ лѣсомъ, мѣхами, ворванью и рыбою. Съ этой должности Петръ перемѣстилъ его коммерческимъ агентомъ русскаго пра-

вительства въ Голландію, съ которою у насъ тогда были весьма оживленныя торговыя сношенія. Въ Амстердамѣ Соловьевъ основалъ первый русскій банкирскій домъ и своею честностью и точностью пріобрѣлъ у голландскихъ купцовъ неограниченный кредитъ.

Въ 1716 году Осипъ Соловьевъ нанималъ корабли для перевоза 30,000 четвертей хлѣба въ Копенгагенъ, заготовленныхъ въ Ригѣ и Ревелѣ.

Но Соловьеву вскорѣ не посчастливилось: онъ былъ обвиненъ передъ государемъ въ покровительствѣ контрабандѣ и въ вывозѣ заграницу зерноваго хлѣба, торговля которымъ съ иностранными портами составляла въ ту пору одинъ изъ видовъ государственныхъ регалій. Соловьевъ былъ въ 1717 году захваченъ по требованію русскаго правительства въ Амстердамѣ и привезенъ оттуда въ Петербургъ, и, какъ обвиненный въ важномъ государственномъ преступленіи, отданъ въ распоряженіе тайной канцеляріи, которая начала свою крутую съ нимъ расправу тѣмъ, что въ пыткахъ изломали ему руки и ноги. При такомъ розыскѣ Соловьевъ не повинился прямо, но, избѣгая дальнѣйшихъ жестокихъ мукъ, оговорилъ себя, и у него, какъ у преступника, были конфискованы наличные его капиталы, состоявшіе изъ 1.000,000 тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Но это, какъ полагаютъ, была только одна десятая доля всѣхъ капиталовъ какъ его собственныхъ, находившихся у него въ банкирскихъ и торговыхъ оборотахъ, такъ и тѣхъ, которые были ввѣрены ему разными лицами. Сверхъ того, при конфискаціи имущества Соловьева пропали безвозвратно бывшія у него въ запасѣ 80,000 четвертей пшеницы и, вдобавокъ ко всѣмъ этимъ бѣдамъ, на него былъ сдѣланъ казенный недочетъ, простиравшійся до 267,593 рублей.

Вскорѣ однако Петръ Великій убѣдился въ невиновности Соловьева. Государь просилъ у него прощенья, обѣщалъ вознаградить всѣ его убытки, а также дать ему и двумъ его братьямъ, Дмитрію и Аѳанасью Алексѣевичамъ, баронскій титулъ, а самого его назначилъ асесоромъ въ коммерцъ-коллегію.

Но передъ этимъ, 21 октября 1721 года, Петръ приказалъ освободить Соловьевыхъ, объявивъ: „понеже вѣдаютъ они, что

достойны смерти по дѣламъ своимъ, того-бъ ради тѣ вины заслужили, особливо Осипъ въ установленіи торговъ впредь въ другія государства". Приказано было также: „взять съ него крѣпкія и надежныя поруки, чтобъ не ушелъ, понеже онъ записанъ бюргеромъ астрадамскимъ".

Въ 1722 году Дмитрій и Осипъ Соловьевы били челомъ, что они опредѣлены къ дѣламъ, а пропитанія не имѣютъ, а также просили о возвратѣ взятыхъ у нихъ въ Москвѣ дворовъ и лавокъ, а также деревень малыхъ: въ одной 4, а въ другой 5 дворовъ, и оставшагося за продажею жены его, Дмитрія, приданаго. Указомъ, даннымъ сенату 16 мая 1722 года, все это повелѣно было имъ возвратить.

Но за болѣзнію, а потомъ по случаю смерти, Петръ Великій не успѣлъ исполнить обѣщаній, данныхъ Соловьеву. Императрица Екатерина I, въ утѣшеніе Соловьеву и согласно извѣстной ей самой волѣ покойнаго своего супруга, выдала 1 января 1727 года всѣмъ тремъ братьямъ Соловьевымъ грамоту на баронское достоинство россійской имперіи, наградивъ, впрочемъ, этимъ титуломъ предварительно любимаго своего карлика Луку Четихина. О возмѣщеніи же убытковъ, нанесенныхъ Соловьеву неправымъ судомъ, не было даже и помину.

Разоренный баронъ Осипъ Алексѣевичъ Соловьевъ собирался съѣздить самъ въ Голландію. Онъ не безъ основанія разсчитывалъ, что послѣ его полнаго оправданія въ Россіи ему не трудно будетъ возстановить тамъ свой прежній огромный кредитъ, такъ какъ кредитъ былъ потерянъ безъ всякой со стороны его вины, и затѣмъ онъ надѣялся по возможности привести свои дѣла въ прежнее положеніе. Онъ медлилъ однако этой поѣздкой, такъ какъ здоровье его, потрясенное и нравственными страданіями, и жестокими пытками въ тайной канцеляріи, не позволяло ему предпринять такого, въ то время, труднаго и продолжительнаго путешествія. Надобно также предполагать, что у него могла уцѣлѣть значительная часть капиталовъ, которые были положены имъ въ голландскій или лондонскій банкъ, и что эти капиталы не могли быть захвачены при конфискаціи, такъ какъ эти банки не выдаютъ ввѣренныхъ имъ капиталовъ по требованіямъ правительствъ, конфискующихъ частныя имущества, но только или самимъ

вкладчикамъ или ихъ наслѣдникамъ. Статься можетъ, что еще и донынѣ, въ ожиданіи представителей наслѣдственныхъ правъ барона Соловьева, хранятся въ означенныхъ банкахъ укрытые имъ капиталы.

Баронъ Осипъ Алексѣевичъ Соловьевъ умеръ въ 1747 году; прямое его потомство существуетъ доселѣ. Ближайшіе его наслѣдники хлопотали объ исполненіи русскимъ правительствомъ обѣщанія, даннаго Петромъ Великимъ Осипу Алексѣевичу касательно денежнаго вознагражденія. Домогательства ихъ въ основаніи были признаны правильными, такъ какъ при императрицѣ Екатеринѣ II имъ велѣно было выдать изъ государственнаго казначейства 40,000 рублей. Намъ неизвѣстно впрочемъ, какимъ разсчетомъ руководилась при этомъ казна.

Упомянувъ о пожалованіи Соловьевымъ баронскаго титула, замѣтимъ, что титулъ этотъ, начиная съ фамиліи Строгановыхъ, былъ жалуемъ у насъ преимущественно богатымъ лицамъ, извѣстнымъ своею торговою или промышленною дѣятельностью. Такъ въ числѣ русскихъ бароновъ мы встрѣчаемъ при Екатеринѣ II придворнаго банкира Фридрикса; императоръ Павелъ Петровичъ далъ въ 1800 году баронскій титулъ придворнымъ банкирамъ: Николаю Роговикову, изъ московскихъ купцовъ,—о нечестной разживѣ котораго передаетъ въ своихъ „Запискахъ“ Державинъ,—Іосифу Веліо, родомъ португальцу, и Александру Ралю. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ пожалованъ барономъ придворный банкиръ Штиглицъ, а въ царствованіе покойнаго Государя баронскій титулъ получили: коммерціи совѣтники Фелейзенъ и Кусовъ, варшавскій банкиръ Френкель и владѣлецъ суконной фабрики въ Бѣлостокѣ Захертъ. Кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, Екатерина II хотѣла воспользоваться раздачею этого титула русскимъ богачамъ съ цѣлью произвести у нихъ заемъ.

Начало богатству Аѳанасія Абрамовича Гончарова было положено при Петрѣ Великомъ. Гончаровъ, родомъ калужскій мѣщанинъ, началъ разживаться весьма скромно—съ мелочнаго торга, но мало-по-малу повелъ свои дѣла такъ успѣшно, что могъ перейти къ довольно обширной торговлѣ и на пріобрѣтенныя этимъ занятіемъ деньги устроилъ въ ны-

нѣшней Калужской губерніи, близъ тогдашняго села Медыни, нынѣ уѣзднаго города, двѣ фабрики — одну писчей бумаги, а другую — парусныхъ полотенъ. Петръ Великій лично узналъ предпріимчиваго Гончарова и, нанявъ въ послѣднее путешествіе свое по Европѣ, въ Амстердамѣ, плотиннаго мастера, отправилъ его къ Гончарову. Назначивъ голландцу опредѣленное жалованье и зная тогдашнюю еще недостаточность Гончарова въ денежныхъ средствахъ, государь въ своемъ письмѣ къ нему сообщалъ, что онъ самъ готовъ платить мастеру назначенное жалованье, если выдача его покажется Гончарову тягостною.

Ободряемый и поддерживаемый Петромъ Великимъ, Гончаровъ не только усилилъ свою дѣятельность на устроенныхъ имъ уже фабрикахъ, но и направилъ ее въ то же время и на другое предпріятіе, основавъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи.

При отсутствіи въ ту пору всякихъ техническихъ приспособленій на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, для владѣльцевъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ было всего важнѣе имѣть сколь возможно большее число дешевыхъ рабочихъ рукъ. Удовлетворенію такой потребности содѣйствовалъ весьма много нѣсколько измѣненный около того времени видъ полнаго крѣпостнаго права, а именно, такъ называемое поссессіонное право. На основаніи этого права, ко всѣмъ фабрикамъ и заводамъ Гончарова было, еще при Петрѣ Великомъ, приписано не мало крестьянъ, а въ 1739 году по прошенію его и по указу сената велѣно было крестьянъ, приписанныхъ по ревизіи къ упомянутымъ фабрикамъ и заводамъ, оставить при нихъ навсегда. Съ своей же стороны Гончаровъ обязывался внести въ казну за семейства, состоявшія изъ мужа, жены и дѣтей мужескаго пола ниже десяти и женскаго ниже пятнадцати лѣтъ по 50 рублей, за одиночнаго совершеннолѣтняго по 10 рублей и за каждую „дѣвку“ старше пятнадцати лѣтъ — по 3 рубли 50 копѣекъ. Вслѣдствіе этого въ вѣчное и потомственное владѣніе Гончарова должно было поступить до 20,000 душъ, проживавшихъ у него на фабрикахъ и заводахъ крестьянъ помѣщичьихъ, дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Только отставныхъ солдатъ ему дозволено было дер-

жать при его заведеніяхъ не иначе, какъ по ихъ желанію Сверхъ того, въ 1740 году, государственная коммерцъ-коллегія разрѣшила Гончарову купить къ его фабрикамъ до 300 крестьянскихъ дворовъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ новокупленныхъ имъ крестьянъ онъ не могъ употреблять ни въ какія другія работы, кромѣ работъ мануфактурныхъ. Къ этому добавлялось, что въ случаѣ нарушенія упомянутаго правила всѣ деревни Гончарова должны были быть взяты на его императорское величество, т. е. на царствовавшаго тогда императора Ивана Антоновича.

Состояніе Гончарова увеличивалось постепенно и наконецъ дошло до того, что оно при императрицѣ Екатеринѣ II цѣнилось, по тогдашнему курсу, въ 6.000,000 серебряныхъ рублей. Въ награду за полезную дѣятельность Гончарова, государыня возвела его въ дворянское достоинство и даже удостоила его своимъ посѣщеніемъ въ принадлежавшемъ ему и на барскую ногу обстроенномъ имѣніи, такъ называемомъ Полотняномъ Заводѣ.

Въ ту пору богатые люди были лакомою приманкою для властей, которыя выискивали всевозможные случаи и даже придумывали разныя придирки для того, чтобы поживиться на ихъ счетъ. Такую алчность властей испыталъ на себѣ и Аѳанасій Абрамовичъ Гончаровъ. Калужскій губернаторъ Лопухинъ взялъ у него подъ вексель 30,000 рублей, а потомъ сталъ требовать отъ Гончарова уничтоженія этого векселя. Когда же Гончаровъ позаупрямился, то губернаторъ сталъ угрожать ему ссылкою въ Сибирь за то будто бы, что у него въ домѣ велась азартная карточная игра. Старикъ Гончаровъ подъ клятвою долженъ былъ засвидѣтельствовать, что онъ игралъ въ банкъ съ своею женою и со своими домашними на мелкія деньги только для невиннаго препровожденія времени. Дѣло это было наконецъ кое-какъ прекращено, надѣлавъ однако не мало хлопотъ престарѣлому Гончарову, который умеръ 92 лѣтъ отъ роду. Громадное богатство, имъ нажитое, вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, а также и упадка принадлежавшихъ ему заведеній, современемъ значительно разстроилось. Замѣтимъ кстати, что жена поэта Александра Сергѣевича Пушкина Наталія Николаевна, рожденная Гончарова, была родная праправнука Аѳанасія Абрамовича.

Почти одновременно съ Гончаровымъ составили себѣ громадныя состоянія горнозаводскимъ промысломъ Баташевъ и Лугининъ, вышедшіе изъ тульскихъ оружейниковъ сперва въ купечество, а потомъ и въ дворянство.

Иванъ Тимофѣевичъ Баташевъ, управляющій Акинфія Демидова, устроилъ самъ въ 1700 году желѣзный заводъ въ Липецкѣ, а другой, въ 1716 году, около Тулы. Сынъ его Родіонъ Тимофѣевичъ устроилъ въ разныхъ мѣстахъ 6 заводовъ, а въ числѣ ихъ извѣстный Гусевскій во Владимірской губерніи.

Состояніе Баташевыхъ постоянно увеличивалось вслѣдствіе того, что они скупали на свозъ крестьянъ, которыми наполняли свои заводы, они покупали также ближайшія къ заводамъ селенія съ землею и лѣсами. Крестьянъ они обращали въ угольщиковъ и рудокоповъ, а лѣса употребляли на дрова и уголья. Для обезпеченія же своихъ Выксунскихъ заводовъ они покупали у татаръ и окольныхъ помѣщиковъ много земли, пользуясь произраставшимъ на ней лѣсомъ. Въ 1783 году огромныя поссессіонныя имѣнія Баташевыхъ раздѣлились. Старшій изъ нихъ, Иванъ Родіоновичъ, продолжалъ горнозаводскую дѣятельность. Въ 1784 году онъ, въ 23 верстахъ отъ Выксунскаго завода, построилъ Снаведскій заводъ; въ 1791 году на землѣ, купленной у князя Долгорукаго, онъ построилъ заводъ Унженскій, въ 1793 году, заводъ Верхнежелѣзницкій и въ томъ же году завелъ проволочную фабрику. По 9-й ревизіи за нимъ числилось 10,870 душъ крестьянъ, изъ которыхъ 4,876 было мастеровыхъ. Онъ умеръ въ 1821 г. и при описи его имѣній оказалось, что за нимъ было 12,528 душъ крестьянъ и 148,967 десятинъ земли. Все свое имѣніе завѣщалъ онъ родной своей внучкѣ, въ замужествѣ Шепелевой.

Со времени Петра Великаго стали также возникать, хотя и не слишкомъ быстро, замѣчательныя богатства двухъ трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ купеческихъ семействъ—Гордениныхъ и Тулиновыхъ, приписанныхъ по гильдіи къ городу Воронежу. Предметомъ ихъ промышленныхъ и торговыхъ занятій было суконное производство на фабрикахъ, устроенныхъ ими въ этомъ городѣ. Неизвѣстно, что сталось съ Гордениными, считавшимися когда-то весьма богатыми людьми.

Что же касается Тулиновыхъ, то хотя они и раздѣлились потомъ на нѣсколько вѣтвей и, по заведенному въ старое время обычаю, перешли изъ купечества въ дворянство, но тѣмъ не менѣе они не хотѣли отдалиться отъ источника своего первоначальнаго богатства и отъ пріобрѣтенной имъ извѣстности какъ добросовѣстныхъ и дѣятельныхъ суконныхъ фабрикантовъ. Въ теченіе 150 лѣтъ Тулиновы не оставляли того промышленнаго дѣла, за которое съ такимъ успѣхомъ взялся ихъ родоначальникъ, и даже не переносили своей дѣятельности изъ Воронежа въ какое нибудь другое мѣсто. Каждое ихъ поколѣніе исключительно заботилось объ усовершенствованіи своихъ фабрикъ, упрочивая ихъ тѣмъ самымъ и умножая все болѣе и болѣе старинную основу своего богатства. Въ особенности такому направленію ихъ дѣятельности способствовала, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ называемая континентальная система, не допускавшая, по произволу Наполеона I, привоза на материкъ Европы англійскихъ товаровъ вообще, а между прочимъ и суконъ, доставлявшихся къ намъ изъ Англіи огромными партіями.

Ко временамъ же Петра Великаго относится начало богатства занимавшихся горнымъ промысломъ въ примосковскихъ губерніяхъ сперва купцовъ, а потомъ дворянъ Мальцевыхъ.

Въ числѣ старинныхъ нашихъ купеческихъ богатствъ, относящихся къ тѣмъ же временамъ, замѣчательно богатство купца Панкратія Курочкина. Въ „Описаніи Астрахани“, изданномъ г. Рыбушкинымъ, разсказывается, что когда Петръ Великій на походѣ въ Персію прибылъ въ Астрахань, то къ нему съ поздравленіемъ явился купецъ Панкратій Курочкинъ. По этому случаю Курочкинъ нарядилъ въ праздничное платье 12 человѣкъ изъ своихъ работниковъ и далъ каждому изъ нихъ по 1,000 серебряныхъ рублей, которые и были поднесены ими царю, вмѣсто хлѣба-соли, отъ имени ихъ богача-хозяина. Когда же Петръ посѣтилъ домъ Курочкина, то хозяйка дома поднесла царю въ подарокъ серебряный сосудъ съ золотыми монетами. Курочкинъ, производившій обширную торговлю съ Казанью, преимущественно же съ Персіею, полюбился государю, который и пожаловалъ ему соляныя озера

въ 40—50 верстахъ отъ Астрахани. Какъ пошло далѣе богатство Курочкина, намъ неизвѣстно.

Оживляя своимъ вниманіемъ, а также не только нравственными, но и матеріальными поощреніями торговую и промышленную дѣятельность въ Россіи, Петръ тѣмъ самымъ доставлялъ возможность составляться и развиваться у насъ замѣчательнымъ богатствамъ среди купечества, до того времени вообще слишкомъ бѣднаго, загнаннаго и сильно подрываемаго иностранными торговцами и промышленниками, и мы уже упоминали о тѣхъ главныхъ, извѣстныхъ купеческихъ богатствахъ, которыя составились во время его царствованія. Прибавимъ къ этому, что при немъ торгъ съ Китаемъ былъ сданъ, между 1707 и 1712 годами, славившемуся въ то время своимъ богатствомъ купцу Григорію Осколкову, но нажитое имъ богатство, неизвѣстно по какимъ именно причинамъ, прошло безслѣдно. При Петрѣ же Великомъ въ числѣ самыхъ богатыхъ русскихъ купцовъ былъ купецъ гостинной сотни Евреиновъ, которому въ 1721 году отданы были государемъ у города Архангельска, въ Колѣ и во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ сальный, моржевый и звѣриный промыслы.

Купеческій сынъ Алексѣй Гурьевъ, предокъ графовъ Гурьевыхъ, прося, чтобы ему быть при дворѣ императрицы Екатерины I, упоминалъ, что родственники его построили своими деньгами на Яикѣ Гурьевъ Городокъ, который стоилъ имъ 289,942 рубля.

При Петрѣ Великомъ въ числѣ богатыхъ людей были графъ Савва Владиславичъ-Рагузинскій, исполнявшій разныя дипломатическія порученія и ведшій значительныя торговыя дѣла. Лэди Рондо въ своихъ „Письмахъ“ упоминаетъ объ его богатствѣ и о драгоцѣнномъ жемчугѣ, который имѣла его красавица-жена, родомъ венеціанская патриціанка.

Богатые люди въ прежнее время подносили въ подарокъ царствующимъ особамъ деньги. Такъ въ 1726 году жена гетмана Апостола, сама стряпавшая на кухнѣ, поднесла императрицѣ 991 червонецъ.

Въ свою очередь государи давали знатнымъ персонамъ незначительныя денежныя подачки,—вызывая ихъ этимъ на униженіе: такъ въ 1724 году государыня изволила пожаловать

княгинѣ Натальѣ Петровнѣ Голицыной 23 червонца, чтобы она плакала по сестрѣ, и она плакала того же числа. 10-го апрѣля ея величество изволила бросить на полъ свѣтлѣйшей княгинѣ Натальѣ Петровнѣ 10 червонцевъ за то, что она выпила при столѣ два кубка англійскаго пива; 20 червонцевъ за то, что выпила два бокала вина виноградnаго краснаго; 15 червонцевъ за большой кубокъ венгерскаго вина; 5 червонцевъ было положено въ другой кубокъ, но она его не выпила и денегъ не получила.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Богатства, составленныя горнозаводскою промышленностію. — Демидовы. — Сказанія о ихъ родоначальникѣ. — Поощренія его Петромъ Великимъ. — Акиноій Демидовъ. — Добываніе ископаемыхъ богатствъ. — Родовыя имѣнія. — Сохраненіе ихъ въ одной линіи. — Княжескіе титулы. — Пожертвованія Демидовыхъ. — Богачъ Владиміровъ. — Богатство Твердышевыхъ и Мясникова. — Переходъ этого богатства въ разныя фамиліи. — Князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе.

Со временъ Петра Великаго составленіе значительныхъ богатствъ частными лицами на горнозаводскихъ промыслахъ было явленіемъ весьма обыкновеннымъ, но никто путемъ этихъ промысловъ не достигъ такого несмѣтнаго состоянія, какъ Демидовы. Фамилія Демидовыхъ, происхожденія самаго скромнаго, обязана своимъ богатствомъ преимущественно Акиноію Никитичу Демидову, но основаніе этого богатства было положено еще отцомъ его Никитою Демидовичемъ (род. 1656 года), который, какъ и дѣдъ его, Демидъ Григорьевичъ, по прозванію Антуфьевъ, былъ кузнецомъ или молотобойцемъ при тульскомъ оружейномъ заводѣ и отличался дѣятельностію и искусствомъ отъ прочихъ своихъ товарищей, ставившихъ, въ исходѣ XVII столѣтія, въ московскую оружейную палату готовыя ружья, а также ружейные стволы и замки. Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ или Антуфѣевъ переселился въ Тулу для занятія кузнечной работой изъ деревни Павшиной, отстоящей отъ этого города въ 20 верстахъ. Первымъ шагомъ къ извѣстности Никиты Демидова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ богатству его потомковъ, было то обстоятельство, что у Шафирова,

проѣзжавшаго черезъ Тулу, оказался испорченнымъ пистолетъ работы знаменитаго Кухенрейтера. Шафировъ отдалъ пистолетъ для починки Демидову, который не только исправилъ его какъ слѣдуетъ, но и сдѣлалъ по образцу его другой пистолетъ, нисколько не уступавшій по своимъ качествамъ кухенрейтерскому пистолету. Шафировъ обратилъ вниманіе Петра Великаго на смѣтливаго тульскаго оружейника и тѣмъ составилъ его счастіе. По другому разсказу, царь, проѣзжая въ 1696 году въ Воронежъ, остановился на короткое время въ Тулѣ и пожелалъ заказать тамошнимъ оружейникамъ нѣсколько алебардъ по привезенному имъ образцу. Съ этою цѣлью онъ приказалъ позвать къ себѣ кузнецовъ, знавшихъ ковку бѣлаго оружія, но изъ нихъ никто не явился, кромѣ Никиты Демидова, который исполнилъ, къ удовольствію государя, данный ему заказъ вполнѣ успѣшно. Петръ похвалилъ Никиту и обѣщалъ заѣхать къ нему въ гости на обратномъ пути. Царь исполнилъ свое обѣщаніе, осмотрѣлъ небольшую собственную оружейную фабрику Демидова и похвалилъ его за умъ и предпріимчивость.

Наконецъ, по третьему разсказу, заслуживающему впрочемъ мало вѣры, павшинскій крестьянинъ Никита Демидовъ не выселился въ Тулу съ своимъ отцомъ, но пришелъ туда одинъ, избѣгая грозной въ ту пору рекрутчины, и нанялся въ работу у одного изъ тамошнихъ кузнецовъ съ платою по 1 алтыну въ недѣлю. Работая у своего хозяина-кузнеца, онъ первый сдѣлалъ образцовое чугунное ядро и отличное ружье, вслѣдствіе чего и сталъ извѣстенъ самому государю, отыскивавшему всюду способныхъ и дѣльныхъ людей. Вдобавокъ ко всѣмъ приведеннымъ нами разсказамъ замѣтимъ, что Манштейнъ сообщаетъ, будто Никита Демидовъ былъ кузнецомъ не въ Тулѣ, а въ Москвѣ при пушкарскомъ приказѣ, но убѣжалъ оттуда къ калмыкамъ и сталъ разработывать у нихъ руды; что этимъ онъ сдѣлался извѣстенъ государю, который простилъ его за побѣгъ. По словамъ Манштейна, Демидовъ, къ концу своей жизни, такъ разбогатѣлъ, что ежегодный его доходъ простирался до 100,000 тогдашнихъ рублей.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но достовѣрно, что Демидовъ, вскорѣ послѣ первой встрѣчи съ Петромъ Великимъ,

представилъ ему шесть отлично-сдѣланныхъ ружей. Петръ подарилъ Демидову 100 рублей, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: „Постарайся, Демидычъ, распространить свою фабрику“, и тогда же приказалъ отвести Демидову въ 12-ти верстахъ отъ Тулы, въ такъ называемой Малиновой засѣкѣ, нѣсколько десятинъ земли для добывки желѣзной руды и для сженія уголья.

Поощренный Петромъ Великимъ, Демидовъ построилъ на устьѣ рѣки Тулицы большой желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами и началъ доставлять царю, съ платою по 1 рублю 80 копѣекъ за штуку, такія ружья, за которыя казна платила прежде по 12 и даже по 15 рублей. Кромѣ того, онъ, также по уменьшенной цѣнѣ, сталъ поставлять въ пушкарскій приказъ разные военные снаряды. Двадцать лѣтъ продолжалась война Россіи со Швецію и во все это время Демидовъ снабжалъ русскую артиллерію всѣми необходимыми для нея припасами, довольствуясь только половиннымъ платежемъ противъ другихъ заводчиковъ.

Съ своей стороны, Петръ Великій высоко цѣнилъ трудъ Демидова, и грамотою отъ 2 января 1701 года, въ награжденіе его дѣятельности и усердія, дозволилъ ему увеличить устроенный имъ заводъ, приказавъ отмежевать въ собственность Демидова лежавшія около Тулы стрѣлецкія земли, а для сженія угля дать ему въ Щегловской засѣкѣ полосу во всю ея ширину и на 5 верстъ въ длину, съ предоставленіемъ ему исключительнаго права копать руду въ Малиновой засѣкѣ. Такимъ образомъ заводъ Демидова былъ обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вскорѣ однако Петръ, по весьма уважительнымъ соображеніямъ, запретилъ Демидову рубить въ Щегловской засѣкѣ дубъ, кленъ и ясень, какъ деревья годныя для постройки кораблей. Такое запрещеніе затруднило Демидова въ литьѣ пушекъ и ядеръ, а также и въ заготовленіи другихъ военныхъ снарядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставило его рѣшиться на новое отважное предпріятіе.

Еще въ 1696 году, верхотурскій воевода Протасьевъ представилъ царю образцы магнита съ рѣчки Тагила и желѣзной руды съ рѣки Невьи. Петръ передалъ руду для испытанія Демидову, который приготовилъ изъ нея нѣсколько ружей, замковъ, копьевъ и донесъ государю, что невьянское же-

лѣзо нисколько не хуже „свейскаго“ (т. е. шведскаго), пользовавшагося тогда громкою извѣстностію по всей Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидный и смѣтливый Демидовъ тотчасъ понялъ, какую громадную пользу можно извлечь изъ разработки невьянскихъ рудниковъ. Вслѣдствіе этого онъ подалъ въ Сибирскій приказъ просьбу о предоставленіи ему права разработывать руду на казенномъ невьянскомъ заводѣ.

Предоставленіе частнымъ лицамъ казенныхъ заводовъ, — приходившихъ въ упадокъ все болѣе,—было совершенно согласно съ видами государя на развитіе русской производительности. Поэтому просьба Демидова не встрѣтила никакихъ затрудненій, и по царской грамотѣ отъ 4 марта 1702 года Демидову отданы были верхотурскіе желѣзные заводы, устроенные на рѣкѣ Невьѣ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а также предоставлено было ему право разработывать руду какъ по этой, такъ и по другимъ рѣкамъ, а также и по рѣкѣ Тагилѣ и у Магнитной горы. Заводы эти велѣно было вѣдать въ Сибирскомъ приказѣ, а издержки, употребленныя казною на устройство невьянскихъ заводовъ, дозволено было Демидову уплатить не наличными деньгами, но желѣзомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, по особому разсчету. При этомъ весьма важною поддержкою для Демидова было данное ему и распространенное впрочемъ въ то время на всѣхъ заводчиковъ право—покупать для заводовъ крѣпостныхъ людей и, кромѣ того, предположено было отводить Демидову, по мѣрѣ надобности, новыя земли.

Получивъ въ свое владѣніе невьянскіе заводы, Демидовъ не замедлилъ отправить для управленія ими своего старшаго сына Акиѳія (род. 1678 года), которому, какъ замѣчено выше, фамилія Демидовыхъ обязана преимущественно своимъ богатствомъ. 6 декабря 1702 года была дана Никитѣ Демидову новая грамота на невьянскіе заводы, и съ этихъ поръ онъ постоянно, вмѣсто прежняго прозвища Антуфѣевъ или Антуфьевъ, именуется Демидовымъ съ званіемъ царскаго коммиссара. Въ упомянутой грамотѣ говорилось между прочимъ слѣдующее: „Написанныя тебѣ его величествомъ государемъ указныя статьи, по которымъ тебѣ со всякою истиною и душевною правдою, прочитывая почасту, поступать, отвергая

отъ себя всякое пристрастіе и къ излишнему богатству желаніе; работать тебѣ съ крайнимъ и тщательнымъ радѣніемъ, напоминая себѣ смертные часы". Въ той же грамотѣ важность отданныхъ Демидову заводовъ опредѣлялась такъ: „Построены они у такихъ рудъ, каковыхъ во всей вселенной лучше быть невозможно, а при нихъ такія воды, лѣса, земли, хлѣбы, живности всякія, что ни въ чемъ скудости быть не можетъ. И ту его великую царскую милость памятуя, не столько своихъ, сколько Его Величества Государя искать прибылей ты долженъ". Этою грамотою дозволялось Демидову наказывать людей „съ тѣмъ однако же, чтобы онъ не навелъ на себя правыхъ слезъ и обиднаго въ томъ воздыханія". Неизвѣстно, какъ пользовался этимъ правомъ Никита Демидовъ или, вѣрнѣе сказать, его представитель на невьянскихъ заводахъ, Акиѳій Никитичъ, но внукъ Никиты, забывъ недавнее свое происхожденіе изъ крестьянства, поступалъ грозно съ подвластными ему крестьянами. Изъ его предписаній заводскимъ управителямъ, въ 1790 году, видно, что онъ за лѣность, побѣги, непорядки, порчу и растрату заводскихъ принадлежностей приказывалъ рабочихъ „разсѣкать плетьми въ проводку" и грозился „искоренить родъ и не оставить праху канальскаго, упрямаго и нечестиваго".

Убѣдившись въ полезной дѣятельности Демидова, Петръ Великій 9 января 1703 приказалъ: для умноженія желѣзныхъ заводовъ Демидова приписать къ нимъ въ работу Аяцкую и Краснопольскую волости и село Покровское въ Верхотурскомъ уѣздѣ со всѣми крестьянами и угодьями, а всѣ тѣ поборы, которые собирались съ этихъ крестьянъ въ казну и монастырь, уплачивать ежегодно желѣзомъ по договорной цѣнѣ. Не смотря на покровительство, оказываемое со стороны государя Демидовымъ, верхотурскіе воеводы тѣснили ихъ, и Петру не разъ приходилось защищать и ограждать ихъ отъ такихъ притѣсненій и требовать, чтобы разныя начальства оказывали имъ помощь, а не противодѣйствовали бы имъ.

Управляя отъ имени своего отца невьянскими заводами, Акиѳій Никитичъ оказался не только дѣльнымъ промышленникомъ, но и разумнымъ хозяиномъ во всей этой мѣстности. Такъ, для сбыта желѣзныхъ издѣлій съ этихъ заводовъ онъ

возстановилъ судоходный путь по Чусовой, открытый еще за 120 лѣтъ тому назадъ Ермакомъ и потомъ совершенно забытый. Онъ обратилъ также вниманіе на устройство въ тѣхъ мѣстахъ хорошихъ сухопутныхъ сообщеній и населилъ глухія мѣста до самой Колывани. При такой заботливости Демидова, заводы его достигли въ самомъ непродолжительномъ времени замѣчательнаго развитія, и Петръ недаромъ считалъ ихъ образцовыми. Дѣятельность Демидовыхъ по горнозаводскимъ промысламъ расширялась все болѣе и болѣе, не смотря на усилія ихъ противниковъ ослабить или даже остановить ее. Въ числѣ недоброжелателей Демидовыхъ былъ и извѣстный Василій Никитичъ Татищевъ, старавшійся доказать, что Демидовы неправильно распространяютъ свои владѣнія, такъ какъ имъ были даны одни только невьянскіе заводы. Акиѳію Никитичу удалось однако развить широко на Уралѣ горнозаводство. Имъ еще при жизни отца устроены были заводы: Шуралинскій въ 1716 году, Выгновскій 1719 года и Нижнетагильскій въ 1725 году. Самимъ Акиѳіемъ Демидовымъ, послѣ смерти отца, были построены заводы: Шайтанскій въ 1727 году, Черноисточенскій въ 1728 году, Уткинскій и Суксунскій въ 1729 году и Ревдинскій въ 1730 году. Кромѣ того, еще въ 1721 году Никитѣ Демидову разрѣшено было устроить мѣдноплавильный заводъ за рѣкою Выею, гдѣ найдена была ими мѣдная руда близь Тагильскаго завода у Магнитной горы. Будучи человѣкомъ весьма предпріимчивымъ, Акиѳій Демидовъ посылалъ довѣренныхъ людей на Иртышъ. Они открыли тамъ признаки древнихъ горныхъ работъ, такъ называемыя „чудскія копи“, а послѣдующія развѣдки, производимыя въ одной изъ этихъ копей, близь озера Колывани, сопровождались открытіемъ богатой мѣдной руды, и здѣсь вскорѣ возникли Колывано-Воскресенскіе заводы. Въ 1730 году Демидовъ вывелъ съ Урала къ рѣкѣ Барналукѣ своихъ людей и устроилъ при ней Барнаульскій заводъ.

Знаменитые алтайскіе рудники обязаны своимъ открытіемъ тому же Акиѳію Никитичу. На Алтаѣ серебряная руда открыта его людьми въ 1736 году, а плавка серебра началась въ 1745 году. Первое найденное здѣсь серебро было

употреблено, по распоряженію императрицы Елизаветы Петровны, на раку св. Александра Невскаго. Въ 1746 году алтайскіе заводы, неизвѣстно по какимъ причинамъ и на какихъ условіяхъ, поступили въ казенное вѣдомство и нынѣ состоятъ въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества. Никита Демидовъ добывалъ также порфиръ и гранитъ. Петръ Великій былъ такъ доволенъ дѣятельностью Демидова, что хотѣлъ поставить въ честь ему его мѣдную статую. Богатство родоначальника Демидовыхъ было уже столь значительно въ 1715 году, что онъ могъ сдѣлать родившемуся въ этомъ году царевичу Петру Петровичу на зубокъ подарокъ, состоявшій, кромѣ разныхъ дорогихъ вещей, изъ 100,000 тогдашнихъ руб.

Вдобавокъ ко всему этому надобно замѣтить, что Никита Демидовичъ или, вѣрнѣе сказать, Акиѳій Никитичъ старался о разработкѣ асбеста или горнаго льна. Мѣсторожденіе асбеста было открыто въ 1720 году на рѣкѣ Тагилѣ, близъ Невьянскаго завода, и Демидовъ собственными опытами дошелъ до его обработки, извѣстной въ древности, а потомъ позабытой. Въ 1722 году онъ представилъ Петру I образчики полотна изъ асбеста. Въ настоящее время разработка горнаго льна совершенно оставлена, но она, введенная Демидовымъ, сохранялась долго въ Сибири и тамъ изъ горнаго льна приготовлялись: колпаки, кошельки, перчатки и шнурки. Еще знаменитый путешественникъ и натуралистъ Палласъ видѣлъ работы, произведенныя Акиѳіемъ Демидовымъ въ асбестовой горѣ и нашелъ въ Невьянскѣ старую женщину, которая умѣла ткать полотно, вязать перчатки и сучить нитки изъ асбеста. Стараніемъ Никиты и Акиѳія Демидовыхъ были распространены добывка и обработка малахита и магнита, и у послѣдняго изъ нихъ былъ магнитъ вѣсомъ въ 13 фунтовъ, державшій пудовую пушку. До сихъ еще поръ въ одной изъ церквей Нижнетагильскаго завода находятся два престола, сдѣланные изъ кубическихъ магнитовъ, равныхъ которымъ по величинѣ, какъ надобно полагать, не найдется въ цѣломъ мірѣ.

Подробныя и непрерывныя свѣдѣнія о доходахъ Демидовыхъ съ принадлежащихъ имъ заводовъ имѣются съ 1720 года, причемъ счеты велись не цифрами, но по тогдашнему обычаю славянскими буквами. Акиѳій Никитичъ не удовле-

творялся имѣвшимся у него огромнымъ богатствомъ и, какъ сообщаетъ секретарь саксонскаго посольства Пецольтъ, хотѣлъ пуститься въ гигантское финансовое предпріятіе, а именно: онъ предлагалъ казнѣ уплачивать всю свою подушную подать прямо отъ себя съ тѣмъ, чтобъ ему уступили всѣ соляварни и даже тѣ, которыми владѣлъ родъ Строгановыхъ съ давнихъ временъ, и чтобы продажная цѣна соли была нѣсколько возвышена. Предложеніе это было однако отвергнуто. Биронъ пользовался богатствомъ Демидова, дѣлая у него займы, и послѣ своего ареста заявилъ, что онъ состоитъ Демидову должнымъ 50,000 рублей.

Акиѳій Демидовъ умеръ въ 1745 г., оставивъ трехъ сыновей и одну дочь, бывшую замужемъ за Михаиломъ Ивановичемъ Сердюковымъ, сыномъ знаменитаго строителя вышневолоцкихъ шлюзовъ. Отъ Акиѳія Никитича идетъ та линія Демидовыхъ, въ которой нынѣ сосредоточивается главнымъ образомъ ихъ старинное богатство.

Чтобъ ближе ознакомить читателей съ богатствами Акиѳія Никитича, укажемъ, какъ распредѣлилъ онъ свое имущество.

Старшему сыну Прокофію онъ завѣщалъ Невьянскіе заводы съ 6 деревнями, заводъ Выгоновскій съ деревней и кожевенный заводъ, а также заводы: Шуралинскій съ 2 деревнями, Верхнетагильскій съ 2 деревнями, Шайтанскій съ 2 деревнями и Сулемской пристанью. Прокофію же онъ оставилъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ три завода: Верхнечугусскій, Нижнечугусскій и Корельскій, да въ купленныхъ вотчинахъ, въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, 3,845 душъ. Заводскихъ крестьянъ на долю Прокофія досталось 5,730 душъ; вообще же крѣпостныхъ, приписанныхъ и вѣчно отданныхъ досталось Прокофію 9,864 души. Кромѣ того, по одному дому въ Москвѣ, Казани, Чебоксарахъ, Кунгурѣ, Ярославлѣ и Тюмени, а также „довольный капиталъ“, на 50,000 рублей разныхъ дрогацѣнныхъ вещей и 3 пуда серебряной посуды.

Ревдинская часть назначалась второму сыну Григорію. Она состояла: изъ заводовъ Ревдинскаго и Уткинскаго съ 4 деревнями и мельницами, завода Рождественскаго въ Казанской губерніи съ деревней; къ этой же части отошли заводы: Су-

ксунскій, Ашанскій, Шаквинскій съ пильными мельницами и кожевенный заводъ, находившійся въ Кунгурскомъ уѣздѣ. Ему же онъ оставилъ Усть-Соликамскій запустѣлый соляной пріискъ съ угодьями. При этихъ заводахъ приписныхъ было 6,128 душъ, да въ вотчинахъ, въ разныхъ губерніяхъ, 3,464 души, а вообще, не принимая по этой долѣ въ разсчетъ разныхъ дополнительныхъ крестьянъ, Григорію Демидову назначалось отъ отца 9,806 душъ. Ему же досталось по одному дому въ Москвѣ, Петербургѣ, Серпуховѣ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Кунгурѣ.

Нижнетагильскую часть Акиѳій Никитичъ выдѣлилъ третьему своему сыну, Никитѣ Акиѳіевичу. Часть эта состояла изъ заводовъ: Нижнетагильскаго съ деревней, Черноисточинскаго и Выйскаго съ деревней, Висимо-Шайтанскаго съ 2 деревнями и Лайскаго. Къ этому были прибавлены: Сулемская пристань и село Покровское. Вообще же ему приходилось 4,391 заводскихъ и 5,441 вотчинныхъ крестьянъ, а всего 9,832 души. Кромѣ того, ему назначалось по одному дому въ Петербургѣ, Твери, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Тобольскѣ, Тарѣ и Екатеринбургѣ. Высокогорская или Магнитная гора была раздѣлена на три части такъ же, какъ и мѣсто добычи горнаго камня при Точильной горѣ.

Завѣщаніе это было составлено въ 1743 году, но оно было измѣнено впослѣдствіи подъ вліяніемъ на Акиѳія Никитича второй его жены Ефимьи Ивановны, рожденной Пальцевой. По поводу этого, въ 1748 году Прокофій Акиѳіевичъ писалъ къ графу Михаилу Иларіоновичу Воронцову письмо, въ которомъ жаловался на своего отца въ слѣдующихъ словахъ: „Учинилъ мой родитель между братьями раздѣленіе, котораго отъ свѣта не слыхано и во всѣхъ государствахъ того не имѣется и что натурѣ противно. А именно пожаловалъ мнѣ только изъ движимаго и недвижимаго 5,000 рублевъ и болѣе ничего, не только чѣмъ пожаловать, но и посуду всю обобралъ и въ однихъ рубахахъ спустилъ. У регента усилился мой братъ, тогда и поминать было невозможно. Имѣю пропитаніе довольное, однако своего жаль“. Обиженный такимъ раздѣломъ, Прокофій Никитичъ завелъ тяжбу, и раздѣлъ отцовскаго имѣнія былъ съ высочайшаго разрѣшенія оконченъ

правительствомъ. Послѣ этого Прокофій Акиѳіевичъ сдѣлался богачемъ и зажилъ въ Москвѣ, отличаясь различными причудами.

Прокофій Акиѳіевичъ былъ извѣстенъ своимъ чудачествомъ и, какъ разсказываетъ Кастера, онъ въ 1778 году устроилъ въ Петербургѣ такой народный праздникъ, который, вслѣдствіе непомѣрной выпивки, былъ причиною смерти болѣе 500 человѣкъ. Впрочемъ, какъ мы уже видѣли выше, это же самое разсказывали и объ откупщикѣ Логиновѣ.

Богатство Демидовыхъ, основанное первоначально человѣкомъ промышленнымъ, простолюдиномъ, Никитою Демидовичемъ, обратилось вскорѣ въ богатство дворянское, такъ какъ въ 1720 году царскій коммиссаръ Никита Демидовъ былъ пожалованъ въ дворяне и шляхтичи, а въ 1726 году сыну его Акиѳію съ братьями выдана грамота, въ которой сказано, что они возведены въ дворянство и шляхетство по Нижнему-Новгороду. Въ недавнее время къ фамиліи Демидовыхъ перешли два княжескіе титула, такъ какъ одному изъ представителей этой фамиліи, полковнику Николаю Петровичу Демидову,—бабка котораго была княжна Екатерина Петровна Лопухина,—высочайше разрѣшено было по кончинѣ князя Павла Петровича Лопухина (нынѣ умершаго) именоваться свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ съ тѣмъ, чтобы фамилія эта присвоена была только старшему въ его родѣ. Другому представителю фамиліи Демидовыхъ, кіевскому городскому головѣ Павлу Петровичу, было высочайше разрѣшено 12 іюня 1872 года принять пожалованный ему королемъ итальянскимъ титулъ князя Санъ-Донато. Титулъ этотъ, непризнанный впрочемъ въ Россіи, носилъ еще и прежде родной его дядя, Анатолій Николаевичъ Демидовъ, женатый на родной племянницѣ Наполеона I, графинѣ Матильдѣ де-Монфоръ, дочери Іеронима Бонапарте, бывшаго короля Вестфальскаго. Онъ умеръ въ 1869 году бездѣтнымъ, и все его огромное богатство перешло къ родному его племяннику, недавно умершему князю Санъ-Донато. Анатолій Николаевичъ Демидовъ получилъ отъ отца, который былъ посланникомъ во Флоренціи, собраніе картинъ, мраморовъ, бронзы и разныхъ рѣдкостей. Для помѣщенія этого собранія было въ 1833 году заложено на Васильевскомъ

островѣ особое зданіе, такъ какъ все собранное Демидовымъ въ Италіи не могло помѣститься въ обыкновенномъ домѣ.

Несмѣтное богатство этой линіи Демидовыхъ объясняется тѣмъ, что, какъ разсказываетъ П. П. Свиньинъ, сынъ Никиты Акинѳіевича, Николай, получившій отъ своего отца 11,550 душъ, при заводахъ и вотчинахъ, оставилъ послѣ своей смерти вдвое болѣе. Онъ былъ человѣкъ бережливый и предпріимчивый, искусно управлялъ своими дѣлами въ Сибири, Америкѣ и разныхъ странахъ Европы, обращая особенное вниманіе на горнозаводское дѣло и примѣняя къ нему всѣ появлявшіяся по этой части техническія усовершенствованія.

Фамилія Демидовыхъ извѣстна своею благотворительностію на пользу общественную. Такъ Прокофій Акинѳіевичъ далъ 1.107,000 рублей на учрежденіе Воспитательнаго Дома, пожертвовалъ 100,000 рублей на народныя училища и значительную сумму на построеніе зданія для московскаго университета. Павелъ Григорьевичъ Демидовъ предоставилъ на содержаніе высшаго училища въ Ярославлѣ 3,578 душъ крестьянъ, платившихъ по 10 рублей оброку. Кромѣ того, съ этою же цѣлью онъ внесъ въ кредитныя установленія, для приращенія процентами, 100,000 рублей и особо 20,000 рублей „на распространенія училища“, которое и было открыто 25 апрѣля 1809 года подъ названіемъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища. Сверхъ того, онъ предоставилъ 100,000 рублей на открытіе университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Сынъ его Анатолій Николаевичъ Демидовъ пожертвовалъ 500,000 рублей на устройство дома для призрѣнія трудящихся.

Счастіе благопріятствовало фамиліи Демидовыхъ въ увеличеніи ихъ богатствъ, такъ какъ въ окрестностяхъ заводовъ, принадлежавшихъ наслѣдникамъ Акинѳія Никитича, найдены были золотыя розсыпи и открыта была платина. Въ то же время громадное состояніе Демидовыхъ подверглось общей участи: оно было во многихъ линіяхъ раздѣлено на мельчавшія все болѣе и болѣе части, и кромѣ того Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ, недовольный своими сыновьями, продалъ крайне дешево доставшіеся ему по наслѣдству четыре завода Саввѣ Яковлеву, родоначальнику фамиліи Яковлевыхъ, извѣстной также своимъ богатствомъ. Не смотря на это, богатства

Демидовыхъ въ концѣ прошлаго столѣтія были такъ велики, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными потомками Никиты Демидова частицъ стоила милліоны. Нерасточенное, подвергавшееся менѣе всего раздѣламъ, старинное состояніе Демидовыхъ перешло къ Анатолію Николаевичу. Разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ годовой его доходъ простирался до 2.000,000 рублей, а отъ него, какъ замѣчено выше, оно досталось племяннику его, Павлу Павловичу.

Добавимъ кстати, что въ Тулѣ и понынѣ еще существуютъ однородцы Демидовыхъ, мѣщане Антуфѣевы, къ которымъ по закону могло бы перейти все состояніе Демидовыхъ, еслибъ родъ ихъ пресѣкся въ мужскомъ и женскомъ колѣнахъ.

Въ связи съ громаднымъ богатствомъ Демидовыхъ находится въ нѣкоторой степени и замѣчательное богатство купца Владимірова, о которомъ у Гельбига сохранилось нѣсколько извѣстій. Владиміровъ, Ѳедоръ Петровичъ, наслѣдовавъ отъ отца своего, занимавшагося по тому времени обширною торговлею, 50,000 рублей, началъ свою дѣятельность около одного изъ своихъ знакомцевъ, богача Демидова. Потомъ Владиміровъ завелъ самостоятельную торговлю и женился на дочери прежняго своего хозяина, получивъ за нею въ приданое большое состояніе. Торговыя дѣла Владимірова были разнообразны и прибыльны. Онъ долгое время, и даже въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, былъ единственнымъ сахарнымъ заводчикомъ въ Россіи. Благоразуміе, смѣтливость и безпрестанныя удачи до того увеличили прибыли Владимірова по торговлѣ, что онъ, умирая въ 1792 году, имѣлъ такое состояніе, которое по тогдашнему курсу цѣнилось въ 13.000,000 рублей. Единственная дочь его, какъ говоритъ Гельбигъ, была за однимъ изъ придворныхъ сановниковъ и умерла вскорѣ послѣ смерти своего отца, не оставивъ дѣтей. Предвидя возможность такого случая, Владиміровъ составилъ завѣщаніе, по которому онъ все свое богатство отказалъ въ личную собственность императрицѣ; такимъ образомъ Екатерина II, какъ частное лицо, сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ въ Россіи. Такое посмертное распоряженіе Владимірова Гельбигъ объясняетъ тѣмъ, что зять его сильно

надоѣдалъ ему и дѣлалъ ему разныя неудовольствія. Обиженный завѣщаніемъ, зять покойнаго Владимірова сталъ домогаться, чтобы получить хоть что нибудь изъ имѣнія своего тестя, но не успѣлъ въ этомъ, не смотря на сильную поддержку со стороны князя Григорія Григорьевича Орлова.

Въ первой четверти XVIII вѣка въ Москвѣ былъ богатый купецъ Алексѣй Васильевичъ Богомоловъ; онъ имѣлъ драгоцѣнныя каменья, алмазныя вещи, золотую и серебряную посуду, червонцевъ, талеровъ и денегъ многочисленную казну, и даже Строгановъ дѣлалъ у него займы. Въ 1713 году князь Сергій Борисовичъ Голицынъ обобралъ его.

Быстрое и чрезвычайное обогащеніе людей, выходившихъ изъ простонародья, были у насъ въ XVIII вѣкѣ нерѣдки. Къ подобнымъ, наиболѣе замѣчательнымъ случаямъ, относится обогащеніе Твердышевыхъ и Мясникова: нажитое этими простолюдинами богатство поддерживаютъ еще и донынѣ многія извѣстныя у насъ княжескія, графскія и дворянскія фамиліи.

Богатствомъ своимъ Твердышевы, по преданію, обязаны были слѣдующему случаю:

Однажды Петръ Великій, у какого-то незначительнаго городка, переѣзжалъ черезъ Волгу. Гребцами на царской лодкѣ были изъ окольныхъ крестьянъ три брата, по прозванью Твердышевы. Петръ, по своему обычаю, разговорился съ ними о ихъ житьѣ-бытьѣ. Случайные собесѣдники царя показались ему людьми подходящими для болѣе важной работы, нежели перевозничество: они были ребята смѣтливые и бойкіе. „Чего вы тутъ сидите? сказалъ государь:— шли бы вы промышлять на Уралъ; посмотрѣли бы вы, что дѣлаетъ у меня тамъ Демидовъ, да и сами принялись бы за такую же работу“.—„Батюшка-государь, возразилъ одинъ изъ Твердышевыхъ,—и рады были бы мы идти на Уралъ по твоему приказу, да лиха бѣда: идти туда не съ чѣмъ, денегъ у насъ нѣтъ“. Петръ приказалъ выдать Твердышевымъ на починъ 500 рублевъ, и съ этою царскою дачею они начали трудиться и промышлять.

Есть впрочемъ свѣдѣніе, что одинъ изъ Твердышевыхъ, по имени Осипъ, принадлежавшій къ гостиной сотнѣ, имѣлъ еще въ 1691 году лавки въ Симбирскѣ около крѣпости. Въ 1720 году онъ, вмѣстѣ съ другими значительными русскими

купцами, образовалъ компанію для усовершенствованія производства суконъ въ Москвѣ. Этой компаніи Петръ Великій далъ разныя преимущества; неизвѣстно, однако, чѣмъ кончилось это предпріятіе и успѣлъ ли Осипъ Твердышевъ хорошо нажиться на немъ.

Что же касается упомянутыхъ выше Твердышевыхъ, то начало ихъ богатства относятъ иные не къ царствованію Петра Великаго, но къ царствованію Анны Ивановны или къ началу государствованія императрицы Елизаветы. Изъ „Русской Родословной Книги“ (изданіе „Русской Старины“ 1873 года) видно, что около этого времени два брата Твердышевы, Иванъ и Яковъ Борисовичи, родомъ изъ Симбирска, и вѣроятно родственники Осипа Твердышева, вмѣстѣ съ Иваномъ Семеновичемъ Мясниковымъ, женатымъ на ихъ сестрѣ Татьянѣ Борисовнѣ, задумали, по примѣру Никиты Демидова, искать счастья въ рудныхъ промыслахъ. Они отправились въ Оренбургскій край, тогда еще совершенно пустынный, и открыли тамъ въ разныхъ мѣстахъ, на западномъ склонѣ Уральскихъ горъ, богатую желѣзную и мѣдную руду, и съ 1742 года по 1762 годъ устроили рядъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти свѣдѣній о томъ, какъ шли дѣла Твердышевыхъ, которые за ихъ труды были, въ 1760 году, награждены потомственнымъ дворянствомъ съ пожалованіемъ ихъ въ коллежскіе ассесоры. Конечный же результатъ ихъ дѣятельности былъ тотъ, что они имѣли, кромѣ громадныхъ капиталовъ, 8 заводовъ и 76,000 душъ крестьянъ.

Замѣтимъ кстати, что разсказанное нами преданіе о денежной помощи Твердышевымъ со стороны Петра не противорѣчитъ нисколько съ приводимыми послѣ того о нихъ свѣдѣніями. Очень легко могло быть, что замѣтная ихъ дѣятельность на Уралѣ началась только послѣ смерти Петра Великаго, такъ какъ въ началѣ имъ не легко было прокладывать себѣ дорогу, особенно если вспомнить тѣ препятствія, какія при подобномъ предпріятіи испытывалъ Никита Демидовъ, не смотря на покровительство, оказываемое ему постоянно Петромъ Великимъ.

Братья Твердышевы умерли: Иванъ въ 1773 году, а Яковъ въ 1783 году. Первый былъ бездѣтенъ, а у втораго осталась

дочь Татьяна, вышедшая замужъ за Гаврила Ильича Бибикова, отца умершихъ уже нынѣ Дмитрія и Ильи Гавриловичей Бибиковыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а другой генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. Но Татьяна Борисовна Бибикова умерла гораздо раньше своего отца бездѣтною, а у Бибикова были дѣти только отъ втораго брака; потому все огромное состояніе Твердышевыхъ и Мясникова перешло къ четыремъ дочерямъ послѣдняго: Иринѣ, Дарьѣ, Аграфенѣ и Екатеринѣ, причемъ на долю каждой изъ нихъ досталось по 2 завода и по 19,000 душъ крестьянъ.

Эти богатыя, хотя и незнатныя невѣсты составили себѣ слѣдующія партіи.

Ирина вышла за Петра Аѳанасьевича Бекетова, и такъ какъ единственный ея сынъ отъ этого брака умеръ холостымъ, то все приданое Ирины Мясниковой перешло къ двумъ ея дочерямъ. Изъ нихъ одна, Екатерина Петровна, была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Кушниковымъ, и рожденная отъ этого брака дочь Софія Сергѣевна вышла замужъ за упомянутаго выше Дмитрія Гавриловича Бибикова; другая, Елена Петровна,—за Александромъ Дмитріевичемъ Балашевымъ, бывшимъ министромъ полиціи при императорѣ Александрѣ I.

Дарья Мясникова вышла за Александра Ильича Пашкова, имѣвшаго и безъ того большое состояніе, а черезъ фамилію Пашковыхъ часть твердышево-мясниковскаго богатства перешла, вслѣдствіе браковъ, къ князьямъ Долгоруковымъ и къ князьямъ Васильчиковымъ, къ графамъ Левашевымъ и къ Дмитрію Васильевичу Дашкову, бывшему министромъ юстиціи.

Аграфена Мясникова вышла замужъ за бригадира Алексѣя Николаевича Дурасова. Доля ея раздѣлилась между мужскимъ потомствомъ Дурасовыхъ, а часть перешла къ ея внучкѣ, графинѣ Толстой, бывшей замужемъ за московскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Андреемъ Арсеньевичемъ Закревскимъ.

Младшая дочь Мясникова, Екатерина Ивановна, вступила въ бракъ съ Григоріемъ Васильевичемъ Козицкимъ, статсъ-секретаремъ Екатерины II, происходившимъ отъ стариннаго, но обѣднѣвшаго рода изъ волынской шляхты. Козицкіе имѣли

двухъ дочерей; изъ нихъ Анна Григорьевна была замужемъ за княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Этому браку князья Бѣлосельскіе (получившіе при императорѣ Павлѣ, какъ старшіе въ родѣ князей Бѣлозерскихъ, изъ Рюриковичей, прибавочную фамилію Бѣлозерскихъ) обязаны главнымъ образомъ своимъ нынѣшнимъ богатствомъ. Другая же дочь Козицкихъ, Александра Григорьевна, была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Иваномъ Степановичемъ Лавалемъ. Единственный сынъ ихъ умеръ холостымъ въ 1825 году, а вслѣдствіе брака ихъ дочерей часть твердышевско-мясниковскаго состоянія перешла къ австрійскимъ графамъ Лебцельтернамъ и къ князьямъ Трубецкимъ,—такъ какъ вторая графиня Лаваль была за княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Трубецкимъ (декабристомъ),—а также къ графамъ Коссаковскимъ и графамъ Борхамъ.

Говоря о фамиліи князей Бѣлосельскихъ, замѣтимъ, что кромѣ состоянія, внесеннаго въ нее бракомъ князя Александра Михайловича съ Козицкою, внукою богача Мясникова, и два другіе брака содѣйствовали увеличенію ея состоянія. Такъ, отецъ князя Александра Михайловича былъ женатъ на графинѣ Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой (род. 1711 года, † 1760 г.), одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи того времени, а старшій братъ его, князь Андрей Михайловичъ († 1779 г.), женился на дочери богача Наумова. Отецъ далъ за нею въ приданое Кіасовскую волость, въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губерніи, состоявшую изъ 4,000 душъ. Болотовъ, какъ управлявшій этою волостью, разсказываетъ подробности о продажѣ ея въ казну въ 1774 году. Она была продана за 120,000 руб., и эта сумма, выплаченная княгинѣ серебромъ, составила такую массу денегъ, что ихъ повезли къ продавщицѣ въ фурѣ, запряженной въ шесть лошадей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Наши богачи XVIII вѣка. — Графы Скавронскіе, Ефимовскіе и Гендриковы. — Баронъ И. А. Корфъ. — Графъ Гурьевъ. — Братья Левенвольды. — Петръ Сапѣга. — Богатства, пріобрѣтенныя князьями Долгорукими. — Ихъ погибель. — Князья Юсуповы. — Богатство ихъ предковъ. — Увеличеніе его впослѣдствіи. — Князья Черкасскіе. — Переходъ имѣній одной ихъ линіи къ графамъ Шереметевымъ. — Конфискація имѣній у другой линіи.

Прошлое столѣтіе было у насъ порою необыкновенно быстрыхъ и вовсе неожиданныхъ возвышеній. Тогда въ среду старинной русской знати вступали безпрестанно люди съ именами, прежде совершенно неизвѣстными. Они получали почетные титулы, высокіе чины, важныя придворныя должности и значительное, а иногда даже и громадное богатство, и вдобавокъ къ этому, они роднились съ извѣстными фамиліями. Къ числу такихъ быстро возвысившихся лицъ принадлежали и графы Скавронскіе.

Разсказываютъ, что родной братъ Екатерины Алексѣевны,— называвшейся прежде Михайловой, Василевской, а потомъ Скавронской, второй супруги императора Петра Великаго,— Ѳедоръ, былъ ямщикомъ на большой дорогѣ между Петербургомъ и Ригою. Обиженный однажды кѣмъ-то изъ проѣзжавшихъ, онъ намекнулъ на свое родство съ императрицею. Слухи объ этомъ дошли до Петра Великаго, чуждавшагося всякихъ аристократическихъ предубѣжденій, и онъ приказалъ отыскать родственниковъ своей жены и представить ихъ ей. Ближайшими изъ нихъ оказались два родные брата и двѣ родныя

сестры. Старшій изъ братьевъ былъ Карлъ, другой — упомянутый выше ямщикъ Ѳедоръ Самуйловичъ. При жизни Петра Великаго они оставались однако въ деревнѣ, на родинѣ, и только предписано было, чтобы мѣстное начальство пеклось объ нихъ и чтобъ они ни въ чемъ не нуждались. Вступивъ на престолъ, Екатерина вызвала въ Петербургъ свою родню, и оба ея брата получили въ 1727 году графское достоинство и огромное богатство. Изъ сестеръ императрицы, Христина (род. 1687 г., † 1729 года) была замужемъ за крестьяниномъ Симономъ-Генрихомъ, названнымъ потомъ Симономъ Леонтьевичемъ Гендриковымъ, а младшая была замужемъ тоже за крестьяниномъ Михелемъ-Іоахимомъ, названнымъ потомъ Михайломъ Ефимовичемъ Ефимовскимъ. Обѣ эти фамиліи получили въ 1742 году графское достоинство, но о данныхъ имъ имѣніяхъ свѣдѣній намъ не встрѣчалось, хотя, по всей вѣроятности, и Гендриковы, и Ефимовскіе были щедро одарены императрицею Елизаветою.

Что же касается графовъ Скавронскихъ, то одинъ изъ нихъ, Ѳедоръ Самуиловичъ, умеръ бездѣтнымъ, а у втораго были три сына, но они умерли не оставивъ ни сыновей, ни дочерей, такъ что всѣ имѣнія графовъ Скавронскихъ перешли къ одному изъ нихъ—генералъ-аншефу, оберъ-гофмейстеру и андреевскому кавалеру графу Мартыну Карловичу, родившемуся въ 1714 году, слѣдовательно, еще въ самой бѣдной долѣ и потомъ случайно сдѣлавшемуся однимъ изъ болѣе видныхъ русскихъ вельможъ, и вдобавокъ къ этому, бывшему двоюроднымъ братомъ императрицы Елизаветы Петровны. Собственное состояніе графа Мартына Карловича увеличилось еще болѣе вслѣдствіе особой благосклонности къ нему его двоюродной сестры, императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала ему, между прочимъ, богатое село Кимры, принадлежавшее изстари князьямъ Ромодановскимъ и конфискованное у графини Екатерины Ивановны Головкиной, рожденной княжны Ромодановской, а также и вслѣдствіе женитьбы его на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгановой. Сестры его были замужемъ: графиня Софія Карловна за камергеромъ графомъ Петромъ Сапѣгою, графиня Екатерина Карловна за генералъ-аншефомъ барономъ Николаемъ Ан-

дреевичемъ Корфомъ и графиня Анна Карловна — за государственнымъ канцлеромъ графомъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. О Сапѣгѣ и Воронцовѣ мы будемъ имѣть случай говорить особо, а теперь замѣтимъ, что баронъ Корфъ, человѣкъ самъ по себѣ небогатый, получилъ за женою, по словамъ Болотова, „многочисленныя помѣстья“. Будучи назначенъ правителемъ завоеваннаго нами королевства прусскаго, онъ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ „съ превеликою помпою“ и зажилъ тамъ по-царски, расточая получаемые имъ доходы съ помѣстій, а также и свое огромное жалованье. Онъ умеръ въ 1766 году бездѣтнымъ.

Послѣ смерти графа Мартына Карловича Скавронскаго, въ 1776 году, все огромное его богатство досталось единственному, оставшемуся въ живыхъ, его девятнадцатилѣтнему сыну, графу Павлу Мартыновичу.

Этотъ молодой богачъ былъ большой чудакъ. Онъ пристрастился къ музыкѣ и къ Италіи. Живя въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи и Римѣ, онъ сочинялъ тамъ преплохія музыкальныя піесы, давалъ концерты и, какъ разсказываетъ Вигель, довелъ свою любовь къ музыкальнымъ упражненіямъ до того, что прислуга его могла говорить съ нимъ не иначе, какъ речитативомъ. Когда этотъ чудакъ-милліонеръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія по Италіи, явился въ Петербургъ, то всѣ знатныя невѣсты смотрѣли на него какъ на самаго желаннаго жениха. Но князь Потемкинъ, самъ чудившій порядкомъ, задумалъ выдать за графа Скавронскаго одну изъ своихъ племянницъ Екатерину Васильевну Энгельгардтъ. Между тѣмъ Скавронскій не думалъ вовсе о брачныхъ узахъ. Устроить это дѣло взялся Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, будущій министръ финансовъ и графъ. Онъ былъ знакомъ съ Скавронскимъ, чрезвычайно полюбился ему и вмѣстѣ съ нимъ странствовалъ по Италіи въ качествѣ меломана и усерднаго слушателя его музыки. Когда предполагаемый бракъ состоялся, то графъ Скавронскій подарилъ своему свату, въ знакъ памяти и дружбы, 3,000 душъ, а самъ Гурьевъ, женившись на Прасковьѣ Николаевнѣ Салтыковой, взялъ за нею порядочное приданое и слылъ въ свое время весьма богатымъ человѣкомъ.

У графа Павла Мартыновича Скавронскаго (род. 1757, † 1794 года) не было сыновей и съ нимъ пресѣклось мужское поколѣніе графовъ Скавронскихъ. Изъ двухъ его дочерей старшая, графиня Екатерина Павловна, была замужемъ за прославленнымъ героемъ 1812 года, княземъ Петромъ Ивановичемъ Багратіономъ, а послѣ смерти его вышла вторично замужъ за лорда Гоудена. Младшая же дочь графа Павла Мартыновича, Марія Павловна, была сперва за графомъ Павломъ Петровичемъ Паленомъ, но развелась съ нимъ, въ 1804 году, и вышла замужъ за графа Адама Петровича Ожаровскаго.

Отъ браковъ Скавронскихъ съ княземъ Багратіономъ и графомъ Ожаровскимъ дѣтей не было. Отъ брака же графини Маріи Павловны съ графомъ Паленомъ осталась одна дочь, бывшая замужемъ сперва за графомъ Николаемъ Александровичемъ Самойловымъ, потомъ за французскимъ докторомъ Перри и, наконецъ, за французскимъ графомъ де-Морне. Такъ какъ со смертію графа Самойлова родъ его пресѣкся, то принадлежавшія графамъ Скавронскимъ имѣнія, если они не были признаны выморочными, могли перейти къ лордамъ Гоуденамъ, господамъ Перри и графамъ де-Морне. Намъ неизвѣстно, впрочемъ, были ли изъ числа означенныхъ лицъ такія, которыя предъявили бы свое право на эти имѣнія. Послѣ же нихъ ближайшими представителями наслѣдственныхъ правъ фамиліи Скавронскихъ должны были быть потомки графини Анны Михайловны Строгановой, рожденной графини Воронцовой, мать которой, какъ мы видѣли, была дочь графа Карла Мартыновича Скавронскаго.

Въ кратковременное царствованіе императрицы Екатерины I значительно увеличилось богатство всемогущаго при ней князя Александра Даниловича Меншикова, а также явились въ числѣ русскихъ богачей графъ Рейнгольдтъ Левенвольдъ и Янъ Сапѣга, представитель одной изъ знаменитѣйшихъ литовско-польскихъ фамилій, пожалованный чиномъ генералъ-фельдмаршала русской службы и андреевскою лентою. Графъ Левенвольдъ и сынъ Сапѣги, камергеръ Петръ Ивановичъ, пользовались особеннымъ расположеніемъ императрицы. Первый изъ нихъ получилъ большія помѣстья и значительныя

денежныя суммы. Впослѣдствіи, при Аннѣ Ивановнѣ онъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и, завѣдуя всѣмъ придворнымъ хозяйствомъ, отлично набивалъ свои карманы. Никто изъ современниковъ графа Рейнгольдта Левенвольда не превосходилъ его щегольствомъ нарядовъ и безпримѣрною до того времени роскошью домашней обстановки. Левенвольдъ былъ очень близокъ и къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, а потому императрица Елизавета Петровна, удаливъ отъ престола брауншвейгскую фамилію, подвергла опалѣ и Левенвольда, какъ одного изъ самыхъ усердныхъ приверженцевъ этой фамиліи. Всѣ помѣстья и капиталы его были конфискованы, а самъ онъ сосланъ въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Младшій братъ его, генералъ-поручикъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Бирона, былъ также человѣкомъ весьма богатымъ: черезъ руки его проходили громадныя казенныя суммы, которыя предоставлялись въ безотчетное его распоряженіе для достиженія разныхъ политическихъ цѣлей. Старшій изъ братьевъ Левенвольдовъ не былъ женатъ, а у младшаго, умершаго въ 1735 году, дѣтей не было.

Что же касается Петра Сапѣги, то Екатерина I пожаловала отцу его огромныя помѣстья, а самъ онъ былъ обрученъ съ княжною Маріею Александровною Меншиковою. Когда же княжна была назначена въ супруги великому князю Петру Алексѣевичу, то Петръ Ивановичъ Сапѣга женился на родной племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской. Вслѣдствіе этого брака, родовитый литовскій магнатъ сдѣлался чрезвычайно богатымъ на счетъ дочери прежняго литовскаго крестьянина. Сапѣга не считалъ однако прочнымъ свое положеніе въ Россіи и потому, продавъ пожалованныя ему императрицею недвижимыя имѣнія, уѣхалъ къ себѣ на родину—въ Литву, увезя туда съ собою до 2.000,000 тогдашнихъ нашихъ серебряныхъ рублей.

Такъ какъ сынъ Петра Сапѣги отъ Скавронской умеръ въ дѣтствѣ, а отъ втораго брака Сапѣга дѣтей не имѣлъ, то все пріобрѣтенное имъ въ Россіи богатство,—если только оно не было прожито имъ самимъ,—должно было перейти къ родственникамъ его, князьямъ Сапѣгамъ, изъ которыхъ одинъ,

при проѣздѣ императрицы Екатерины II черезъ Могилевъ, проигралъ тамъ все свое громадное состояніе. Затѣмъ, вслѣдствіе браковъ, богатство Петра Сапѣги должно было раздѣлиться между князьями Яблоновскими, Любомірскими, Сангушками и графами Потоцкими. Впрочемъ всѣ эти фамиліи и безъ того принадлежали къ числу богатѣйшихъ магнатскихъ родовъ въ Литвѣ и Польшѣ.

При преемникѣ Екатерины I, императорѣ Петрѣ II, по низложеніи князя Меньшикова, успѣло весьма быстро возникнуть громадное богатство князей Долгорукихъ. До той поры родъ ихъ, не смотря на свое знаменитое происхожденіе отъ Рюрика и князя Юрія, по прозванію Долгорукаго, основателя Москвы, а также и на родство съ царскимъ домомъ, вслѣдствіе брака царя Михаила Ѳедоровича съ княжною Маріею Владиміровною Долгорукою, не отличался особеннымъ богатствомъ. Послѣ ссылки Меньшикова, князья Долгорукіе, какъ извѣстно, заняли при дворѣ самое видное мѣсто. Обрученіе княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой съ императоромъ доставило отцу ея, князю Алексѣю Григорьевичу, громадное состояніе, такъ какъ въ день совершенія этого обряда онъ получилъ разомъ 44,000 душъ. Въ тоже время въ семействѣ Долгорукихъ готовился и другой еще бракъ, такъ какъ графиня Наталія Борисовна Шереметева была обручена съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, любимцемъ императора. О богатствѣ Долгорукихъ въ эту пору даетъ между прочимъ понятіе то, что обручальный перстень жениха стоилъ 12,000, а перстень невѣсты 6,000 рублей.

Неожиданная кончина царственнаго жениха уничтожила могущество князей Долгорукихъ, а конфискація развѣяла все ихъ богатство. Послѣ паденія князей Долгорукихъ, на нихъ, по обычаю того времени, посыпались обвиненія въ неправильно пріобрѣтенныхъ богатствахъ. Изъ Долгорукихъ, князя Алексѣя и сына его, князя Ивана, обвиняли въ томъ, что они совершенно обобрали сокровища дворца: драгоцѣнные камни, серебряную посуду, украшенія всякаго рода, наличныя деньги, дорогую мебель, экипажи и охотничьи принадлежности. Все захваченное ими цѣнилось въ общей стоимости на 1.500,000 рублей. Они, какъ говорятъ, не пощадили даже и церковнаго

имущества, такъ какъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій приказалъ вынуть и взялъ себѣ драгоцѣнные камни, которыми были украшены нѣкоторые предметы, принадлежавшіе московскому Успенскому собору, какъ-то: евангеліе, скипетръ и серебряные сосуды. Испанскій посолъ, герцогъ де-Лирія, разсказываетъ, что князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ былъ назначенъ для истребованія отчета въ администраціи отъ государева фаворита князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, а истребованіе такого же отчета отъ его отца было возложено на генерала Андрея Ѳедоровича Ушакова. Они, по словамъ де-Лирія, успѣли присвоить себѣ весьма многое, въ томъ числѣ однихъ серебряныхъ издѣлій и брилліантовыхъ вещей почти на 600,000 рублей. Впродолженіе трехъ дней, между 6-мъ и 9-мъ числами марта, они возвратили въ казну бо́льшую часть присвоеннаго ими, а изъ обвинительнаго противъ нихъ манифеста видно, что отъ нихъ было отобрано все захваченное ими.

Страшная участь, постигшая князей Долгорукихъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, извѣстна. Трое изъ нихъ были казнены, а имѣнія ихъ конфискованы. Только старшая линія этой фамиліи, которой не коснулись опала и конфискація, удержала свои родовыя, довольно значительныя имѣнія. Когда при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ семейство пострадавшихъ Долгорукихъ было возвращено изъ ссылки, то не смотря, что послѣ ихъ паденія всѣ близкіе ко двору съ жадностію накинулись на отписанныя у нихъ деревни, всетаки изъ принадлежавшихъ имъ прежде помѣстій оставалось еще 16,000 душъ крестьянъ, не розданныхъ другимъ лицамъ. Просьбы о возвращеніи имъ этого имѣнія были безуспѣшны, и княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, вмѣстѣ съ ея сыновьями, было дано только 2,700 душъ. Это незначительное, сравнительно съ прежнимъ, имѣніе раздробилось впослѣдствіи между ея многочисленнымъ потомствомъ, такъ что теперь линія князей Долгорукихъ, происходящая отъ князя Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, едва ли владѣетъ какимъ нибудь, хотя бы самымъ скуднымъ остаткомъ своего прежняго богатства. Родство съ графами Шереметевыми не внесло также никакого состоянія въ эту линію. Братъ княгини Натальи Борисовны

отличался скупостью и не хотѣлъ помочь своей сестрѣ; сама же она въ роковую минуту не думала нисколько даже о сохраненіи такихъ драгоцѣнностей, которыя были у нея подъ рукою. „Вижу,—пишетъ въ своихъ „Запискахъ“ княгиня,—что свекровь и золовки при отъѣздѣ очень много берутъ изъ брилліантовъ и галантереи, все по карманамъ прячутъ, а мнѣ до того и нужды не было“.

Изъ другихъ князей Долгорукихъ, извѣстныхъ при Петрѣ II, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій (род. 1667 г.), крестный отецъ императрицы Елизаветы Петровны, будучи уже генералъ-поручикомъ и андреевскимъ кавалеромъ, лишился въ 1718 году, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, чиновъ, ленты и всего имѣнія и былъ отправленъ въ ссылку въ Казань. При вступленіи на престолъ императрицы Екатерины I, онъ былъ принятъ снова въ службу бригадиромъ, и ему было отдано назадъ все его имѣніе. Петръ II пожаловалъ его генералъ-фельдмаршаломъ и далъ весьма значительное имѣніе, состоявшее слишкомъ изъ 1000 крестьянскихъ дворовъ. Но князь Василій Владиміровичъ недолго пользовался этимъ пожалованіемъ. Въ 1731 году, по повелѣнію Анны Ивановны, все его имѣніе было снова конфисковано, а самъ онъ сосланъ сперва въ Ивангородъ, и потомъ подальше—въ Соловецкій монастырь. Императрица Елизавета Петровна возвратила ему все отнятое у него. Онъ умеръ въ 1746 году бездѣтнымъ, и имѣніе его перешло къ роднымъ его братьямъ, въ числѣ которыхъ былъ предокъ князя Владиміра Андреевича Долгорукаго, нынѣшняго московскаго генералъ-губернатора.

Говоря о тѣхъ частныхъ богатствахъ, которыя были извѣстны у насъ въ прошлое столѣтіе, слѣдуетъ теперь перейти къ богатствамъ, принадлежавшимъ князьямъ Юсуповымъ и князьямъ Черкасскимъ.

Нынѣшнее колоссальное богатство князей Юсуповыхъ составилось главнымъ образомъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, хотя они и до того времени принадлежали къ людямъ весьма богатымъ. Родоначальникъ ихъ Юсуфъ былъ владѣтелемъ Ногайской Орды, кочевавшей отъ южной части Яика до береговъ Волги. Сыновья Юсуфа прибыли въ 1563 году въ

Москву, и такъ какъ московскіе цари держались той политики, чтобъ давать знатнымъ татарамъ большія помѣстья, то и сыновья Юсуфа были пожалованы многими селами и деревнями въ Романовскомъ округѣ (нынѣ Романовско-Борисоглѣбскій уѣздъ Ярославской губерніи), а поселенные тамъ татары и казаки были подчинены имъ. Впослѣдствіи одному изъ сыновей Юсуфа, Иль-Мурзѣ, съ сыновьями его Сеюшъ-Мурзою и братьями Сеюша, приданы были нѣкоторыя дворцовыя села. Царь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ Иль-Мурзу всѣми доходами съ его помѣстій, тогда какъ прежде часть собираемыхъ съ нихъ денегъ зачиталась въ жалованье ему и служившимъ подъ его начальствомъ татарамъ и казакамъ. Такъ называемый Лжедимитрій подтвердилъ это. Тушинскій царикъ пожаловалъ Иль-Мурзу, его сына Сеюша и племянника Романовскимъ посадомъ (нынѣ уѣздный городъ Романовъ, Ярославской губерніи), судомъ, пошлинами, оброкомъ, таможеннымъ, питейнымъ, мытнымъ и перевознымъ сборами, со всѣми доходами и рыбною ловлею, а также многими селами, деревнями и пустошами, со всѣми крестьянами и угодьями, не въ помѣстье, но въ вотчину. Это обратило временное владѣніе Иль-Мурзы въ наслѣдственное. Крестьянамъ приказано было слушаться вотчинниковъ, пахать для нихъ землю, платить имъ оброкъ и не поступать отъ нихъ ни къ боярамъ, ни къ окольничимъ, ни къ патріарху, ни къ митрополиту, ни къ владыкамъ, ни за монастыри, и никому не дозволено было вывозить ихъ. Грамота эта была завѣрена собственноручно въ Коломенскомъ становищѣ самозванцемъ. Но такъ какъ для соблюденія существовавшаго тогда порядка слѣдовало записать ее въ книгахъ помѣстнаго приказа, находившагося въ Москвѣ, то въ грамотѣ и была сдѣлана оговорка: „когда мы будемъ прародителей нашихъ на престолѣ въ Москвѣ, пожалуемъ, велимъ записать ту вотчину въ книгѣ“.

Иль-Мурза умеръ въ 1611 году, а сынъ его Сеюшъ, имѣя эту грамоту, билъ челомъ боярамъ и всей землѣ русской, чтобы помѣстья отца его были утверждены за нимъ въ вотчину и чтобы всѣ романовскіе казаки отданы были въ его вѣдомство съ назначеніемъ отправлять ему, вмѣстѣ съ ними, земскую службу. Бояре князь Воротынскій и Заруцкій, „по со-

вѣту всей земли", исполнили просьбу Сеюша, а царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по вступленіи на престолъ, утвердилъ это распоряженіе. Потомки Юсуфа оставались въ магометанствѣ до временъ царя Алексѣя Михайловича, когда правнукъ Юсуфа, Абдулъ-Мурза, крестился съ именемъ князя Дмитрія Сеюшевича Юсупово-Княжево. Онъ былъ владѣльцемъ огромнаго имѣнія, но, какъ видно, плохо подготовленный къ соблюденію уставовъ православной церкви, подпалъ царской опалѣ по слѣдующему случаю: онъ вздумалъ у себя на обѣдѣ поподчивать гусемъ патріарха Іоакима; вдобавокъ къ этому, день былъ постный и такимъ образомъ обнаружилось, что князь Юсуповъ не только вводилъ въ соблазнъ первосвятителя земли русской, но и самъ нарушалъ уставъ церкви относительно постовъ.

За это князя Дмитрія Сеюшевича поподчивали отъ имени царя кнутомъ и отняли у него все имѣніе, но вскорѣ царь смиловался и возвратилъ отобранное.

Однажды правнукъ Дмитрія Сеюшевича обѣдалъ у Екатерины Великой. На столъ былъ поданъ гусь.—„Умѣете ли вы, князь, разрѣзать гуся?" спросила Екатерина Юсупова.—„О, гусь долженъ быть очень памятенъ моей фамиліи!" отвѣчалъ князь, и при этомъ разсказалъ случай, бывшій, по поводу гуся, съ его предкомъ, „Я отняла бы у него все имѣніе потому, что оно дано было ему съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не ѣлъ скоромнаго въ постные дни",—замѣтила шутливо по поводу этого разсказа императрица.

Богатство князей Юсуповыхъ не зависѣло впрочемъ отъ одной лишь постной ѣды, но оно умножалось и подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ.

По смерти князя Дмитрія Юсупова, имѣніе его раздѣлилось между тремя его сыновьями, причемъ романовское имѣніе досталось сыну его князю Григорію Дмитріевичу. Ему фамилія Юсуповыхъ обязана преимущественно своимъ богатствомъ, которое сохранилось донынѣ въ нисходящемъ отъ него потомствѣ, тогда какъ другая отрасль князей Юсуповыхъ, имѣнія которой не увеличивались, но только постоянно дробились, пришла въ упадокъ, и нынѣ представители ея принадлежатъ къ невысокому чиновничеству.

Въ 1717 году князь Григорій Дмитріевичъ былъ назначенъ въ числѣ другихъ лицъ изслѣдовать злоупотребленія князя Кольцова-Масальскаго по соляному сбору въ Бахмутѣ и получилъ за это часть имѣній князя Масальскаго, повѣшеннаго Петромъ Великимъ. Ему же былъ порученъ розыскъ надъ Соловьевымъ, переводившимъ въ заграничные банки милліоны, принадлежавшіе князю Меншикову. Онъ же производилъ слѣдствіе о казенныхъ вещахъ, утаенныхъ оберъ-камергеромъ княземъ Иваномъ Долгорукимъ. Вдобавокъ къ этому онъ занимался чрезвычайно прибыльною въ то время провіантскою и интендантскою частью, а также строилъ суда. Петръ II подарилъ ему въ Москвѣ обширный домъ въ приходѣ Трехъ-Святителей, а въ 1729 году пожаловалъ ему въ вѣчное потомственное владѣніе многія изъ отчисленныхъ въ казну деревень князя Меншикова, въ Бѣлгородской губерніи, и дворъ его же, Меншикова, находившійся въ Бѣлгородѣ, и въ Нижегородскомъ уѣздѣ отписанное у князя Прозоровскаго имѣніе съ подгородною слободою. Онъ умеръ въ 1730 году, предоставивъ тремъ своимъ сыновьямъ раздѣлить недвижимое имѣніе поровну, а движимое полюбовно. Но такъ какъ двое изъ его сыновей умерли бездѣтны, то все его имѣніе перешло къ одному его сыну, князю Борису Григорьевичу (р. 1696 г., † 1759 г.), который пользовался особымъ расположеніемъ Бирона, и при конфискаціи имѣнія князя Дмитрія Михайловича Голицына получилъ отъ императрицы Анны Ивановны извѣстное подмосковное село Архангельское. Село это окружено очаровательнымъ садомъ съ фонтанами; въ теплицахъ его вмѣщается болѣе 2000 померанцевыхъ деревьевъ, въ домѣ находится галлерея древнихъ мраморныхъ статуй. Вообще это имѣніе даетъ вѣрное понятіе о самыхъ роскошныхъ итальянскихъ виллахъ. Библіотека въ Архангельскѣ состоитъ изъ 30,000 томовъ, въ числѣ которыхъ до 500 такъ дорого стоющихъ эльзивировскихъ изданій; въ этой библіотекѣ хранится также Библія, напечатанная въ 1462 году. Такъ роскошно устроилъ Архангельскъ князь Николай Борисовичъ (род. 1751 г., † 1831 года), собиравшій въ теченіе 30 лѣтъ картинную галлерею и разные драгоцѣнные и рѣдкіе предметы. При немъ въ Архангельскѣ была заведена труппа актеровъ и

устроенъ театръ, декораціи для котораго рисовалъ знаменитый Гонзаго.

На всѣ эти затѣи у князя Николая Борисовича было довольно средствъ, доставшихся ему отъ отца, состояніе котораго увеличилось еще болѣе, когда въ 1759 году императрица Елизавета Петровна пожаловала ему въ вѣчное потомственное владѣніе, въ Полтавской губерніи, въ селѣ Ряшкахъ, казенную суконную фабрику со всѣми станами, инструментами, мастеровыми и съ приписнымъ къ ней селомъ, предоставивъ князю Юсупову пользоваться всѣми помѣщичьими доходами по этому имѣнію съ тѣмъ, чтобъ онъ выписалъ въ это имѣніе, для разведенія, голландскихъ овецъ и привелъ фабрику въ лучшее устройство. Съ своей стороны князь Юсуповъ обязался поставлять въ казну ежегодно сперва 17,000 арш. сукна всякихъ цвѣтовъ, а потомъ, по мѣрѣ улучшенія фабрики, довелъ это количество до 20,000 и наконецъ до 30,000 аршинъ.

Со временемъ богатство этой линіи князей Юсуповыхъ сдѣлалось еще громаднѣе вслѣдствіе брака князя Бориса Николаевича съ Татьяною Васильевною Потемкиною, рожденною Энгельгардтъ, родною племянницею Потемкина-Таврическаго. Въ жизни этой богачки представляется замѣчательное обстоятельство, а именно: пріѣхавшая при Екатеринѣ Великой въ Петербургъ, сильно чудившая, герцогиня Кенигстонъ, графиня Вартъ, такъ полюбила молодую еще въ то время Татьяну Васильевну Энгельгардтъ, что хотѣла взять ее съ собою въ Англію и передать ей все свое несмѣтное состояніе. Герцогиня пріѣхала въ Петербургъ на собственной великолѣпной яхтѣ, имѣвшей садъ и убранной картинами и статуями; при ней, кромѣ многочисленной прислуги, находился оркестръ музыки. Татьяна Васильевна не согласилась на предложеніе герцогини и, овдовѣвъ послѣ перваго мужа Потемкина, вышла, въ 1795 году, за князя Юсупова. Она сама управляла всѣмъ имѣніемъ и, живя скромно, умножила еще болѣе доходы и свои собственные, и своего мужа. Она отличалась только одною дорого стоившею ей страстью—собирать брилліанты. Ею между прочимъ былъ купленъ знаменитый брилліантъ, называемый „Полярная звѣзда“; она купила также діадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и жемчужину,

извѣстную подъ именемъ „Перегрина“, стоившую 200,000 рублей и принадлежавшую нѣкогда королю испанскому Филиппу II. Кромѣ того у нея было огромное собраніе каменьевъ, сердоликовъ и ониксовъ, съ вырѣзанными на нихъ эмблемами и девизами.

Замѣчательно, что въ этой линіи князей Юсуповыхъ, какъ и въ младшей линіи графовъ Шереметевыхъ, оставался постоянно въ живыхъ одинъ только наслѣдникъ; поэтому все имѣніе князей Юсуповыхъ перешло, какъ майоратъ, безраздѣльно къ князю Николаю Борисовичу, который заслуживаетъ вниманіе въ томъ отношеніи, что, не смотря на свое богатство и знатность, выдержалъ въ 1815 г. съ успѣхомъ экзаменъ въ педагогическомъ институтѣ.

Невѣстъ въ этой линіи Юсуповыхъ было немного, да и на долю ихъ давалось немного. Такъ, по завѣщанію княгини Анны Никитичны, умершей въ 1735 году, дочери ея къ выдачѣ назначено было въ годъ только 300 рублей, да изъ хозяйственныхъ статей 100 ведеръ вина, 9 быковъ и 60 барановъ. При выдачѣ же замужъ княжны Евдокіи Борисовны за герцога Курляндскаго Петра Бирона, дано было въ приданое только 15,000 рублей съ обязательствомъ со стороны отца невѣсты снабдить будущую герцогиню алмазнымъ уборомъ и другими снарядами съ означеніемъ цѣны каждой вещи.

Вообще Юсуповы вели свои дѣла весьма исправно, не расточая наживаемыхъ ими богатствъ, но стараясь собирать ихъ, чему между прочимъ можетъ служить договоръ князя Дмитрія Борисовича Юсупова съ окольничнымъ Акинфовымъ, который обязался, въ случаѣ если не выдастъ за князя свою дочь къ назначенному сроку, уплатить ему 4000 рублей неустойки, сумму весьма значительную для того времени, т. е. для половины XVII столѣтія.

Князья Черкасскіе, потомки египетскаго султана Инала, впослѣдствіи владѣтеля Большой Кабарды, выѣзжали въ разное время на службу въ Россію. Ихъ принимали здѣсь съ честью. Главною же причиною ихъ возвышенія среди московскаго боярства былъ бракъ царя Ивана Васильевича Грознаго,—вдоваго послѣ смерти первой жены его Анастасіи Романовны,—съ дочерью одного изъ Черкасскихъ князей, Тем-

грюка-мурзы, Маріею Темгрюковною († 1569 года). Братъ царицы, Сантанкулъ-мурза, крестился съ именемъ князя Михаила Темгрюковича и былъ пожалованъ бояриномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ отъ царя значительныя помѣстья. Многіе изъ его родственниковъ принимали также крещеніе и фамилію князей Черкасскихъ, причемъ были жалованы въ бояре, получали помѣстья и роднились съ знаменитыми русскими княжескими и дворянскими домами. Вообще въ половинѣ XVII столѣтія князья Черкасскіе находились на самомъ видномъ мѣстѣ среди русской знати. Что же касается собственно ихъ богатства, то самымъ замѣтнымъ его представителемъ былъ внукъ крещенаго подъ именемъ князя Якова Кудетеновича Урусканъ-мурзы, князь Алексѣй Михайловичъ (род. 1680 года). Чрезвычайному обогащенію этой линіи князей Черкасскихъ содѣйствовало то обстоятельство, что отецъ князя Алексѣя Михайловича, боярин князь Михайло Яковлевичъ († 1712 года) былъ правителемъ Сибири въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, а тогда съ этой должности не возвращались съ пустыми карманами. Сынъ князя Михайла Яковлевича, князь Петръ Михайловичъ, былъ товарищемъ отца по управленію Сибири, но пріобрѣтенное имъ богатство вышло изъ рода князей Черкасскихъ, такъ какъ у него была одна только дочь, вступившая въ бракъ съ графомъ Платономъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ; дѣдъ ея, князь Михаилъ Яковлевичъ, завѣщалъ ей 10,000 душъ.

Что же касается богатства канцлера князя Алексѣя Михайловича, то онъ не только получилъ отъ своего отца огромное состояніе, но и самъ прибавилъ къ нему не мало богатствъ, которыя и были извѣстны у современниковъ его подъ названіемъ „сибирскихъ“.

Послѣ казни сибирскаго губернатора князя Гагарина за взятки и лихоимство, Петръ искалъ на эту должность такое лицо, на безкорыстіе котораго можно было бы положиться вполнѣ, и предложилъ ее Григорію Дмитріевичу Строганову. Громадное его богатство было, повидимому, достаточнымъ ручательствомъ, что онъ не станетъ наживаться на губернаторскомъ мѣстѣ, какъ обыкновенно наживались его предмѣстники. Строгановъ однако отклонилъ отъ себя это предложеніе, ссы-

лаясь на свои преклонныя лѣта и на необходимость управлять лично своими собственными обширными дѣлами, и тогда губернаторомъ въ Сибирь былъ назначенъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, бывшій потомъ, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ угодниковъ Бирона, и императрица Анна Ивановна не оставляла его своими милостями. Не смотря на свое богатство, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій не совѣстился выпрашивать денегъ у императрицы черезъ Бирона, и княгиня Черкасская, упоминая объ этомъ въ своихъ письмахъ къ фавориту „какъ о милости, оказанной всеподданнѣйшимъ ея величества рабамъ“, не сомнѣвалась, что „при этомъ и его сіятельство по милости своей предстательство дѣлалъ“. Черкасскій былъ не прочь и отъ незаконной поживы: такъ изъ свѣдѣній, находящихся въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, видно, что сибирскій губернаторъ, извѣстный историкъ Василій Никитичъ Татищевъ, опасаясь, что канцлеръ доведетъ до свѣдѣнія императрицы жалобы притѣсняемыхъ башкирцевъ, прислалъ ему, князю Черкасскому, въ подарокъ изъ Астрахани 30,000 рублей. У Черкасскаго между тѣмъ было 70,000 душъ крестьянъ, а также груды золота и разныхъ драгоцѣнностей, вывезенныхъ изъ Сибири какъ его отцомъ, такъ и имъ самимъ.

Все богатство канцлера вышло однако изъ рода князей Черкасскихъ. Оба его сына умерли въ малолѣтствѣ. Кромѣ ихъ у него были двѣ дочери: княжна Екатерина и княжна Варвара (род. 1714 г.). Около того времени, когда подростали эти богатѣйшія во всей Россіи невѣсты, два брата графы Левенвольды пользовались большою силою при русскомъ дворѣ, и съ однимъ изъ нихъ, въ 1730 г., была обручена старшая изъ княженъ Черкасскихъ; но она умерла до брака и такимъ образомъ наслѣдницей всѣхъ богатствъ, принадлежавшихъ канцлеру, осталась его меньшая дочь, вышедшая замужъ за графа Петра Борисовича Шереметева. Мы уже говорили о томъ громадномъ богатствѣ, какое вслѣдствіе этого брака перешло отъ князей Черкасскихъ въ младшую линію графовъ Шереметевыхъ, и безъ того уже владѣвшую обширными помѣстьями.

Другая линія князей Черкасскихъ, въ которую перешла часть имѣній князей Пожарскихъ, была также очень богата. Одинъ изъ представителей этой линіи, князь Александръ Андреевичъ, получилъ отъ отца 40,000 душъ, но при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ бытность свою смоленскимъ губернаторомъ, по ложному на него доносу, онъ сильно пострадалъ: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной впрочемъ ссылкою, и все имѣніе его было конфисковано. Императрица Елизавета Петровна вернула изъ Сибири князя Черкасскаго, но отнятыя у него имѣнія возвращены ему не были Одинъ изъ немногихъ его потомковъ, князь Владиміръ Александровичъ, былъ въ недавнее время московскимъ городскимъ головою, а потомъ начальникомъ гражданскаго управленія въ Болгарскомъ княжествѣ, гдѣ и умеръ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Богатство графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. — Бѣдственное положеніе канцлера Бестужева-Рюмина. — Огромныя помѣстья и нажива графа Миниха. — Волынскій и Неплюевъ. — Богатство Бирона. — Конфискація его имущества. — Владѣнія его въ Курляндіи. — Богачъ Походяшинъ. — Замѣчательная исторія нажитыхъ имъ богатствъ.

При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ составилось замѣчательное богатство графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, состоявшему при ней гофмейстеромъ въ то время, когда она была еще герцогинею курляндскою, по вступленіи ея на престолъ, поручено было отправиться въ Киль, столицу голштинскаго герцогства, и похитить изъ тамошняго архива подлинное завѣщаніе императрицы Екатерины I, по которому императорскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія мужескаго поколѣнія Дома Романовыхъ, долженъ былъ перейти въ потомство старшей дочери Петра Великаго, герцогини голштинской. Бестужевъ-Рюминъ удачно исполнилъ данное ему порученіе, и за учиненную имъ кражу получилъ отъ Анны Ивановны большія награды.

Но самымъ богатымъ изъ графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ считался въ свое время сынъ предыдущаго, графъ Алексѣй Петровичъ, имѣвшій въ царствованіе Елизаветы Петровны огромное вліяніе на дѣла государственныя. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ угодниковъ Бирона, который назначилъ его кабинетъ-министромъ съ жалованьемъ по 6,000 р. въ годъ, подарилъ ему 30,000 рублей, далъ ассигнацію на 20,000 рублей и изъ своего серебра разныхъ вещей на 5,000 рублей.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ сперва вице-канцлеромъ, а потомъ государственнымъ канцлеромъ. Не смотря на высокое служебное положеніе, Бестужевъ-Рюминъ, въ 1744 году, жаловался графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову на свое бѣдственное состояніе въ денежномъ отношеніи, заявляя, что онъ „принужденъ будетъ въ старую свою деревянную конуру влѣзть и держать тамъ съ иностранными министрами конференцію, да при случаѣ императорскимъ столомъ ихъ трактовать“. Для избѣжанія этого, онъ просилъ императрицу, чрезъ Воронцова, пожаловать ему въ Венденскомъ кирхшпилѣ замокъ Венденъ съ $20^{5}/_{8}$ гаками и съ ежегоднымъ доходомъ въ 1,230 ефимковъ, имѣніе Полленгофъ въ $14^{3}/_{8}$ гаковъ и съ доходомъ въ 834 ефимка, деревню Ваймель съ $28^{1}/_{2}$ гаками, съ которой въ годъ получалось до 1,578 ефимковъ аренды. Все просимое Бестужевымъ-Рюминымъ составляло въ общей сложности $63^{1}/_{4}$ гака земли при 3,642 ефимкахъ ежегоднаго дохода; тогдашній же ефимокъ равнялся серебряному рублю того времени.

Воронцовъ хорошо понималъ такую просьбу и долженъ былъ бы содѣйствовать ей, такъ какъ онъ самъ обращался не разъ съ подобными прошеніями къ императрицѣ, хотя и безуспѣшно. Точно также онъ не могъ сдѣлать ничего и для Бестужева, который съ своей стороны просилъ также и графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго убѣдить государыню, „дабы ея императорское величество ему бѣдному милостыню подать изволила“. — „Судьба предопредѣлила, писалъ Бестужевъ — какъ прежде, такъ и нынѣ, при столь значительнѣйшемъ государственномъ чину жизнь мою въ крайнемъ бѣдствѣ и нищетѣ препроводить“. Далѣе онъ жаловался, что у него нѣтъ ни ножей, ни вилокъ, и просилъ себѣ придворнаго сервиза, присовокупляя, что онъ заложилъ за 10,000 рублей табакерку, подаренную ему королемъ шведскимъ, такъ какъ ему нечѣмъ было дотащиться до Петербурга.

Въ письмахъ своихъ къ императрицѣ, писанныхъ въ 1752 и 1753 годахъ, онъ говорилъ, что доходы съ данныхъ ему деревень и съ окладомъ его жалованья „не сочиняютъ“ полныхъ 12,000 рублей и что изъ этого видно, возможно ли ему жить, какъ канцлеру, безъ тягостныхъ долговъ? Разстройство

своихъ денежныхъ дѣлъ онъ относилъ между прочимъ къ постройкѣ двухъ домовъ: одного въ Петербургѣ, а другаго въ Москвѣ, и просилъ у государыни взаймы съ разсрочкой 50,000 руб.

Всѣ эти попрошайства, бывшія тогда въ большомъ ходу, едва-ли заслуживали полной вѣры. Домъ канцлера въ Петербургѣ блисталъ убранствомъ и былъ наполненъ драгоцѣнными подарками разныхъ государей и дорогими картинами. Роскошь его доходила до того, что въ палаткахъ, бывшихъ при его загородномъ домѣ на Каменномъ островѣ, даже веревки, которыми придерживались роскошныя ткани палатокъ, были шелковыя, а находившійся при городскомъ его домѣ его погребъ былъ такъ значителенъ, что отъ продажи его, послѣ смерти канцлера, графамъ Орловымъ составился, какъ замѣчаетъ князь Щербатовъ, „знатный капиталъ“.

Сама Елизавета подозрѣвала своего канцлера во взяткахъ съ иностранныхъ державъ и въ 1758 году при его паденіи думали, что у него найдутся милліоны; оказалось однако, что состояніе его не было такъ громадно, какъ предполагали, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ вельможъ того времени.

При заарестованіи Бестужева-Рюмина домъ его былъ оцѣпленъ многочисленной стражей, содержаніе которой вмѣстѣ съ расходами по его дѣлу были обращены на него. Въ приговорѣ о наказаніи Бестужева-Рюмина ссылкою, съ лишеніемъ чиновъ, въ подмосковную его деревню Горетово, ему разрѣшено было взять съ собою только 1,000 рублей и выбрать довѣреннаго человѣка для управленія домомъ и имѣніями, а также и для расплаты съ кредиторами. Дальнѣйшія распоряженія сената касались удовлетворенія казенныхъ долговъ, лежавшихъ на Бестужевѣ. Во время слѣдствія ему дозволялось пользоваться всѣмъ имѣніемъ, но противники его,—а между ними въ особенности генералъ-поручикъ Василій Александровичъ Нащокинъ,—составлявшіе слѣдственную надъ нимъ коммиссію, не щадили денегъ подсудимаго. Такъ со дня ареста канцлера, т. е. съ 15 февраля 1758 года по 7 апрѣля 1759 года, Нащокинъ израсходовалъ на одно только содержаніе Бестужева-Рюмина 8,000 рублей, да кромѣ того тѣмъ же На-

щокинымъ будто бы на необходимые расходы по дѣлу канцлера, было издержано изъ домашнихъ его доходовъ 15,000 рублей, сумма не малая и для нашего времени, а для того—просто громадная.

Съ удаленіемъ Бестужева-Рюмина въ ссылку, онъ былъ лишенъ права распоряжаться своимъ имѣніемъ. Люди, приставленные имъ къ петербургскому дому для надзора и охраненія оставшагося тамъ имущества, не могли ничего подѣлать противъ цѣлой слѣдственной коммиссіи, которая безъ малѣйшей совѣсти расхищала все его добро. Вдобавокъ къ этому, на немъ оказалось много долговъ въ разныя вѣдомства: въ иностранную коллегію, въ почтамтъ, въ академію наукъ и пр.; всѣ эти долги простирались въ общей сложности до 63,126 рублей. Самымъ значительнымъ изъ нихъ былъ долгъ въ иностранную коллегію, въ количествѣ 50,000 рублей. Деньги эти были выданы канцлеру съ разрѣшенія императрицы 4 марта 1754 года изъ субсидныхъ денегъ, отпущенныхъ на разные расходы по дипломатической части. Занимая ихъ, Бестужевъ надѣялся, что при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ онѣ останутся въ вѣчномъ его владѣніи, такъ какъ со временемъ государыня, въ видѣ награды, сложила бы съ него этотъ долгъ. Еще легче онъ надѣялся покрыть свой долгъ почтовому вѣдомству: долгъ этотъ былъ сдѣланъ подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей, и Бестужевъ не безпокоился о немъ нисколько, надѣясь быть въ скоромъ времени генеральнымъ почтъ-директоромъ. Въ академію наукъ онъ былъ долженъ за книги и ландкарты.

Когда Бестужевъ-Рюминъ потерялъ свое прежнее положеніе при дворѣ, то его недоброжелатели представили государынѣ о необходимости взыскать съ него разомъ всѣ казенные долги, а тутъ явились еще и частные кредиторы, какъ собственные его, такъ и его сына. Долги Бестужева, по этой статьѣ, разнымъ купцамъ и мастеровымъ, доходили до 65,380 рублей. Для удовлетворенія всѣхъ этихъ долговъ проданы были: каменный домъ въ Петербургѣ и такой же домъ въ Москвѣ, въ Лефортовѣ, всѣ подгородныя его дачи, движимое имущество, брилліанты, а серебряный его сервизъ, вѣсомъ въ 19 пудовъ, былъ свезенъ для расплавки на монетный дворъ,

для того, какъ заявляла коммиссія, чтобъ „отъ празднаго стоянія какого поврежденія или утраты изъ него не сдѣлалось". Нѣкоторыя деревни были пущены въ продажу съ аукціона.

На бѣду бывшаго канцлера, онъ по нѣкоторымъ своимъ деревнямъ имѣлъ тяжбы. Пока онъ былъ въ силѣ, тяжбы эти или тянулись безконечно, или рѣшались въ его пользу. Теперь же стало не то—онъ началъ ихъ проигрывать одну за другой. Особенно тяжело отозвалась на немъ тяжба съ пожалованнымъ ему императрицею Елизаветою въ Лифляндіи городомъ Венденомъ. Она была рѣшена камеръ-конторою въ пользу города, и Бестужевъ-Рюминъ былъ присужденъ къ уплатѣ въ городскую казну 73,134 ефимковъ за убытки городу, „нанесенные принадлежавшими ему землями". Положеніе нѣкогда сильнаго вельможи сдѣлалось теперь чрезвычайно тяжелымъ: лишенный права ходатайствовать самому о своихъ дѣлахъ, онъ протестовалъ въ сенатѣ чрезъ своего довѣреннаго служителя противъ рѣшенія, постановленнаго камеръ-конторою, просилъ для разрѣшенія дѣла копіи съ жалованной ему на венденскія земли грамоты, испрашивалъ, наконецъ, хоть трехгодичнаго срока для уплаты лежавшихъ на немъ долговъ, Сенатъ, руководимый врагами Бестужева-Рюмина, не только отказалъ ему въ разсрочкѣ платежей и въ пересмотрѣ опротестованнаго рѣшенія, но и въ самомъ протестѣ противъ камеръ-конторы усмотрѣлъ „излишнія и непристойныя слова". Сенатъ постановилъ: разсмотрѣть надлежащимъ образомъ, при посредствѣ тайной канцеляріи, „содержится ли Бестужевъ по всей строгости высочайшихъ указовъ, съ вѣдома ли караульнаго офицера писалъ онъ свой протестъ, дѣйствительно ли онъ не имѣетъ перьевъ, чернилъ и бумаги, ниже иныхъ какихъ къ писанію и переговорамъ способовъ?" При такомъ положеніи трудно было ему отстаивать свои имущественные интересы. Бестужевъ попытался было похлопотать о продажѣ нѣкоторыхъ своихъ деревень по вольной цѣнѣ, а также объ укрѣпленіи за нимъ имѣнія своего брата, умершаго 26 февраля 1760 года бездѣтнымъ; но и это ему не удалось. Довѣренные его служители пріискивали покупателей на его московскій домъ и нѣкоторыя деревни, или хоть такихъ людей, которые подняли бы цѣны на аукціонѣ. Все это не уда-

валось, и графъ Алексѣй Петровичъ былъ разоренъ окончательно.

Указомъ, даннымъ сенату 18 мая, императоръ Петръ III приказалъ возвратить Бестужеву всю конфискованную у него и у его жены движимую собственность, и выдать ему изъ отобранныхъ у него денегъ 500 рублей. О возвращеніи же ему деревень въ указѣ этомъ упомянуто не было.

При вступленіи своемъ на престолъ императрица Екатерина II, за которую собственно Бестужевъ и пострадалъ, въ тотъ же день вызвала его въ Петербургъ, пославъ ему на дорогу 400 червонныхъ. По пріѣздѣ Бестужева въ столицу, она приказала выдать ему 10,000 рублей на обзаведеніе, предоставивъ въ его распоряженіе роскошную квартиру и столъ отъ двора, а на одномъ изъ куртаговъ обѣщала освободить его отъ платежа казенныхъ долговъ. Императрица однако или забыла о своемъ обѣщаніи, или не желала его исполнить, и Бестужевъ, переименованный въ это время изъ государственныхъ канцлеровъ въ генералъ-фельдмаршалы, вынужденъ былъ напоминать императрицѣ о ея обѣщаніи, такъ какъ дѣло о взысканіи съ него казенныхъ долговъ не было еще окончено. Онъ просилъ государыню, чтобъ ему были возвращены и тѣ 40,000 рублей, которые были уже получены съ него казною въ счетъ означенныхъ долговъ, чтобъ за отобранные брилліанты ему было выдано 12,000 рублей, а также, чтобы ему было выплачено за 6 лѣтъ, т. е. съ 1757 по 1763 годъ, по 14,000 рублей за каждый годъ окладнаго жалованья и столовыхъ денегъ, которыя онъ получалъ по званію канцлера. Прося объ этомъ, онъ ссылался на то, что никакихъ прибылей не искалъ, а довольствовался только тѣмъ, что̀ ему и предкамъ его было пожаловано по заслугамъ.

Впрочемъ, безкорыстіе графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Такъ о немъ, между прочимъ, разсказывали, что когда вдова Ивана Толстаго,—у отца котораго, графа Петра Андреевича, по проискамъ князя Меншикова, было конфисковано все имѣніе,—обратилась къ канцлеру съ просьбою исходатайствовать у императрицы Елизаветы возвращеніе отобранныхъ имѣній, то Бе-

стужевъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ обратилъ этотъ случай въ свою пользу.

— Я сомнѣваюсь, отвѣчалъ канцлеръ, повидимому весьма доброжелательный къ графинѣ Толстой, — чтобъ императрица согласилась когда нибудь возвратить вашимъ дѣтямъ всѣ конфискованныя у ихъ дѣда помѣстья. Поэтому сдѣлайте вотъ что: дайте мнѣ два списка, въ одномъ изъ нихъ означьте ваши лучшія помѣстья, въ другомъ худшія, и если мнѣ не удастся выхлопотать для васъ все, то я, по крайней мѣрѣ, постараюсь, чтобы вы получили обратно тѣ помѣстья, которыя вы считаете лучшими.

Не подозрѣвая въ такомъ благоразумномъ предложеніи никакой хитрости, просительница поспѣшила исполнить данный ей совѣтъ, но каково было ея удивленіе, когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, оказалось, что лучшія изъ имѣній, принадлежавшихъ Толстымъ, канцлеръ выпросилъ у императрицы не для нихъ, а для самого себя.

Старшій братъ канцлера, графъ Михаилъ Петровичъ, умершій посланникомъ въ Парижѣ, былъ женатъ два раза. Первая жена его, графиня Анна Гавриловна Ягужинская, рожденная графиня Головкина, въ 1743 году, по урѣзаніи языка, была сослана въ Якутскъ, гдѣ и скончалась. Она была одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ своего времени, и графъ Михаилъ Петровичъ, опорочивая ее въ то время, когда она подверглась ссылкѣ и наказанію, тѣмъ не менѣе ходатайствовалъ черезъ графа Михаила Воронцова и графа Алексѣя Разумовскаго о выдачѣ ему изъ ея имущества седьмой части. Самъ же по себѣ онъ богатъ не былъ, такъ какъ собственные доходы его—по его, впрочемъ, словамъ—не достигали и до 800 рублей въ годъ. Будучи посломъ въ Парижѣ, гдѣ жить тогда, въ 1755 году, было втрое и даже вчетверо дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, онъ писалъ къ канцлеру Воронцову: „не получавъ никогда награжденія ни деревнями, ни деньгами, кажется большую фигуру мнѣ дѣлать нечѣмъ. О деревняхъ же въ какихъ уѣздахъ находятся и сколько въ нихъ душъ подлинной вѣдомости дать не могу за давнымъ моимъ отсутствіемъ изъ Россіи“. Здѣсь видно однако своего рода притворство и слышатся обычныя для того времени жалобы на бѣдность, такъ

какъ деревни Бестужева должны были быть значительны не только потому, что отцу его были пожалованы большія помѣстья, но и потому еще, что послѣ смерти его канцлеръ хлопоталъ объ утвержденіи за нимъ имѣній своего брата.

Жалуясь на свою бѣдность, Бестужевъ говорилъ о тѣхъ чрезвычайно большихъ расходахъ, которые соединены съ дипломатическимъ представительствомъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, и донося Воронцову, что Гроссъ, русскій посланникъ въ Дрезденѣ, не отправлялъ торжественно годовщины вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, добавлялъ, что „болѣзненно было быть свидѣтелемъ такимъ бала порядкамъ, чрезъ которые всевысочайшему двору и всей россійской націи наносится крайнее безславіе и проституція". Все это клонилось къ просьбѣ о необходимости назначенія сколь возможно бо́льшаго содержанія Бестужеву на занимаемой имъ должности посланника.

Вторымъ бракомъ графъ Михаилъ Бестужевъ былъ женатъ на графинѣ Гаугвицъ, но и отъ этого брака у него не было дѣтей. У канцлера же былъ единственный сынъ, графъ Андрей Алексѣевичъ, который, не смотря на то, что имѣлъ чинъ генералъ-поручика и александровскую ленту, за пьянство и развратную жизнь былъ по просьбѣ отца посаженъ императрицею Елизаветою въ монастырь на смиреніе. Отецъ хотѣлъ лишить его наслѣдства, передавъ все имущество родной племянницѣ своей, княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ Волконской; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ подписать соотвѣтственное тому завѣщаніе, онъ умеръ, и имѣніе графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ досталось графу Андрею Алексѣевичу. Онъ пережилъ однако отца своего только двумя годами. Со смертью его въ 1768 году пресѣклась графская вѣтвь Бестужевыхъ-Рюминыхъ, такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей отъ двухъ браковъ: сперва съ Евдокіею Даниловною Разумовскою, а потомъ съ княжною Анною Петровною Долгорукою, а затѣмъ послѣ всѣхъ разгромовъ остатки состоянія, пріобрѣтеннаго нѣкогда графомъ Алексѣемъ Петровичемъ, перешли въ родъ княгини Волконской и раздѣлились между ея многочисленнымъ потомствомъ.

Знаменитый очаковскій герой, генералъ-фельдмаршалъ графъ

Бурхгардъ Минихъ, сынъ небогатаго помѣщика въ герцогствѣ Ольденбургскомъ, былъ изъ числа тѣхъ воиновъ,— искателей фортуны,— которыми такъ изобиловала Европа въ половинѣ прошлаго столѣтія. При Петрѣ I Минихъ поступилъ въ русскую службу, и государь, пользуясь способностями и познаніями Миниха, какъ искуснаго инженера, поручилъ ему между прочимъ устройство Ладожскаго канала. Постройка этого канала была однимъ изъ источниковъ его обогащенія. При Петрѣ I онъ былъ до нѣкоторой степени остороженъ, но впослѣдствіи поступалъ безцеремонно. Сохранились извѣстія, что Минихъ по этой постройкѣ пріобрѣлъ въ одинъ годъ 30,000 рублей. Кромѣ того, онъ какъ человѣкъ свѣдущій по архитектурной части и имѣвшій случай, если и не совсѣмъ даромъ, то все же очень выгодно пріобрѣтать строительные матеріалы, настроилъ въ Петербургѣ дома и дворы, которые приносили ему 16,000 рублей ежегоднаго дохода. Притомъ онъ, сверхъ огромнаго жалованья, получалъ каждый годъ разъѣздныхъ денегъ по 10,000 рублей. Говорили, что и крымскіе походы, во время которыхъ онъ распоряжался казенными суммами почти безотчетно, не прошли безслѣдно для его кармана. Бирон въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ, упоминая о Минихѣ, замѣчалъ, что онъ былъ весьма „интересоватъ“. Въ свою очередь и жена фельдмаршала не пропускала благопріятнаго случая для того, чтобъ поживиться на счетъ тѣхъ, кому нужна была протекція ея супруга. Вообще же доходы Миниха простирались до громадной по тому времени цифры, а именно до 90,000 рублей въ годъ, такъ что онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ вельможъ въ царствованіе Анны Ивановны. Онъ въ этомъ отношеніи уступалъ развѣ только Бирону, князю Черкасскому, князю Юсупову и графу Шереметеву.

О пожалованіяхъ, сдѣланныхъ въ разное время Миниху, намъ извѣстно слѣдующее: въ 1731 году, ему была дана подъ Петербургомъ мыза Гостилицы; единовременно дано ему было 10,000 рублей; изъ данцигскихъ денегъ 12,000 талеровъ и вдобавокъ 4,557 червонныхъ. За крымскій походъ 1736 года ему отданы были многочисленныя, принадлежавшія въ Малороссіи графу Вейсбаху деревни. Въ 1740 году онъ получилъ „пребогатый“ орденъ Андрея, осыпанный брилліантами, золо-

тую шпагу съ брилліантами и „знатную“ прибавку къ жалованью. Король прусскій пожаловалъ Миниху графство Вартенбергское, которое, до завоеванія Силезіи Пруссіею, находилось подъ властію императора римско-нѣмецкаго, подарившаго его Бирону. По низверженіи же Бирона оно досталось Миниху, но, послѣ ссылки этого послѣдняго, король взялъ графство Вартенбергское себѣ и снова отдалъ Бирону, отъ котораго оно и перешло къ его сыну, герцогу Петру. При увольненіи фельдмаршала Миниха отъ службы правительница Анна Леопольдовна назначила ему ежегодную пенсію въ 15,000 рублей.

Сынъ фельдмаршала, графъ Іоаннъ-Эрнстъ, находился при императрицѣ Елизаветѣ въ ссылкѣ, сперва въ одной изъ своихъ лифляндскихъ деревень, а потомъ въ Вологдѣ. При возвращеніи графовъ Миниховъ въ Петербургъ императоромъ Петромъ III, они не получили обратно своихъ имѣній. Въ настоящее время въ Россіи графовъ Миниховъ нѣтъ, а одинъ изъ правнуковъ фельдмаршала, графъ Фридрихъ-Францъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ оберъ-гофмаршаломъ Ольденбургскаго двора, владѣлъ въ Ольденбургѣ родовыми помѣстьями графовъ Миниховъ, по всей вѣроятности пріобрѣтенными на русскія деньги.

Прославленный нашими историками запальчивый противникъ Бирона, Артемій Петровичъ Волынскій (род. 1689, казненъ 1740 году), былъ, говоря по правдѣ, однимъ изъ первыхъ хищниковъ своего времени.

Волынскій, прибывъ въ Казань на губернаторство, привезъ сюда съ собою дворню до 100 человѣкъ, привелъ 800 лошадей съ огромною псарнею. Онъ собиралъ взятки преимущественно съ инородцевъ, которые подушно обложены были особою податью въ его пользу. Бралъ штрафныя деньги съ пропущенныхъ по ревизіи душъ, получалъ „благодарность“ отъ татаръ, увольняемыхъ имъ отъ посылки толмачами въ Персію. Въ полтора года онъ собралъ съ инородцевъ 14,000 рублей. Бралъ у купцевъ, въ займы, безъ отдачи, крупныя суммы, но не брезгалъ займами и по мелочамъ, и вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань выкупилъ свое подмосковное имѣніе.

Находясь губернаторомъ въ Астрахани, онъ присвоилъ себѣ

обманнымъ образомъ драгоцѣнную ризу съ какого-то чудотворнаго образа, да и вообще не упускалъ ни одного случая, благопріятнаго для наживы: казенныя суммы не проходили между его рукъ безъ того, чтобы часть ихъ не обращалась въ его собственность. Вообще его значительное по тому времени богатство было нажито неправыми средствами. Его между прочимъ обвиняли въ присвоеніи 700,000 р., принадлежавшихъ конскимъ заводамъ, на которые при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ тратились, въ угоду Бирону, громадныя суммы и которые состояли подъ ближайшимъ управленіемъ Волынскаго. При отдачѣ его подъ судъ, все его имѣніе было конфисковано, а дѣтямъ его, по возвращеніи ихъ изъ ссылки, была отдана впослѣдствіи самая ничтожная часть. Мужскаго потомства послѣ Артемія Петровича Волынскаго не осталось, по женскому же колѣну происходитъ отъ него княгиня Ирина Ивановна Паскевичъ, рожденная графиня Воронцова-Дашкова. Окончательно фамилія Волынскихъ пресѣклась въ 1837 году со смертью Михаила Михайловича Волынскаго, человѣка чрезвычайно богатаго и бывшаго безкорыстно преданнымъ другомъ графа Аракчеева. Этотъ Волынскій завѣщалъ часть своихъ имѣній дѣтямъ князя Николая Андреевича Долгорукаго.

Въ эпоху доносовъ, слѣдствій, казней, ссылокъ и конфискацій, живились обыкновенно достояніемъ обвиненнаго его слѣдователи и судьи. Такъ паденіе и казнь Волынскаго послужила основаніемъ богатству Неплюевыхъ, такъ какъ Ивану Ивановичу Неплюеву (род. 1693 г., † 1773 года), бывшему въ числѣ слѣдователей и судей по дѣлу Волынскаго, а также и исполнителемъ состоявшагося надъ нимъ приговора, по ходатайству графа Остермана, были пожалованы въ Малороссіи волость Ропская и мѣстечко Быково съ 2,000 крестьянскихъ дворовъ. Имѣніе это приносило ему 30,000 рублей ежегоднаго дохода по тогдашнему курсу. Императрица Елизавета Петровна отняла у него это имѣніе. Неплюевъ самъ по себѣ богатъ не былъ, такъ какъ за отцомъ его было въ Новгородской губерніи только 80 душъ, да Петръ Великій пожаловалъ ему 400 душъ. При увольненіи его, въ 1764 году, отъ службы, Екатерина II отдала Неплюеву въ потомственное владѣніе волости Чеховскую и Ямпольскую съ дерев-

нями и мѣстечками; но эти имѣнія были менѣе значительны, нежели пожалованныя ему прежде, такъ какъ они хотя и приносили значительный доходъ, но простиравшійся лишь до 20,000 рублей въ годъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны первымъ богачемъ въ Россіи считался любимецъ ея, оберъ-камергеръ Бирономъ, съ 1737 года—герцогъ Курляндскій и Семигальскій, сдѣлавшійся послѣ смерти Анны Ивановны правителемъ имперіи. Юридически однако онъ владѣлъ въ Россіи далеко не такимъ громаднымъ состояніемъ, какое принадлежало, напримѣръ, князю Александру Даниловичу Меншикову; притомъ онъ никогда не просилъ для себя у императрицы и не покупалъ въ свою собственность деревень ни въ великорусскихъ, ни въ малороссійскихъ губерніяхъ, а имѣлъ помѣстья только въ Лифляндіи и въ Курляндіи. Имѣнія, подаренныя государынею Бирону въ Лифляндіи, состояли изъ города Вендена съ уѣздомъ и помѣстій Трейденбергъ и Пальцнеръ. Имѣнія эти приносили ему въ годъ до 60,000 рублей дохода. Касательно дорого стоившихъ наградъ, полученныхъ Бирономъ и его семействомъ, сверхъ денегъ, имѣются у насъ въ виду только слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія, а именно: 1 апрѣля 1740 года онъ получилъ золотой „великій бокалъ“. Оба сына его, курляндскіе принцы, получили брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, а дочь его — портретъ императрицы, богато украшенный брилліантами. Въ Курляндіи Бирономъ постоянно покупалъ значительныя помѣстья; сдѣлавшись же тамошнимъ герцогомъ, онъ получилъ во владѣніе алодіальныя помѣстья, составлявшія съ давнихъ временъ фамильную собственность герцоговъ курляндскихъ изъ рода Кетлеровъ. Имѣнія эти при Петрѣ I стали служить обезпеченіемъ той денежной ссуды, которая была выдана царемъ герцогу Курляндскому, а съ своей стороны герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ обращалъ главнымъ образомъ получаемыя имъ въ Россіи деньги на выкупъ этихъ имѣній, уплачивая лежавшіе на нихъ долги.

О грандіозности дворца, который строилъ Бирономъ въ Митавѣ, можно судить по тому, что туда каждое лѣто отправлялось до 2,000 рабочихъ. Оттуда при постройкѣ нынѣшняго Аничкова дворца привезено было 60 возовъ оконныхъ пере-

плетовъ, заготовляемыхъ для герцогскаго дворца. Оттуда же привозились двери и разныя строительные матеріалы.

Герцогскія имѣнія Бирона въ Курляндіи увеличивались и вслѣдствіе конфискацій. Новый герцогъ потребовалъ отъ дворянъ доказательствъ на право владѣнія числившимися за ними имѣніями, возводя эти требованія до временъ перваго курляндскаго герцога Готгардта Кетлера. Такъ какъ столь древнихъ доказательствъ или вовсе не имѣлось, или они были утрачены, то 150 дворянскихъ фамилій должны были обнищать, а бывшія за ними помѣстья сдѣлались собственностью герцога. Кромѣ того Биронъ присвоилъ себѣ въ Курляндіи монополію по содержанію кабаковъ и велъ обширную торговлю коровьимъ масломъ, которое скупалось для него во всей Курляндіи. Въ особенности первая изъ означенныхъ статей доставляла ему значительные доходы.

Въ „Очеркахъ“ фельдмаршала графа Миниха встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о богатствахъ Бирона. Такъ онъ говоритъ, что изъ русской государственной казны вышли ужасныя суммы на покупку земель въ Курляндіи, на построеніе двухъ не герцогскихъ, но королевскихъ дворцовъ (вѣроятно въ Петербургѣ и Митавѣ) и на пріобрѣтеніе герцогу друзей въ Польшѣ.

Относительно дворца, построеннаго Бирономъ въ Митавѣ, Болотовъ въ „Запискахъ“ разсказываетъ, что, пріѣхавъ въ 1762 году въ этотъ городъ, онъ съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на тамошній опустѣвшій огромный замокъ или дворецъ, воздвигнутый Бирономъ, и о которомъ носилась молва, будто въ немъ цѣлая комната была намощена, вмѣсто пола, установленными сплошь на ребро рублевиками. „Правда это или нѣтъ, того ужь не знаю,“—добавляетъ Болотовъ.

Далѣе въ своихъ „Очеркахъ“ Минихъ восклицаетъ: „А сколько милліоновъ истрачено было на покупку драгоцѣнностей для семейства Бирона! Во всей Европѣ, добавляетъ Минихъ,—ни одна королева не была такъ богата ими, какъ герцогиня Курляндская“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что когда герцогъ былъ еще оберъ-камергеромъ, то собственныя его издержки стоили Россіи нѣсколькихъ милліоновъ. Переходя

же къ причинамъ, вызвавшимъ паденіе регента, Минихъ сообщаетъ, что русскіе государственные люди внушали принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, матери императора Ивана Антоновича, что въ продолженіе шестнадцатилѣтняго самовластнаго управленія герцога, за несовершеннолѣтіемъ ея сына, Бирономъ успѣетъ вытянуть изъ Россіи не менѣе 16.000,000 рублей.

Встрѣчаются и другія еще извѣстія о высылкѣ изъ Россіи денегъ заграницу по дѣламъ Бирона. Такъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“ упоминается, что въ 1731 году отправлены были въ Вѣну къ старшему изъ братьевъ Левенвольдовъ большія суммы, а банкиръ, еврей Липманъ, получилъ отъ Бирона приказаніе снабжать Левенвольда всѣмъ, что понадобится. Тогда въ Петербургѣ полагали, что эти деньги послужатъ для покупки Бирону графства или герцогства въ предѣлахъ римско-нѣмецкой имперіи.

У Бирона были двѣ страсти: къ лошадямъ и къ картежной игрѣ. Для удовлетворенія первой онъ издерживалъ большія деньги; другая же страсть была, напротивъ, источникомъ значительныхъ для него прибылей. Безъ карточной игры онъ не могъ провести ни одного дня; партнеры обыкновенно должны были проигрывать ему, и этимъ, по словамъ Миниха, онъ приводилъ въ самое непріятное положеніе тѣхъ, кто принужденъ былъ составлять ему партію, такъ какъ онъ игралъ не на шуточные куши.

Правительница Анна Леопольдовна, низложивъ, при помощи фельдмаршала Миниха, регента, конфисковала все недвижимое и движимое его имѣніе; отобрать же отъ него принадлежавшіе ему капиталы, переведенные заграницу, было трудно, такъ какъ Биронъ велъ свои денежныя дѣла очень искусно, подъ прикрытіемъ своего довѣреннаго лица, еврея Липмана. Но этотъ фактотумъ герцога, призапуганный тайною канцеляріею, а въ то же время и обольщенный посулами, измѣнилъ въ несчастіи своему патрону и указалъ Миниху, въ какихъ мѣстахъ и у какихъ лицъ хранились герцогскіе капиталы. Намъ не удалось найти, до какой цифры простирались эти капиталы, но надобно предполагать, что они составляли почтенную сумму, если принять въ соображеніе другое наличное богатство Бирона. Такъ у жены его было конфисковано:

платьевъ на 400,000 рублей, брилліантовъ на 800,000 рублей и чистыми деньгами до 3.000,000 тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Изъ собственныхъ вещей герцога былъ конфискованъ, между прочимъ, верховой конскій уборъ съ алмазами.

Въ манифестѣ о винахъ бывшаго герцога Курляндскаго при замѣчаніи, что „нынѣшнее его богатство всему свѣту явно“, онъ обвинялся, между прочимъ, „въ полученіи не по достоинству своему несмѣтнаго богатства, тогда какъ въ Россію прибылъ въ „мизерномъ состояніи“, а также и въ томъ, что „похищалъ несказанное число казенныхъ денегъ и прочихъ вещей“, и, наконецъ, въ томъ, что „сильными своими нападеніями у россійскихъ нѣкоторыхъ людей забралъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, чрезъ что оныхъ къ разоренію привелъ“.

Добавимъ къ этому, что, какъ сообщаетъ извѣстный историкъ В. Н. Татищевъ, по распоряженію Бирона, былъ опредѣленъ на должность завѣдывающаго всѣми сибирскими желѣзными заводами генералъ-оберъ-бергъ-директоръ Шембергъ, который въ два года похитилъ 400,000 рублей, подѣлившись этими деньгами съ Бирономъ.

Съ своей же стороны Бирон, при производимыхъ ему допросахъ, отвѣчалъ, что казны государственной никогда въ рукахъ не имѣлъ и до казеннаго вовсе не касался; что изъ тѣхъ 500,000 рублей, которые были пожалованы ему императрицею при заключеніи Бѣлградскаго мира, онъ получилъ только 100,000 рублей, а остальные 400,000 остались въ казнѣ. Вдобавокъ къ этому онъ показалъ, что, будучи въ Москвѣ, получилъ ассигнацію на нѣсколько тысячъ рублей, но и по ней никакихъ денегъ не бралъ, чтò, какъ замѣчалъ съ ироніей Бирон, о „ненасытствѣ и лакомствѣ его свидѣтельствовать можетъ“. Онъ заявлялъ, что отъ партикулярныхъ людей ничего не бралъ, а при пожалованіи его графомъ цесарь подарилъ ему 200,000 талеровъ; на эти деньги, прибавивъ къ нимъ изъ своихъ, купилъ графство Вартенбергское; да король прусскій при пріѣздѣ его, Бирона, въ Россію, пожаловалъ его амтомъ. Въ заключеніе Бирон заявлялъ, что внѣ Россіи никакихъ денегъ и богатства не отправилъ и отправить было нечего, потому что долгу на немъ было: въ

Ригѣ Циммерману и генералу Бисмарку (зятю Бирона) 100,000 руб., брату Густаву 80,000 р., Демидову 50,000 р. Кромѣ того, онъ былъ долженъ Ферману, Либману и Вульфу, но не помнилъ сколько именно. 17 января 1742 г. императрица Елизавета Петровна повелѣла: отданное графу Миниху „лежащее въ Шлезіи штандцъ-геръ-шафтъ Вартенбергъ возвратить Бирону".

Въ 1746 году постановлено было: у короля прусскаго требовать, чтобъ онъ герцогство Вартенбергское, купленное Бирономъ „на здѣшнія деньги, въ здѣшнюю поссесію, возвратилъ или бы употребленныя на то деньги заплатить велѣлъ".

По окончательномъ возвращеніи Бирона изъ ссылки Петромъ III, движимое имущество ему обратно отдано не было, но впослѣдствіи онъ, какъ герцогъ, вступилъ во владѣніе алодіальными имѣніями въ Курляндіи. Въ это время сынъ его, принцъ Петръ, кутилъ заграницею на-пропалую. О немъ графъ Кирило Разумовскій, въ 1768 году, писалъ Ивану Ивановичу Шувалову: „Сей дѣтина есть сущій промышленникъ, который таскается по свѣту безъ воли и удовольствія. Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его надѣлалъ, что нынѣ въ Бастильѣ резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его".

Этотъ принцъ Петръ, бывшій впослѣдствіи герцогомъ Курляндскимъ, еще до отреченія отъ герцогской власти, купилъ, въ 1786 году, въ Силезіи помѣстье Саганъ, принадлежавшее князьямъ Лобковичамъ, заплативъ за него 9.000,000 гульденовъ. Помѣстью этому король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II присвоилъ снова степень герцогства. По смерти герцога Петра означенное имѣніе перешло сперва къ старшей его дочери княгинѣ де-Роганъ, а послѣ ея смерти къ младшей ея сестрѣ, вдовѣ принца Гогенцоллернъ-Гехингенскаго, а единственный сынъ ея уступилъ герцогство Саганское своей теткѣ, герцогинѣ Доротеѣ Дино, по смерти которой оно поступило по наслѣдству въ фамилію герцоговъ Талейрановъ.

Что же касается мужскаго потомства Бирона, то нынѣшній представитель фамиліи герцоговъ Бироновъ, князь Густавъ, владѣетъ родовымъ помѣстьемъ Вартенбергъ въ Силезіи.

Въ исторіи нашихъ частныхъ богатствъ, какъ вообще и въ другихъ странахъ, иной разъ какая нибудь случайность, похожая на вымышленную сказку, обращала бѣдняка въ богача. Такъ въ царствованіе Анны Ивановны жилъ въ Верхотурьѣ простой ямщикъ Максимъ Михайловъ Походяшинъ. Занятіе его состояло въ доставленіи на подводахъ мѣдной руды изъ мѣста ея нахожденія на заводы. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, Походяшинъ и нѣсколько его товарищей по промыслу остановились ночевать въ лѣсу, спутали лошадей и, поужинавъ, легли спать. Проснувшись, они не нашли своихъ лошадей, которыя успѣли какъ-то распутаться и ушли неизвѣстно куда. Товарищи Походяшина, раздѣлившись по-парно, пошли искать ихъ въ три противоположныя стороны, а Походяшинъ одинъ направился въ четвертую сторону. Послѣ долгой ходьбы, онъ напалъ на слѣдъ, оставленный лошадьми на утренней росѣ, и, идя по этому слѣду, вскорѣ настигъ ихъ у берега какой-то рѣки и задержалъ ихъ. Послѣ этого онъ сталъ умываться въ рѣкѣ и вдругъ увидѣлъ около ея берега что-то похожее на мѣдную руду. Онъ сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ раскопокъ и вскорѣ убѣдился, что немного далѣе весь берегъ, на нѣсколько верстъ, покрытъ превосходною мѣдною рудою, лежавшею на поверхности земли, а покопавшись немного въ этихъ мѣстахъ, онъ удостовѣрился, что на глубинѣ находятся залежи мѣдной руды.

Походяшинъ возвратился по слѣду къ своимъ товарищамъ, тщательно замѣчая дорогу. Сойдясь съ своими товарищами и не сказавъ имъ ничего о своемъ открытіи, онъ поставилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ночлегъ. Сдавъ руду на заводъ, Походяшинъ постарался собрать справки о закопахъ по горной части, и такъ какъ въ то время право на отыскиваніе рудъ предоставлялось на откупъ частнымъ лицамъ, то Походяшинъ, узнавъ объ этомъ, отправился къ губернатору и обѣщалъ ему хорошую благодарность, если будетъ исходатайствовано для него отъ казны денежное пособіе для разработки открытой имъ руды. Губернаторъ представилъ объ этомъ бергъ-коллегіи, которая постановила выдать Походяшину въ ссуду для означенной цѣли 23,000 рублей, если только мѣстное начальство удостовѣритъ въ благонадежности дѣла, пред-

принимаемаго Походяшинымъ. Требуемое засвидѣтельствованіе было сдѣлано, и Походяшинъ получилъ предназначенную ему сумму. На эти деньги Походяшинъ устроилъ мѣдноплавильный заводъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ замѣтилъ при рѣкѣ, и вскорѣ оказалось, что нигдѣ не было въ такомъ изобиліи и такой хорошей мѣдной руды, какъ въ окрестностяхъ завода, основаннаго Походяшинымъ. Предпріятіе Походяшина принесло ему огромныя выгоды, и въ теченіе непродолжительнаго времени онъ сдѣлался милліонеромъ.

Въ изслѣдованіи г. Лонгинова о „Новиковѣ и мартинистахъ“, говорится, что Походяшинъ былъ казанскій уроженецъ, добровольно пришедшій на промыселъ въ Верхотурье и занимавшійся тамъ плотничествомъ и извозничествомъ. Съ молодости онъ уже занимался отыскиваніемъ рудъ и золота. Найдя это послѣднее, онъ выгодно сдалъ свою находку въ другія руки и въ 1750 году приступилъ къ дѣятельности другаго рода: завелъ 5 винокуренныхъ заводовъ въ Тюмени, Екатеринбургѣ, Ирбитѣ и около Тагильскаго завода. Съ 1752 по 1756 годъ онъ держалъ верхотурскій откупъ съ купцомъ Васильевскимъ и былъ виннымъ откупщикомъ въ Сибири до конца семидесятыхъ годовъ. Въ то же время онъ отыскивалъ новые пріиски мѣдной и желѣзной руды, и это предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ 1757 году онъ получилъ разрѣшеніе на открытіе новыхъ заводовъ, а также привилегію и содѣйствіе къ тому со стороны правительства. Пользуясь всѣмъ этимъ, онъ основалъ въ 1758 году Петропавловскій, а въ 1760 году Николаепавдинскій заводы, а также открылъ и туринскіе рудники. Въ 1778 году онъ основалъ Богословскій заводъ и устроилъ около своихъ заводовъ дороги. При этомъ онъ продолжалъ и винокуренное производство.

Сохранялись нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго богача. Усадьба его въ Верхотурьѣ составляла отдѣльный обширный кварталъ. Огромный деревянный его домъ заключалъ въ себѣ 30 отлично расписанныхъ и меблированныхъ комнатъ. Около этого дома стояли три другіе дома мѣньшихъ размѣровъ, а также конюшня и скотный дворъ. Онъ ѣздилъ часто въ Тобольскъ, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ, а онъ, въ свою очередь, привозилъ предержащимъ властямъ

богатые подарки. Давалъ рабочимъ, если имъ было нужно, деньги, хотя за цѣлый годъ впередъ. Любилъ водиться съ знатью и тратилъ много на воспитаніе дѣтей по тогдашней модѣ. Самъ же жилъ весьма скромно: ѣздилъ на дровняхъ, ходилъ въ китайчатомъ халатѣ и довольствовался чаемъ и рюмкою водки, принималъ охотно на свои заводы бѣглыхъ и, какъ разсказывали, на одномъ изъ заводовъ, Луковскомъ, угощалъ Пугачева, чѣмъ спасъ и себя, и свое имущество. Любилъ занимать иногда деньги, не смотря на свое огромное богатство.

Онъ умеръ въ Верхотурьѣ въ 1781 году, оставивъ трехъ сыновей. Изъ нихъ старшій Василій, бывшій помощникомъ своего отца, продолжалъ его промышленныя занятія, но, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, чѣмъ окончились его промышленныя дѣла. Двое другихъ, Николай и Григорій, служили въ гвардіи. О судьбѣ Николая не имѣется никакихъ свѣдѣній, но замѣчательна какъ судьба Григорія Максимовича Походяшина (род. 1780 году), такъ и плачевный конецъ той части богатства, которая перешла къ нему отъ отца.

Около 1787 года Походяшинъ вышелъ въ отставку изъ преображенскаго полка премьеръ-майоромъ и при помощи своего богатства онъ сдѣлался ревностнымъ участникомъ извѣстнаго издателя Николая Ивановича Новикова. Онъ отдавалъ въ распоряженіе его огромныя суммы. Новиковъ скупалъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднымъ въ Москвѣ. Походяшинъ далъ на первый разъ Новикову 300,000 рублей, продавъ казнѣ свои заводы за 1.000,000 рублей, но стоимость заводовъ была такъ велика, что казна, можно сказать, получила ихъ даромъ. Мартинистовъ, пользовавшихся преимущественно капиталомъ Походяшина, подозрѣвали въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Походяшинъ однако разорился въ конецъ: изъ всего его богатства оставался у него только книжный магазинъ въ Москвѣ, да и тотъ при разгромѣ мартинистовъ, въ 1792 году, былъ запечатанъ. Походяшинъ жаловался на упадокъ его книжной торговли, и 5-го марта 1803 г. высочайшимъ указомъ, даннымъ московскому генералъ-губернатору, разрѣшено было Походяшину розыграть въ лотерею принадлежавшій ему книжный магазинъ. Магазинъ состоялъ изъ 2,500 заглавій рус-

скихъ книгъ, на сумму по каталогамъ до 500,000 рублей. Предполагалось раздать 35,000 билетовъ по 10 руб. каждый, и все количество ихъ сдѣлать безпроигрышнымъ. Главный выигрышъ былъ въ 10,000 р. Изъ вырученнаго этою лотереею капитала 20 процент. назначалось въ пользу общественныхъ заведеній. По нѣкоторымъ, не вполнѣ впрочемъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, упомянутая лотерея была разыграна въ 1805 году.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Богатства, составившіяся въ царствованіе Елизаветы Петровны. — Шубинъ. — Бекетовъ. — Графы Воронцовы. — Денежныя дѣла графа М. И. Воронцова. — Устройство этихъ дѣлъ его братомъ. — Богатство князей Дашковыхъ. — Графы Шуваловы. — Разсказы объ И. И. Шуваловѣ. — Графъ Лестокъ, поднявшій снова вопросъ о богатствахъ князя Меншикова. — Богатство частныхъ лицъ въ Малороссіи и на Дону. — Предоставленіе всѣхъ сокровищъ Индіи императоромъ Павломъ I атаману Орлову.

Со времени воцаренія Елизаветы Петровны стали у насъ являться особаго рода быстро богатѣвшія на счетъ государства лица, не оказавшія ему еще никакихъ заслугъ. Первымъ изъ такихъ лицъ можно считать Шубина.

Еще въ то время, когда Елизавета Петровна была цесаревной, въ числѣ солдатъ преображенскаго полка былъ Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ; онъ служилъ при ней ординарцемъ. Императрица Анна Ивановна, считая Шубина дѣятельнымъ приверженцемъ цесаревны, сослала его въ Сибирь. Но Елизавета, вступивъ на престолъ, немедленно повелѣла отыскать его въ Сибири, что̀ и было исполнено съ большимъ трудомъ, такъ какъ мѣсто ссылки его было неизвѣстно. Въ 1743 году Шубинъ былъ привезенъ въ Петербургъ, пожалованъ въ генералъ-майоры, получилъ богатые подарки отъ императрицы и 2,000 душъ во Владимірской губерніи. По разстроенному здоровью онъ вышелъ въ 1744 году въ отставку генералъ-поручикомъ и поселился въ пожалованномъ ему селѣ Работномъ, гдѣ и умеръ въ 1766 году. Мужское потомство его продолжалось почти сто лѣтъ.

При императрицѣ же Елизаветѣ Петровнѣ одинъ изъ близкихъ къ ней людей, Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ (род. 1729 года), котораго она узнала въ то время, когда онъ еще кадетомъ шляхетнаго корпуса участвовалъ въ театральныхъ представленіяхъ, былъ обогащенъ ею. Находясь впослѣдствіи генералъ-поручикомъ въ отставкѣ, Бекетовъ поселился въ своемъ астраханскомъ имѣніи, населенномъ имъ великорусскими крестьянами, и устроилъ тамъ разныя хозяйственныя заведенія, а также развелъ виноградные сады. М. А. Дмитріевъ въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“ упоминаетъ о великолѣпной усадьбѣ Бекетова „Отрадѣ“, въ которой между прочимъ была роскошная мельница, не производившая ни малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и гдѣ стояли краснаго дерева ломберные столы для игры въ карты. Ведя благоразумно свои дѣла и владѣя, вдобавокъ къ этому, рыбными ловлями на Волгѣ, онъ оставилъ послѣ себя „знатное“ имѣніе, которое завѣщалъ двумъ своимъ побочнымъ дочерямъ. Одна изъ нихъ, Елизавета Никитична, была за астраханскимъ вице-губернаторомъ Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ, а другая за Смирновымъ. Родной же племянникъ его, извѣстный поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, получилъ только 40,000 рублей изъ имѣнія своего дяди. Бекетовъ умеръ въ 1794 г. и Всеволожскій сталъ оспаривать у Дмитріева и эту часть наслѣдства. Завязался процессъ, кончившійся мировою сдѣлкою только въ царствованіе императора Александра Павловича.

Къ родному брату Бекетова, Петру Аѳанасьевичу, пришло также огромное состояніе, вслѣдствіе женитьбы его на Иринѣ Ивановнѣ Мясниковой, принесшей ему въ приданое 19,000 душъ и два завода. Отъ этого брака было у него два сына, умершихъ холостыми, а потому богатство Мясниковыхъ перешло, по двумъ его дочерямъ, къ Кушниковымъ и Балашевымъ.

Въ числѣ лицъ, быстро возвысившихся при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, былъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Вѣроятно нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей памятенъ тотъ процессъ, который велъ во Франціи одинъ изъ представителей фамиліи Воронцовыхъ, князь Семенъ Михайловичъ, съ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ,

издателемъ „Родословной книги“. Поводомъ къ этому процессу послужилъ собственно вопросъ о древности рода князей Воронцовыхъ и о принадлежности ихъ къ той фамиліи бояръ Воронцовыхъ, которая была такъ извѣстна еще въ первой половинѣ XVI столѣтія. Не касаясь этого процесса ни съ юридической, ни съ нравственной стороны, нельзя однако не сказать, что нѣтъ достаточныхъ основаній считать древній родъ Воронцовыхъ угасшимъ, такъ какъ легко могло быть, что „захудавшіе“ къ исходу XVII столѣтія Воронцовы не заявили о своемъ существованіи при составленіи „Бархатной книги“, а потому и родъ ихъ былъ показанъ угасшимъ, какъ это случилось и съ другими старинными родами.

Какъ бы то впрочемъ ни было, но отецъ Михаила Илларіоновича Воронцова, содѣйствовавшаго весьма много вступленію на престолъ Елизаветы Петровны, былъ небогатый помѣщикъ, имѣвшій только 200 душъ крестьянъ. За услуги, оказанныя сыномъ, онъ получилъ, какъ и самъ Михаилъ Илларіоновичъ, обширныя помѣстья. Увеличенію богатства молодаго Воронцова послужилъ также и бракъ его съ графинею Анной Карловною Скавронской, двоюродною сестрою императрицы Елизаветы. Двадцати-восьми лѣтъ отъ-роду онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и александровскимъ кавалеромъ, а 27 марта 1744 года римско-нѣмецкій императоръ Карлъ VI возвелъ его въ графское достоинство. Въ томъ же году онъ былъ пожалованъ вице-канцлеромъ, а въ 1758 году канцлеромъ. Не имѣя мужскаго потомства, онъ исходатайствовалъ въ 1760 г. у императора Франца I распространеніе пожалованнаго ему графскаго титула на родныхъ братьевъ своихъ Романа и Ивана Илларіоновичей Воронцовыхъ.

За Михаиломъ Воронцовымъ числилось: приданое его жены въ Арзамасскомъ уѣздѣ 912 душъ; купленныхъ въ Московскомъ уѣздѣ 79 душъ; жалованныхъ въ Кексгольмскомъ уѣздѣ три погоста, въ нихъ 3,763 души, да въ Лифляндіи 51 гакъ. Въ 1758 году при назначеніи его канцлеромъ Елизавета подарила ему 40,000 рублей.

Оказывается нынѣ однако изъ изданныхъ бумагъ „Воронцовскаго Архива“, что, не смотря на богатство, данное графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову и на выгодную его же-

нитьбу, онъ всю жизнь постоянно стѣснялся въ денежныхъ средствахъ гораздо болѣе, нежели иной человѣкъ съ достаткомъ средней руки. Уже въ 1746 году Воронцовъ начинаетъ сѣтовать на недостаточность своего состоянія, обращаясь съ просьбою къ графу Алексѣю Разумовскому о принятіи въ казну трехъ погостовъ, пожалованныхъ ему Елизаветою въ Кексгольмскомъ уѣздѣ, съ тѣмъ, чтобы было выдано за каждый по 20,000 рублей. Какъ причину, побуждавшую его къ такой сдѣлкѣ, онъ выставлялъ необходимость уплатить лежавшіе на немъ долги, для погашенія которыхъ онъ намѣренъ былъ продать, съ большимъ для себя ущербомъ, алмазныя вещи и серебро. Но вѣроятно такихъ вещей было у него немало, потому что, какъ онъ объяснялъ Разумовскому, едва ли въ два года сыщется покупщикъ, который могъ бы внести слѣдующую за нихъ сумму. Онъ между прочимъ былъ долженъ въ монетную канцелярію 20,000 рублей, въ счетъ которыхъ едва уплатилъ 3,000 рублей. Стѣсненный долгами, Воронцовъ въ 1747 году публиковалъ въ газетахъ о продажѣ всѣхъ своихъ деревень, но покупщики не находились. Онъ просилъ императрицу пожаловать его деревнями или „чѣмъ инымъ“, но она не исполняла его просьбы, и нежеланіе Елизаветы помочь ему онъ приписывалъ навѣтамъ и клеветамъ, прося „слезно“ избавить его отъ „несчастной анафемы“.

Въ просительныхъ своихъ письмахъ къ императрицѣ графъ Михаилъ Воронцовъ излагалъ, что онъ, „не имѣя ничего собственнаго, для житія съ женою, принужденъ былъ покупать и строить дворы, заводить себя людьми и экипажемъ, и для бывшихъ многихъ торжествъ и праздниковъ ливреи, платья богатыя, иллюминаціи и трактаменты дѣлать“. Вслѣдствіе всего этого, онъ, по словамъ его, „нечувственно вшелъ въ разные долги, а содержаніе дома стало превосходить ежедневные доходы. Должность моя,—прибавляетъ весьма справедливо Воронцовъ, — меня по-министерски, а не по-философски жить заставляетъ“.

Въ письмахъ этихъ отчетливо обрисовывается положеніе тѣхъ поставленныхъ на виду вельможъ, которые, не имѣя своего родоваго состоянія, должны были жить съ блестящей обстановкой и примѣняться ко двору Елизаветы, тратившей

громадныя суммы на великолѣпіе и роскошь. Вмѣстѣ съ этимъ, Воронцовъ указывалъ на невозможность жить вельможамъ, какъ имъ это приличествуетъ, безъ поддержки со стороны государя. „Мы всѣ, вѣрные ваши рабы,—писалъ онъ государынѣ, — безъ милости и награжденія вашего императорскаго величества прожить не можемъ. И я ни единаго дома фамиліи въ государствѣ не знаю, который бы собственно безъ награжденія монаршескихъ щедротъ себя содержалъ". Это писалъ онъ въ 1751 году и затѣмъ продолжалъ постоянно обращаться съ „рабскими" прошеніями къ Елизаветѣ, прося пожаловать ему въ Лифляндіи имѣніе въ 225 гаковъ и городъ Маріенбургъ, нѣкогда пребываніе Марты Скавронской, впослѣдствіи императрицы Екатерины I. Онъ просилъ также въ займы 20,000 рублей изъ наличныхъ денегъ, бывшихъ при иностранной коллегіи, и подмосковную деревню.

Въ прошеніяхъ своихъ Воронцовъ повторялъ, что онъ нечаянно вошелъ въ большіе долги, которые причиняютъ ему непрестанное безпокойство, а между тѣмъ „нѣтъ способовъ отъ сихъ тяжкихъ обстоятельствъ освободиться". Къ этому онъ добавлялъ, что если бы онъ „не былъ взысканъ столь знатнымъ чиномъ и повѣренною должностію (о чемъ весь свѣтъ не знать не можетъ), то всячески-бъ старался въ посредственномъ своемъ состояніи себя безъ нужды содержать". Долги его около этого времени (въ 1752 г.) простирались до 58,000 р.

Выпрашивая все это, онъ въ то же время составлялъ проектъ самаго аристократическаго свойства. Онъ предлагалъ, по примѣру чужестранныхъ государствъ, нѣкоторыя знатныя вотчины дворянъ „эрижировать" (ériger) и въ достоинства возвести и именовать княжествами, графствами, баронствами, господарствами, сообразно числу находившихся въ нихъ крестьянъ, такъ чтобы въ княжествѣ было не менѣе 5 или 4,000 душъ, въ графствахъ отъ 2 до 3,000 и т. д., и оныя деревни именовать прибавленіемъ къ фамиліи каждаго. „Ежели—заключалъ графъ Воронцовъ свой проектъ — по сему предложенію ея императорскаго величества соизволеніе послѣдуетъ, то всѣ оныя вотчины узаконить именовать навсегда онымъ титулами и чтобъ отнюдь не раздроблены были продажами или раздѣленіемъ въ роды, но въ своей цѣлости оставались".

Желая осуществленія этого проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добиваясь полученія подходящей къ нему какой-либо знатной вотчины, Воронцовъ увидѣлъ наконецъ исполненіе послѣдняго своего желанія. Въ 1753 году Елизавета, убѣдившись въ напрасныхъ наговорахъ графа Бестужева-Рюмина на Воронцова, пожаловала ему Маріенбургъ и 225 гаковъ земли. По тогдашнему времени это было громадное состояніе, такъ какъ цѣнность гака полагалась въ 1,000 рублей, но — какъ писалъ въ своей автобіографической запискѣ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ — разстроенныя дѣла и большіе расходы по представительству заставили графа Михаила Воронцова продать это имѣніе за 120,000 рублей барону Фитингофу, который потомъ самъ разсказывалъ, что значительною частью своего громаднаго богатства онъ былъ обязанъ этой удачной для него покупкѣ и что онъ самъ не продастъ маріенбургскаго имѣнія даже за 800,000 рублей.

Но и послѣ этого, будучи уже канцлеромъ, Воронцовъ, въ 1758 году, просилъ снова о взятіи въ казну кекгольмскихъ деревень за 150,000 руб., хотя бы съ уплатою въ разсрочку или чтобъ было выдано въ ссуду 60,000 руб. на 10 лѣтъ.

Вообще, какъ видно, графъ Михаилъ Воронцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ никакъ не удается во всю жизнь устроить свои денежныя дѣла надлежащимъ образомъ. Для поправленія этихъ дѣлъ онъ пытался пускаться и въ торговыя спекуляціи. Такъ, въ 1759 году, онъ съ генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ выхлопоталъ себѣ привилегію на исключительный отпускъ изъ портовъ Архангельскаго и Онежскаго льнянаго сѣмени. Воронцовъ и Глѣбовъ передали эту привилегію купцу Евреинову на 6 лѣтъ. Но и здѣсь не повезло Воронцову. Въ 1760 году 5 кораблей Евреинова были разбиты бурею, а 31 іюля 1762 года отмѣнены были Екатериною II всѣ прежнія торговыя привилегіи. Евреиновъ долженъ былъ заплатить за погибшій грузъ 160,000 рублей пошлины и по договору 60,615 рублей въ пользу лицъ, передавшихъ ему привилегію. Изъ этой суммы половина досталась графу Воронцову, а остальныя пошли въ раздѣлъ поровну между генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ и оберъ-прокуроромъ Петромъ Спиридоновичемъ Сумароковымъ.

Такимъ образомъ положеніе графа Михаила Воронцова, казавшагося по внѣшности однимъ изъ первыхъ богачей въ тогдашней Россіи, въ сущности было очень плохо.

Вообще по денежнымъ дѣламъ у графа Михаила Воронцова было не мало непріятностей. Такъ, 21 февраля 1754 года онъ писалъ изъ Москвы графу Александру Гавриловичу Головкину, что „газетиръ“ утрехтскій сообщаетъ, будто ему, Воронцову, „за усердное тушеніе пожара дворца въ Москвѣ, гдѣ, съ гренадерами смѣшавшись, жизнь свою экспонировалъ, пожаловано 25 каре въ Лифляндіи, съ которыхъ онъ будетъ получать по 25,000 рублей дохода“. Воронцовъ считалъ это извѣстіе „глупымъ и малиціознымъ“ и просилъ потребовать отъ газетира, кто сообщилъ ему это, добавляя, что государыня, зная недостатки и долги, пожаловала ему коронныя маетности Маріенбургъ и Калпемоизъ, состоящія изъ $51^1/_2$ гака.

Императрица Екатерина II, въ 1763 году, нѣсколько поддержала государственнаго канцлера въ его финансовыхъ затрудненіяхъ. Она приказала купить домъ Воронцова за 217,000 рублей, которые однако зачтены были въ счетъ его долга мѣдному банку и въ таможню, но вмѣстѣ съ тѣмъ она дозволила ему, какъ канцлеру, жить въ этомъ домѣ. Кромѣ того ему уступлено было 190,000 гульденовъ, остававшихся еще съ 1748 года на голландской республикѣ недоимочныхъ денегъ, слѣдовавшихъ Россіи въ счетъ обязательной субсидіи. Наконецъ графъ Воронцовъ, занимавшійся, какъ мы видѣли, и торговыми спекуляціями, успѣлъ, по повелѣнію короля англійскаго Георга II, получить 2,000 фунтовъ стерлинговъ въ вознагражденіе убытковъ, нанесенныхъ его судамъ англійскими каперами. При увольненіи отъ должности канцлера, онъ получилъ отъ Екатерины II единовременно 50,000 рублей и 7,000 рублей пожизненной годовой пенсіи. Такимъ образомъ графъ Михаилъ Воронцовъ, бившійся всю жизнь какъ рыба объ ледъ, нѣсколько поустроился, но не надолго, такъ какъ онъ умеръ въ 1767 году, не оставивъ дѣтей.

Послѣ смерти жены канцлера Воронцова, оставшейся вдовою, имѣнія ея перешли къ племяннику ея, графу Скавронскому. Воронцовы затѣяли тяжбу, но подъ вліяніемъ Потемкина она была рѣшена въ пользу Скавронскихъ.

Совершенно иначе шли денежныя дѣла его старшаго брата, генералъ-аншефа Романа Илларіоновича (род. 1707 г., † 1783 г.). Хотя онъ и не былъ взысканъ особенными милостями Елизаветы Петровны, но успѣлъ другими путями составить себѣ огромное состояніе и тѣмъ опровергалъ доводы своего брата относительно необходимости монаршескихъ щедротъ. Не гоняясь за знатнымъ родствомъ, онъ женился на одной чрезвычайно богатой сибирячкѣ, Маріѣ Ивановнѣ Сурминой, которая ссужала цесаревну Елизавету Петровну деньгами и тѣмъ самымъ, какъ говоритъ преданіе, сблизила ее съ Воронцовыми. Независимо отъ этого, графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ, не имѣвшій такой надобности, какъ его братъ, тратиться на представительство, былъ нечистъ на руку, и въ тогдашнемъ обществѣ прозвали его поэтому „Романъ большой карманъ“. Князь Щербатовъ въ сочиненіи своемъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ говоритъ, что онъ во все время своей жизни былъ „признанный здоимецъ“ и что когда онъ былъ намѣстникомъ владимірскимъ, пензенскимъ и тамбовскимъ, то въ этихъ губерніяхъ вслѣдствіе его управленія разореніе народа дошло до крайности.

Слухи объ этомъ достигли, наконецъ, до императрицы, и она прислала ему въ подарокъ большой кошелекъ. Этотъ „двоезнаменующій“ знакъ монаршей милости Воронцовъ получилъ въ день своего ангела, при бывшемъ у него большомъ собраніи гостей. Этотъ укоръ, какъ тогда говорили, такъ на него подѣйствовалъ, что онъ захворалъ и вскорѣ умеръ.

Вообще съ самаго возвышенія графовъ Воронцовыхъ фамилія ихъ считалась между богатою русскою знатью. Однажды впрочемъ богатству ихъ угрожала немаловажная опасность, такъ какъ императоръ Павелъ I, въ 1800 году, заявилъ намѣреніе конфисковать всѣ имѣнія графа Семена Романовича Воронцова, по случаю долговременнаго его пребыванія въ Англіи, но смерть императора отклонила исполненіе этой мѣры.

Въ это время графъ С. Р. Воронцовъ поручилъ банкиру Бонару продать серебряную посуду, перстень и табакерку, которую онъ получилъ въ 1793 году отъ короля англійскаго за подписаніе конвенціи. Онъ отказался принять 40,000 рублей, предложенныхъ ему братомъ, а самъ между тѣмъ былъ въ

такомъ стѣсненномъ положеніи, что не могъ даже держать экипажа.

Воронцовъ писалъ изъ Англіи Растопчину, что онъ въ долгахъ по горло, а это въ Англіи было куда какъ не удобно. Въ ту пору даже сыновья короля,—если они не были пэрами—въ случаѣ неуплаты долга свыше 10,000 фунтовъ стерлинговъ, подвергались тюремному заключенію. Въ 1790 году у наслѣдника престола, принца Валлійскаго, три раза была взята изъ дворца за долги вся его движимость.

Сообщая о такой строгости, Воронцовъ замѣчалъ, что онъ бѣднѣе Симолина и объяснялъ свое стѣсненное положеніе въ слѣдующихъ строкахъ: „Отецъ мой былъ богатъ собственнымъ имѣніемъ и еще болѣе щедротами императрицы. Онъ былъ щедръ и предавался расточительности. Петръ III занималъ у него деньги и обѣщалъ ему земли въ день коронаціи“. По смерти Петра Воронцовъ былъ вынужденъ продать фабрики, заводы, которые составляли почти половину его состоянія. Послѣ того у него отняли имѣніе въ Малороссіи. Отняли у Воронцовыхъ вообще имѣнія въ Карелiи, гдѣ числилось 12,000 душъ. Послѣ того какъ графъ Скавронскій женился на племянницѣ Потемкина, имѣнія эти отданы были Скавронскимъ. Отецъ Семена Воронцова умеръ, лишившись $^2/_3$ всего состоянія и оставивъ долги. Самъ Семенъ Воронцовъ получилъ отъ отца въ наслѣдство до 22,000 рублей, но эти рубли не были уже рублевиками временъ Елизаветы Петровны“.

Пріятель С. Р. Воронцова, врачъ Роджерсонъ, поспѣшилъ увѣдомить своего друга о постигшей его такъ внезапно бѣдѣ. Распоряженіе Павла приписывалъ Роджерсонъ управлявшему морскимъ вѣдомствомъ графу Кушелеву, который, вовсе не по злобѣ, но только по простотѣ представилъ Павлу начетъ на Воронцова въ 480 фунтовъ стерлинговъ, неизвѣстно какимъ образомъ составившійся на русскомъ посланникѣ въ Лондонѣ. Вслѣдствіе такой мѣры братъ Воронцова, Александръ Романовичъ, велѣлъ приказчикамъ передать имѣнія брата мѣстнымъ исправникамъ; относительно же тѣхъ имѣній, которыми братъ его владѣлъ съ нимъ нераздѣльно, обратился со всеподданнѣйшею просьбою о повелѣніи какъ

съ ними поступить, но отвѣта на это, за кончиною императора, не послѣдовало.

Александръ Павловичъ приказалъ уплатить графу С. Р. Воронцову задержанное у него жалованье и удовлетворить всѣ убытки, понесенные имъ вслѣдствіе увольненія его отъ должности посла при сенъ-джемскомъ дворцѣ. Въ возмездіе за это, а также взамѣнъ жалованья ему было выдано 50,000 рублей.

Младшій изъ братьевъ Воронцовыхъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго кабинетъ-министра Волынскаго, но этотъ бракъ не могъ способствовать увеличенію его состоянія. Впослѣдствіи, однако, происшедшая отъ Ивана Илларіоновича младшая отрасль графовъ Воронцовыхъ, чуждая всякой нечестной наживы, пріобрѣла весьма значительное состояніе, благодаря своему родству съ князьями Дашковыми по знаменитой Екатеринѣ Романовнѣ Воронцовой, вышедшей замужъ за князя Михаила-Кондратія Ивановича Дашкова. Князья Дашковы, изъ Рюриковичей, не были знатны, имя ихъ не встрѣчается въ русской исторіи и оно получило извѣстность только чрезъ княгиню Екатерину Романовну; но живя скромно, они копили все болѣе и болѣе, причемъ накопленное ими не дробилось между размножавшимися наслѣдниками. Напротивъ даже, къ исходу XVIII вѣка все богатство князей Дашковыхъ сосредоточилось въ рукахъ одного владѣльца, бывшаго послѣднимъ въ ихъ родѣ. Передъ смертью князь Дашковъ завѣщалъ все свое имѣніе внучатому брату своему, графу Ивану Илларіоновичу Воронцову, получившему въ 1807 году отъ императора Александра I дозволеніе именоваться потомственно графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

Что касается старшей отрасли графовъ Воронцовыхъ, то богатство ея значительно умножилось вслѣдствіе брака графа Михаила Семеновича, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя, съ графинею Елизаветою Ксаверьевною Браницкою, мать которой была самою любимою изъ племянницъ князя Потемкина-Таврическаго, почему часть потемкинскаго богатства перешла и къ князьямъ Воронцовымъ. Въ недавнее время мужское поколѣніе князей Воронцовыхъ пресѣклось.

Въ числѣ самыхъ богатыхъ и знатныхъ лицъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ являются Шуваловы, предста-

вители, хотя и старинной дворянской фамиліи, извѣстной еще въ XVI вѣкѣ, но до половины XVIII столѣтія вовсе не замѣчательной по своему богатству. Два брата Шуваловы, Александръ (род. 1710 г., † 1771 года) и Петръ (род. 1711 г., † 1762 г.) Ивановичи Шуваловы, сыновья генералъ-майора, принимавшіе дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, особенно сблизились съ нею, вслѣдствіе женитьбы младшаго изъ нихъ на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой (род. 1708 г., † 1759 г.), съ которой императрица была въ самой тѣсной дружбѣ. Оба Шувалова, получившіе въ 1746 году графское достоинство, были генералъ-фельдмаршалами.

Графъ Петръ Ивановичъ умножалъ пожалованное ему имѣніе посредствомъ участія въ винныхъ откупахъ, и кромѣ того, по примѣру другихъ вельможъ того времени, держалъ на откупу табакъ, рыбныя ловли на Бѣломъ морѣ и Олонецкіе лѣса.

Въ силу узаконенія, изданнаго Петромъ Великимъ о томъ, чтобъ рудокопные заводы отдавать въ приватныя руки, Петръ Ивановичъ получилъ разные заводы, а въ числѣ ихъ и лучшій изъ всѣхъ тогдашнихъ заводовъ, Гороблагодатскій, по оцѣнкѣ за 40,000 рублей. Къ этому заводу было приписано 20,000 крестьянъ и, по словамъ князя Щербатова, онъ приносилъ ежегодно 200,000 рублей дохода. Впослѣдствіи однако заводъ этотъ снова поступилъ въ казну за долги Шувалова. Онъ жилъ чрезвычайно роскошно, и первый изъ русскихъ устроилъ ананасовую оранжерею и первый завелъ цугъ чистокровныхъ англійскихъ, въ то время чрезвычайно дорогихъ лошадей. Хотя графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій носилъ пуговицы, звѣзду и эполетъ, осыпанные весьма драгоцѣнными брилліантами, но у графа Шувалова всѣ эти уборы были гораздо богаче, нежели у Разумовскаго. Онъ, по словамъ Щербатова и Данилова, имѣлъ, кромѣ жалованья, болѣе 400,000 рублей ежегоднаго дохода, но и этой, въ ту пору необъятной, суммы не хватало на его роскошь и онъ умеръ, имѣя на себѣ слишкомъ 1.000,000 рублей казеннаго долгу.

Датскій дворъ дѣлалъ Шуваловымъ большіе подарки. Императоръ Петръ III, съ своей стороны, увеличилъ состояніе

графовъ Шуваловыхъ, пожаловавъ графу Александру Ивановичу богатую вотчину, состоявшую изъ 4,000 душъ.

Когда послѣ смерти графа Петра Ивановича на Гороблагодатскихъ заводахъ открылись возмущенія рабочихъ, то — какъ это видно изъ письма императрицы Екатерины II къ Никитѣ Ивановичу Панину—она предполагала сдѣлать съ наслѣдникомъ Шувалова „акордъ“, взявъ отъ него въ казну эти заводы съ считавшимися при нихъ 25,000 душъ крестьянъ и за это сложить съ него 686,000 рублей, которые онъ долженъ былъ заплатить въ казну по долгу, числившемуся на его отцѣ, „и то не силою сдѣлать, а согласясь съ нимъ“, прибавляла Екатерина. Сдѣлка эта состоялась.

Впослѣдствіи къ графамъ Шуваловымъ перешла часть состоянія Строгановыхъ, вслѣдствіе женитьбы графа Павла Андреевича Шувалова на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Шаховской, мать которой была изъ рода Строгановыхъ и имѣла только одну дочь, вышедшую послѣ смерти перваго своего мужа за французскаго графа Адольфа Полье, а овдовѣвъ, вступила въ третій бракъ съ бывшимъ въ Петербургѣ неаполитанскимъ посланникомъ Вильдингомъ, княземъ Бутера-ди-Радали.

Въ числѣ лицъ самыхъ близкихъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, былъ двоюродный братъ графовъ Шуваловыхъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель и первый кураторъ московскаго университета. Нѣкоторые изъ современниковъ восхваляютъ примѣрное его безкорыстіе. Такъ Манштейнъ въ „Запискахъ“ своихъ разсказываетъ, что умирающая императрица Елизавета отдала въ собственность Шувалова хранившійся подъ изголовьемъ ея постели большой сундукъ, наполненный до-верху червонцами, но что Шуваловъ, тотчасъ послѣ смерти императрицы, представилъ все подаренное ему золото наслѣднику ея, императору Петру III. По разсказу Бантыша-Каменскаго, Шуваловъ отказался отъ 6,000 душъ, предложенныхъ ему императрицею Елизаветою. Извѣстно однако, что послѣ возвращенія своего изъ долголѣтняго заграничнаго путешествія, онъ, войдя въ милость Екатерины II, принялъ отъ нея въ подарокъ 60,000 рублей и ежегодную пенсію въ 6,000 рублей, сверхъ назначеннаго ему жалованья. Кромѣ того, въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей“ напеча-

тано письмо Ивана Ивановича Шувалова, изъ котораго видно, что онъ обращался къ князю Г. Г. Орлову, какъ къ своему покровителю, съ просьбою уговорить императрицу, чтобы она купила его домъ, подъ академію, и картины. За домъ онъ просилъ 6,000 рублей и столько же за картины. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ умеръ, не оставивъ потомства.

Изъ лицъ, близкихъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, сдѣлался богатъ домашній ея докторъ, графъ Арманъ Лестокъ († 1767 г.), родомъ изъ Ганновера, принимавшій самое дѣятельное участіе при вступленіи ея на престолъ. Пожаловавъ Лестоку значительныя вотчины, императрица, кромѣ того, надѣляла его и дорогими подарками. Такъ секретарь саксонскаго посольства Пецольдтъ разсказываетъ, что когда государыня, 20 ноября 1742 года, пріѣхала ужинать къ Лестоку на новоселье, то, вмѣсто хлѣба-соли, привезла ему брилліантовое кольцо, стоившее 10,000 рублей; а женѣ его головной золотой уборъ, осыпанный брилліантами и рубинами. Въ этотъ же день, друзья, гости и приближенные Лестока сдѣлали ему подарковъ на 12,000 рублей. Маркизъ Шетарди, французскій посланникъ, желая установить вліяніе Франціи на внѣшнюю политику Россіи, выхлопоталъ у своего двора Лестоку пенсію по 12,000 рублей, и для того, чтобы онъ былъ увѣренъ въ исправномъ полученіи этой пенсіи, Шетарди предложилъ Лестоку выбрать мѣсто, куда можно было бы помѣстить капиталъ, приносящій въ процентахъ обѣщанную сумму, но Лестокъ отказался принять назначенную ему пенсію. Когда же Лестока постигла опала, то все его имѣніе было конфисковано. При возвращеніи его изъ ссылки, императоръ Петръ III назначилъ ему, какъ „первому лейбъ-медикусу“, ежегодную пенсію по 7,000 рублей и пожаловалъ въ Лифляндіи 27 гаковъ земли. Графъ Лестокъ, раззоренный конфискаціей, не оставилъ послѣ себя значительнаго состоянія, такъ что его племянники получили въ наслѣдство только 10,000 рублей, а вдовѣ его императрица Екатерина II дала въ пожизненное владѣніе 1,184 души въ Бѣлоруссіи.

При томъ порядкѣ изложенія, какого мы держимся, намъ слѣдовало бы теперь перейти къ графамъ Разумовскимъ, которые въ половинѣ прошлаго столѣтія были самыми бога-

тѣйшими помѣщиками въ Малороссіи; но прежде чѣмъ мы будемъ говорить въ отдѣльности о Разумовскихъ, считаемъ не лишнимъ представить общій очеркъ относительно частныхъ богатствъ въ этой мѣстности.

При старинномъ военно-республиканскомъ устройствѣ Малороссіи, въ ней не могло составляться такого рода значительныхъ богатствъ, такъ какъ они нарушали бы казацкое равенство. Но когда казаки поддались Польшѣ, то короли польскіе стали жаловать польской шляхтѣ помѣстья на Украйнѣ. Поляки, впрочемъ, неохотно селились въ заднѣпровской Украйнѣ, такъ какъ имъ трудно было ужиться съ казачествомъ, не терпѣвшимъ среди себя аристократическихъ элементовъ. По изгнаніи, при Богданѣ Хмѣльницкомъ, поляковъ изъ Малороссіи, тамъ установился своего рода помѣстный порядокъ, а именно: состоявшіе на дѣйствительной службѣ чины малороссійскаго или запорожскаго войска пользовались такъ называемыми ранговыми помѣстьями. Особенно значительны были эти помѣстья у полковниковъ, такъ что даже генеральный войсковой старшина поступалъ очень охотно на полковничье, какъ на болѣе доходное, мѣсто. Гетманамъ малороссійскимъ были также предназначены на урядъ ранговыя маетности, которыя увеличивались все болѣе и болѣе, такъ что подъ конецъ существованія гетманскаго управленія, гетманъ, по своей должности, былъ всегда самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Малороссіи.

Гетманамъ, по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, было предоставлено право жаловать помѣстья, но размѣры жалуемыхъ помѣстій были чрезвычайно ограничены, и они обыкновенно давались только „для вспартя господарства“, т. е. для поддержанія хозяйства, такъ что вообще богатыхъ помѣщиковъ въ Малороссіи, въ силу гетманскихъ пожалованій, не было, что̀ составляло противоположность съ Великою Россіею, гдѣ почти всѣ значительныя помѣстныя богатства составились вслѣдствіе царскихъ пожалованій. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ малороссовъ покупали себѣ обширныя земли, заводили стада, табуны и мельницы, такъ что въ концѣ XVII столѣтія вслѣдствіе этого явилось нѣсколько богатыхъ людей въ Малороссіи.

Вообще генеральная и полковая старшина пріобрѣтала богатство самыми безправными и даже прямо насильственными способами. Такъ, въ 1706 году вышедшій изъ Запорожья простой неграмотный казакъ Игнатій Галаганъ, сдѣлавшійся чигиринскимъ полковникомъ, получилъ во владѣніе богатое село Веремѣевку и сталъ распоряжаться въ полку такъ произвольно, что захватилъ себѣ 806 крестьянскихъ дворовъ, а въ концѣ XVIII вѣка родъ его сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ родовъ, такъ какъ у его правнука было болѣе 10,000 душъ крестьянъ обоего пола. Одинъ изъ его потомковъ основалъ въ недавнее время въ Кіевѣ училище, извѣстное подъ именемъ „Коллегія Галагана".

Одинъ изъ Полуботковъ былъ настолько богатъ, что, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества", у него въ Малороссіи, послѣ его ареста, было захвачено 200,000 ефимковъ,—сумма, равняющаяся такому же числу нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, — а въ Петербургѣ было у него отобрано 4,000 червонныхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ значительныя помѣстья, которыя по пресѣченіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, мужскаго поколѣнія рода Полуботковъ, перешли по женскому колѣну къ Милорадовичамъ и Стороженкамъ.

У Василія Васильевича Кочубея, бунчуковаго товарища, было 5,425 душъ въ 1748 году, у Михаила, его наслѣдника, 5,890 душъ въ 1751 году.

У Григорія Петровича Милорадовича, въ концѣ прошлаго столѣтія, считалось 92,000 десятинъ земли въ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской.

Гетманъ Самойловичъ имѣлъ тѣ знаменитые „скарбы" (сокровища), которые—онъ по выраженію лѣтописца—„сбиралъ высякими способами", но никакъ не могъ насытиться. Когда онъ былъ лишенъ гетманства, то сказалъ, что не было числа и мѣры его драгоцѣнностямъ. У него нашлись: золотые и серебряные кубки, кружки, четвертины, братины, блюда, поясы, жемчугъ, разные драгоцѣнные перстни. Все число вещей въ описи имущества Самойловича исчисляется въ отдѣльности десятками пудовъ. Въ ней же были и художественныя издѣлія, музыкальные инструменты и 200 томовъ книгъ.

Въ 1782 году у Михаила Апостола было 8,051 душа обоего пола.

Горленки, потомки прилуцкаго полковника, были при Мазепѣ одними изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ Малороссіи. Въ 1772 году одинъ изъ Горленковъ при выдачѣ дочери замужъ за графа Девьера далъ въ приданое въ брилліантахъ и алмазахъ, золотѣ, серебрѣ, платьѣ и бѣльѣ 7,000 рублей, наличныя деньги, и мельницу. Вообще за двумя своими дочерьми далъ состояніе тысячъ по пятидесяти. Это была громадная по тому времени сумма. Сыновьямъ же онъ оставилъ до 3,000 душъ при 15,000 десятинъ земли.

У жены обознаго гадячскаго, Елены Бороховичъ, умершей въ 1724 году, хранились: въ одномъ сундукѣ 5,400 червонцевъ, другой сундукъ былъ наполненъ „старыми талерами“; сундукъ этотъ былъ такого почтеннаго объема, что въ него могло бы вмѣститься четыре гарнца меду. Третій сундукъ былъ насыпанъ старинными серебряными копѣйками; въ него могло бы вмѣстить семь, если не болѣе, гарнцевъ меду; два человѣка съ трудомъ могли поднять этотъ сундукъ. Кромѣ того два большіе сундука были наполнены различною монетою: талерами, левами, постадерками, четвертками.

Базилевскіе или Василенко, изъ простаго казачества принявшіе польскую фамилію, были извѣстны по своимъ богатствамъ въ XVIII вѣкѣ. Богатства эти, какъ можно догадываться, были собраны преимущественно двумя братьями, Ѳедоромъ, сотникомъ остаповскимъ, въ 1738 году, и, Иваномъ, сотникомъ бѣлоцерковскимъ (1737—1749), за сыновьями котораго осталось 10,634 души обоего пола. Ѳедоръ и Иванъ Базилевскіе покупали земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, при безурядицѣ малороссійской администраціи въ XVIII вѣкѣ, было сильно ихъ служебное вліяніе.

Первымъ самымъ богатымъ помѣщикомъ въ Малороссіи изъ великоруссовъ былъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, которому гетманъ Скоропадскій, послѣ полтавской побѣды, отдалъ во владѣніе Почепскій уѣздъ. Князь Меншиковъ сталъ распоряжаться съ своими сосѣдями самовластно и отнималъ у малороссійскихъ чиновъ пожалованныя имъ прежде деревни и слободы. По жалобамъ малороссіянъ, Петръ

Великій прекратилъ такую расправу Меншикова, а въ 1723 году по дѣлу Девьера у него была взята часть малороссійскихъ имѣній; тѣмъ не менѣе, владѣнія его въ Малороссіи были обширны, но они были отняты у него при его ссылкѣ.

Примѣръ князя Меншикова проложилъ дорогу и другимъ великорусскимъ вельможамъ къ поземельному владѣнію въ Малороссіи. Конфискованныя у Меншикова владѣнія были розданы въ разное время генералу графу Вейсбаху, фельдмаршалу графу Миниху, генералъ-аншефу Бирону, брату временщика, дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву и нѣкоторымъ другимъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II, когда крѣпостное право окончательно установилось въ Малороссіи, многіе города,—какъ это видно изъ доклада, отъ 18 мая 1765 года, управлявшаго Малороссіей фельдмаршала графа Румянцева—розданы были частнымъ владѣльцамъ. Такія раздачи были произведены всего болѣе послѣднимъ гетманомъ Разумовскимъ. Указывая на это, графъ Румянцевъ упоминалъ въ докладѣ, что въ гетманскихъ статьяхъ нигдѣ не написано, чтобъ можно было отдавать города или мѣстечки въ частное владѣніе, а можно было давать только деревни и мельницы, и то по заслугѣ, и притомъ такія раздачи могъ дѣлать не только самъ гетманъ, но и войсковая старшина. На докладъ Румянцева Екатерина II отвѣчала, что розданные города пусты и что въ политическихъ и коммерческихъ видахъ лучше заводить новые. Вообще богатаго помѣстнаго дворянства въ Малороссіи было немного, а богатаго малороссійскаго купечества и вовсе не было изъ коренныхъ малороссовъ, такъ какъ торговля въ Малороссіи находилась исключительно въ рукахъ грековъ и евреевъ; но и среди какъ тѣхъ, такъ и другихъ замѣтныхъ богачей не являлось.

Подъ вліяніемъ порядковъ, во многихъ отношеніяхъ сходныхъ съ тѣми, какіе существовали въ Малороссіи, слагались достатки и богатства частныхъ лицъ на Дону, между тамошними казаками. Отчасти занявъ свободныя пространства, отчасти оттѣснивъ татаръ, донскіе казаки пріобрѣтенную ими сообща землю признали общинною войсковою собственностью и стали получать изъ нея участки только во

временное владѣніе. Понятно, что право потомственнаго владѣнія землею, а тѣмъ болѣе право владѣнія крѣпостными людьми не могло имѣть мѣста среди вольницы, искавшей свободы и равенства и стекавшейся на Донъ отовсюду, преимущественно же изъ Новгорода, невольное подчиненіе котораго Москвѣ побуждало тамошнихъ гражданъ оставлять родину и стремиться туда, гдѣ они надѣялись найти порядки, напоминавшіе порядки ихъ падшей республики. Общинное владѣніе землею и недопущеніе крѣпостнаго права продолжались на Дону до второй половины XVIII вѣка. Казаки управлялись сами безъ московскихъ приказовъ и царскихъ воеводъ, и это отстраняло отъ донской земли водвореніе въ ней порядковъ, установившихся въ московскомъ государствѣ вообще.

Источниками обогащенія служили для стариныхъ донцовъ выкупы плѣнныхъ турокъ, татаръ и черкесовъ, а также и военная добыча. При выкупѣ плѣнныхъ, донцы пускались въ особыя, слишкомъ жестокія спекуляціи: они отсѣкали нѣсколькимъ плѣнникамъ руки и посылали ихъ въ Азовъ, разсчитывая на то, что, въ виду подобной угрозы, и для прочихъ плѣнныхъ будетъ ускоренъ и увеличенъ выкупъ. Относительно выкупной суммы казаки были очень требовательны. Такъ, напримѣръ, въ 1592 году они требовали отъ султана за отпускъ изъ неволи одного чауша и шести черкесскихъ князей 32,000 золотыхъ. Что касается военной добычи, то они преимущественно ходили за нею въ Трапезунтъ, а также въ крымскіе и ногайскіе улусы. Все пріобрѣтаемое казаками считалось общиннымъ достояніемъ Войска Донскаго и шло между ними въ поголовный дѣлежъ. При этомъ условіи, сколь ни велика была иной разъ пріобрѣтенная добыча, но, какъ говорили казаки, изъ нея имъ доставалось „запасу по зерну, свинцу по пулькѣ и сукна по вершку“. Желая жить въ ладахъ съ Турціей, цари Ѳедоръ Ивановичъ и Михаилъ Ѳедоровичъ требовали, чтобы казаки не ходили на Азовъ и такимъ требованіемъ пресѣкали единственные въ ту пору источники ихъ довольства. Донцы роптали и жаловались, что они вслѣдствіе такого запрета дѣлались наги, голодны и босы.

Въ былое время, строго держась выраженнаго въ 1592 году

царскому послу Григорію Нащокину правила, что между казаками бо́льшихъ нѣтъ никого и что всѣ они равны между собою, донцы не допускали среди себя появленія людей богатыхъ, которые могли бы брать перевѣсъ надъ своими земляками. Должности у нихъ были временныя, и каждый начальникъ, сложивъ съ себя свой урядъ, обращался въ простаго, равнаго всѣмъ другимъ казака. Начало переворота въ этомъ исконномъ среди донцовъ равенствѣ было положено императрицею Екатериною II. Она первая стала жаловать временныхъ казацкихъ чиновниковъ военными чинами, дававшими права потомственнаго дворянства, и тогда въ донскомъ казачествѣ явилась впервые мысль объ организаціи дворянства, которое, по примѣру русскаго дворянства, должно было быть помѣстнымъ. Къ такой перемѣнѣ въ казацкой общинной, безсословной жизни была впрочемъ уже сдѣлана нѣкоторая подготовка.

Великорусскіе крестьяне, угнетаемые крѣпостнымъ правомъ и притѣсняемые разными властями, въ исходѣ XVII столѣтія стали въ огромномъ числѣ перебираться на Донъ, надѣясь найти тамъ волю и свободу отъ тѣхъ тягостей, которыя падали на нихъ въ областяхъ Великой Россіи. Донцы очень охотно принимали къ себѣ такихъ переселенцевъ, и дѣло дошло до того, что въ великорусскихъ областяхъ, смежныхъ съ Донскою областью, многія села и деревни совершенно опустѣли. Правительство не разъ требовало выдачи съ Дона бѣглыхъ, но всѣ клонившіяся къ тому мѣры были безуспѣшны. Онѣ вызывали постоянныя волненія и были, между прочимъ, главною причиною булавинскаго бунта.

При несуществованіи собственно среди казачества крѣпостнаго права, донцы, однако, нашли возможность пользоваться имъ, примѣняя это право къ великорусскимъ крестьянамъ. Подъ вліяніемъ проникавшихъ на Донъ московскихъ порядковъ, войсковые чины стали закрѣплять за собою бѣжавшихъ изъ Великой Россіи крестьянъ, поселившихся на ихъ земляхъ и, вдобавокъ къ этому, начали покупать на свозъ у великорусскихъ помѣщиковъ принадлежавшихъ этимъ послѣднимъ крестьянъ. Войсковое начальство, уступая тяготѣнію сильныхъ въ ту пору людей, терпѣло такіе порядки особенно въ виду того, что при неохотѣ самихъ казаковъ зани-

маться земледѣліемъ, на Дону увеличивалось все болѣе и болѣе нужда въ рабочихъ людяхъ. При этихъ условіяхъ крѣпостное право у вольнолюбивыхъ донцовъ стало развиваться такъ быстро, что по переписи 1763 года всѣхъ поселенныхъ на Дону и записанныхъ за тамошними землевладѣльцами крестьянъ считалось уже 20,422 души. Тогда изъ среды донцовъ выдѣлились богатые помѣщики, какъ-то: Платовы, Иловайскіе, Денисовы, Мартыновы, Дичкины, Луковкины и нѣкоторые другіе. Они владѣли населенными на крѣпостномъ правѣ помѣстьями, и изъ этихъ помѣстій составились вотчины въ 3,000, въ 4,000 и даже въ 5,000 душъ, хотя право такого владѣнія было весьма неопредѣленно, какъ относительно земель,— которыя принадлежали собственно всему донскому войску и только неправильно были захвачены частными лицами,— такъ и относительно крестьянъ, потому что на Дону крѣпостнаго права юридически всетаки установлено не было. Притомъ и зачисленные за донскими помѣщиками крестьяне были бѣглые, а прежніе ихъ владѣльцы не переставали предъявлять на нихъ свои права. Оказывалось необходимымъ прекратить такое запутанное положеніе дѣлъ, и съ этою цѣлью принялись составлять предположенія о возвращеніи съ Дона бѣглыхъ крестьянъ, жившихъ на казацкихъ земляхъ. Послѣ продолжительныхъ соображеній убѣдились наконецъ, что осуществленіе подобныхъ предположеній невозможно, такъ какъ пришлось бы изъ Донской Области выселять крестьянъ огромными ордами, и кромѣ того разстроить, вслѣдствіе этого, сельское хозяйство цѣлой области, и наконецъ, при возвращеніи крестьянъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, не было никакой возможности отыскать этихъ послѣднихъ. Быть можетъ и сами донскіе землевладѣльцы хлопотали въ Петербургѣ объ отклоненіи этой крайне невыгодной для нихъ мѣры; но какъ бы то ни было, а въ 1796 году послѣдовалъ высочайшій указъ, закрѣпившій на Дону крестьянъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились, и кромѣ того, до 1811 года существовало для донскихъ чиновниковъ право купленныхъ ими въ другихъ губерніяхъ крестьянъ перевозить на свои донскія земли и селить ихъ тамъ, какъ крѣпостныхъ. Вслѣдствіе всего этого, на Дону образовался многочисленный классъ помѣщиковъ, за которыми по шестой

ревизіи, въ 1811 году, числилось уже 76,857 крестьянскихъ душъ.

Особенно покровительствовалъ бѣглымъ русскимъ крестьянамъ пожалованный императрицею Елизаветою въ бригадиры войсковой старшина Краснощековъ. Онъ принималъ ихъ радушно въ свои хутора, и давалъ каждому изъ нихъ по 5 рублей награды и предоставлялъ по 5 лѣтъ льготы отъ всякихъ работъ и податей. Поселившіеся у него крестьяне увѣдомляли своихъ родичей, что жизнь на Дону очень хороша и что тамъ „никакихъ поборовъ и тягостей не бываетъ“. Молва объ этомъ расходилась далеко, и около 1740 года у Краснощекова оказалось 232 бѣглыхъ семействъ. Въ то же время и за атаманомъ Ефремовымъ оказалось записанныхъ 50 малороссійскихъ семействъ, перешедшихъ на Донъ.

Наживалъ онъ свои богатства нечестнымъ путемъ. Онъ былъ обвиненъ въ казнокрадствѣ и лихоимствѣ, такъ какъ бралъ по 200 и по 300 рублей за производство въ старшины. О богатствѣ Ефремова можно судить по слѣдующему обстоятельству. Когда, въ 1769 году, надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ военнаго суда, то имѣніе его было приказано описать и взять подъ секвестръ на случай могущихъ явиться на немъ взысканій и недочетовъ. Не смотря однако на то, что на имѣніе атамана Ефремова было наложено запрещеніе, спустя уже полгода послѣ заарестованія его самого, а также и на то, что жена его, женщина весьма практическая, могла припрятать многое, у него всетаки оказалось громадное по тому времени и особенно для донца состояніе. У Ефремова отобрано было въ казну денегъ, вещей и построекъ болѣе чѣмъ на 302,000 р., 300 душъ записанныхъ за нимъ крестьянъ и 267 калмыковъ, а также значительные табуны лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Въ книгѣ подъ заглавіемъ „Трехсотлѣтіе Войска Донскаго“, сказано, что атаманъ Ефремовъ имѣлъ „несмѣтныя богатства“.

Между тѣмъ, не смотря на закрѣпощеніе крестьянъ, земля, на которой они были поселены, продолжала по прежнему числиться общиною собственностію донскаго войска, и для разрѣшенія вопроса о поземельномъ устройствѣ донцовъ былъ въ 1819 году образованъ въ Новочеркаскѣ особый комитетъ. Атаманъ

Денисовъ хотѣлъ надѣлить землею станичныя общества уравнительно, съ запасомъ для будущихъ поколѣній, а также отвести поземельные участки донскимъ чиновникамъ, какъ имѣвшимъ, такъ и не имѣвшимъ крестьянъ. Предположенія эти не были приняты и занятія комитета тянулись до 1835 года. По бывшей въ этомъ году ревизіи, крестьяне окончательно закрѣплены лично за помѣщиками, причемъ на каждую ревизкую душу дано было по 15 десятинъ земли; но земля эта была предоставлена, въ силу стародавняго казацкаго обычая, не въ потомственную собственность, но только во временное владѣніе донскаго дворянства, такъ что крестьяне хотя и считались крѣпостными, но не имѣли у своего помѣщика прочной осѣдлости. Число крѣпостныхъ крестьянъ на Дону простиралось въ это время до 80,000 душъ, и для поселенія ихъ, съ добавкою для будущихъ поколѣній, было отведено помѣщикамъ 1.680,000 десятинъ. Спустя семь лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, состоялся, въ 1868 году, переходъ всѣхъ земель, бывшихъ прежде во временномъ владѣніи, въ полную частную собственность. Земли, принадлежащія нынѣ донскимъ помѣщикамъ, могутъ считаться одною изъ лучшихъ полосъ въ Россіи, такъ какъ по всей донской территоріи встрѣчаются громадные залежи каменнаго угля, антрацита, а также желѣзныхъ и другихъ рудъ.

Упомянутый графъ Денисовъ получилъ отъ отца своего не болѣе 5 семей крестьянъ и хорошія стада лошадей, скота и овецъ, а наслѣдникамъ своимъ оставилъ 7,000 душъ. Жена его была женщина чрезвычайно добрая. Мужъ далъ ей 15,000 червонныхъ, и она употребила ихъ на добрыя дѣла. Отъ Екатерины II она получила богатое брилліантовое украшеніе, а мужу ея было пожаловано 1,700 душъ.

Едва ли, впрочемъ, не только на Дону, въ Россіи, во всей Европѣ, но даже въ цѣломъ свѣтѣ могъ существовать такой богачъ, какимъ императоръ Павелъ I предоставилъ сдѣлаться атаману войска донскаго, Василію Петровичу Орлову. Подружившись съ первымъ консуломъ французской республики, Наполеономъ Бонапарте, и негодуя на Англію, императоръ Павелъ, 22 января 1801 года, секретно приказалъ атаману Орлову вести казацкіе полки въ Индію. При этомъ было отпущено

отъ казны на жалованье, провіантъ и фуражъ 2.670,000 рублей, „кои должны были быть возвращены изъ добычи той экспедиціи“. Дѣлая распоряженіе о походѣ въ Индію, императоръ Павелъ писалъ Орлову: „Пойдите съ артиллеріею прямо въ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на завоеванія англичанскія, по ней лежащія“, и затѣмъ прибавлялъ: „Все богатство Индіи будетъ вамъ наградою за сію экспедицію“. Послѣ такой необыкновенной посулы было Орлову изъ-за чего и потрудиться, и онъ съ 22,000 казаковъ, 44,000 лошадей и 2 ротами конной артиллеріи, не зная вовсе дороги въ Индію, отправился за сокровищами раджей и набабовъ. Походъ этотъ былъ чрезвычайно тягостенъ въ зимнюю пору, однако менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ Орловъ успѣлъ пройдти 685 верстъ, и когда онъ достигъ верховьевъ Иргиза, то тамъ полученъ былъ имъ манифестъ о воцареніи императора Александра I, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе новаго государя о прекращеніи этого фантастическаго предпріятія.

Въ другой мѣстности, занятой казачествомъ, въ которой водворились нѣсколько иные порядки, чѣмъ на Дону, украинской Слобожанщинѣ, въ 1705 году, сумскому полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву принадлежало 119,000 десятинъ земли. Въ ахтырскомъ полку усерднымъ собираніемъ земель занимался полковникъ Перекрестовъ, но Петръ по наговору со стороны Меншикова отнялъ ихъ у него и пожаловалъ послѣднему, который, въ свою очередь, предоставилъ значительную ихъ часть бригадиру Шидловскому, содѣйствовавшему къ гибели богача Перекрестова, происходившему изъ евреевъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Возвышеніе и богатство графовъ Разумовскихъ.—Пожалованіе имѣній Алексѣю Разумовскому.— Переходъ имѣнія Нарышкиныхъ къ его брату.— Богатство гетмана графа Разумовскаго.—Его роскошная жизнь.— Просьбы о пожалованіяхъ.— Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій.— Его долги.— Переходъ имѣнія графовъ Разумовскихъ къ князьямъ Рѣпнинымъ и графамъ Уваровымъ.—Духовникъ императрицы Дубянскій.— Пожалованія императора Петра III графу Шувалову, Гудовичу, Карновичу и Измайлову.

Въ XVIII вѣкѣ богатства, составляемыя законнымъ образомъ на счетъ государства, приходились у насъ не только на долю людей, оказавшихъ какія-либо особыя заслуги, но и на долю людей случайныхъ, неотличившихся ровно никакими служебными подвигами. Въ ряду такихъ особенно-замѣчательныхъ личностей мы видимъ двухъ братьевъ Разумовскихъ, Алексѣя и Кирилу Григорьевичей. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ рѣдкомъ жребіи, какой выпалъ на долю перваго изъ нихъ и содѣйствовалъ къ обогащенію не только роднаго его брата, но и многихъ его родственниковъ. Скажемъ вообще, что сыновья бѣднаго, безвѣстнаго лемешскаго казака Григорія Розума, благодаря единственно любви императрицы Елизаветы къ старшему изъ нихъ, были осыпаны почестями неожиданно, и въ самое короткое время сдѣлались такими богачами, какихъ мало было не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Вступивъ на престолъ, императрица Елизавета, какъ разсказываетъ секретарь саксонскаго посольства въ Петербургѣ Пецольдтъ — была очень скупа на награды, и всѣ лица, ока-

завшія ей услуги въ ночномъ ея предпріятіи противъ принцессы-правительницы Анны Леопольдовны, жаловались на неполученіе ими за это никакихъ наградъ. Такую скупость императрицы, Пецольдтъ объясняетъ ея нежеланіемъ показывать, что она обязана кому-нибудь чѣмъ либо, или что она цѣною наградъ хочетъ пріобрѣсти расположеніе близкихъ къ ней лицъ. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что даже Алексѣй Разумовскій, до 13-го іюля 1742 года, не получилъ отъ императрицы никакого гласнаго награжденія. Но въ этотъ день ему было пожаловано, изъ собственныхъ вотчинъ государыни въ Можайскомъ уѣздѣ, село Троицко-Болычево, село Рождественно-Порѣчье и село Николаевское-Карачарово. Въ Московскомъ уѣздѣ онъ получилъ село Знаменское. Затѣмъ, 30-го іюня того же года, ему были даны изъ вотчинъ, конфискованныхъ въ Малороссіи у графа Миниха: въ городѣ Носовкѣ, по рѣкѣ Вербѣ, и въ селѣ Адамовкѣ хутора, а также мельница на рѣкѣ Острѣ, въ селѣ Казарахъ. Въ томъ же году, 27-го августа, онъ получилъ изъ отобранныхъ у Неплюева, въ Малороссіи, имѣній: мѣстечки Ропску и Бакланъ. Сверхъ того для него въ Москвѣ, по распоряженію императрицы, были построены архитекторомъ Растрелли великолѣпныя палаты на счетъ казны.

Въ 1743 году онъ не получалъ никакихъ недвижимыхъ имѣній, но въ 1744 году съ 12-го мая начались новыя пожалованія. Въ теченіе этого года Алексѣй Разумовскій, пожалованный оберъ-егермейстеромъ и графомъ, получилъ село Перово, подъ Москвою, деревни Тетерки и Тиханово, а также Гороховской дворъ на поемной землѣ, принадлежавшей Спасо-Андроньевскому монастырю. При новомъ владѣльцѣ появился въ Перовѣ великолѣпный барскій домъ съ англійскимъ садомъ, фонтанами, статуями и т. д. Въ Малороссіи, въ Полтавскомъ полку [1]), ему были отданы слободы Орчакъ, Карловка, село Коломакъ, а въ Лубенскомъ полку: слободы Андреяшевка и Андреевка, а на рѣкѣ Сеймѣ, подъ городомъ Батуринымъ, 7 бывшихъ гетманскихъ мельницъ. Всѣ эти имѣнія, конфиско-

[1]) Въ Малороссіи, при гетманскомъ правленіи, полкъ имѣлъ территоріально-административное значеніе. Полковникъ завѣдывалъ не только военными, но и гражданскими дѣлами, такъ что власть его была обширнѣе не только власти губернатора, но и намѣстника.

ванныя у фельдмаршала графа Миниха, были переданы графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому императрицею въ вѣчное и потомственное владѣніе съ деревнями, людьми, крестьянами, съ пашнею, землею, лѣсами, съ сѣнными покосами, заводами „всякаго званія“, мельницами, лошадьми, скотомъ и со всѣми къ тѣмъ слободамъ, селеніямъ и деревнямъ принадлежностями, какъ были они во владѣніи Миниха.

Впослѣдствіи, 27-го мая 1747 года, Алексѣю Разумовскому отданы были въ Копорскомъ уѣздѣ: земли, принадлежавшія къ Санковицкой мызѣ, которая находилась прежде во владѣніи князя Меншикова, Рогинскій погостъ, мызы Перельская и Гревова, деревня Нилова, Рудилова, Войносова и деревня Монастырь. Вдобавокъ къ этому, въ 1756 году, онъ получилъ Крестовскій островъ подъ Петербургомъ. Въ ту пору этотъ островъ, длиною въ 3 версты, покрытый дремучимъ лѣсомъ, считался самымъ уединеннымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ столицы. Здѣсь построилъ себѣ Разумовскій загородный домъ. Кромѣ Крестовскаго острова или Приморскаго дома, у Разумовскаго были подгородныя имѣнія Мурзинка, Гостилицы и Славянка.

При императорѣ Павлѣ, нагнавшемъ страхъ на иныхъ вельможъ, каждый изъ нихъ спѣшилъ продать свою недвижимую собственность въ Петербургѣ за ничто и перебраться куда нибудь подальше. Этому страху поддался и наслѣдникъ Алексѣя Разумовскаго, братъ его, гетманъ Кирилъ Григорьевичъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ князь Бѣлосельскій оказался храбрѣе Разумовскаго, то онъ и купилъ у гетмана Крестовскій островъ за 90,000 рублей, хотя тогда на немъ одного лѣса было болѣе чѣмъ на 500,000 рублей.

Кромѣ Крестовскаго острова, Разумовскому былъ подаренъ великолѣпный, построенный, по приказанію императрицы, архитекторомъ Растрелли домъ — нынѣшній Аничковскій дворецъ — съ дорого-стоившею картинною галлерею. До полученія этого дома, Алексѣй Разумовскій жилъ въ прежде подаренномъ ему государынею, такъ называемомъ цесаревиномъ дворцѣ, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся казармы лейбъ-гвардіи павловскаго полка.

Независимо отъ всего этого, у графа Алексѣя Разумов-

скаго было множество драгоцѣнностей, платье его украшалось въ торжественные дни невѣроятною массою брилліантовъ, и вообще онъ жилъ съ царскою пышностію. Между прочимъ у него былъ хоръ роговой музыки, изобрѣтенной чехомъ Марешомъ. Въ этомъ хорѣ каждый трубачъ игралъ одну только ноту. Хоръ Разумовскаго состоялъ изъ 50 музыкантовъ и впослѣдствіи былъ купленъ у него княземъ Потемкинымъ за 40,000 рублей. Алексѣй Разумовскій тратилъ множество денегъ и на карточную игру. Онъ держалъ обыкновенно огромный банкъ, и нарочно проигрывалъ большія суммы, чтобъ доставить возможность поживиться около него другимъ. При этомъ статсъ-дама Наталья Михайловна Измайлова (рожденная Нарышкина) и многіе другіе по-просту крадывали деньги изъ банка. Въ особенности, по разсказамъ князя Щербатова, занимался этимъ нечестнымъ ремесломъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, александровскій кавалеръ и президентъ вотчинной коллегіи, о которомъ мы упоминали выше. Одинъ разъ подмѣтили, что онъ тысячи полторы перетаскалъ въ своей шляпѣ, отдавая подтибренныя имъ деньги своему слугѣ, находившемуся въ сѣняхъ для сбора суммъ, приносимыхъ княземъ.

Извѣстный историкъ Германъ разсказываетъ, что, по смерти императрицы Елизаветы, графъ Алексѣй Разумовскій просилъ Петра III принять въ казну все пожалованное ему, Разумовскому, недвижимое имѣніе, оставивъ за нимъ одну только слободу (вѣроятно Адамовку), гдѣ бы онъ могъ провести остатокъ дней. Императоръ отклонилъ просьбу Разумовскаго и оставилъ за нимъ всѣ принадлежавшія ему имѣнія. При переѣздѣ Петра III на новоселье въ Зимній дворецъ, Разумовскій поднесъ ему богатую, осыпанную брилліантами трость и просилъ позволенія присоединить къ этому подарку 1.000,000 р. Государь, нуждавшійся въ деньгахъ, согласился принять и этотъ подарокъ.

Въ вотчинахъ графа Алексѣя Григорьевича считалось 50,000 крестьянъ. Конечно имѣніе слишкомъ громадное, но безъ всякаго сомнѣнія, если бы онъ былъ человѣкъ жадный, то, пользуясь одно время безпредѣльнымъ расположеніемъ императрицы, могъ бы получить несравненно больше. Онъ умеръ бездѣтнымъ,

и по смерти его, въ 1771 году, все движимое и недвижимое имѣніе перешло къ брату его, гетману графу Кирилѣ Григорьевичу, который былъ и до этого чрезмѣрно богатъ какъ самъ по себѣ, такъ и по своей женѣ.

Получивъ обширныя и доходныя помѣстья въ Малороссіи, гетманъ Разумовскій взялъ за своею женою, Екатериною Ивановною Нарышкиною, половину состоянія Нарышкиныхъ, а за ними въ это время числилось въ общей сложности 88,000 душъ крестьянъ, такъ что на долю гетмана пришлось 44,000 душъ. Сверхъ того, на гетманскій урядъ онъ получилъ отъ императрицы Елизаветы города Ямполь и Батуринъ съ уѣздами, Гадячскій замокъ съ волостями Быковскою и Чеховскою, Почепъ съ уѣздомъ, Шептаковскую волость, Баклановскій дворъ, село Литвиновичи, хуторъ Будійскій, Глуховскую мельницу, Переволочинскій перевозъ, село Кучеровку съ приселками Сопичемъ и Потаповкою, а также села Поповку, Машево и Жадово.

Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, предпринятаго съ образовательною цѣлью, Кирилъ Разумовскій жилъ, по словамъ Гельбига, въ одномъ изъ обширнѣйшихъ и роскошнѣйшахъ дворцовъ столицы, имѣя около себя болѣе 200 человѣкъ прислуги. Онъ давалъ блестящіе праздники довольно часто, но и помимо этого имѣлъ еще у себя ежедневно открытый для всѣхъ столъ. Въ одной изъ залъ занимаемаго имъ дома, въ роскошномъ шкафѣ изъ розоваго дерева, хранились пастушеская свирѣль и простонародное малороссійское платье — кобенякъ, — которое носилъ графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій въ то время, когда онъ пасъ стадо. Ненадменный Разумовскій сберегалъ эти вещи на память своего ничтожества и показывалъ ихъ въ поученіе дѣтямъ, а также и посѣщавшимъ его лицамъ, какъ предметы, составлявшіе рѣзкую противоположность съ его великолѣпной обстановкой.

Впрочемъ, нѣкоторыя воззрѣнія, высказанныя этимъ смиренникомъ по поводу брака одного изъ его сыновей — брака, который онъ считалъ неравнымъ для своего семейства, — наводятъ на мысль, что подобные разсказы только пустая выдумка и что Кирилъ Разумовскій былъ способенъ зазнаваться, какъ и другіе выскочки. Жилъ же онъ слишкомъ

широко, какъ самый породистый вельможа. Глуховскій дворъ гетмана былъ миніатюрою императорскаго двора. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ великолѣпный дворецъ, купленный, въ 1797 году, у него за 300,000 рублей подъ помѣщеніе Воспитательнаго дома.

Мы уже замѣтили, въ какомъ затруднительномъ положеніи находились быстро возвышавшіеся у насъ вельможи. Неудобство новаго своего положенія въ денежномъ отношеніи чувствовалъ до нѣкоторой степени и графъ Кирилъ Григорьевичъ. При всѣхъ своихъ громадныхъ финансовыхъ средствахъ, онъ, въ 1756 году, просилъ у императрицы въ займы 60,000 руб. съ разсрочкою этого долга на три года и съ уплатою ежегодно по 20,000 рублей изъ 50,000 рублей, которые, по особому повелѣнію государыни, отпускались ему каждый годъ изъ таможенныхъ доходовъ.

Въ просьбѣ своей объ этомъ гетманъ писалъ, что „ему даровано императрицею все, что̀ токмо въ счастьѣ рода человѣческаго пожелать возможно, но взирая на умножавшихся дѣтей, человѣчески предвидитъ, что въ недостаткахъ къ житію могутъ иногда остаться закрыты знаки сихъ благодѣяній въ его потомствѣ. Призри милосердно на мое потомство, писалъ далѣе Разумовскій — для вящшаго прославленія имени вашего императорскаго величества“. Затѣмъ онъ ссылался на то, что наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія ни единой души не имѣетъ. „Сотвори — взывалъ гетманъ къ государынѣ — высочайшую благоутробную милость пожалованіемъ мнѣ въ вѣчное потомство въ Малой Россіи недвижимаго имѣнія, хотя часть изъ тѣхъ деревень, которыя въ вѣчномъ же владѣніи князя Меншикова были“. Эта просьба Разумовскаго была исполнена въ 1759 году, такъ какъ ему изъ имѣній, данныхъ на гетманскій урядъ, подарены были въ потомственную собственность города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская.

Послѣ этого доходы гетмана, по словамъ извѣстнаго ученаго Шлецера, простирались до 600,000 рублей въ годъ. Они умножились еще болѣе, когда ему досталось наслѣдство отъ брата, и послѣ того едва ли кто нибудь изъ современниковъ Разумовскаго въ Россіи могъ соперничать съ нимъ

по громадному богатству. Число же принадлежавшихъ ему крестьянъ простиралось до 120,000 ревизскихъ душъ.

Съ уничтоженіемъ, въ 1767 году, гетманства, данныя графу Разумовскому на урядъ имѣнія были обращены въ потомственное его владѣніе. Кромѣ того, за нимъ не только было оставлено 50,000 рублей ежегоднаго содержанія, получаемаго имъ какъ гетманомъ, но было еще прибавлено къ этому содержанію 10,000 рублей ежегодно изъ малороссійскихъ доходовъ. Ему же былъ отданъ и гетманскій дворецъ, построенный въ Батуринѣ на казенный счетъ. Такъ какъ оказалось, что бо́льшая часть имѣній, принадлежавшихъ графу Алексѣю Григорьевичу, была пожалована ему только по словеснымъ повелѣніямъ императрицы Елизаветы и никакихъ документовъ на нихъ не было, то императрица Екатерина II подтвердила за графомъ Кириломъ Разумовскимъ всѣ имѣнія, доставшіяся ему отъ покойнаго брата.

Англійскій путешественникъ Коксъ, бывшій въ Россіи въ 1778 году вмѣстѣ съ лордомъ Гербертомъ, писалъ, что принадлежавшее графу Кирилѣ Разумовскому подъ Москвою село Петровское походило скорѣе на городъ, нежели на загородное помѣстье. Оно состояло изъ 40—50 домовъ, частью каменныхъ, частью деревянныхъ. Здѣсь у Разумовскаго находились его тѣлохранители, множество слугъ и оркестръ музыки. Роскошная обстановка бывшаго гетмана поразила англійскаго туриста, хотя онъ уже и достаточно насмотрѣлся на великолѣпную жизнь англійскихъ лордовъ.

Въ имѣніе это переѣхалъ Разумовскій для постояннаго житья около 1780 года. Выдавъ дочерей замужъ и женивъ сына на самой богатой и знатной въ то время невѣстѣ, графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой, онъ передалъ сыновьямъ имѣніе ихъ матери, выдѣливъ изъ него, слѣдовавшую по закону, седьмую часть въ свою собственность и продалъ казнѣ за 596,088 рублей городъ Гадячъ съ селами и деревнями. Въ одномъ этомъ имѣніи считалось тогда 9,948 ревизскихъ душъ.

Бывшаго гетмана влекло однако на родину, въ Малороссію, куда онъ и переѣхалъ окончательно. Тамъ, въ селѣ Яготинѣ, онъ выстроилъ великолѣпный домъ съ шестью па-

вильонами, изъ которыхъ каждый могъ равняться отдѣльному большому дому. Съ каждой стороны дома были каменныя службы. Въ селѣ Баклапахъ былъ выстроенъ Разумовскимъ домъ на подобіе виллъ, находящихся въ окрестностяхъ Рима. Въ мѣстечкѣ Почепѣ, по плану извѣстнаго въ то время архитектора Ла-Мотта, онъ выстроилъ громадный домъ съ залами для баловъ и для концертовъ и съ библіотекою, въ которой находилось 5,000 томовъ. Кромѣ того, онъ съ необыкновенною роскошью отдѣлалъ каменный домъ въ Батуринѣ, прежней резиденціи малороссійскихъ гетмановъ. Тратя на это свои доходы, Разумовскій въ то же время и увеличивалъ ихъ, заводя мельницы и свѣчныя фабрики, а также выписывая изъ-за границы земледѣльческія машины и тонкорунныхъ овецъ. Постояннымъ мѣстопребываніемъ отставнаго гетмана былъ любимый имъ Батуринъ, гдѣ онъ предполагалъ основать на свой счетъ университетъ.

Чтобы дать понятіе о широкой жизни отставнаго гетмана, укажемъ на составъ его прислуги. При немъ въ Батуринѣ было: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлекарь, 2 карлика, 4 парикмахера съ 2 учениками, 2 кондитера съ 1 помощникомъ и 3 учениками, 1 кофишенкъ съ помощникомъ, 1 метръ-д'отель съ помощникомъ и съ ученикомъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника съ 2 учениками, 1 тафельдекеръ съ 2 помощниками, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, 2 писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софіи Осиповнѣ Апраксиной, племянницѣ Разумовскаго, 2 гезеодиста съ 2 учениками, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистера съ помощникомъ, 1 „приспѣшникъ", 1 хлѣбникъ съ ученикомъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ съ 7 учениками, 2 надзирателя (въ лазаретѣ), 2 женщины, 1 кастеляншa, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы съ 2 ученицами, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 каретникъ, 1 мѣдникъ, 1 переплетчикъ, съ 2 учениками, 2 портныхъ, 3 столяра съ 2 учениками, 1

серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа, такъ что вообще въ одномъ лишь Батуринѣ дворня его состояла изъ 261 человѣка. Всѣ они получали жалованье, которое ежемѣсячно составляло въ общей сложности 2,000 рублей. Ежедневно для его стола и для продовольствія его прислуги выходило: цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 курицъ и т. д. Вообще траты Разумовскаго на удобства жизни были весьма значительны: сдѣланная въ Лондонѣ, для предполагавшагося его путешествія заграницу, дорожная со всѣми удобствами карета обошлась съ доставкою въ Батуринъ въ 18,000 рублей, но по грузности она оказалась неудобною, такъ какъ 8 лошадей едва могли тронуть ее съ мѣста.

Имѣніе графа Кирила Григорьевича, за выдачею приданаго дочерямъ, раздѣлилось между шестью его сыновьями. Въ числѣ ихъ былъ пожалованный въ 1815 году свѣтлѣйшимъ княземъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1 класса и русскій посолъ въ Вѣнѣ графъ Андрей Кириловичъ (род. 1752 г., † 1836 года). Денежныя дѣла этого сановнаго дипломата, не оставившаго послѣ себя дѣтей, были очень плохи вслѣдствіе его странностей и роскошной жизни. Онъ построилъ въ Вѣнѣ черезъ Дунай на свой собственный счетъ великолѣпный мостъ, стоившій ему громадныхъ денегъ, и возводилъ въ столицѣ Австріи огромныя постройки, тратя на это милліоны, и въ то же время императоръ австрійскій платилъ изъ собственныхъ своихъ суммъ долги, лежавшіе на князѣ Разумовскомъ тяжелымъ бременемъ. Стѣсненное положеніе князя вынудило его испросить у императора Александра Павловича въ долгъ 450,000 рублей безъ процентовъ, на пять лѣтъ, подъ залогъ его имѣнія въ Черниговской губерніи, состоявшаго изъ 8,740 ревизскихъ душъ. Но роскошный и неразсчетливый князь Разумовскій оказался неисправнымъ должникомъ передъ своимъ державнымъ кредиторомъ, такъ что для уплаты его долга императоръ Александръ I вынужденъ былъ дѣлать ему всевозможныя льготы и снисхожденія, не желая, чтобы имѣніе князя пошло въ продажу съ публичнаго торгу.

Изъ шести сыновей гетмана, только двое оставили потомство, а именно: графъ Алексѣй Кириловичъ (род. 1748, † 1822 г.), бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, и бригадиръ графъ Григорій Кириловичъ (род. 1758 г., † 1830 года). Сыновья перваго изъ нихъ умерли холостыми: старшій, графъ Петръ Алексѣевичъ, въ Харьковѣ въ 1836 году и младшій, графъ Кирилъ Алексѣевичъ, въ Одессѣ въ 1837 году и съ нимъ пресѣкся въ Россіи родъ графовъ Разумовскихъ. Изъ дочерей же графа Алексѣя Кириловича, старшая, графиня Варвара Алексѣевна, была замужемъ за генераломъ отъ кавалеріи княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Рѣпнинымъ-Волконскимъ, который, имѣя самъ только 1,680 душъ, получилъ въ приданое за своею женою 17,000 душъ. Младшая дочь, графиня Екатерина Алексѣевна, была замужемъ за Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ, впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія и графомъ, и принесла своему мужу такое же приданое. Такимъ образомъ значительная часть имѣнія Разумовскихъ перешла въ фамиліи князей Рѣпниныхъ-Волконскихъ и графовъ Уваровыхъ. Что же касается сыновей графа Григорія Кириловича, то они не были признаны законными въ Россіи, такъ какъ онъ женился на ихъ матери при жизни своей первой жены, но въ Австріи бракъ этотъ признанъ дѣйствительнымъ, и тамошніе графы Разумовскіе владѣютъ въ Богеміи значительнымъ помѣстьемъ Радулецъ, купленнымъ графомъ Григоріемъ Алексѣевичемъ на деньги, переведенныя имъ изъ Россіи въ Австрію.

При возвышеніи братьевъ Разумовскихъ нѣкоторые родственники ихъ сдѣлались людьми очень богатыми, какъ, напримѣръ, Власъ Будлянскій, обратившійся изъ ткача въ камергера, и Ефимъ Ѳедоровичъ Дараганъ, дочь котораго, Екатерина Ефимовна, была за Иваномъ Галаганомъ, прадѣдомъ основателя коллегіи въ Кіевѣ Павла Галагана. Часть имѣнія Разумовскихъ удерживается донынѣ за потомствомъ гетмана по женскому колѣну графами Гудовичами, Апраксиными, Васильчиковыми и Маркевичами. Значительная часть богатства первыхъ Разумовскихъ была впослѣдствіи или прожита или проиграна или перешла въ побочныя линіи, какъ, напримѣръ, къ сенатору Подчасскому и декабристу Оржицкому.

Мы уже говорили о первомъ богачѣ, явившемся въ Россіи въ средѣ бѣлаго духовенства — о Надаржинскомъ, духовникѣ Петра Великаго. Впослѣдствіи въ этой же средѣ явился другой богачъ, превосходившій Надаржинскаго — духовникъ императрицы Елизаветы Петровны, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, также родомъ изъ Малороссіи. Онъ отличался честностью и рѣдкою для того времени ученостію среди нашего бѣлаго духовенства. Императрица чрезвычайно благоволила къ нему и, слѣдуя примѣру своего родителя, щедро награждала своего духовника, но при этомъ была та существенная разница, что отцу Тимофею было очень мало дѣла около духовнаго его дѣтища, Петра, и онъ щедрыя царскія награды получалъ почти ни за что, тогда какъ отцу Ѳедору было не мало хлопотъ съ его духовною дщерью, Елизаветою. Императрица, какъ извѣстно, отличалась чрезвычайною набожностью, и Ѳедору Яковлевичу приходилось дѣятельно и неустанно пещись о спасеніи ея души. Труды и заботы отца Ѳедора не остались безъ вознагражденія со стороны признательной къ нему императрицы, и онъ, къ концу своей жизни, владѣлъ, въ качествѣ помѣщика, 8,000 душъ крестьянъ и имѣлъ значительные капиталы, не считая разныхъ драгоцѣнностей, подаренныхъ ему императрицею.

У протоіерея Дубянскаго, умершаго около 1771 года, было четыре сына и одна дочь въ супружествѣ за княземъ Яковомъ Петровичемъ Долгорукимъ. Изъ сыновей же его, возведенныхъ въ 1761 году императрицею Елизаветою Петровною въ потомственное дворянство, одинъ поручикъ, Захаръ Ѳедоровичъ, принималъ дѣятельное участіе въ доставленіи престола Екатеринѣ II, за что и получилъ отъ нея въ награду 600 душъ. На внукѣ Ѳедора Яковлевича, Петрѣ Яковлевичѣ, умершемъ въ 1822 году, пресѣкся въ мужскомъ поколѣніи родъ Дубянскихъ, и наслѣдникомъ ко всему ихъ огромному имѣнію остался двоюродный его племянникъ, нынѣ покойный генералъ-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, отецъ котораго былъ женатъ на внучкѣ Ѳедора Яковлевича, Варварѣ Михайловнѣ Дубянской, умершей въ 1803 году.

Въ кратковременное, только шестимѣсячное, царствованіе императора Петра III не успѣли составиться черезъ пожа-

лованія такія огромныя состоянія, какія составились въ предшествовавшее и послѣдовавшее затѣмъ царствованія. Значительныя имѣнія отъ Петра III получили: генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, которому пожаловано было 4,000 душъ, и близкія къ государю лица: генералъ-адъютантъ Андрей Васильевичъ Гудовичъ (род. 1731 году, † 1808 году) и Степанъ Ефимовичъ Карновичъ (род. 1707 году, † 1788 г.), генералъ-майоръ голштинской службы, пожалованный, при вступленіи на престолъ Петра III, оберъ-гофъ-камеръ-интендантомъ императорскаго двора; оба они были изъ небогатыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Карновичу, происходившему изъ древней чешской фамиліи, поселившейся въ Малороссіи еще во второй половинѣ XVI столѣтія и раззоренной при Петрѣ I княземъ Меншиковымъ, назначенному стародубовскимъ полковникомъ, были даны въ Малороссіи ранговыя помѣстья, состоявшія изъ 345 крестьянскихъ дворовъ и приносившія ежегоднаго дохода 5,000 рублей по тогдашнему курсу, а въ Ярославской губерніи была пожалована ему дворцовая Холмецкая волость, въ которой было 3 села и 19 деревень. Кромѣ того, при предстоявшей коронаціи императора, ему была опредѣлена къ пожалованію обширная Норская волость въ той же губерніи.

Андрею Васильевичу Гудовичу, дѣдъ котораго польскій шляхтичъ, поселился въ 1689 г. въ Малороссіи, Петръ III пожаловалъ до 4,000 душъ и предоставилъ выбрать еще 15,000 душъ въ малороссійскихъ старообрядческихъ слободахъ, но вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II воспрепятствовало Гудовичу получить предназначавшееся ему имѣніе. Сенатъ указывалъ на необходимость отобрать у Гудовича пожалованныя ему слободы. Екатерина согласилась и Гудовичъ въ вознагражденіе за нихъ получилъ 10,000 рублей. Братъ его, Иванъ Васильевичъ, пожалованный императоромъ Павломъ I въ графское достоинство и бывшій впослѣдствіи генералъ-фельдмаршаломъ, получилъ отъ императрицы Екатерины II значительныя помѣстья въ Малороссіи, а между прочимъ и городъ Сарочинцы. Кромѣ того онъ взялъ большое состояніе за своею женою, графинею Прасковьей Кириловной Разумовской.

Изъ всѣхъ лицъ, которымъ назначены были помѣстья отъ Петра III, въ силу этого назначенія получилъ ихъ одинъ только Михайло Львовичъ Измайловъ, которому дано было, между прочимъ, въ Рязанской губерніи село Дѣдново. Онъ умеръ въ 1799 году бездѣтнымъ, и принадлежавшія ему имѣнія перешли къ родному племяннику его, генералъ-лейтенанту Льву Дмитріевичу Измайлову, бывшему рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и сдѣлавшемуся такъ извѣстнымъ по жестокому обращенію съ своими крѣпостными людьми.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вліяніе царствованія Екатерины Великой на частныя богатства въ Россіи.— Награды, розданныя ею въ первый годъ царствованія.—Отказы отъ наградъ.— Неудовольствіе по поводу ихъ.— Присоединеніе Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подоліи.— Прежніе богачи въ этихъ областяхъ.— Богатство графовъ Орловыхъ и князя Г. Г. Орлова.—Переходъ этого богатства къ графамъ Панинымъ и Давыдовымъ.— Богатство князя Потемкина.— Злоупотребленія князя.— Распредѣленіе потемкинскихъ богатствъ по разнымъ фамиліямъ.

Долголѣтнее царствованіе императрицы Екатерины II было ознаменовано самыми щедрыми наградами, и положительно можно сказать, что если бы ихъ не было, то въ Россіи далеко не явилось бы столько тѣхъ частныхъ богатствъ, о которыхъ приходится говорить въ нашемъ изслѣдованіи по этому предмету.

Екатерина II, въ противоположность той медленности, какую оказывала императрица Елизавета Петровна относительно раздачи наградъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ея воцаренію, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ вознаградила наиболѣе замѣтныхъ участниковъ событій 28 іюня 1762 года. Уже 9-го августа того же года, императрица „за спасеніе отечества отъ угрожавшихъ ему бѣдствій“, наградила однихъ деревнями, другихъ пенсіями, а прочихъ денежными выдачами. При раздачѣ этихъ наградъ гетману графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому, сверхъ его гетманскихъ доходовъ и получаемаго имъ жалованья, была сдѣлана прибавка по 5,000 рублей въ годъ; такая же прибавка была сдѣлана дѣйствительному

тайному совѣтнику Никитѣ Ивановичу Панину и сенатору князю Михаилу Николаевичу Волконскому. Затѣмъ пожаловано было: генералъ-поручику Ѳедору Ивановичу Вадковскому 800 душъ, дѣйствительному камергеру Григорію Григорьевичу Орлову и брату его Алексѣю по 800 душъ каждому; лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ-поручику Пассеку 24,000 рублей; поручику Григорію Протасову 800 душъ; поручикамъ князю Ѳедору Барятинскому 24,000 рублей, Евграфу Черткову 800 душъ, семеновскаго полка капитану Ѳедору Орлову 800 душъ, измайловскаго полка премьеръ-майору Николаю Рославлеву 600 душъ и въ дополненіе 6,000 рублей; капитанамъ того же полка: Михаилу Похвисневу 800 душъ, Александру Рославлеву и Михаилу Ласунскому по 800 душъ каждому; князю Петру Голицыну 24,000 рублей; капитанъ-поручику Петру Вырубову 800 душъ; конной-гвардіи секундъ-ротмистру Ѳедору Хитрово 800 душъ; а капитанъ-поручикамъ преображенскаго полка: Семену Бредихину 18,000 рублей, Михаилу Баскову 600 душъ; поручикамъ Захару Дубянскому 600 душъ, и столько же Ивану Ступишину; измайловскаго полка капитанъ-поручику Ивану Обухову 18,000 рублей, и столько же конной-гвардіи секундъ-ротмистру Александру Ржевскому, графу Валентину Мусину-Пушкину, поручику князю Несвицкому, унтеръ-гофмейстеру Михайлу Дубенскому, инженернаго корпуса поручику Василію Бибикову, армейскому поручику Всеволоду Всеволожскому по 600 душъ, гвардіи подпоручику Григорію Потемкину 400 душъ; измайловскаго полка прапорщикамъ Сергію и Ильѣ Всеволожскимъ обоимъ 600 душъ; Ѳедору и Григорію Волковымъ, пожалованнымъ въ дворяне, обоимъ 700 душъ; Алексѣю Евреинову, также пожалованному въ дворяне, 300 душъ; „кавалеру ордена святой Екатерины“ княгинѣ Дашковой 24,000 рублей; камеръ-юнгферѣ императрицы Шаргородской 10,000 рублей, дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову 20,000 рублей, статскому совѣтнику Алексѣю Еропкину 800 душъ и гардеробмейстеру Василію Шкурину съ женою 1,000 душъ.

Такимъ образомъ во второй же мѣсяцъ царствованія новой государыни было роздано 16,000 душъ и притомъ, за исключеніемъ Вадковскаго, лицамъ весьма нечиновнымъ. Такая щед-

рая раздача обѣщала многое въ будущемъ отъ щедротъ государыни, и дѣйствительно, въ царствованіе Екатерины было роздано частнымъ лицамъ до 800,000 ревизскихъ душъ. Вся эта раздача производилась на счетъ лично свободнаго до того времени крестьянства, или изъ имѣній, отобранныхъ отъ монастырей, такъ какъ при Екатеринѣ II, кромѣ Курляндіи и губерній, взятыхъ отъ Польши, не было уже конфискацій, а слѣдовательно и не было отписныхъ въ казну имѣній, которыя въ прежнее время такъ часто переходили отъ одного владѣльца къ другому, и послѣдствіемъ чего было то, что прежде бывшее число крѣпостныхъ крестьянъ мало увеличивалось прибавкою къ нимъ новыхъ. Съ особенною щедростью раздавались Екатериною имѣнія въ бѣлорусскихъ, а потомъ въ литовскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши.

При коронаціи Екатерины, происходившей 22 сентября 1762 года, большихъ денежныхъ наградъ не было, что же касается деревень, то, по этому случаю, одной только вдовѣ шталмейстера князя Петра Голицына было пожаловано въ потомственное владѣніе въ Ярославской губерніи село Угодичи, въ которомъ было 940 душъ крестьянъ и которое находилось прежде лишь во временномъ ея владѣніи. Вообще же денежныхъ наградъ въ первый годъ воцаренія Екатерины II было роздано 824,500 рублей и назначено въ пенсіи 25,531 рубль.

Само собою разумѣется, что жалуемыя лица обыкновенно не стѣснялись получать самыя большія награды, не смотря на ничтожность или даже на совершенное отсутствіе оказанныхъ ими заслугъ. Тѣмъ не менѣе, сохранилась память и о противоположныхъ тому случаяхъ.

Такъ, князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ отказался отъ предложенныхъ ему Екатериною II 3,000 душъ крестьянъ и 50,000 рублей денегъ. Точно такъ же поступилъ, въ 1771 году, и Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, который, будучи сенаторомъ и командиромъ войскъ, расположенныхъ въ Московской губерніи, во время чумы и мятежа въ Москвѣ, принялъ, послѣ отъѣзда главнокомандовавшаго тамъ графа П. С. Салтыкова въ его подмосковную, главное начальство въ столицѣ, усмирилъ бунтъ и спасъ Москву отъ ужасовъ и разграбленія. Въ благодарность за это, Екатерина препроводила къ Еропкину ан-

дреевскую ленту и рескриптъ на 4,000 душъ. Еропкинъ, принявъ ленту, почтительно отблагодарилъ императрицу за пожалованное ему имѣніе, отказавшись принять его.

Къ этимъ рѣдкимъ примѣрамъ подходитъ и поступокъ графа Никиты Ивановича Панина, который хотя и принялъ пожалованныя ему въ Бѣлоруссіи 4,000 душъ, но, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, не пожелалъ владѣть этимъ имѣніемъ и отдалъ его отъ себя въ раздѣлъ своимъ секретарямъ.

Иногда выражалось и явное неудовольствіе по поводу наградъ, даваемыхъ Екатериною Великою, но только не подъ вліяніемъ побужденій подобныхъ тѣмъ, которыми руководился Панинъ. Извѣстно, что государыня не соблюдала строгой соразмѣрности въ наградахъ: однихъ она обогащала свыше мѣры, и напротивъ, относительно другихъ, обнаруживала какую-то странную скупость. Такъ, по окончаніи, послѣдней въ ея царствованіе, турецкой войны, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ того времени, Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, получилъ въ награду только 5,000 рублей золотомъ. Въ сравненіи съ другими генералами, участвовавшими въ этой войнѣ, Каменскій имѣлъ право быть недовольнымъ такою наградою, и неудовольствіе свое онъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: онъ ежедневно дѣлалъ завтраки въ Лѣтнемъ саду, ловя встрѣчнаго и поперечнаго и угощая ихъ до тѣхъ поръ, пока не истратилъ на это всѣхъ пожалованныхъ ему денегъ. Послѣ того, онъ уѣхалъ изъ Петербурга и вышелъ въ отставку.

Александръ Васильевичъ Суворовъ, покоритель Измаила, получившій такую же награду, какъ и Каменскій, былъ то же недоволенъ ею, онъ принялъ ее съ обычными своими прибаутками, и Екатерина II, до которой дошли онѣ, понявъ заключавшіеся въ нихъ намеки, послала ему въ подарокъ еще 30,000 рублей, которые онъ принялъ безъ всякихъ прибаутокъ.

При Екатеринѣ II къ Россіи были присоединены, между прочимъ, отъ Польши Бѣлоруссія, Литва, Волынь и Подолія. Въ этихъ областяхъ Екатерина стала щедро раздавать вотчины. Такъ, 17 августа 1795 года пожаловано было 109,000 душъ крестьянъ въ польскихъ провинціяхъ, большею частью старо̀ства. Получили: князь Зубовъ 13,000 съ доходомъ 100,000

рублей на серебро въ годъ; фельдмаршалы: графъ Румянцевъ и графъ Суворовъ по 7,000; князь Репнинъ, графъ Остерманъ и графъ Безбородко по 5,000; графъ Морковъ 3,700; Тутолминъ, имѣвшій помѣстья, которыя приносили ему 30,000 рублей — 3,000 душъ, врачъ Роджерсонъ 1,600, доставлявшихъ ему, по меньшей мѣрѣ, 6,000 рублей годоваго дохода. Первая изъ этихъ областей не представляла особеннаго развитія богатой жизни польскихъ магнатовъ, но зато ихъ было не мало въ Литвѣ и въ особенности на Волыни и на Подоліи, гдѣ они преимущественно любили селиться и гдѣ умноженію ихъ богатствъ способствовала обширная торговля пшеницею, вывозимою заграницу.

Мы не имѣемъ въ виду писать исторію частныхъ богатствъ въ Польшѣ, такъ какъ они, до присоединенія къ Россіи прежнихъ польскихъ областей, возникали тамъ, развивались, дробились и рушились подъ вліяніемъ совершенно иныхъ порядковъ сравнительно съ существовавшими у насъ. Подробное описаніе всего этого можетъ быть предметомъ особаго историческаго изслѣдованія. Мы упомянемъ кратко только о тѣхъ фамиліяхъ, члены которыхъ имѣли какое-либо отношеніе къ Россіи.

Въ Польшѣ въ половинѣ XVI столѣтія образовались огромныя помѣстья богачей-магнатовъ, какими были, напримѣръ, князья Острожскіе, потомки Рюрика. Чтобы дать понятіе о ихъ богатствѣ, скажемъ, что они владѣли 24 городами и 10 мѣстечками, во владѣніи ихъ было болѣе 600 православныхъ церквей, и доходы ихъ простирались ежегодно до 1.800,000 рублей на нынѣшніе наши деньги. Такимъ образомъ, никто изъ самыхъ богатыхъ у насъ лицъ никогда не могъ равняться съ князьями Острожскими. Родъ князей Острожскихъ пресѣкся въ 1618 году на князѣ Адамѣ-Константинѣ, умершемъ въ молодости холостымъ, и богатство Острожскихъ перешло къ князьямъ Радзивилламъ, князьямъ Любомірскимъ, Ходкевичамъ и преимущественно, по одной линіи Острожскихъ, къ князьямъ Заславскимъ. Эти послѣдніе, тоже потомки Рюрика, угасли въ 1667 году, и имѣнія ихъ обогатили фамиліи князей Вишневецкихъ, князей Любомірскихъ и Мышковскихъ.

Мышковскіе были богаты сами по себѣ. Въ половинѣ XVI столѣтія былъ епископомъ сѣверскимъ, а потомъ епископомъ краковскимъ Петръ Мышковскій, который оставилъ племянникамъ своимъ, Сигизмунду и Петру, 8.000,000 злотыхъ и множество деревень. Изъ нихъ, въ 1596 году, Сигизмундъ получилъ отъ папы титулъ маркграфа, или маркиза, а князь Матуанскій Викентій Гонзаго передалъ ему свой гербъ и фамилію. Въ 1601 году братья учредили ординацію, а въ концѣ XVI столѣтія одинъ изъ Мышковскихъ оставилъ внучку, вышедшую замужъ за Велепольскаго, предка извѣстнаго въ недавнее время маркиза Александра Велепольскаго. Впослѣдствіи ординація Мышковскихъ распалась на двѣ части, такъ что часть, оцѣненная въ 20.000,000 злотыхъ, отошла къ одной изъ Велепольскихъ, вышедшей замужъ за нѣкоего Бонтани, а другая, оцѣненная въ 12.000,000 злотыхъ, досталась по наслѣдству сыну упомянутаго Велепольскаго, принявшему титулъ маркиза и фамилію Мышковскаго.

Предки нынѣшнихъ графовъ Велепольскихъ были нѣмцы и носили фамилію Бохнаръ. Они состояли въ числѣ краковскихъ „райцевъ“, т. е. мѣщанъ.

Какъ на Волыни князья Острожскіе, такъ въ Литвѣ князья Радзивиллы славились своими богатствами. Начало ихъ богатства было положено бракомъ Варвары Радзивиллъ, вдовы воеводы Гастольда, съ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ. Впослѣдствіи богатство Радзивилловъ возросло до невѣроятныхъ размѣровъ. Преимущественно они нажились раздавая въ чиншъ помѣстья мелкой шляхтѣ, какъ самымъ исправнымъ арендаторамъ. Въ особенности же умноженію богатствъ князей Радзивилловъ способствовало полученное имъ наслѣдіе отъ князей Слуцкихъ-Гедеминовичей, бывшихъ на кіевскомъ великомъ княженіи, родъ которыхъ пресѣкся въ 1593 году, а между тѣмъ обѣ послѣднія княжны изъ этого дома были за Радзивиллами.

Богатѣйшимъ представителемъ фамиліи Радзивилловъ считался князь Карлъ, воевода новогрудскій. Онъ получалъ съ своихъ вотчинъ болѣе 10.000,000 злотыхъ ежегоднаго дохода; за нимъ было 300,000 крестьянъ, кромѣ городовъ и мѣстечекъ. Онъ выѣзжалъ иногда, имѣя въ своемъ поѣздѣ до 1,000

коней. Соображаясь съ тогдашними цѣнами на разные, главные предметы, а также и съ монетною стоимостью, можно сказать, что доходы князя Радзивилла простирались до 6.000,000 рублей на нынѣшнія деньги. Князь Карлъ умеръ въ 1790 году, поразстроивъ порядочно свое имѣніе. Наслѣдникъ его, князь Доминикъ, прожился еще болѣе. Со смертью его пресѣклась, въ 1813 году, старшая линія князей Радзивилловъ, имѣвшая титулъ герцоговъ Олыкскихъ, и единственная его дочь княжна Стефанія (род. 1809 г., † 1832 года) вышла за князя Льва Петровича Витгенштейна, сына извѣстнаго русскаго генералъ-фельдмаршала, а потому всѣ имѣнія этой линіи перешли въ родъ князей Витгенштейновъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ находится разсказъ, будто при приближеніи русскихъ, въ 1812 году, къ рѣкѣ Березинѣ, евреи донесли, что въ одномъ изъ имѣній князей Радзивилловъ скрыты ихъ фамильныя сокровища, болѣе чѣмъ на 10.000,000 р., и что будто все это досталось главнокомандовавшему надъ арміею, адмиралу Чичагову, который послѣ того покинулъ Россію. Онъ умеръ, въ 1849 году, во Франціи.

Въ свою очередь польскіе магнаты заискивали денегъ у русскаго правительства. Такъ, императрица Анна Ивановна назначала польскимъ магнатамъ годовыя пенсіи.

Такъ, по указу сената краковскому воеводѣ князю Любомірскому выдана была за 1738 г. пенсія въ количествѣ 15,000 р.

Въ 1746 году вдова воеводы краковскаго князя Любомірскаго просила объ уплатѣ ей за два года слѣдовавшей ея мужу отъ русскаго двора пенсіи въ количествѣ 30,000 рублей, и просьба ея была удовлетворена императрицею Елизаветою Петровною. Была также удовлетворена и просьба воеводы новогрудскаго, князя Радзивилла, о пенсіи. Ему назначено было по 5,000 рублей ежегодно, такъ какъ полагали, что его „наипаче приласкать надобно“, а 17 сентября 1753 года, были назначены пенсіи примасу Комаровскому по 5,000, коронному канцлеру графу Малаховскому по 7,000 руб. и единовременно 3,000 рублей.

Богатыми магнатами въ Польшѣ были Мнишки, выѣхавшіе туда изъ Чехіи. Они разжились первоначально самыми неблаговидными способами, захвативъ сокровища умершаго

въ Кнышинѣ короля Сигизмунда II Августа. Впослѣдствіи они предъявляли долгое время къ русскому правительству громадныя денежныя претензіи на основаніи брака Марины Мнишекъ съ Лжедмитріемъ. Но всѣ эти претензіи оставались безъ всякаго удовлетворенія.

Въ числѣ самыхъ богатыхъ польскихъ фамилій, находящихся нынѣ въ подданствѣ Россіи, были: Тышкевичи, Огинскіе, Потоцкіе, Малаховскіе, Сапѣги, Воловичи, Хрептовичи, Чарторыжскіе, Яблоновскіе, Замойскіе и Сангушки. Нѣкоторые изъ представителей этихъ фамилій имѣли 80,000 — 160,000 крестьянъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что дворянскія богатства въ старинной Польшѣ были такъ же непрочны, какъ и въ Россіи, вслѣдствіе раздѣловъ и безразсчетливой жизни, но зато конфискаціи ихъ были чрезвычайно рѣдки: онѣ допускались только за самыя важныя преступленія и не иначе, какъ по собымъ постановленіямъ сейма.

Главнымъ видомъ дворянскихъ богатствъ въ Польшѣ была поземельная собственность. Она раздѣлялась на два вида: на имѣнія наслѣдственныя и на имѣнія, отдаваемыя во временное владѣніе; въ числѣ этихъ послѣднихъ были такъ-называемыя стардства, раздаваемыя королями сановникамъ въ видѣ награды. Въ послѣднее время передъ раздѣломъ Польши, короли были очень щедры на раздачу такихъ имѣній. При присоединеніи польскихъ областей къ Россіи, значительное число конфискованныхъ стардствъ было роздано русскимъ вельможамъ. Имѣнія эти находились въ большомъ разстройствѣ, и въ 1798 году, по случаю недостатка хлѣба въ западномъ краѣ, сенатору Державину велѣно было казенныя стардства, пожалованныя на урочное время, повѣрить съ ихъ контрактами, съ тѣмъ, что если бы оказалось несоблюденіе контрактовъ со стороны владѣльцевъ, то отобрать эти имѣнія въ казну, а другія, пришедшія въ упадокъ, сдать въ опеку. Въ такихъ имѣніяхъ было въ ту пору болѣе 80,000 душъ крестьянъ.

Если значительная часть имѣній польскихъ магнатовъ и была разорена, зато въ другихъ хозяйство велось образцовымъ порядкомъ, и изъ старинныхъ писемъ Потоцкихъ, Любомірскихъ, Радзивилловъ и другихъ видно, что они знали не

только всѣ свои фольварки, но и стада, какъ будто у нихъ было одно небольшое помѣстье.

Въ прежнее время самые богатые польскіе паны жили очень просто, и это давало имъ возможность скоплять и капиталы, и сокровища. Но въ концѣ XVII вѣка польскіе богачи стали жить на широкую ногу въ просторныхъ и великолѣпныхъ замкахъ. Вообще польское дворянство не любило городовъ, и только со временъ Понятовскаго паны стали проживаться въ Варшавѣ. Не смотря, однако, на всю роскошную жизнь, въ старинной Польшѣ все было чрезвычайно дешево: такъ, напримѣръ, извѣстный министръ короля Августа III, графъ Брюль, получавшій только 70,000—80,000 злотыхъ годоваго дохода, считался однимъ изъ первыхъ богачей своего времени. Онъ жилъ не только великолѣпно, но даже имѣлъ нѣсколько тысячъ своего надворнаго войска.

Въ Польшѣ, гдѣ вся торговля сосредоточивалась въ рукахъ нѣмцевъ и въ особенности въ рукахъ евреевъ, производившихъ ее по мелочамъ, не могло составиться большихъ купеческихъ богатствъ. Они стали дѣлаться замѣтными,—да и то только въ исходѣ XVIII вѣка,—въ рукахъ нѣмецкихъ банкировъ, жившихъ въ Варшавѣ. Наиболѣе извѣстными изъ нихъ были: Тепперъ, Бланкъ и Кабритъ. Но дворянство и среди него и самые богатые паны на Волыни и Подоліи занимались большими торговыми оборотами, и мѣстечко Дубно, куда, въ 1797 году, были переведены контракты изъ Кіева, было родъ дворянской биржи, гдѣ производились различныя сдѣлки въ огромныхъ размѣрахъ.

Извѣстный (Феликсъ) Потоцкій, богатѣйшій вельможа Юго-Западнаго края, примкнулъ, въ 1786 году, къ русской партіи. У него въ Галиціи было 100 селъ, которыя онъ уступилъ Потемкину съ условіемъ, чтобы тотъ уплатилъ его долги. Шляхтичъ Гиновскій, имѣя съ Потоцкимъ процессъ, переуступилъ свои права графу Чернышеву, командовавшему русскими войсками на Украйнѣ. При содѣйствіи русскаго посла въ Варшавѣ дѣло это въ первыхъ инстанціяхъ кончилось въ пользу Чернышева, но Потоцкій, выигравъ окончательно дѣло на сеймовомъ судѣ, потратилъ на процессъ 2.000,000 злотыхъ, по нынѣшнему курсу 300,000 рублей. Потоцкій оставилъ на-

слѣдникамъ 18 мѣстечекъ, 429 селъ и 130,249 душъ. Имѣніе его давало доходу 2.002,890 злотыхъ ежегодно.

Короли польскіе раздавали имѣнія магнатамъ и на Украйнѣ, но магнаты тамъ не жили сами, а только получали доходы съ своихъ украинскихъ помѣстій. Князь Потемкинъ, еще при польскомъ правительствѣ, благодаря вліянію Екатерины и деньгамъ, пріобрѣлъ всѣ эти имѣнія, прилегавшія къ Новороссійскому краю. Послѣ его смерти они достались его наслѣдникамъ. Въ числѣ этихъ имѣній была Бѣлая-Церковь, принадлежавшая нѣкогда извѣстнымъ богачамъ-магнатамъ Браницкимъ, но не изъ той фамиліи, изъ которой былъ великій гетманъ Браницкій, женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина.

Вообще Потемкинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, порядочно поживился на счетъ поляковъ. Такъ Францъ-Ксаверій Любомірскій продалъ свое смоленское имѣніе князю Потемкину въ 1784 году; по смерти его оно было куплено въ казну.

Въ первые годы по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины Великой, занимали при дворѣ ея самое видное мѣсто братья Орловы. Богатство ихъ въ ту пору было чрезвычайно значительно. Орловы были въ числѣ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ воцаренію Екатерины II, и они не были забыты ея милостями. Въ продолженіе времени отъ 1762 по 1783 годъ братья Орловы получили въ сложности 45,000 душъ крестьянъ, и, что̀ еще важнѣе, 17.000,000 рублей наличными деньгами и разными драгоцѣнностями. Часть полученныхъ ими капиталовъ была употреблена на покупку имѣній, такъ что они сдѣлались одними изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ цѣлой Россіи.

Англійскій повѣренный въ дѣлахъ Ширлей разсказываетъ: „Орловъ съ великолѣпіемъ и роскошью разыгрывалъ роль любимца. Орловымъ открыта частная казна императрицы, которая увеличивается каждый день. Они могутъ брать оттуда сколько имъ угодно. Не проходитъ недѣли безъ того, чтобы тотъ или другой изъ нихъ не получилъ то 5, то 10,000 рублей, которые они дѣлятъ поровну между собою, такъ какъ всѣ братья живутъ между собою въ самой тѣсной дружбѣ. Въ 1768 году Алексѣй Орловъ путешествовалъ подъ именемъ Островскаго, а

Ѳедоръ—Богородскаго. Екатерина дала имъ на вояжъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ".

Самою замѣтною личностью изъ пяти братьевъ Орловыхъ былъ графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь римской имперіи, Григорій Григорьевичъ (род. 1734 г., † 1783 году), имѣвшій званіе генералъ-фельдцейхмейстера. Хотя грамота на княжеское достоинство была дана ему императоромъ еще 23 іюля 1763 года, но лица, окружавшія императрицу, убѣдили ее не признавать за нимъ этого титула. Утвержденіе его въ княжескомъ достоинствѣ послѣдовало только 4 октября 1772 года.

Въ числѣ особо-замѣчательныхъ подарковъ, сдѣланныхъ императрицею Григорію Григорьевичу Орлову, была мыза Ропша подъ Петербургомъ. Здѣсь еще Петръ Великій построилъ дворецъ въ голландскомъ вкусѣ, съ разными хозяйственными заведеніями, на самую широкую ногу, и подарилъ эту мызу князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Отъ него она, какъ приданое, перешла къ женѣ графа Михаила Гавриловича Головкина, рожденной княжнѣ Ромодановской; у нея Ропша была конфискована, въ 1741 году, по повелѣнію императрицы Елизаветы, которая увеличила въ Ропшѣ дворецъ и развела садъ. Ропшинское имѣніе, подаренное князю Орлову, было куплено у него впослѣдствіи извѣстнымъ богачемъ армяниномъ Лазаревымъ за безцѣнокъ—за 12,000 рублей, тогда какъ въ этомъ имѣніи было 1,100 душъ и 12,000 десятинъ. Кромѣ Ропши, императрица, въ 1770 году, пожаловала Орлову Гатчину, принадлежавшую императору Петру III. Въ ту пору гатчинское имѣніе состояло изъ небольшой усадьбы, въ которой былъ простой господскій домъ со службами. Къ Гатчинѣ было приписано нѣсколько чухонскихъ деревушекъ съ пашнями и сѣнокосами. Съ своей стороны Орловъ, для устройства этого имѣнія на барскій ладъ, истратилъ большіе капиталы, и вскорѣ весь тогдашній Петербургъ заговорилъ о Гатчинѣ, какъ о чемъ-то небываломъ и невиданномъ, а пріѣзжавшіе въ Петербургъ иностранцы спѣшили взглянуть на Гатчину, какъ на диковинку, какъ на образецъ удобства и роскоши. Сама императрица придавала этому имѣнію такую важность, что обыкновенно называла Орлова „гатчинскимъ помѣщикомъ".

Дѣйствительно, Гатчина сдѣлалась замѣчательнымъ мѣсто-

пребываніемъ богача-вельможи екатерининскаго вѣка. На мѣсто ветхаго дома, тамъ былъ выстроенъ, по плану знаменитаго архитектора Ринальди, роскошный дворецъ съ башнями, а пространство между дворцомъ и озеромъ было обращено въ паркъ, для разбивки котораго были выписаны Орловымъ лучшіе садовники изъ Англіи. Въ гатчинскомъ дворцѣ, украшенномъ статуями, бюстами, барельефами, картинами, расписанными плафонами и пр., была собрана обширная и дорогая библіотека. Въ то время мѣстность, прилегавшая къ Гатчинѣ, считалась самою удобною для охоты, и Орловъ, не желая портить ее въ этомъ отношеніи, не позволялъ около Гатчины возводить никакихъ построекъ. Послѣ его смерти, Екатерина II купила Гатчину у наслѣдниковъ князя Орлова и подарила это имѣніе сыну своему, великому князю Павлу Петровичу, который, до вступленія своего на престолъ, имѣлъ тамъ постоянное мѣстопребываніе.

Ежегодный доходъ князя Орлова простирался до 200,000 рублей. Сверхъ того, ему съ 1776 года предназначалась ежегодная пенсія въ 150,000 рублей и предоставлялось право жить во всѣхъ дворцахъ въ Москвѣ и „индѣ“, пользоваться придворными экипажами, и назначено 10,000 душъ съ выборомъ въ Псковской губерніи или на Волгѣ, а также переданы были ему всѣ вещи, хранившіяся въ цалмейстерской камерѣ подъ названіемъ графскихъ, о которыхъ онъ даже и не зналъ. Вдобавокъ къ этому, какъ говоритъ Гельбигъ, ему предложенъ былъ единовременно милліонъ рублей по возвращеніи изъ Фокшанъ, но онъ отказался отъ этихъ денегъ, замѣтивъ, что такой подарокъ будетъ тяжелъ для государства. Для Орлова строился въ Петербургѣ,у Троицкой пристани, нынѣшній Мраморный дворецъ; на немъ въ память подвиговъ Орлова во время московской чумы, предполагалось сдѣлать надпись: „Зданіе благодарности“, но онъ умеръ прежде окончанія этой постройки. Въ 1770 году онъ выстроилъ на свой счетъ огромный арсеналъ на Литейной улицѣ и подарилъ его казнѣ; нынѣ въ этомъ зданіи помѣщена с.-петербургская судебная палата и окружной судъ.

Имѣя большую силу и пользуясь самъ громаднымъ богатствомъ, Орловъ не забывалъ своихъ прежнихъ друзей и зна-

комцевъ. По словамъ Болотова, онъ вывелъ ихъ въ люди, подѣлалъ знатными боярами, богачами и на вѣкъ счастливыми.

Князь Щербатовъ, разсказывая объ Орловыхъ, замѣчаетъ, что они, сравнительно съ прочими богачами того времени, отличались скромнымъ образомъ жизни, въ особенности же князь Григорій Григорьевичъ, у котораго все было просто и который никогда даже не носилъ платья, богато вышитаго серебромъ или золотомъ. „Столъ же его, какъ выражается Щербатовъ, не равнялся со столами, какіе стастолюбцы имѣютъ“. Замѣтимъ впрочемъ, что братья Орловы въ молодости были страстные любители веселой жизни: они продали незначительное имѣніе, доставшееся отъ отца, и принялись дружно, безъ оглядки, проживать деньги, полученныя ими чрезъ эту продажу.

Надобно впрочемъ сказать, что отзывъ князя Щербатова о князѣ Григорьѣ Григорьевичѣ Орловѣ противорѣчитъ до нѣкоторой степени тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя приведены были о великолѣпіи гатчинской резиденціи Орлова и еще болѣе извѣстіямъ о той пышности, съ какою онъ отправился на конгрессъ въ Фокшаны.

„Сборы къ отъѣзду на этотъ конгрессъ—говоритъ г. Барсуковъ въ жизнеописаніи князя Орлова—изумили всѣхъ великолѣпіемъ: ему было пожаловано множество драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, цѣнилось въ 1.000,000 рублей. Назначенная къ нему свита составляла цѣлый дворъ: тутъ были и маршалы, и камергеры, и пажи; однихъ придворныхъ лакеевъ, разодѣтыхъ въ парадныя ливреи, насчитывалось до 24 человѣкъ. Обозъ посла состоялъ изъ роскошно-сформированной кухни, погребовъ, великолѣпныхъ экипажей и пр.“. Однимъ словомъ, по замѣчанію Гельбига, сборы къ путешествію могущественнаго государя не могли обойтись дороже командировки этого временщика.

Такія разнорѣчія согласуются, вѣроятно, тѣмъ, что князь Орловъ, не смотря на то, что самъ не любилъ роскоши и пышности, долженъ былъ однако выставлять на показъ и ту и другую, такъ какъ сама императрица Екатерина—конечно не безъ политическихъ соображеній—любила окружать великолѣпіемъ близкихъ къ ней вельможъ.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ умеръ, не оставивъ дѣтей отъ брака съ Екатериною Николаевною Зиновьевою, своею двоюродною сестрою. Бракъ его возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ Орлова, но, не смотря на это, императрица осыпала молодую княгиню драгоцѣнными подарками, въ числѣ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ золотой туалетъ, такой высокой цѣны и такой прекрасной отдѣлки, что, по словамъ Гельбига, немногія принцессы крови могли похвалиться подобнымъ уборнымъ столомъ.

Княгиня Орлова умерла въ 1781 году, слѣдовательно двумя годами ранѣе своего мужа, и потому все имѣніе князя Орлова перешло къ четыремъ его братьямъ. Изъ нихъ графъ Иванъ Григорьевичъ умеръ въ 1791 году бездѣтнымъ. Только часть имѣній князя Орлова, съ замкомъ Лоде, близъ Ревеля, перешла къ Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, вслѣдствіе женитьбы его на побочной дочери Орлова, носившей фамилію Алексѣевой.

Другой изъ Орловыхъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Чесменскій, любилъ выставлять свои богатства и знатность въ Москвѣ предъ изумлявшеюся толпою. Такъ, онъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на народныя гулянья въ парадномъ мундирѣ, обвѣшанный орденами. Статный его конь былъ въ азіятской сбруѣ, причемъ сѣдло, уздечка и чапракъ, по свидѣтельству очевидцевъ, были буквально залиты золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Немного поодаль отъ графа ѣхала его дочь и нѣсколько дамъ на превосходнѣйшихъ лошадяхъ, въ сопровожденіи знатныхъ кавалеровъ. За ними слѣдовали берейторы и конюхи графа въ числѣ не менѣе 40 человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводской лошади въ роскошно-вышитыхъ попонахъ и золотой сбруѣ. Затѣмъ, тянулся длинный рядъ богатыхъ графскихъ экипажей: кареты, коляски и одноколки, запряженныя цугами и четвернями одномастныхъ коней. Пріѣзжая на гулянье, графъ Орловъ-Чесменскій заводилъ цыганское пѣніе, пляски и кулачные бои, награждая щедрою рукою всѣхъ потѣшавшихъ его лицъ.

Къ немалому обогащенію Алексѣя Орлова послужили ему и тѣ морскіе призы, которые онъ захватилъ во время Морейской экспедиціи противъ турокъ. Да и на самую эту экспедицію было отпущено Екатериною II въ его безотчетное распоряженіе

20.000,000 р. и современники говорили, что значительная часть этой суммы перешла въ собственность графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго. По возвращеніи изъ Архипелага въ рукахъ его очутилось много серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней.

Гельбигъ разсказываетъ, что по оффиціальнымъ извѣстіямъ, послѣ графа Алексѣя Орлова осталось 5.090,000 рублей и 30,000 душъ крестьянъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ, отъ брака съ Евдокіею Николаевной Лопухиной, имѣлъ одного сына, умершаго въ младенчествѣ, и одну дочь, камеръ-фрейлину графиню Анну Алексѣевну (род. 1785 г., † 1848 г.), прославившуюся своею благотворительностію въ пользу монастырей вообще и въ особенности въ пользу Новгородско-Юрьевскаго монастыря, гдѣ былъ архимандритомъ извѣстный Фотій. Почти все свое несмѣтное богатство она употребила на благотворительность этого рода.

Четвертый изъ братьевъ Орловыхъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ (род. 1741 г., † 1796 г.), не былъ женатъ, но имѣлъ побочныхъ сыновей, носившихъ фамилію Орловыхъ. Младшій изъ графовъ Орловыхъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ, оставилъ сына графа Григорія Владиміровича — не имѣвшаго дѣтей — и трехъ дочерей. Изъ нихъ одна была за бригадиромъ Дмитріемъ Александровичемъ Новосильцевымъ; единственный сынъ ихъ былъ убитъ, въ 1825 году, на поединкѣ съ Черновымъ. Другая, графиня Софья Владиміровна, была замужемъ за графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, отцомъ графа Виктора Никитича, бывшаго министромъ юстиціи, и третья, графиня Наталія Владиміровна, за гофмейстеромъ Петромъ Львовичемъ Давыдовымъ. Такимъ образомъ, все имѣніе князя и графовъ Орловыхъ, за исключеніемъ отданнаго монастырямъ и перешедшаго въ побочныя линіи, перешло къ графу Виктору Никитичу Панину и къ сыну упомянутаго Петра Львовича Давыдова, Владиміру Петровичу, которому, въ 1856 году, высочайше разрѣшено принять фамилію и титулъ его дѣда и именоваться потомственно графомъ Орловымъ-Давыдовымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный графъ Владиміръ Петровичъ, по обширности принадлежавшихъ ему имѣній и по ихъ доходности, могъ считаться едва ли не первымъ землевладѣльцемъ въ Россіи.

Перейдемъ теперь къ князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, который при дворѣ императрицы Екатерины II имѣлъ еще болѣе значенія, нежели князь Г. Г. Орловъ, и богатство котораго, употребляемое на ослѣпительную роскошь и причудливое мотовство, было предметомъ удивленія современниковъ. О необыкновенномъ великолѣпіи Потемкина упоминалось и въ прозаическихъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, а также долгое время сохранялись изустныя преданія. Какъ бы однако ни были велики заслуги Потемкина передъ Россіею, какъ человѣка государственнаго, но все же приходится сказать, что никто изъ обыкновенныхъ смертныхъ не обошелся ей такъ дорого, какъ великолѣпный князь Тавриды.

Поэзія, конечно, могла воспѣвать этого любимаго сына счастья и славы; но тѣмъ не менѣе государственному контролю слѣдовало бы привлечь его къ законной отвѣтственности, какъ самовластнаго расточителя казны, обременявшаго народъ своими непомѣрными прихотями. Причины быстраго, необыкновеннаго возвышенія Потемкина (р. 1735 г., † 1791 г.) извѣстны; впослѣдствіи же онъ достигъ рѣдкаго могущества, которое между прочимъ весьма сильно отзывалось на тогдашнихъ финансахъ Россіи. Даже во время Екатерины II, — въ эпоху, когда въ Россіи было всего болѣе колоссальныхъ богатствъ, — денежныя средства Потемкина были изумительны, и оставленное имъ послѣ себя богатство до сихъ еще поръ не перевелось окончательно въ тѣхъ фамиліяхъ, которыя его получили въ наслѣдство.

Первую награду имуществомъ отъ Екатерины II получилъ Потемкинъ за участіе въ событіяхъ 28 іюня 1762 г. Награда эта не была слишкомъ значительна, такъ какъ въ числѣ прочихъ пожалованныхъ въ то время лицъ, подпоручикъ конной гвардіи Григорій Потемкинъ получилъ 400 душъ. Денежныя его дѣла были прежде въ плохомъ положеніи, и въ ту пору поддерживалъ его ссудами князь Кантемиръ, владѣлецъ села Черной-Грязи, нынѣшняго Царицына, подъ Москвою.

Впослѣдствіи Потемкинъ, обогащенный и уполномоченный императрицею, дошелъ до того, что, даже при тогдашней дешевизнѣ, издерживалъ ежедневно на столъ по 800 рублей. Ему

впрочемъ не трудно было дѣлать это, такъ какъ въ рукахъ его обращались несмѣтныя казенныя богатства.

Независимо отъ произвольнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ, откуда только можно было получать деньги, Потемкинъ въ два года своей силы получилъ отъ Екатерины II 37,000 душъ крестьянъ и 9.000,000 рублей деньгами.

13 марта 1781 года англійскій посолъ Мельсбюри писалъ въ Лондонъ: „надняхъ императрица подарила Потемкину 40,000 фунтовъ стерлинговъ и этотъ оригинальный человѣкъ до того избалованъ, что счелъ эту сумму едва заслуживающею благодарности. Замѣчательно, что въ указѣ, данномъ казначейству, выражено, что это вознагражденіе назначается Потемкину за ту помощь, которую получила отъ него государыня при заключеніи вооруженнаго нейтралитета. Потемкинъ самъ настоялъ на помѣщеніи этой лжи, во избѣжаніе на будущее время подозрѣнія, что онъ былъ подкупленъ нами“.

Не смотря однако на всю свою величественную обстановку и на неприступную надменность, Потемкинъ не гнушался заниматься спекуляціями и по винной части. Такъ онъ держалъ питейный откупъ въ Ярославской губерніи и тамъ дѣла его шли отлично, благодаря тому покровительству, какое оказывалъ свѣтлѣйшему откупщику генералъ-губернаторъ Мельгуновъ, ведшій съ нимъ по этому предмету непосредственную переписку. Потемкинъ занимался и фабричнымъ производствомъ: у него въ Петербургѣ, на берегу Невы, былъ стеклянный заводъ, купленный впослѣдствіи казною и существующій донынѣ на прежнемъ мѣстѣ.

Въ 1790 году, Гарновскій, повѣренный по дѣламъ князя Потемкина, представилъ записку о запрещеніи ввоза въ Россію стекла. Это объясняется тѣмъ, что у его довѣрителя былъ стеклянный заводъ. „Если указъ состоится — писалъ Гарновскій Попову — то отъ этого будетъ его свѣтлости доходу больше, нежели отъ 50,000 душъ крестьянъ, въ лучшихъ мѣстахъ находящихся“. Тотчасъ же, при одномъ слухѣ объ этой запискѣ, купцы принялись дѣлать у Потемкина закупки стекла и зеркаловъ на огромныя суммы, желая, чтобы корыстолюбивый временщикъ обратилъ на нихъ свое вниманіе.

Во время командованія Потемкина арміею, дѣйствовавшею

противъ турокъ, ему изъ экстраординарныхъ суммъ отпущено было на военные расходы 55.000,000 рублей. На этотъ предметъ показано было издержанными, безъ строгой впрочемъ отчетности, 41.000,000 рублей; затѣмъ выведено было въ расходъ по простымъ росписками разныхъ лицъ 9.000,000 рублей и безъ всякихъ росписокъ было издержано свыше 700,000 рублей. Затѣмъ остальныя деньги пошли неизвѣстно куда, а около 1.000,000 рублей было выдано по запискамъ тайнаго совѣтника Попова, бывшаго секретаремъ при Потемкинѣ. Записки эти были слѣдующаго краткаго содержанія: „выдать“ или „отпустить“ такому-то столько-то. Когда же впослѣдствіи Попову былъ сдѣланъ запросъ объ отчетности, то Поповъ сослался во всемъ на личныя распоряженія своего покойнаго начальника. Кромѣ того, въ росписи расходовъ, помѣщенной въ „Запискахъ Одесскаго Историческаго Общества“ есть свѣдѣніе, что Потемкинъ бралъ изъ казны заимообразно, но въ то же время и безвозвратно, не малые куши, доходившіе до трехъ съ половиною милліоновъ рублей!

Какъ ни была благосклонна Екатерина II къ Потемкину, но беззастѣнчивыя его распоряженія государственною казною были одною изъ причинъ ея охлажденія къ нему.

Потемкинъ не довольствовался всѣмъ тѣмъ, что было дано ему императрицею и что безъ всякаго контроля проходило чрезъ его руки. Онъ дѣлалъ долги и у частныхъ лицъ. Такъ онъ задолжалъ банкиру Сутерланду 700,000 рублей, а по смерти Сутерланда,— когда съ прочихъ должниковъ этого банкира императрица Екатерина II приказала взыскать „по закону“,— долгъ ему Потемкина былъ принятъ, по повелѣнію государыни, на счетъ казны. Потемкинъ вообще не любилъ платить своихъ долговъ, и когда являлся къ нему кредиторъ, то онъ призывалъ Попова и спрашивалъ, зачѣмъ онъ не заплатилъ? а самъ, какъ это разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ Державинъ, дѣлалъ Попову условный знакъ, и если онъ раскрывалъ ладонь, то слѣдовало уплатить, если же сжималъ кулакъ — то нѣтъ. Между тѣмъ у него всегда были ящики съ золотомъ, брилліантами и билетами банковъ лондонскаго, амстердамскаго и венеціянскаго. Парадное его платье, унизанное драгоцѣнными каменьями, цѣнили въ 200,000 тогдаш-

нихъ рублей. Стоимость же недвижимаго его имѣнія полагали въ 50.000,000 рублей, не включая въ эту оцѣнку подареннаго ему въ 1783 году Екатериною II Таврическаго дворца въ Петербургѣ, постройка и меблировка котораго обошлась въ 600,000 рублей. Спустя немного времени, Потемкинъ продалъ этотъ дворецъ казнѣ, а потомъ въ 1791 снова получилъ его въ подарокъ. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ, 26 апрѣля 1791 года, устроилъ знаменитый праздникъ. Дворецъ этотъ былъ наполненъ драгоцѣнностями, и даже паркеты въ немъ были такъ изящны и великолѣпны, что императоръ Павелъ приказалъ перенести ихъ въ Михайловскій дворецъ, который отдѣлывался съ необыкновенною роскошью.

Выгодный финансовый оборотъ сдѣлалъ Потемкинъ и съ подареннымъ ему въ 1776 году нынѣшнимъ Аничковскимъ дворцомъ. Вскорѣ по полученіи этого дворца, онъ передалъ его близкому своему человѣку, богатѣйшему откупщику Шемякину, у котораго, какъ разсказываетъ М. Н. Лонгиновъ, дворецъ этотъ былъ купленъ казною и вторично подаренъ Потемкину. Здѣсь онъ давалъ пышные праздники, но постоянно не жилъ.

Недвижимыя имѣнія Потемкина почти всѣ находились въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши: тамъ Екатерина пожаловала ему разомъ стардство Кричевское, въ которомъ находилось болѣе 14,000 душъ. Самъ же онъ купилъ на Подолѣ обширное имѣніе у князя Любомірскаго. Имѣніе это впослѣдствіи было раздѣлено между дѣтьми трехъ сестеръ Потемкина, и не смотря на такой дѣлежъ, на долю каждаго изъ наслѣдниковъ все-таки пришлось въ этомъ имѣніи по 5,000 душъ крестьянъ.

Распоряжаясь полновластно казеннымъ добромъ, князь Потемкинъ передавалъ отъ себя такое же право и другимъ лицамъ. Такъ по усмотрѣнію губернаторовъ раздавались крымскія и приднѣпровскія земли безденежно, и Державинъ пишетъ, что при такой раздачѣ одинъ изъ его родственниковъ, екатеринославскій губернаторъ, Синельниковъ, далъ ему 6,000 десятинъ земли. Самъ же Потемкинъ подарилъ князю Куракину, по ходатайству своего приближеннаго Фалѣева, „знатныя земли“ на Днѣпрѣ, въ бывшей Запорожской Сѣчи, на-

селенныя запорожцами въ числѣ болѣе 2,000 душъ, которыя тотчасъ же и были проданы княземъ Куракинымъ за большую сумму еврею Штиглицу, не смотря на законы, запрещавшіе евреямъ покупать деревни.

Конечно, кто имѣлъ власть дѣлать подобныя подарки, тотъ могъ самъ очень легко составить себѣ огромное богатство, и какъ не оригинальничалъ свѣтлѣйшій Потемкинъ, но тамъ, гдѣ дѣло касалось пріобрѣтенія денегъ и имуществъ, онъ являлся самымъ заурядным человѣкомъ, не упуская ни одного благопріятнаго случая поживиться всѣми способами. Поэтому, послѣ смерти Потемкина осталось, какъ выражается Державинъ, „страшное движимое и недвижимое имѣніе“. Императрица, изъ уваженія къ памяти покойнаго князя, вошла сама въ распоряженіе его имуществомъ. Она приказала брилліянты, золото, серебро и прочія дорогія вещи, по безпристрастной оцѣнкѣ, взять въ свой кабинетъ и заплатить за это наслѣдникамъ деньгами, а недвижимое имѣніе, которое, какъ замѣчено выше, почти все находилось въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, раздѣлить между наслѣдниками по закону. Между тѣмъ, по дѣйствовавшему тогда въ этихъ провинціяхъ Литовскому Статуту, братья получали при наслѣдствѣ равныя доли съ сестрами, что̀ противорѣчило однако русскимъ законамъ о наслѣдствѣ. Дѣлежъ недвижимаго имѣнія Потемкина происходилъ между двоюродными братьями и сестрами, приходившимися Потемкину родными племянниками и племянницами, а именно между генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, генералъ-майорами Давыдовымъ и Высоцкимъ, и графинями Браницкою и Литте, княгинями Голицыною, Юсуповою и вдовою сенатора Шепелевою. Въ то время въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерніяхъ: Минской, Волынской, Виленской и Подольской былъ генералъ-губернаторомъ Тутолминъ, державшій сторону генералъ-прокурора. Онъ отложилъ по этому дѣлу Литовскій Статутъ въ сторону и раздѣлилъ имѣніе пристрастно въ пользу Самойлова. Графиня Браницкая возстала противъ этого и выиграла дѣло въ сенатѣ. Еще при жизни Потемкина она, пользуясь своими къ нему отношеніями, сильно живилась на счетъ казны. Такъ Безбородко писалъ въ Лондонъ Воронцову: „Браницкая, Энгельгардтъ и князь Сергій

Голицынъ черезъ графа Вита и другихъ тому подобныхъ, которые, набравъ множество прислужниковъ, берутъ съ казны цѣны пребольшія. Напримѣръ, графиня Браницкая взялась поставлять хлѣбъ въ магазины четверть 7 рублей 50 коп., имѣла уже ири семъ получить барыша 180,000 рублей, кромѣ того, что фуры на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну по 10 коп. съ пуда, но симъ не удовлетворилась: требовала еще, чтобъ платежъ за все былъ учиненъ червонцами, полагая по три рубля каждый, тогда какъ они гораздо выше 4-хъ сюда изъ Варшавы приходятъ".

Графиня Александра Васильевна (род. 1754 г., † 1838 г.), рожденная Энгельгардтъ, любимая племянница Потемкина, еще при жизни дяди была надѣлена огромнымъ богатствомъ. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ" разсказываетъ, что когда Браницкую, уже старушку, спрашивалъ кто нибудь: сколько у нея денегъ? то она отвѣчала:—не могу сказать, а кажись 28.000,000 будетъ. Потомство графовъ Браницкихъ продолжается и нынѣ. Имѣніе Потемкина послѣ смерти раздѣлилось такимъ образомъ:

Одна изъ племянницъ князя Потемкина, княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, была въ первомъ бракѣ за генералъ-поручикомъ Михайломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ († 1791 г.) и имѣла отъ него сына, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Михайловича Потемкина. Этотъ послѣдній умеръ въ 1872 году бездѣтнымъ, а стоимость оставшагося послѣ него имѣнія была объявлена его наслѣдникомъ по совѣсти въ 3.500,000 рублей.

Фамилія Самойловыхъ, о которой мы упомянули выше, была вовсе неизвѣстна до возвышенія Потемкина; на сестрѣ его былъ женатъ Николай Борисовичъ Самойловъ, бывшій потомъ сенаторомъ. Сынъ его, Александръ Николаевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ, получилъ въ 1793 году графское достоинство римской, а въ 1795 году россійской имперіи. Со смертью, въ 1842 году, сына его, графа Николая Александровича, пресѣкся родъ графовъ Самойловыхъ. Изъ сестеръ его, старшая — графина Софья Александровна—была за графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ

Бобринскимъ, сыномъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (род. 1762 г., † 1813 года), получившаго отъ императора Павла графское достоинство и владѣвшаго обширными помѣстьями. Другая сестра послѣдняго графа Самойлова, была за Дмитріемъ Андреевичемъ Донецъ-Захаржевскимъ, который имѣлъ громадное состояніе, и насильственная смерть котораго, 15 декабря 1871 года, возбудила въ Харьковѣ извѣстный публикѣ уголовный процессъ.

Въ нѣкоторомъ соотношеніи съ богатствомъ князя Потемкина находится, какъ было замѣчено выше, извѣстное нынѣ богатство Лихачевыхъ, которое очень часто считаютъ ошибочно богатствомъ купеческимъ.

Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, внучатный братъ князя Потемкина, впослѣдствіи, съ 1795 года, графъ, былъ тоже человѣкомъ очень богатымъ. Онъ обвинялся въ томъ, что захватилъ богатство и убилъ въ кизлярской бухтѣ изгнаннаго изъ Персіи персидскаго принца Сали-хана, искавшаго убѣжища въ Россіи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Богатства людей случайныхъ. — Графъ Завадовскій. — Постройка ему дома. — Его злоупотребленія по государственному банку. — Зоричъ. — Его роскошная жизнь въ Шкловѣ. — Учрежденіе кадетскаго корпуса. — Запутанность его денежныхъ дѣлъ. — Графы Зановичи. — Васильчиковъ. — Подаренный ему домъ. — Римскій-Корсаковъ. — Образъ его жизни. — Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ. — Переходъ его имѣній къ князю Голицыну и фонъ-Визину. — Ермоловъ. — Ланской. — Князь и графы Зубовы. — Князь Вяземскій. — Намѣреніе императора Павла относительно конфискаціи. — Перекусихина и Сахаровъ.

Малороссійская фамилія Завадовскихъ обязана появленіемъ своимъ среди богатой русской знати, въ исходѣ прошлаго столѣтія, Петру Васильевичу Завадовскому (род. 1738 года, † 1812 г.). Онъ пользовался особенною благосклонностію императрицы Екатерины II, былъ ея статсъ-секретаремъ и въ 1794 году, вмѣстѣ съ своими братьями Петромъ и Ильею, получилъ графское достоинство Россійской имперіи. При удаленіи отъ двора, Завадовскій получилъ 80,000 рублей наличными деньгами, 2,000 душъ крестьянъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ и 5,000 рублей ежегодной пенсіи. Потомъ ему въ Малороссіи, а частію и въ великорусскихъ губерніяхъ, было пожаловано 18,000 душъ крестьянъ, а также подаренъ серебряный сервизъ въ 80,000 рублей. Изъ имѣній, подаренныхъ графу Завадовскому, въ особенности было замѣчательно мѣстечко Лямичи, въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Суража, Черниговской губерніи. Здѣсь былъ выстроенъ для него каменный господскій домъ, отличавшійся громадностью размѣровъ и великолѣпною отдѣлкою; а также и всѣми роскош-

ными затѣями тогдашняго русскаго барства. Какъ домъ, такъ и всѣ принадлежащія къ нему службы были выстроены, по распоряженію императрицы Екатерины II, насчетъ денежныхъ средствъ малороссійскихъ губерній. Планъ этого дома былъ проектированъ знаменитымъ въ свое время архитекторомъ Гваренги и исправленъ карандашемъ самою императрицею. Постройка этого дома произведена по слѣдующему случаю:

Однажды, при представленіи Екатеринѣ II составленнаго тѣмъ же Гваренги проекта для постройки зданія государственнаго банка въ Петербургѣ — по Большой Садовой улицѣ и по берегу Екатерининскаго канала, — Завадовскій восхищался этимъ планомъ, что̀ и подало императрицѣ мысль выстроить такой же домъ для Завадовскаго въ селѣ Лямичахъ, на его родинѣ. Село это, вмѣстѣ съ домомъ, было подарено государынею Завадовскому и получило названіе Екатеринодаръ, но императоръ Павелъ I приказалъ называть его прежнимъ именемъ — Лямичи. Впослѣдствіи сынъ Завадовскаго продалъ это имѣніе одному изъ Энгельгардовъ.

Не смотря на наживаемыя легко богатства, графъ Завадовскій увеличивалъ свое состояніе и разными незаконными способами. Будучи въ силѣ при дворѣ, онъ завладѣлъ многими монастырскими землями въ Малороссіи и отнималъ тамъ насильно земли у своихъ небогатыхъ сосѣдей. Вслѣдствіе всего этого ежегодный доходъ графа Завадовскаго простирался въ концѣ прошлаго столѣтія до 100,000 рублей.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ наживы былъ для графа Завадовскаго государственный заемный банкъ, которымъ онъ управлялъ въ званіи директора. Злоупотребленія его по банку обнаружились такимъ образомъ.

Жена банковскаго кассира Кельберга, въ виду предстоявшаго заключенія мира между Россіею и Швеціею, придумала слѣдующую спекуляцію: на деньги, взятыя тайно ея мужемъ изъ банка, она накупила брилліантовъ, обдѣлала ими шпагу и черезъ камердинера императрицы, Зотова, предложила Екатеринѣ II купить эту шпагу для подарка тому, кто заслужилъ такую награду. Государыня, заподозрѣвъ богатство банковской кассирши, приказала обревизовать банкъ, и тогда оказался тамъ огромный недочетъ, а именно на 600,000 рублей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по слѣдствію, обнаружилось, что передъ расхищеніемъ банковской казны, главный директоръ банка, графъ Завадовскій, вывезъ къ себѣ изъ банка два ящика: одинъ съ серебромъ, а другой съ золотомъ. Отстраняя отъ себя обвиненія въ неблаговидныхъ поступкахъ, онъ ссылался на то, что въ этихъ ящикахъ былъ ломъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, ему принадлежавшихъ, и что увезенные ящики были поставлены имъ въ подвалы банка только на сохраненіе. Но, какъ замѣчаетъ Державинъ, обстоятельства и слѣдствіе уличили Завадовскаго, такъ какъ безъ его участія никакъ не могло бы произойти подобнаго громаднаго расхищенія банковскихъ суммъ. Принявъ отвѣтственность за недостатокъ этихъ суммъ на себя, Завадовскій донесъ императрицѣ, что всѣ суммы банка находятся въ цѣлости. Тѣмъ не менѣе кассиръ Кельбергъ и его жена, по приговору суда, были сосланы за казнокрадство въ Сибирь на поселеніе. Все это происходило въ 1794 и 1795 годахъ.

Сверхъ того, по разсказамъ Державина, Завадовскій пускался и въ недозволенныя спекуляціи. Такъ, будучи назначенъ, послѣ графа Брюса, главнымъ директоромъ банка, онъ, при наступленіи каждой трети года, требовалъ себѣ выдачи жалованья серебромъ, что составляло по тогдашнему курсу значительную въ пользу его разницу противъ жалованья, получаемаго въ ту пору всѣми или мѣдью или ассигнаціями. Между тѣмъ такъ какъ положенныя въ банкъ основнымъ капиталомъ серебряныя деньги, накопленныя изъ процентовъ, ни на какой расходъ употреблять было не дозволено, то при годовомъ счетѣ банковыхъ суммъ постоянно оказывался недочетъ въ серебряной монетѣ. Для пополненія этого недочета графъ Завадовскій придумалъ выдавать заемщикамъ въ ссуду деньги не за указные 6 процентовъ въ годъ, но за 12 и даже за 15 процентовъ. Завадовскому показалось, однако, недостаточной и эта спекуляція, и онъ сталъ промѣнивать въ банкѣ свои ассигнаціи безъ платежа лажа. Короче, онъ истощалъ банкъ всѣми способами, и когда заемщики требовали въ ссуду денегъ, то имъ говорили, что денегъ въ кассѣ банка нѣтъ, и потому совѣтовали имъ пріискать купцовъ, которые внесли бы въ банкъ свои капиталы. Но такъ какъ

для петербургскихъ купцовъ, состоявшихъ преимущественно изъ иностранцевъ, въ такой операціи не было никакихъ разсчетовъ, то банкъ частнымъ образомъ повысилъ взимаемый имъ процентъ, который и раздѣлялся между купцами, кассиромъ и банкомъ или, какъ говоритъ Державинъ, „лучше между главнымъ директоромъ“, а заемщики, выдавая обязательства на серебро, получали ссуду мѣдными деньгами.

Родъ графовъ Завадовскихъ, шедшій отъ братьевъ Петра Васильевича, прекратился въ 1833 году, а у него самого было два сына: изъ нихъ старшій разстроилъ совершенно доставшуюся ему часть отцовскаго состоянія и умеръ, въ 1856 году, въ положеніи близкомъ къ нищетѣ; другой сынъ Петра Васильевича, графъ Василій Петровичъ, остался богатъ, и въ 1839 году выстроилъ въ Петербургѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Пассажъ, роскошный домъ, одна отдѣлка котораго стоила до 2.000,000 рублей ассигнаціями. Этотъ домъ ѣздили тогда смотрѣть какъ рѣдкость. Графъ Василій Петровичъ имѣлъ одного сына, умершаго въ юношескомъ возрастѣ, и намъ неизвѣстно, куда перешло послѣ его смерти богатство графовъ Завадовскихъ; по родству же оно должно было достаться Каблуковымъ, изъ которыхъ одинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ, былъ женатъ на дочери графа Петра Васильевича.

Изъ многихъ случайныхъ людей екатерининскаго вѣка, какъ по своему богатству, такъ и по особымъ способамъ ихъ употребленія, обращаетъ на себя вниманіе Семенъ Гавриловичъ Зоричъ. Онъ — простой крестьянскій мальчикъ, родомъ изъ Сербіи, — былъ захваченъ въ плѣнъ турками во время одного изъ возстаній его родичей. Его посадили въ тюрьму, откуда ему удалось бѣжать, и на греческомъ суднѣ онъ пріѣхалъ въ Россію искать себѣ службы, и былъ опредѣленъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Послѣ отличія въ турецкой войнѣ, онъ явился майоромъ и георгіевскимъ кавалеромъ въ Петербургъ, желая добиться здѣсь какого-нибудь выгоднаго для себя назначенія. Около этого времени, въ 1776 году, Завадовскій былъ въ полной силѣ, и непріязненный къ нему Потемкинъ, котораго Зоричъ просилъ о покровительствѣ, вздумалъ противопоставить Зорича Завадовскому. Графъ Сергѣй

Петровичъ Румянцевъ, въ автобіографіи своей, подъ годомъ 1778, упоминаетъ, что Зоричъ, пожалованный флигель-адъютантомъ, заступилъ мѣсто Завадовскаго. Ни одинъ изъ возвысившихся тогда лицъ не получилъ въ такое короткое время, — всего въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ — столько богатствъ, сколько получилъ ихъ Зоричъ. Тогдашній англійскій посланникъ Оаксъ (Oakes) доносилъ въ своей депешѣ въ Лондонъ, что 26 сентября 1777 года Зоричу дана была въ Лифляндіи земля, стоившая 120,000 рублей. Имѣніе это состояло изъ Сесвегенской мызы, которую въ томъ же году купила императрица у наслѣдниковъ генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина для Зорича. При передачѣ этого имѣнія Зоричу, который до того времени рѣшительно ничего не имѣлъ, въ собственность его были обращены и собранные съ Сесвегенской мызы за десять лѣтъ доходы, что составило въ общей сложности 80,000 рублей. Вслѣдъ затѣмъ Зоричу былъ подаренъ великолѣпный домъ въ Петербургѣ около Зимняго дворца. По свидѣтельству Гельбига, онъ получилъ болѣе пяти разъ по 5,000 рублей сверхъ 20,000 рублей, выданныхъ ему на первоначальное обзаведеніе, и 240,000 рублей на уплату долговъ. Между тѣмъ положенное ему весьма значительное для того времени жалованье шло своимъ чередомъ.

Самый цѣнный подарокъ, который сдѣлала Екатерина II Зоричу, было мѣстечко Шкловъ, въ 32-хъ верстахъ отъ губернскаго города Могилева. Шкловъ, населенный евреями, по своей пристани на Днѣпрѣ былъ въ ту пору чрезвычайно важнымъ торговымъ пунктомъ во всемъ западномъ краѣ Россіи. Имѣніе это было изстари мѣстопребываніемъ богатѣйшихъ польскихъ магнатовъ. Сперва оно принадлежало знаменитой фамиліи Ходкевичей, а отъ нихъ по наслѣдству перешло къ князьямъ Чарторыжскимъ. У одного изъ нихъ, князя Адама, императрица купила это имѣніе, заплативъ за Шкловъ 450,000 рублей. Но этимъ не ограничивалось богатство Зорича, такъ какъ подаренные ему въ разное время брилліанты оцѣнивались болѣе чѣмъ въ 200,000 рублей. Кромѣ того, 22 сентября 1777 года, при производствѣ Зорича въ генералъ-майоры и генералъ-адъютанты, ему пожалованы были драгоцѣнныя брилліантовыя вещи: звѣзда, аксельбантъ,

шпага, плюмажъ, пряжки къ башмакамъ и запонки. Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій поздравлялъ его письменно со всѣми этими подарками.

Зоричъ удержался, однако, при дворѣ недолго. Въ 1778 году онъ оставилъ Петербургъ и переселился въ Шкловъ, гдѣ около него образовался цѣлый дворъ прихлебателей, и вскорѣ молва о необыкновенно-веселой жизни въ Шкловѣ разнеслась чуть ли не по цѣлой Россіи. Въ Шкловъ поспѣшили со всѣхъ сторонъ авантюристы и игроки, желавшіе поживиться или прямо на счетъ Зорича или только около него. Надобно замѣтить, что, при крайне-ограниченномъ образованіи, Зоричъ былъ чрезвычайно добръ, въ высшей степени радушенъ, неистощимо веселъ и безпеченъ какъ нельзя болѣе. Пожива около такого человѣка не представлялась затруднительною; а между тѣмъ было и чѣмъ поживиться, такъ какъ у Зорича, кромѣ капиталовъ и драгоцѣнностей, было 14,000 душъ въ одной только Могилевской губерніи.

Жилъ Зоричъ въ Шкловѣ настоящимъ магнатомъ — въ пышныхъ раззолоченныхъ залахъ, давая почти ежедневно обѣды на сто приборовъ, съ пушечною пальбою, своею собственною музыкою, иллюминаціями и маскарадами. Поэтому въ Шкловѣ былъ безпрерывный съѣздъ сосѣдей и всей губернской знати. О томъ, какъ проводилъ время отставной любимецъ, разсказано подробно г. Барсуковымъ въ статьѣ его подъ заглавіемъ „Шкловскіе авантюристы“ („Заря“ 1871 года № 1). Живя на-славу, Зоричъ, однако, былъ скроменъ и самъ сознавался, что онъ награжденъ не по заслугамъ.

Желая употребить пріобрѣтенныя такимъ образомъ богатства отчасти и на общественную пользу, Зоричъ въ первый же годъ своего поселенія въ Шкловѣ открылъ тамъ училище для 60 дворянскихъ дѣтей, а 1781 году купилъ для этого училища у Соймонова библіотеку за 8,000 рублей. Онъ устроилъ при училищѣ и физическій кабинетъ, но дѣло какъ-то не ладилось, и питомцы его были въ жалкомъ положеніи, такъ что не имѣли даже брюкъ, почему при пріѣздѣ посѣтителей, осматривавшихъ училище Зорича, ихъ большею частью припрятывали отъ чужихъ людей.

Между тѣмъ жизнь въ шкловскомъ замкѣ кипѣла, и по

свидѣтельству современниковъ, не было тогда въ Россіи ни одного богатаго и знатнаго барина, который жилъ бы такъ широко, какъ жилъ Зоричъ. Все было у него въ Шкловѣ: кромѣ всевозможныхъ увеселеній, тамъ велась такая страшная картежная игра, примѣры какой не бывали ни прежде, ни послѣ. Къ гостепріимному Зоричу собирались игроки всѣхъ націй: греки, сербы, французы, нѣмцы, итальянцы, молдаване и даже турки, не говоря уже о полякахъ и русскихъ. Зоричъ былъ самъ охотникъ метать банкъ, но ремесло это не служило ему въ пользу, такъ какъ, не смотря на все его богатство, онъ умеръ, оставивъ до 2.000,000 рублей долгу.

Въ 1780 году прошелъ слухъ, что императрица Екатерина намѣрена во время своего путешествія посѣтить Зорича въ Шкловѣ, лежавшемъ на ея пути. Въ ожиданіи пріѣзда царственной гостьи, Зоричъ употребилъ 4,000 червонныхъ лишь на отдѣлку своего и безъ того уже роскошнаго замка, выписалъ изъ Саксоніи одного фарфору на 60,000 рублей и пригласилъ работать надъ устройствомъ фейерверка генералъ-майора Мелессино, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ трудился надъ заготовкой въ шкловскомъ саду павильона изъ 50,000 ракетъ.

На 23 число мая былъ назначенъ ночлегъ императрицы въ Шкловѣ, и вечеромъ туда примчалась раззолоченная карета, въ которой сидѣла государыня. Впереди ея скакали, по два въ рядъ, на богато-убранныхъ лошадяхъ знатные дворяне, за ними мѣстный губернскій почтмейстеръ съ 12-ю почтальонами въ красныхъ кафтанахъ, за ними пикинеры Зорича въ великолѣпномъ убранствѣ. Поѣздъ этотъ замыкали кирасиры и длинная вереница придворныхъ каретъ, запряженныхъ шестерикомъ. Зоричъ обогналъ поѣздъ государыни и встрѣтилъ ее у лѣстницы своего замка. На другой день по утру императрица также торжественно уѣхала изъ Шклова въ Могилевъ для встрѣчи пріѣхавшаго къ ней туда на свиданіе римско-нѣмецкаго императора Іосифа II, съ которымъ она, 30 мая, опять отправилась въ Шкловъ въ гости къ Зоричу. Принимая этихъ высокихъ посѣтителей, Зоричъ устроилъ небывалый праздникъ. Сверхъ всѣхъ обычныхъ въ то время увеселеній, на шкловскомъ театрѣ была представлена до-

машними актерами Зорича пантомима, въ которой великолѣпныя декораціи мѣнялись семьдесятъ разъ. Въ сумерки все мѣстечко ярко освѣтилось великолѣпною иллюминаціею: на площади передъ замкомъ горѣли смоляныя бочки, а въ саду былъ сожженъ фейерверкъ, причемъ было пущено 50,000 неимовѣрно дорого стоившихъ ракетъ. На другой день послѣ этого празднества, Екатерина II отправилась чрезъ Смоленскъ и Новгородъ въ Петербургъ, а императоръ Іосифъ II поѣхалъ туда же, но черезъ Москву.

Какъ вообще вся неразсчетливая жизнь Зорича, такъ въ особенности сдѣланный имъ пріемъ императрицѣ и императору сильно отозвались на его финансахъ. Денежныя его дѣла стали запутываться, и онъ, пользуясь огромнымъ кредитомъ, держался только займами, преимущественно дѣлаемыми у двухъ братьевъ графовъ Зановичей, родомъ далматцевъ, поселившихся у него въ Шкловѣ въ качествѣ самыхъ близкихъ пріятелей. При помощи ихъ, онъ надѣялся уплатить свои самые настоятельные долги, простиравшіеся тогда въ общей сложности до 450,000 рублей. Зановичи брались погасить эти долги въ четыре года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить прежній, постоянный стотысячный ежегодный доходъ Зорича до 180,000 рублей въ годъ. На этихъ условіяхъ онъ передалъ графамъ Зановичамъ управленіе всѣмъ своимъ имѣніемъ. Но Зановичи придумали устроить дѣла Зорича беззаконнымъ образомъ, и вскорѣ одинъ изъ нихъ былъ обвиненъ въ провозѣ изъ-за границы въ Россію фальшивыхъ ассигнацій, а другой въ сокрытіи преступленія брата. По сенатскому докладу, утвержденному императрицей 7-го августа 1783 года, Зановичи были заключены въ шлиссельбургскую крѣпость на безысходное въ ней пребываніе въ теченіе пяти лѣтъ. По прошествіи этого срока, они были отправлены въ Архангельскъ для высылки заграницу. Въ 1793 году статсъ-секретарь Храповицкій въ дневникѣ своемъ писалъ о Зоричѣ слѣдующее: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ—любилъ доброе и дѣлалъ дурное, былъ храбръ въ сраженіяхъ, но лично трусъ, и виноватъ по дѣлу Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ“.

Зоричъ умеръ холостымъ, и оставшееся послѣ него имѣніе было обращено на устройство кадетскаго корпуса.

При императрицѣ Екатеринѣ II сдѣлался замѣтнымъ богачемъ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, представитель одной изъ самыхъ древнихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи, бывшей въ родствѣ съ царскимъ домомъ по супружеству царя Ивана Васильевича Грознаго съ Анною Григорьевною Васильчиковою († въ 1626 году). Первый подарокъ, сдѣланный ему императрицею за исправное содержаніе карауловъ въ Царскомъ Селѣ, состоялъ изъ золотой табакерки. Послѣ того Васильчиковъ, въ продолженіе двадцатидвухмѣсячнаго пребыванія своего при дворѣ, получилъ: 100,000 р. деньгами, на 50,000 рублей драгоцѣнностей, серебряной посуды на такую же сумму, 7,000 душъ крестьянъ, дававшихъ по меньшей мѣрѣ 35,000 рублей ежегоднаго дохода, пожизненный пансіонъ въ 20,000 рублей, и изъ простаго поручика попалъ въ камергеры, получивъ и александровскую ленту. Кромѣ показанныхъ выше наградъ, ему на Дворцовой площади въ Петербургѣ былъ пожалованъ великолѣпный меблированный домъ. Домъ этотъ былъ выстроенъ по собственному предначертанію императрицы, пожелавшей, чтобы по величинѣ его не было ему равнаго въ Петербургѣ. Впрочемъ домъ былъ отстроенъ тогда, когда Васильчиковъ, удалившись отъ двора, жилъ въ Москвѣ, и государыня купила его у отсутствующаго хозяина за 100,000 рублей. Васильчиковъ не былъ женатъ, и его огромное состояніе перешло къ многочисленной его роднѣ. Линія, къ которой принадлежалъ Александръ Семеновичъ, шла особо отъ той, изъ которой происходилъ бывшій при императорѣ Николаѣ Павловичѣ предсѣдателемъ государственнаго совѣта Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, получившій въ 1839 году княжеское достоинство.

Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ (род. 1754 года), покровительствуемый княземъ Потемкинымъ, занялъ въ 1778 году мѣсто флигель-адъютанта по удаленіи Васильчикова. Онъ въ 16 мѣсяцевъ получилъ: 150,000 рублей деньгами, 4,000 душъ въ лучшихъ губерніяхъ, 100,000 рублей на уплату долговъ и столько же на экипировку; 170,000, а по другимъ извѣстіямъ 200,000 р. — на заграничный вояжъ, и, сверхъ того,

ему выдавалось, во все время его службы при дворѣ, по 2,000 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Ему же былъ подаренъ домъ, построенный въ Петербургѣ для Васильчикова; домъ этотъ онъ сперва отдавалъ въ наемъ французскому посланнику, маркизу де-Вераку, за 3,000 рублей въ годъ, а потомъ продалъ его за 200,000 рублей фельдмаршалу графу Мусину-Пушкину.

Энгельгардтъ, знавшій Корсакова лично, говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что у Корсакова въ Могилевской губерніи было 7,000 душъ; что онъ имѣлъ брилліантовъ по тогдашней цѣнѣ болѣе чѣмъ на 400,000 рублей, а денегъ и разныхъ дорогихъ вещей на 2.400,000 рублей. Такъ какъ въ пожалованныхъ ему деревняхъ не было дома, то онъ жилъ въ деревнѣ Желивнѣ, принадлежавшей помѣщику Юзефовичу. Какъ ни огроменъ былъ желивскій барскій домъ и какъ ни много было при немъ службъ, но у радушнаго хозяина была постоянно страшная тѣснота, такъ какъ въ одной комнатѣ помѣщалось по два семейства пріѣзжавшихъ къ нему гостей. Ежедневно, говоритъ Энгельгардъ, одни гости пріѣзжали, а другіе уѣзжали, но менѣе 80 человѣкъ никогда не бывало. Все, что только можно было придумать для увеселенія и роскоши, было въ Желивнѣ. Не только слуги хозяина, но и слуги его гостей пивали зачастую вдоволь шампанскаго. При такомъ мотовствѣ, а еще болѣе при безпорядкѣ въ хозяйствѣ, Римскій-Корсаковъ прожилъ много денегъ. Впослѣдствіи онъ продалъ свои бѣлорусскія деревни Яншину, одному изъ чрезвычайно разбогатѣвшихъ откупщиковъ, который, по полученному имъ чину надворнаго совѣтника, сдѣлался весьма представительнымъ помѣщикомъ — владѣльцемъ до 20,000 душъ.

Въ царствованіе же Екатерины II обладателемъ громаднаго богатства былъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 1758 г., † 1803 года), одинъ изъ любимѣйшихъ генералъ-адъютантовъ императрицы, получившій въ 1788 году графское достоинство римской имперіи. Фамилія Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ происходитъ въ прямой линіи отъ Рюрика, а одинъ изъ близкихъ его родственниковъ былъ тайно женатъ на царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ; но отъ этого брака дѣтей у него не было. Намъ неизвѣстно, дошли ли до Але-

ксандра Матвѣевича богатства другого его родственника, генералъ-поручика Дмитріева-Мамонова, который при Петрѣ Великомъ былъ членомъ генеральнаго суда по преслѣдованію злоупотребленій, но который, какъ сообщалъ въ 1723 году саксонскій посланникъ Лефортъ, сильно набивалъ на этой должности свои карманы. Что же касается графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, то онъ на первый разъ получилъ 100,000 рублей, затѣмъ онъ получалъ каждый мѣсяцъ по 12,000 рублей на туалетъ и имѣлъ отъ двора постоянный столъ на 24 куверта. Кромѣ пожизненной, весьма немалой пенсіи, ему въ продолженіе двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ пожалованы были помѣстья, стоившія 600,000 рублей, деньгами было выдано 200,000 рублей и подарено брилліантовъ на 80,000 рублей.

Въ 1788 году графъ Мамоновъ купилъ у Михаила Сергѣевича Потемкина 2,432 душъ въ Ярославской губерніи за 230,000 рублей. Ему же въ день его именинъ императрица пожаловала 10,000 рублей и трость съ брилліантами. Онъ собиралъ золото и, чтобъ не тратить его, дѣлалъ займы у Сутерланда, которому оказался долженъ 60,000 рублей.

Екатерина хотѣла женить Мамонова на графинѣ Брюсъ, и въ 1789 году писала ему: „дочь графа Брюса составляетъ въ Россіи первѣйшую, богатѣйшую и знатнѣйшую партію; женись на ней“. При женитьбѣ его на княжнѣ Щербатовой дала ему 3,000 душъ и 100,000 рублей, которые и были выданы ему сполна, не смотря на недостатокъ денегъ въ кабинетѣ.

Вообще состояніе его было такъ велико, что единственный его сынъ, графъ Матвѣй Александровичъ (род. въ 1789 году) могъ въ 1812 году вооружить и содержать на собственный счетъ цѣлый полкъ. Впослѣдствіи графъ Матвѣй Александровичъ былъ признанъ помѣшаннымъ и взятъ въ опеку по повелѣнію императора Александра Павловича. Распоряженіе это въ свое время возбудило множество разныхъ толковъ. Онъ оставался подъ опекой до самой своей смерти, въ продолженіи цѣлыхъ 40 лѣтъ. Умеръ онъ, въ 1863 году, холостымъ, оставивъ огромное недвижимое и движимое имущество. Отецъ его и дѣдъ не имѣли братьевъ, и хотя у перваго изъ нихъ были сестры, но онѣ умерли въ дѣвицахъ. Вслѣдствіе этого бли-

жайшими наслѣдниками умершаго богача явились потомки сестеръ его дѣда, изъ которыхъ старшая, Елена Васильевна, была за барономъ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ и имѣла дочь, вышедшую за князя Михайла Михайловича Голицына, и по этой линіи правнукъ ихъ, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, остался единственнымъ наслѣдникомъ. Представителемъ же другой линіи, также единственнымъ, явился бывшій московскій губернаторъ Иванъ Сергѣевичъ фонъ-Визинъ, прабабка котораго была младшая сестра Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова, и приходилась родною теткою графу Александру Матвѣевичу. Впослѣдствіи однако изъ такого распредѣленія наслѣдства возникло судебное дѣло, направленное противъ фонъ-Визина.

Въ числѣ лицъ, быстро обогатившихся въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, былъ и Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-адъютантъ императрицы Екатерины II, потомокъ татарскаго мурзы Арсланъ-Ермола, выѣхавшаго въ Москву въ 1506 году. Онъ, въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ, получилъ одно помѣстье стоимостію въ 100,000 рублей, а другое пожалованное ему помѣстье, состоявшее изъ 3,000 душъ, цѣнилось въ 300,000 руб.; деньгами дано ему было 150,000 рублей, кромѣ единовременной выдачи въ 100,000 руб., пенсіи и жалованья по 12,000 рублей въ мѣсяцъ, которые онъ получалъ въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ. Ермоловъ сдѣлался до того богатъ, что могъ подарить дядѣ своему 300 душъ. Утративъ благосклонность государыни, онъ уѣхалъ въ Австрію и купилъ тамъ помѣстье Фросдорфъ, впослѣдствіи столь извѣстную резиденцію графа Шамбора. Тамъ умеръ Ермоловъ въ 1836 году, на 82-мъ году своей жизни. Послѣ него, отъ брака съ княжною Елизаветою Михайловною Голицыною, осталось трое сыновей.

Александръ Дмитріевичъ Ланской (род. 1757 г., † 1784 года), самъ по себѣ человѣкъ весьма небогатый, бывшій при Екатеринѣ II, на 26 году отъ рожденія, генералъ-адъютантомъ, генералъ-поручикомъ и александровскимъ кавалеромъ, получилъ отъ императрицы деньгами 3.000,000 рублей, брилліантовъ на 80,000 рублей, на уплату долговъ 80,000 рублей и домъ, стоившій 100,000 рублей. Онъ умеръ холостымъ, и

все пожалованное ему имущество завѣщалъ императрицѣ, но она оставила все его сестрамъ, выкупивъ отъ нихъ за 400,000 рублей нѣкоторыя картины, серебряную посуду, библіотеку и часть помѣстій. Одна изъ сестеръ Ланскаго была замужемъ за генералъ-поручикомъ Иваномъ Львовичемъ Чернышевымъ. Сынъ ихъ, Александръ Ивановичъ Чернышевъ, былъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ военнымъ министромъ и получилъ отъ него достоинство свѣтлѣйшаго князя.

Въ числѣ лицъ, обогащенныхъ Екатериною II, были и четыре брата Зубовы. Предки ихъ, служившіе изстари по Вологдѣ, считались людьми достаточными, о чемъ можно заключить изъ того, что двое Зубовыхъ подписались, въ 1571 году, въ поручной записи по бояринѣ князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскомъ, первый въ 50, а второй въ 70 руб., между тѣмъ такая сумма по тому времени была весьма значительная, да и вообще поручныя записи брались съ людей состоятельныхъ. Отецъ Зубовыхъ, явившихся въ такомъ блескѣ въ концѣ царствованія Екатерины II и возведенный въ 1793 году вмѣстѣ съ сыновьями въ графское достоинство римской имперіи, успѣлъ составить себѣ громадное состояніе, такъ какъ ежегодный доходъ его простирался до 60,000 рублей, что̀ ставило его въ ряду весьма замѣтныхъ тогдашнихъ русскихъ богачей. Говорили, будто бы онъ нажилъ все это, управляя, какъ вологодскій губернаторъ, какими-то казенными фабриками и заводами. Въ особенности, какъ добавляли, ему пособилъ пожаръ, истребившій эти фабрики и заводы, и потому избавившій его отъ всякой отчетности по управленію ими.

Онъ завладѣлъ 600 душъ майора Бехтѣева во Владимірской губерніи. Устроилъ онъ это дѣло такимъ образомъ. Имѣніе Бехтѣева было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ за 40,000 рублей, разумѣется, по невысокой оцѣнкѣ. Онъ просрочилъ выкупъ, а сосѣдъ его, Зубовъ, узнавъ объ этомъ, внесъ, безъ всякой довѣренности отъ Бехтѣева, 40,000 рублей. Гражданская палата утвердила за нимъ это имѣніе, а намѣстническое правленіе ввело во владѣніе, и прежній помѣщикъ не могъ ничего подѣлать противъ отца князя Зубова. „Старикъ Зубовъ, пользуясь значеньемъ сына,—какъ пишетъ Гарновскій,—принялся стряпать по дѣламъ всѣхъ богачей въ государствѣ, и сіи

весьма выгодные обороты приносятъ ему болѣе пользы, нежели непосредственная царская милость".

Изъ четырехъ его сыновей чрезмѣрное богатство выпало на долю предпослѣдняго — Платона Александровича, родившагося въ 1767 году и возведеннаго, въ 1796 году, въ достоинство свѣтлѣйшаго князя римской имперіи. Князь Платонъ Александровичъ получилъ помѣстья, стоившія 2.500,000 рублей, а доходы его какъ съ нихъ, такъ и съ другихъ его помѣстій простирались ежегодно свыше 100,000 рублей. Кромѣ того, ему подарено было разныхъ драгоцѣнностей на 200,000 рублей. Такъ какъ происходившіе въ только что присоединенной тогда къ Россіи Курляндіи безпорядки вызвали конфискацію дворянскихъ помѣстій, то значительная ихъ часть отдана была князю Зубову и его братьямъ. Изъ нихъ младшій, графъ Валеріанъ Александровичъ, прославившійся военными подвигами на Кавказѣ, получилъ, кромѣ того, помѣстья въ бывшихъ польскихъ областяхъ, а также 12,000 рублей ежегоднаго пенсіона, выплачиваемаго золотомъ, и единовременно деньгами 800,000 рублей.

Князь Зубовъ жилъ во дворцѣ на всемъ готовомъ, и статсъ-секретарь Грибовскій говоритъ въ своемъ „Дневникѣ", что столъ его, графа Николая Ивановича Салтыкова и графини Александры Васильевны Браницкой, обходился придворной конторѣ ежедневно по 400 рублей, не включая сюда напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы. Раздѣливъ эту сумму въ общей ея сложности на троихъ потребителей, мы увидимъ, что на князя Зубова придворная контора издерживала въ день до 200 рублей, такъ что одно его продовольствіе обходилось ей въ годъ до 73,000 рублей.

Въ 1814 года князь Зубовъ поселился въ мѣстечкѣ Янишкахъ, Виленской губерніи, центрѣ своихъ имѣній. Онъ занимался сбытомъ продуктовъ и продажею лошадей. Закончивъ на время торговые обороты, собравъ оброкъ и арендныя уплаты, онъ свозилъ собранныя имъ, звонкою монетою, суммы въ подвалы своего замка близъ Янишекъ. Это сокровище, въ видѣ грудъ золота и серебра, хранилось неприкосновеннымъ. Въ праздники князь прогуливался по этому кладбищу мертвыхъ

капиталовъ, любовался имъ и приводилъ въ порядокъ случайно осыпавшія столбики червонцевъ. Послѣ смерти Зубова, по свидѣтельству управлявшаго его имѣніями, Братковскаго, оказалось въ подвалѣ серебряной и золотой монеты на 20.000,000 рублей серебряныхъ. Въ своихъ кладовыхъ Зубовъ былъ разговорчивъ и веселъ. Скупость его доходила до скряжничества, и онъ говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, для чего онъ копитъ деньги. Въ Курляндіи ему принадлежали почти всѣ имѣнія, бывшія во владѣніи прежнихъ тамошнихъ герцоговъ.

Французскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Нельи писалъ о князѣ Зубовѣ, что онъ „надменъ какъ индѣйскій пѣтухъ и богатъ какъ Крезъ“. Къ этому графъ Нельи прибавлялъ, что у князя Зубова была страсть носить въ карманѣ алмазы, которые онъ пересыпалъ безпрестанно въ рукѣ и, полюбовавшись вдоволь ихъ блескомъ и игрою, клалъ обратно въ карманъ. Изъ множества подаренныхъ ему драгоцѣнностей онъ всегда носилъ въ петлицѣ портретъ Екатерины II, осыпанный крупными брилліантами чрезвычайной стоимости.

Князь Зубовъ, получившій въ 1795 году имѣнія въ польскихъ провинціяхъ, обращалъ бѣдную шляхту въ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

О томъ, до какой степени были богаты Зубовы, можно заключить изъ того, напримѣръ, что Валеріанъ Зубовъ, играя въ фараонъ, ставилъ на карту по 30,000 рублей.

Независимо отъ родоваго и пожалованнаго имѣній, трое Зубовыхъ увеличили свое состояніе еще и выгодными браками. Такъ старшій изъ нихъ, графъ Николай Александровичъ, женился на любимой дочери генералъ-фельдмаршала, впослѣдствіи генералиссимуса, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, Натальѣ Александровнѣ. Второй, графъ Дмитрій Александровичъ — на княжнѣ Прасковьѣ Александровнѣ Вяземской, дочери генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго (род. 1727 г., † 1793 г.), имѣвшаго долгое время въ своихъ рукахъ всѣ государственные доходы и бывшаго владѣльцемъ 23,000 душъ крестьянъ. Такъ какъ князь Вяземскій не имѣлъ сыновей, то имѣніе его раздѣлилось въ приданое между четырьмя его дочерями. Младшій изъ графовъ Зубовыхъ былъ женатъ на графинѣ Потоцкой,

рожденной княжнѣ Любомірской, но не имѣлъ отъ этого брака дѣтей.

Что же касается князя Зубова, то у него отъ брака съ Ѳеклой Игнатьевной Валентиновичъ была одна дочь, княжна, Ольга Платоновна, умершая въ младенчествѣ.

Другая же, побочная его дочь, вышла сперва за барона Пирча, а потомъ была за сенаторомъ П. С. Кайсаровымъ. Она умерла въ 1880 году, оставивъ внуку.

Хотя Павелъ Петровичъ и не жаловалъ Зубовыхъ, но при вступленіи своемъ на престолъ выразилъ свое расположеніе князю Платону Александровичу. Онъ приготовилъ ему въ Большой Морской улицѣ домъ, великолѣпно убралъ его, снабдилъ серебряною и золотою посудою, экипажами, лошадьми и наканунѣ дня его рожденія отправилъ къ нему своего адъютанта извѣстить князя, что онъ даритъ ему домъ.

Вскорѣ, однако, Зубовы были удалены отъ двора; кромѣ того, государь имѣлъ намѣреніе конфисковать все имѣніе князя Зубова. Въ виду этого, онъ, 14-го октября 1799 года, писалъ секретно владимірскому губернатору Руничу слѣдующее: „Имѣя свѣдѣнія о переводѣ денегъ княземъ Зубовымъ за границу (Зубовъ былъ тогда удаленъ въ одну изъ своихъ владимірскихъ деревень), имѣете вы смотрѣніе по сему и доносить мнѣ всякій разъ, когда касательно сихъ переводовъ что-нибудь дойдетъ до васъ. Равномѣрно и о полученіи денегъ изъ-за границы“. На случай же отъѣзда губернатора, наблюденіе за финансовыми операціями князя Зубова поручалось мѣстному губернскому предводителю дворянства.

22 августа 1799 г. данъ былъ сенату слѣдующій указъ: „по дошедшимъ до Насъ свѣдѣніямъ о недостающихъ суммахъ и о прочихъ недостаткахъ въ персидской арміи, подъ начальствомъ отставнаго генерала графа Зубова, повелѣваемъ сенату Нашему взять подъ секвестръ все его имѣніе и держать подъ онымъ до тѣхъ поръ, пока во всей точности все оное совершенно заплачено будетъ“.

25 мая 1800 года генералъ-прокуроръ Ободьяниковъ объявилъ: „все имѣніе фельдцейхмейстера князя Зубова и отставнаго генерала графа Зубова, кромѣ родоваго, взять въ казенное вѣдомство въ число всѣхъ суммъ, даже и тѣхъ, которыя сперва

сложены были". Впослѣдствіи съ князя Зубова была снята опала и ему дозволено было жить въ Петербургѣ.

При Екатеринѣ II значительныя богатства составлялись даже лицами, бывшими въ числѣ комнатной прислуги императрицы. Такъ, послѣ смерти извѣстной любимицы императрицы, камеръ-фрау Марьи Савишны Перекусихиной, сестра ея, бывшая замужемъ за оберъ-гофмейстеромъ Торсуковымъ, какъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" Жихаревъ, получила, отъ нея въ наслѣдство однихъ брилліантовъ и жемчугу на 500,000 рублей. Находившійся же, въ 1773 году, въ своей казанской деревнѣ, камердинеръ императрицы Сахаровъ купилъ у Прокофія Демидова деревень на 145,000 рублей, что̀ по тогдашнему курсу составляло значительную сумму, на которую можно было пріобрѣсти тогда болѣе 2,000 душъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Графы Панины. — Безкорыстіе графа Никиты Ивановича Панина. — Данныя ему награды. — Имѣніе Матюшкина. — Татищевы. — Князь Безбородко. — Графы Кушелевы-Безбородки. — Князья Лобановы-Ростовскіе. — Злоупотребленія въ царствованіе Екатерины II. — Хищничество пристава калмыцкаго народа Кишенскаго. — Оберъ-прокуроръ Глѣбовъ. — Распоряженіе Попова казенными суммами.

Среди сановниковъ екатерининскаго царствованія занимали одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ два брата Панины: Никита Ивановичъ (р. 1715 г., † 1783 г.) и Петръ Ивановичъ (род. 1721 г., † 1789 года). Старшій изъ нихъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Второй, генералъ-аншефъ, прославился на военномъ поприщѣ. Они были сыновья помѣщика Калужской губерніи, имѣвшаго за собою только 400 крестьянскихъ душъ, и оба, въ 1767 году, получившіе графское достоинство, владѣли уже значительными помѣстьями, данными имъ императрицею Елизаветою Петровной. По окончаніи воспитанія наслѣдника престола, Екатерина II щедро наградила Никиту Ивановича Панина. Онъ получилъ при этомъ 4,000 душъ крестьянъ, 100,000 рублей на обзаведеніе дома, серебряный сервизъ въ 5,000 рублей, любой, по его выбору, домъ въ Петербургѣ, провизіи и винъ на цѣлый годъ, экипажи и придворную ливрею, а также по 5,000 рублей ежегодной прибавки къ получаемому имъ, въ количествѣ 14,000 рублей, жалованью. Первая такая же прибавка была сдѣлана ему еще

прежде, тотчасъ по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II. Не сходясь со взглядами императрицы Екатерины II на раздѣлъ Польши, графъ Никита Ивановичъ Панинъ 4,000 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, подарилъ тремъ своимъ секретарямъ, Бакунину, Убри и извѣстному писателю Денису Ивановичу фонъ-Визину. Екатерина II, недовольная въ то время смѣлыми рѣчами другого графа Панина, Петра Ивановича, называла его, въ своемъ письмѣ къ князю Михаилу Николаевичу Волконскому, „дерзкимъ болтушкой“, прибавляя: „но какъ богатствомъ осыпала я брата его выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что онъ уйметъ его, а домъ мой очистится отъ каверзы“. Неизвѣстно, исполнились ли ожиданія государыни, но самъ графъ Никита Ивановичъ, какъ человѣкъ бездѣтный, не слишкомъ дорожилъ пожалованными ему богатствами. Терещенко, въ его жизнеописаніи, говоритъ, что онъ столько помогалъ бѣднымъ, что, не смотря на свое богатство, впалъ въ долги, доходившіе до 360,000 рублей, и проданное послѣ смерти его все недвижимое его имущество за 173,000 рублей не могло покрыть этого долга. Богатство къ Никитѣ Ивановичу Панину должно было бы придти и другимъ еще путемъ, такъ какъ, въ 1768 году, онъ былъ помолвленъ съ одною изъ богатѣйшихъ въ ту пору невѣстъ въ Россіи — съ графинею Анною Петровною Шереметевою; но бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ невѣста умерла за нѣсколько дней передъ свадьбою отъ оспы.

Судя по разсказу Терещенка, безкорыстный графъ Никита Ивановичъ Панинъ не оставилъ брату своему никакого наслѣдства. Да, повидимому, и никакое богатство не хватило бы на семью графа Петра Ивановича Панина. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый — на Аннѣ Алексѣевнѣ Татищевой, за которой онъ получилъ большое приданое, и во второй разъ — на Маріи Родіоновнѣ Ведель. Отъ этихъ двухъ браковъ у него было двадцать-два человѣка дѣтей. Изъ нихъ впрочемъ, двадцать умерло въ младенческомъ возрастѣ, такъ что у него остались: одна только дочь, вышедшая замужъ за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василія Ивановича Тутолмина, и сынъ графъ Никита Петровичъ, отецъ

бывшаго министра юстиціи, графа Виктора Никитича Панина, къ которому по матери его, графинѣ Софіи Владиміровнѣ Орловой, перешла, какъ мы уже говорили, значительная часть богатствъ, принадлежавшихъ графамъ Орловымъ.

Добавимъ, что и графъ Петръ Ивановичъ Панинъ показалъ примѣръ безкорыстія. Когда Екатерина Николаевна Матюшкина обвѣнчалась безъ благословенія своихъ родителей съ Дмитріемъ Николаевичемъ Шетневымъ, то недовольный ею отецъ лишилъ ея наслѣдства, и имѣніе свое, состоящее изъ 3,000 душъ, отдалъ другу своему, графу Петру Ивановичу Панину. Панинъ принялъ это имѣніе; но когда дочь Шетневой вышла замужъ за Петра Васильевича Лопухина—пожалованнаго впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ,—то графъ Панинъ возвратилъ ей все дѣдовское ея имѣніе.

Упомянувъ выше объ Аннѣ Алексѣевнѣ Паниной, рожденной Татищевой, скажемъ, что изъ фамиліи Татищевыхъ, происходящихъ, черезъ князей Смоленскихъ, въ прямомъ мужскомъ колѣнѣ отъ Рюрика, былъ замѣчателенъ, по своему богатству, отецъ Анны Алексѣевны, Алексѣй Даниловичъ. Въ изслѣдованіи своемъ о „Новиковѣ и московскихъ мартинистахъ“ М. Н. Лонгиновъ говоритъ, что Татищевъ, будучи генералъ-полиціймейстеромъ, при общей въ его время недобросовѣстности, успѣлъ пріумножить и безъ того значительное родовое свое состояніе. Онъ слишкомъ щедро одѣлилъ приданымъ своихъ дочерей при выдачѣ ихъ въ замужество, и не смотря на то, единственный сынъ его, Петръ Алексѣевичъ, наслѣдовалъ, въ 1760 году, отъ отца огромное богатство. Этотъ богатый наслѣдникъ тратилъ большія суммы на разныя удовольствія и прихоти, постоянно окруженный нахлѣбниками и приживальщиками. Возможность удовлетворять немедленно всѣ желанія и причуды довела его до пресыщенія жизнью, и онъ на старости лѣтъ пошелъ въ масоны. Его разстроенное, но все-таки громадное еще состояніе, послѣ выдѣла приданаго двумъ дочерямъ, перешло впослѣдствіи къ единственной его внукѣ, Анастасіи Петровнѣ, бывшей замужемъ за княземъ Петромъ Михайловичемъ Долгорукимъ. Извѣстенъ своимъ богатствомъ еще и другой изъ Татищевыхъ, бывшій довольно долгое время посломъ въ Испаніи. Онъ

умеръ въ 1845 году холостымъ, и все его имѣніе перешло къ побочнымъ его дѣтямъ.

Изъ вельможъ Екатерининскаго вѣка былъ особенно извѣстенъ, по своему несмѣтному богатству, графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, Александръ Андреевичъ Безбородко, по рожденію небогатый малороссійскій помѣщикъ. Онъ пріобрѣлъ въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1776 по 1796 годъ, богатѣйшее состояніе и несмѣтныя сокровища въ вещахъ и деньгахъ. Въ 1779 году ему, какъ статсъ-секретарю, было пожаловано императрицею Екатериною II имѣніе, состоявшее изъ 1,400 душъ—это была награда за турецкія и татарскія дѣла; за труды по приращенію государственныхъ доходовъ ему было дано въ Малороссіи 2,700 душъ, и тамъ же, въ слѣдующемъ году, 3,000 душъ, а въ 1786 году за труды „по банковымъ распоряженіямъ“ 4,000 душъ. За Ясскій миръ ему пожаловано было 500 душъ въ Подольской губерніи, а въ 1795 году за умноженіе государственныхъ доходовъ 50,000 рублей и 10,000 рублей ежегодной пожизненной пенсіи. Сверхъ того, по званію директора почтъ, онъ безотчетно распоряжался всѣми суммами почтоваго вѣдомства. Вообще передъ кончиною Екатерины II онъ имѣлъ уже 16,000 душъ крестьянъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ.

Безбородко получилъ подъ Херсономъ помѣстье, гдѣ было соляное озера, отдаваемое на откупъ за 68,000 рублей въ годъ. Соляные промыслы были жалуемы въ награду частнымъ лицамъ и, напримѣръ, Потемкинъ получалъ съ соляныхъ озеръ Крыма 300,000 рублей, что̀ составляло почти весь ежегодный доходъ полуострова.

Ко всему этому императоръ Павелъ Петровичъ, — въ благодарность за то, что Безбородко доставилъ ему изъ кабинета императрицы относившіяся до него бумаги, — пожаловалъ Безбородкѣ упраздненный въ Орловской губерніи городъ Дмитровъ съ 12,000 душъ крестьянъ. Независимо отъ этого, источниками для доходовъ Безбородко были дѣла по виннымъ откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, проходившія постоянно чрезъ его руки. Притомъ, какъ вице-канцлеръ, онъ, при заключаемыхъ съ иностранными дворами

трактатахъ, получалъ отъ договаривавшихся съ Россіею государей и червонцы, и драгоцѣнные подарки. Однимъ словомъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, богатство безпрерывно текло къ нему рѣкою, и онъ безъ разсчета тратилъ громадныя суммы на лакомый столъ и на хорошенькихъ женщинъ. Вообще нужны были чрезвычайныя суммы для того, чтобы удовлетворить всѣ его прихоти по этимъ двумъ статьямъ и чтобъ въ то же время собрать горы серебра и груды брилліантовъ и золота.

Ростопчинъ, въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову, упоминалъ, что у Безбородки было 220,000 рублей годоваго дохода. За подарокъ слободскаго дома Павелъ, по мысли Ростопчина, далъ Безбородко титулъ свѣтлѣйшаго князя. Съ 6-го ноября 1796 года до 5 апрѣля 1797 года онъ получилъ 16,000 душъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 180,000 рублей, и 80,000 десятинъ земли, стоившихъ по крайней мѣрѣ 800,000 рублей. Къ этому онъ прибавлялъ, что Безбородко не брезгалъ никакимъ добромъ: набралъ картинъ и бронзъ отъ мошенника Вута, пріѣхавшаго разорять Россію своими проектами. Получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ взялъ подъ свое покровительство; выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя пошлины. Выдумывалъ множество разныхъ тяжелыхъ для народа налоговъ, между тѣмъ какъ одинъ его эполетъ стоилъ 50,000 рублей.

Изъ письма Безбородки видно, что полученныя имъ въ 1797 году въ гдовскомъ и кромскомъ уѣздахъ 10,000 душъ должны были давать 60,000 рублей ежегоднаго дохода, въ воронежскомъ 6,400 душъ — 50,000 рублей, но Безбородко полагалъ, что если тамъ устроить хозяйство, то доходъ увеличится вдвое. Имѣніе, отданное въ Орловской губер. Безбородкѣ, было завѣщано Екатеринѣ II княземъ Сергіемъ Кантемиромъ. Не смотря на громадные свои доходы, Безбородко, какъ онъ самъ писалъ, послѣ бала, даннаго въ честь короля шведскаго, остался при одномъ червонцѣ и 50 рубляхъ разнаго серебра.

Склонность у свѣтлѣйшаго князя къ наживѣ была какъ будто наслѣдственная.

Отецъ Безбородки, служившій генеральнымъ писаремъ, бралъ по 70 и 100 рублей за сотенные уряды, число которыхъ, по его предложенію, увеличилъ управлявшій Малороссіею

фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, чѣмъ, конечно, усилилъ статьи для доходовъ Безбородки. Андрей Безбородко выдавалъ свидѣтельства на „вакансовыя“, т. е. имѣющія открыться должности и не стѣсняясь бралъ съ просителей что могъ. Такъ съ Степана Судіенко взялъ за сотничество 600 рублей и 4 бочки водки, съ Крыжановскаго за сотничество 260 червонцевъ, да жемчугу для жены рублей на 300. Бралъ кубки, перстни, лошадей, ковры, портища штофу, „листовое“ стекло, медъ, воскъ водку, дубовыя брусье. Попалъ подъ судъ за взяточничество, но былъ оправданъ.

Безбородко, живя роскошно, кромѣ того, давалъ пышныя празднества. Изъ нихъ особенно замѣчательны бывшіе въ 1793 году, по случаю заключенія мира съ турками, и въ 1796 году, по случаю пріѣзда въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV, въ качествѣ жениха великой княжны Анны Павловны. Празднества эти изумили всѣхъ. Балъ, данный Безбородкомъ въ честь шведскаго короля, стоилъ ему 50,000 рублей, но поразительнѣе всего была при этомъ случаѣ обстановка его дома, въ которомъ пировалъ разжившійся вельможа. Его великолѣпный домъ блисталъ чрезмѣрнымъ богатствомъ: лѣстницы были устланы драгоцѣнными азіятскими коврами, стѣны убраны изящнѣйшими картинами, потолки залъ горѣли люстрами и, какъ выражается одинъ изъ очевидцевъ, „перекрестнымъ огнемъ алмазовъ“, софы были обиты атласомъ съ золотыми кистями, а окна украшены шелковыми занавѣсами; вазы, въ которыхъ стояли цвѣты, были осыпаны перлами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями. Во многихъ залахъ были видны горки, вышиною въ 6 и шириною въ 3 аршина, установленныя стариннымъ серебромъ и золотыми сосудами необыкновенной величины. Пораженный такимъ великолѣпіемъ, шведскій король — какъ тогда разсказывали — воскликнулъ: „это настоящій волшебный дворецъ!“

Въ торжественные дни Безбородко пріѣзжалъ ко двору въ раззолоченной восьмистекольной каретѣ, имѣя на себѣ андреевскую звѣзду, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ и пряжки на башмакахъ, усыпанные брилліантами самой высокой цѣны. Но кромѣ надѣваемыхъ имъ брилліантовъ, онъ имѣлъ ихъ огромное количество въ запасѣ, а въ ящикахъ

хранились у него разныя драгоцѣнности, изумлявшія своею необыкновенною стоимостію тѣхъ, которымъ случалось ихъ видѣть.

Не смотря, впрочемъ, на свое несмѣтное богатство, Безбородко не походилъ на вельможу, и его нерѣдко встрѣчали въ такихъ домахъ, куда неловко было бы заглянуть и молодымъ вертопрахамъ. Будучи страстнымъ охотникомъ до женщинъ, онъ безпереводно имѣлъ на содержаніи актрисъ и танцовщицъ, которыя непомѣрно обогащались на счетъ слишкомъ щедраго волокиты. Пристрастившись къ итальянской пѣвицѣ Давіи, онъ отпускалъ ей ежемѣсячно на прожитокъ по 8,000 рублей золотомъ; когда же онъ подарилъ ей 40,000 рублей разомъ, то Екатерина II, узнавши объ этомъ, приказала выслать Давію въ 24 часа изъ Петербурга. Но мѣра эта не пресѣкла щедрости Безбородки къ изгнанницѣ, и онъ, разставаясь съ нею, подарилъ ей на прощанье денегъ и брилліантовъ на 500,000 рублей. Отъ русской актрисы Ленушки онъ имѣлъ дочь, которую выдалъ замужъ за одного изъ служившихъ при немъ чиновниковъ Е. и далъ за нею въ приданое упраздненный и пожалованный ему императоромъ Павловъ I городъ Рожественъ въ Петербургской губерніи, который, будучи населенъ не одними только крестьянами, но и купцами и мѣщанами, приносилъ тогда 80,000 рублей ежегоднаго дохода. Сверхъ того, онъ подарилъ своей дочери большой каменный домъ въ Петербургѣ, да кстати далъ мужу ея чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по почтамту.

Необычайные расходы и безумное мотовство Безбородки заставили наконецъ императрицу Екатерину II и, какъ кажется, не безъ основанія, сомнѣваться въ его честности и безкорыстіи, почему она въ послѣдніе годы своего царствованія обращалась съ нимъ весьма холодно. Императоръ Павелъ, немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, осыпалъ Безбородку, возведеннаго имъ въ достоинство свѣтлѣйшаго князя россійской имперіи, необыкновенными милостями. Онъ однако недолго пользовался всѣмъ своимъ богатствомъ, такъ какъ умеръ 3 апрѣля 1799 года на 53 году жизни. Не смотря на свое несмѣтное богатство, Безбородко все-таки дѣлалъ долги. Такъ, послѣ самоубійства банкира Сутерланда, оказа-

лось, что Безбородко состоитъ ему должнымъ значительную сумму. Императрица приказала вице-канцлеру заплатить этотъ долгъ, что̀ и было исполнено со стороны Безбородки, а послѣ смерти Безбородки, не смотря на громадные у него въ наличности капиталы, на немъ все-таки оказалось 100,000 рублей казеннаго долга.

Доходы князя Безбородки, въ годъ его смерти, простирались до 250,000 рублей. Движимость его — исключая изъ нея такую картинную галерею, какая едва ли когда нибудь принадлежала частнымъ лицамъ, — считали на 4.000,000 руб. Домà его въ Петербургѣ, не смотря на всю ихъ роскошь, казались однако убогими въ сравненіи съ московскимъ его домомъ, которой купленъ у его наслѣдника императоромъ Павломъ и обращенъ въ Слободской дворецъ. Такъ какъ князь Безбородко не имѣлъ законныхъ дѣтей, то все нажитое имъ богатство перешло къ родному его брату, генералъ-лейтенанту графу Ильѣ Андреевичу Безбородкѣ (род. 1756 г., † 1815 года), который, въ память покойнаго своего брата, пожертвовалъ значительную сумму на устройство въ Нѣжинѣ лицея князя Безбородки.

Графъ Илья Андреевичъ Безбородко имѣлъ одного сына, умершаго холостымъ, и двухъ дочерей: графиню Любовь Ильинишну за графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ и графиню Клеопатру Ильинишну за генералъ-майоромъ княземъ Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Князья Лобановы-Ростовскіе были замѣтны по своему богатству еще при царяхъ московскихъ, но фамилія эта замѣчательна особенно въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ русскихъ княжескихъ родовъ, происходящихъ отъ Рюрика, только князья Ростовскіе сохранили право, напоминавшее о принадлежности имъ древняго ихъ достоянія. Предки ихъ, продавая въ 1476 году Ростовъ — нынѣ уѣздный городъ Ярославской губерніи — великому князю Ивану Васильевичу, въ договорѣ объ этой продажѣ, условились съ великимъ княземъ, чтобы потомки ихъ въ мужскомъ колѣнѣ на-вѣки пользовались особыми почестями при посѣщеніи ими Ростова. Право это не отмѣнено и въ настоящее время. Въ послѣдній разъ воспользовался имъ, при Екатеринѣ Великой, князь Але-

ксандръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, который былъ встрѣченъ въ бывшемъ княженіи своихъ предковъ съ почестями, подобающими владѣтельнымъ особамъ. Упомянутый выше князь Александръ Яковлевичъ построилъ для собственнаго своего житья въ Петербургѣ на Исаакіевской площади громадный домъ, занимаемый нынѣ военнымъ министерствомъ. Отъ брака съ графинею Безбородко онъ имѣлъ одну дочь, которая скончалась въ молодыхъ лѣтахъ.

Такимъ образомъ все богатство князя Безбородки черезъ бракъ его племянницы, перешло въ фамилію графовъ Кушелевыхъ. Изъ нихъ старшему сыну графини Любови Ильинишны, графу Александру Григорьевичу императоръ Александръ дозволилъ именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Оба сына его, изъ которыхъ одинъ, графъ Григорій Александровичъ, былъ издателемъ журнала „Русское Слово“, умерли бездѣтными, и по смерти послѣдняго изъ нихъ, притязанія на наслѣдованія богатствъ князя Безбородки предъявилъ, между прочими, извѣстный американскій спиритъ Юмъ, основывая свои права на записи графа Григорія Александровича. Неизвѣстно однако до сихъ поръ, какой ходъ приняло это дѣло.

Въ царствованіе Екатерины Великой злоупотребленія по службѣ были, какъ и прежде, въ большомъ ходу. Между такими лицами особенно замѣчателенъ по своему богатству, нажитому путемъ самыхъ сильныхъ злоупотребленій, былъ нѣкто Кишенскій. Вышедши въ офицеры изъ простого званія, онъ, въ чинѣ подпоручика пѣхотнаго астраханскаго полка, получилъ отъ кавказскаго генералъ-губернатора, — или даже только отъ астраханскаго коменданта, — порученіе надзирать за калмыками, признавшими надъ собою верховную власть Россіи. Съ перваго же пріѣзда своего въ калмыцкіе улусы, онъ ознаменовалъ свое начальствованіе страшнымъ хищничествомъ, налагая и собирая съ калмыковъ подати по своему произволу, и пуская въ ходъ какъ принудительныя мѣры, такъ и самыя жестокія вымучиванія. Онъ отгонялъ къ себѣ изъ многочисленныхъ табуновъ и стадъ, принадлежавшихъ калмыкамъ, тѣ табуны и стада, которые казались ему самыми лучшими. Онъ предписывалъ калмыцкимъ зайсанамъ, кто изъ

нихъ и сколько именно долженъ былъ подарить, означая притомъ родъ и цѣну скота, требуемаго имъ въ видѣ подарка. Пріобрѣтенный такимъ насильственнымъ образомъ скотъ обращался въ деньги, и Кишенскій, какъ разсказываетъ Гельбигъ, успѣлъ подобными беззаконными способами скопить въ короткое время „невѣроятныя суммы“.

Главнѣйшій же источникъ его доходовъ состоялъ въ ложномъ объявленіи рекрутскихъ наборовъ среди калмыцкой орды, хотя такимъ наборамъ калмыки вовсе не подлежали. Желая избѣгнуть рекрутчины, калмыки просили у Кишенскаго позволенія откупаться отъ объявленной имъ повинности. Этого собственно ему только и было нужно, такъ какъ для своего освобожденія калмыки отдавали ему все, что имѣли. Разумѣется, что выкупную сумму Кишенскій оставлялъ въ свою пользу, живясь при этомъ и придаточными къ ней подарками всякаго рода. Но алчный приставъ при калмыцкомъ народѣ не удовольствовался разовымъ подобнымъ сборомъ, а видя его удачный ходъ, повторилъ упомянутое объявленіе вторично, требуя подъ разными предлогами еще бо́льшую откупную сумму, нежели требовалъ въ первый разъ. Но эта его продѣлка была уже послѣднимъ вымогательствомъ. Калмыки не въ состояніи были выносить долѣе дѣлаемыя имъ притѣсненія и совершаемыя надъ ними жестокости, и въ октябрѣ 1770 года, 75,000 кибитокъ, подвластныхъ Россіи, откочевавъ отъ прежнихъ мѣстъ, пошли на новое кочевье. По донесенію Кишенскаго о своевольномъ уходѣ калмыковъ, въ погоню за ними было отправлено четыре полка, которые, зайдя, по слѣдамъ уходившихъ передъ ними калмыковъ, въ необозримыя степи, не знали ни страны, ни путей. Войска стали терпѣть сильный голодъ, и, побродивъ напрасно нѣсколько недѣль по степнымъ пространствамъ, возвратились на свои стоянки въ половинномъ числѣ противъ того, въ какомъ они выступили въ походъ.

Наконецъ, противозаконныя дѣйствія Кишенскаго обнаружились передъ высшими властями изъ отвѣта китайскаго богдыхана, отъ котораго русское правительство требовало, чтобы онъ заставилъ калмыковъ, вошедшихъ въ предѣлы его владѣній и признававшихъ прежде надъ собою власть Россіи,

возвратиться на прежнія ихъ кочевья. Тогда въ Петербургѣ обратили вниманіе на своевольныя поступки Кишенскаго. По повелѣнію государыни, надъ нимъ было наряжено строгое слѣдствіе, обнаружившее всѣ его неимовѣрныя злоупотребленія, послѣ чего онъ былъ преданъ военному суду. Но этотъ хищникъ, какъ сообщаетъ Гельбигъ, употребилъ часть захваченной имъ добычи на пріобрѣтеніе дружескихъ связей и покровительство при дворѣ императрицы. Къ тому же, какъ извѣстно, Екатерина II вообще любила защищать служащихъ, хотя и знала очень хорошо о всѣхъ ихъ продѣлкахъ. Въ особенности же такая защита примѣнялась къ тѣмъ случаямъ, когда жалобы на нихъ доходили не прямо по начальству, а со стороны, какъ это было теперь, потому что о злоупотребленіяхъ Кишенскаго она узнала только изъ отписки пекинскаго двора, въ которой съ большою подробностью и противъ обыкновенія, безъ всякихъ китайскихъ церемоній, сообщались тѣ причины, по которымъ калмыки рѣшились отдаться подъ покровительство богдыхана. Кишенскій по суду былъ однако вполнѣ оправданъ. Впослѣдствіи онъ имѣлъ чинъ генералъ-майора и съ пышностью кровнаго барина проживалъ въ Петербургѣ плоды своего хищничества.

Въ числѣ замѣчательныхъ, сильно разжившихся хищниковъ во времена Екатерины II былъ генералъ-прокуроръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ (род. 1718 г., † ум. 1790 г.), происходившій изъ духовнаго званія. Возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ графу Петру Ивановичу Шувалову, „въ котораго рукахъ, по выраженію императрицы, онъ находился, и напоился его принципіями, хотя и не весьма полезными для общества, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ“. При Елизаветѣ Петровнѣ, Глѣбовъ, женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, Маріи Симоновнѣ Гендриковой, по первому мужу Чеглоковой, пользуясь своей обстановкой и будучи оберъ-прокуроромъ сената, занялся винными откупами въ отдаленной Иркутской губерніи, такъ какъ тамъ всѣ дѣлаемыя по этой части злоупотребленія могли легко оставаться безнаказанными. Когда указомъ, отъ 19 сентября 1755 года, запрещено было купцамъ имѣть винокуренные заводы, а поставку вина въ казну велѣно было сдавать только помѣщи-

камъ и вотчинникамъ на десятилѣтній срокъ, то иркутскіе купцы, проживавшіе въ такомъ краѣ, гдѣ не было ни помѣщиковъ, ни вотчинниковъ, думали, что означенный указъ не относится вовсе до Иркутской губерніи и продолжали курить вино по прежнему. Глѣбовъ прекратилъ однако ихъ промышленность, такъ какъ въ 1756 году онъ заключилъ съ сибирскимъ приказомъ контрактъ на поставку вина въ кабаки Иркутской губерніи, установивъ на простое вино цѣну гораздо выше дѣйствительной его стоимости. Съ своей же стороны иркутскіе купцы представили сенату, что при такой цѣнѣ за вино они не только не въ состояніи дѣлать какую либо для себя выручку, но и не имѣютъ возможности при этихъ условіяхъ платить въ казну кабацкіе сборы. Такъ какъ представленіе это попало въ руки оберъ-прокурора Глѣбова, то онъ для благовидности счелъ нужнымъ удовлетворить домогательство иркутскаго купечества и далъ просьбѣ купцевъ такой ходъ, что въ сенатѣ на откупъ Иркутской губерніи произведены были торги. Но на этихъ торгахъ Глѣбовъ устранилъ своимъ вліяніемъ всѣхъ торговавшихся и взялъ откупъ за себя, а потомъ, черезъ три мѣсяца, продалъ торговавшимся, взявъ съ нихъ отступнаго 160,000 рублей и выговоривъ себѣ отъ нихъ ежегодно 25,000 рублей въ теченіе десятилѣтняго срока. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ разомъ состояніе весьма значительное даже и для настоящаго времени, а для того времени, когда онъ жилъ, сумма эта была большимъ богатствомъ. Послѣ того Глѣбовъ послалъ въ Иркутскъ своего повѣреннаго Евреинова, но тамошніе купцы стали ему противодѣйствовать. Тогда оберъ-прокуроръ отправилъ къ членамъ иркутскаго магистрата грозное письмо, безцеремонно предваряя ихъ, что если они станутъ дѣйствовать на-перекоръ его повѣренному, то онъ „не жалѣя своего капитала, въ предпринятомъ дѣлѣ упражняться станетъ“. „Упражненія“ эти вскорѣ осуществились, такъ какъ Глѣбовъ выхлопоталъ сенатскій указъ о посылкѣ въ Иркутскъ, въ качествѣ слѣдователя по откупнымъ дѣламъ, нѣкоего коллежскаго ассесора Крылова. Пріѣхавъ въ этомъ званіи въ Иркутскъ, Крыловъ началъ исполненіе возложенныхъ на него обязанностей тѣмъ, что принудилъ пыткою тамошняго богача Бечевина

дать ему, Крылову, 30,000 рублей. Спустя три мѣсяца послѣ пытки, Бичевинъ умеръ. Покровительствуемый Глѣбовымъ и чиновными пріятелями, Крыловъ около года грабилъ Иркутскъ. Наконецъ, всѣ продѣлки Глѣбова раскрылись, и онъ, чрезвычайно уже разжившійся, былъ уволенъ отъ службы. При этомъ, однако, онъ не только не понесъ никакого наказанія, но въ 1773 г. былъ снова принятъ на службу, а въ 1775 году ему, въ чинѣ генералъ-поручика, ввѣрено было управленіе Смоленскимъ намѣстничествомъ и Бѣлогородскою провинціею. Этотъ администраторъ не въ силахъ былъ удержаться отъ своей прежней привычки — богатѣть на чужой счетъ всякими неправдами. Заговорили снова о неправдахъ Глѣбова, и онъ, въ 1777 году, попалъ опять подъ судъ и затѣмъ уже не являлся болѣе на службѣ. Онъ умеръ бездѣтнымъ, и неизвѣстно куда дѣвались его неправыя стяжанія.

Изъ лицъ близкихъ къ князю Потемкину, правитель его канцеляріи Василій Степановичъ Поповъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ захватывалъ казенныя деньги и жилъ на нихъ, какъ не жили многіе богачи того времени. Поповъ былъ родомъ изъ Казани, и, какъ говорили, по происхожденію татаринъ. Самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ бѣдный, но во время путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ, ему, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей по присоединенію крымскаго полуострова къ Россіи, было пожаловано въ Малороссіи деревня Рѣшетиловка съ 1,500 ревизскихъ душъ. При раздачѣ же деревень въ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, онъ получилъ еще 1,000 душъ. Но—какъ замѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ статсъ-секретарь Грибовскій—все это „ничего не значило“ въ сравненіи съ чрезвычайными выгодами, которыя онъ имѣлъ, какъ главный правитель всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ и какъ полномочный казначей всѣхъ денежныхъ суммъ, бывшихъ въ непосредственномъ распоряженіи его ближайшаго начальника, князя Потемкина. Суммы же эти, какъ мы уже видѣли, были слишкомъ громадны. По словамъ Грибовскаго, Поповъ тратилъ на столъ и на женщинъ столько, что при этихъ тратахъ собственнаго его годоваго дохода не хватило бы и на одинъ мѣсяцъ, но находясь, по милости своего свѣтлѣйшаго патрона, у неизсякаемаго

источника золота и серебра, онъ могъ давать волю своимъ прихотямъ и страстямъ безъ малѣйшей сдержки. Самою сильною его страстью была безумная картежная игра, въ продолженіе которой онъ по нѣскольку разъ приносилъ изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, и такъ какъ онъ игралъ чрезвычайно запальчиво, то принесенныя имъ на картежный столъ деньги въ кабинетъ уже не возвращались, а переходили въ карманы болѣе умѣлыхъ игроковъ.

Одно время, когда генералъ-аншефъ Михайло Ѳедотовичъ Каменскій, послѣ смерти князя Потемкина, принялъ произвольно главное начальство надъ арміею, Попову угрожала большая бѣда, такъ какъ Каменскій началъ настоятельно требовать отъ него отчета по экстраординарнымъ суммамъ, бывшимъ въ его вѣдѣніи. Поповъ не только не представилъ отчета, но даже отказался вести съ нимъ сношенія какъ съ начальникомъ. Императрица, отстранивъ Каменскаго отъ командованія арміею, приказала прекратить всѣ дѣла о растратѣ Потемкинымъ казенныхъ денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ извѣстномъ тогда всѣмъ и каждому казнокрадствѣ Попова, который и продолжалъ жить, какъ богачъ, на самую широкую ногу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Богатство Злобина. Сапожниковы.— Обширность и разнообразіе ихъ торговыхъ оборотовъ.— Начало богатства Поповыхъ.— Богатства, возникшія подъ покровительствомъ Орловыхъ и Потемкина.— Баронъ Фредериксъ и Фалѣевъ.— Богачи иноземцы: Сутерландъ, Лазаревъ и Варваціи.— Неожиданное богатство Кроткова.—Богатство Шутовыхъ.

Замѣчательною личностью — и можно даже сказать нѣкоторою знаменитостью—по своему огромному богатству сдѣлался въ царствованіе Екатерины II Василій Алексѣевичъ Злобинъ. Будучи по рожденію крестьяниномъ дворцоваго села Малыкова, въ Саратовской губерніи, онъ сталъ заниматься по винноторговой части и повелъ свои дѣла такъ удачно, что, по прошествіи нѣкотораго времени, могъ уже содержать самъ винный откупъ во всей Пензенской губерніи. Природный умъ, рѣдкая смѣтливость, отчасти и благопріятныя обстоятельства способствовали дѣятельному Злобину сдѣлаться такимъ богачемъ, что онъ, по его собственнымъ словамъ, передаваемымъ Вигелемъ, получалъ ежедневно по 1,000 рублей дохода, что составляло въ годъ необъятную для того времени сумму. Къ чести Злобина должно сказать, что онъ не былъ, подобно почти всѣмъ своимъ разжившимся собратьямъ, человѣкомъ суетнымъ. Онъ никогда не добивался чиновъ и орденовъ, и соединеннаго съ ними дворянскаго достоинства. Онъ довольствовался званіемъ именитаго гражданина и полученными имъ въ разное время медалями. Злобинъ, являясь среди знатныхъ людей, сохранилъ прежнюю простонародную одежду и не брилъ бороды въ противность тогдашней модѣ. Въ поступи,

въ рѣчахъ, въ поговоркахъ Злобинъ оставался точно такимъ же, какимъ онъ былъ прежде, безъ всякихъ натяжекъ и перениманій. У него была одна страсть — угощать на славу знатныхъ людей, но, по всей вѣроятности, онъ дѣлалъ это не столько изъ тщеславія, сколько для пользы своихъ откупныхъ дѣлъ, которымъ угощаемыя Злобинымъ лица могли оказывать болѣе или менѣе свое сильное покровительство. Въ свою очередь, и чиновные люди чествовали Злобина. Такъ при пріѣздахъ его въ Саратовъ, къ нему являлись на поклонъ мѣстныя власти, а на ежедневныхъ обѣдахъ у тамошняго губернатора онъ постоянно занималъ первое мѣсто. Впрочемъ и съ своей стороны Злобинъ обходился не только ласково, но и дружественно съ тѣми, которые были въ зависимости отъ него. Половину своей жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, управляя отсюда своими обширными дѣлами. Особенная его забота была направлена на родное его Малыково, обращенное въ уѣздный городъ Вольскъ, въ которомъ онъ строилъ каменныя палаты, разводилъ сады и отсылалъ туда значительную часть драгоцѣнностей и рѣдкостей, пріобрѣтаемыхъ въ Петербургѣ за большія деньги. Впрочемъ, подобные предметы онъ собиралъ и въ своемъ петербургскомъ домѣ, который, какъ онъ выражался, былъ имъ нанятъ на трехдневный ночлегъ. Впослѣдствіи денежныя дѣла Злобина стали приходить въ упадокъ и главною тому причиною были громадныя съ его стороны издержки на обстройку Вольска, и онъ умеръ, не имѣя уже того богатства, какимъ владѣлъ нѣкоторое время.

Въ довольно близкой связи съ богатствомъ Злобина находилось богатство и одного изъ извѣстныхъ его современниковъ, Сапожникова. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія жилъ на берегу Волги крестьянинъ села Малыкова, по имени Семенъ, по прозванію Сапожниковъ, занимавшійся земледѣліемъ. По преданіямъ, онъ былъ человѣкъ строгихъ и честныхъ правилъ. У него 9-го января 1762 года родился сынъ Петръ. Отецъ отдалъ этого мальчика учиться къ мѣстному деревенскому священнику, и когда Петруша, по понятіямъ отца, подучился порядочно, то былъ опредѣленъ писаремъ въ сосѣднюю Воскресенскую волость, и на этой должности получалъ жалованья по 1 рублю въ мѣсяцъ. Въ 1780 году село

Малыково было переименовано въ уѣздный городъ Вольскъ, и тогда Сапожниковъ поступилъ въ тамошнюю думу на службу столоначальникомъ, а потомъ секретаремъ. На этомъ мѣстѣ узналъ его вольскій городской голова Злобинъ и пригласилъ Сапожникова заниматься его торговыми дѣлами, а потомъ сдѣлалъ его своимъ компаньономъ. Промышленную свою дѣятельность началъ Сапожниковъ доставкою соли въ Симбирскъ. Впослѣдствіи же онъ, въ товариществѣ съ московскимъ купцомъ Серпуховитиновымъ, принялъ на себя содержаніе питейныхъ сборовъ въ Астраханской губерніи. Послѣ смерти Злобина и по выходѣ Серпуховитинова изъ товарищества, все это дѣло осталось за Сапожниковымъ. Кромѣ того, онъ вмѣстѣ съ Злобинымъ держалъ на откупу Вольскъ, гдѣ, въ 1813 году, былъ избранъ городскимъ головою. Умеръ онъ въ 1828 году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, Алексѣя и Александра, которые, подъ руководствомъ отца, занялись рыбною промышленностью, доставившею потомъ такую громкую извѣстность ихъ торговому дому, основанному въ 1819 году. Сапожниковы взяли у князя Куракина въ содержаніе пожалованные ему императоромъ Павломъ I учужные рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ. Они держали ихъ за собою въ продолженіе 25 лѣтъ, платя ихъ владѣльцу ежегодной аренды отъ 380,000 до 450,000 рублей.

Кромѣ рыбнаго промысла, Сапожниковы, имѣя 13 коммерческихъ конторъ въ разныхъ пунктахъ Россіи, вели хлѣбную торговлю, которая, около 1830 года, достигла у нихъ громаднаго развитія. Кромѣ того, они скупали у персіянъ шелкъ и чернильные орѣшки, а также занимались промышленностью земледѣльческою, мукомольною, мыловаренною, салотопенною, шерстяною и кожевенною. Вдобавокъ къ этому, они разработывали золотые пріиски. Главнымъ же и постояннымъ ихъ занятіемъ была рыбная торговля. Они, кромѣ учужныхъ промысловъ, содержали въ арендѣ болѣе 20 ватагъ, платя за нихъ ежегодной аренды 500,000 рублей и занимая постоянно 15,000 человѣкъ рабочихъ. У нихъ же были въ содержаніи всѣ тюленьи промыслы, а однихъ рыбныхъ товаровъ покупалось ими, сверхъ добываемыхъ на арендуемыхъ ими промыслахъ, каждый годъ до 500,000 пудовъ. Понятно, какой гро-

мадный капиталъ былъ нуженъ для подобныхъ оборотовъ, особенно потому, что Сапожниковы продавали въ кредитъ на дальніе сроки, а между тѣмъ сами платили всегда наличными деньгами, и не смотря на это, въ кассахъ ихъ конторъ лежали свободныя сотни тысячъ, если не представлялось вѣрнаго предпріятія.

Очень многіе предпріимчивые граждане Новгорода выѣзжали для поселенія въ сѣверо-восточныя области и тамъ продолжали свою дѣятельность, принося пользу этому краю и составляя иногда болѣе или менѣе значительное богатство. Вообще можно сказать, что большая часть старинныхъ торговыхъ домовъ въ Сибири была новгородскаго происхожденія, и нѣкоторые изъ нихъ начали издревле свою дѣятельность, продолжаемую донынѣ ихъ потомками. Одинъ изъ представителей такихъ домовъ, Яковъ Алексѣевичъ Поповъ, жилъ въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Верхотурьѣ (Пермской губерніи). Какъ онъ самъ, такъ и его сыновья вели обширную торговлю фабричными, заводскими и ремесленными произведеніями въ При-Уральскомъ и При-Камскомъ краяхъ, а также и въ Сибири. Внуки его, Ѳедотъ и Александръ Ивановичи Поповы, распространили еще болѣе торговлю своего дома, заведя торговлю въ Кяхтѣ, Кульджѣ, Чугучакѣ и Средней Азіи. Вообще о Поповыхъ можно сказать, что они своею мирною дѣятельностью прокладывали русскимъ путь въ тѣ предѣлы, которые нынѣ приходится покорять силою нашего оружія.

Кромѣ того Ѳедотъ Ивановичъ Поповъ развѣдывалъ о существованіи гдѣ-либо въ таежныхъ рѣкахъ Сибири разсыпнаго золота и вскорѣ посвятилъ этому всю свою дѣятельность и употребилъ на развѣдки большія суммы, ведя при этомъ постоянную борьбу съ мѣстными сибирскими властями, грозившими ему каторгой. Братъ его, Степанъ Ивановичъ, обратилъ свои труды и капиталы на отысканіе рудныхъ мѣсторожденій въ Киргизской степи, кочевники которой не были вполнѣ подвластны Россіи и препятствовали проѣзду русскихъ торговцевъ черезъ степь въ Ташкентъ, Бухару и Коканъ; не смотря однако на это, Поповъ успѣлъ завести мѣновую торговлю со всѣми этими среднеазіятскими ханствами. Замѣчательно въ особенности то, что промышленная и торговая дѣя-

тельность Поповыхъ установилась и развилась безъ малѣйшей поддержки со стороны правительства. Въ настоящее время фамиліи Поповыхъ принадлежатъ въ Киргизской степи единственные по своему богатству серебро-свинцовые и мѣдные рудники. По изслѣдованію особо назначенной горнымъ вѣдомствомъ коммиссіи, въ одномъ Богословскомъ рудникѣ заключалось минеральныхъ богатствъ на 1.472,000 рублей, а въ другихъ обработанныхъ Поповыми рудникахъ — болѣе чѣмъ на 5.700,000 рублей.

Иванъ Юрьевичъ Фредериксъ, родомъ изъ архангельскихъ иностранныхъ купцовъ, былъ, какъ разсказываетъ Гельбигъ, обязанъ своимъ богатствомъ покровительству Орловыхъ, съ которыми онъ, до ихъ возвышенія, жилъ на дружеской ногѣ. Пойдя въ гору, Орловы подняли съ собою и Фредерикса, какъ стараго ихъ друга. По ихъ ходатайству императрица Екатерина II, въ 1773 году, возвела Фредерикса въ баронское достоинство „за прилагаемое имъ стараніе къ лучшему распространенію торговли и оказанныя многія заслуги“. Орловы же доставили ему мѣсто придворнаго банкира, и Фредериксъ имѣлъ случай скопить въ короткое время „невѣроятныя богатства“. Гельбигъ, упоминая объ этомъ, замѣчаетъ, что такъ какъ Фредериксъ началъ свою коммерческую дѣятельность менѣе чѣмъ ни съ чего, то составленное имъ богатство служитъ доказательствомъ его дарованій. Всего болѣе прибылей дала ему первая, бывшая въ царствованіе Екатерины Великой, турецкая война. Во время этой войны Фредериксъ устроилъ великолѣпный праздникъ въ честь своего покровителя, графа Григорія Григорьевича Орлова, пригласивъ къ себѣ по этому случаю весь дворъ, всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ и всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса. При этомъ случаѣ, надъ дверями роскошно-убранной столовой Фредериксъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „война кормитъ, миръ истощаетъ“. Баронъ Фредериксъ умеръ около 1780 г. Потомство его существуетъ и нынѣ.

Во время могущества князя Потемкина, подъ покровительствомъ его, разживались многія лица, имѣвшія какое-нибудь участіе или что нибудь въ своемъ завѣдываніи по командуемой имъ арміи, или по устройству пріобрѣтеннаго имъ Новороссійскаго края.

Никто, однако, изъ лицъ близкихъ къ нему не воспользовался до такой степени безпорядочностью его финансовыхъ распоряженій, какъ бригадиръ Михайло Леонтьевичъ Фалѣевъ, одинъ изъ главныхъ распорядителей по хозяйственной части. По дошедшимъ преданіямъ, Фалѣевъ былъ родомъ изъ курскихъ купцовъ и состоялъ при Потемкинѣ въ качествѣ строителя судовъ, архитектора, а также и поставщика какъ для арміи, такъ и для флота. Благодаря всѣмъ этимъ операціямъ, Фалѣевъ успѣлъ составить себѣ громадное богатство. Къ чести его надобно сказать, что, наживаясь на счетъ казны, онъ въ то же время не только энергически дѣйствовалъ по водворенію порядковъ въ Новороссійскомъ краѣ, но и дѣлалъ на пользу его и черноморскаго флота значительныя пожертвованія, тогда какъ другіе казенные подрядчики, какъ, напримѣръ, упоминаемый въ письмахъ князя Потемкина заводчикъ Баташевъ,— любили только брать впередъ деньги, не думая исполнять въ точности принятыя ими на себя обязательныя и срочныя поставки, и предпочитали, при случаѣ открывавшихся неисправностей, расплачиваться пріятельски съ наблюдавшими надъ ними властями, нанося тѣмъ самымъ казнѣ значительныя неудобства и замедленія. Фалѣевъ же, хотя и бралъ съ казны за все тройную цѣну, но былъ крайне точенъ и быстръ въ поставкахъ, а это было какъ нельзя болѣе съ руки нетерпѣливому Потемкину, не останавливавшемуся ни передъ какими расходами, лишь было бы сдѣлано то, что онъ приказывалъ.

Будучи потомъ при князѣ Потемкинѣ оберъ-штеръ-коммиссаромъ флота, онъ завелъ во вновь основанномъ Николаевѣ верфь и портъ, а изъ журналовъ черноморскаго адмиралтейства видно, что онъ доставилъ этому адмиралтейству „знатное пособіе“ лѣсами изъ своихъ собственныхъ деревень въ то время, когда въ началѣ турецкой войны невозможно было купить лѣса ни за какія деньги.

Фалѣевъ, съ которымъ дружески переписывался Потемкинъ, умеръ 18-го ноября 1792 года, и мы не встрѣтили извѣстій, къ кому и какъ перешло нажитое имъ богатство.

Въ царствованіе Екатерины II стало замѣтно извѣстное, еще недавно богатство Яковлевыхъ. Савва Яковлевичъ Яковлевъ

(род. 1712 г., † 1784 г.) былъ родомъ изъ Осташкова. Онъ пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ „съ полтиною въ карманѣ и съ родительскимъ благословеніемъ“. Сперва онъ занимался рыбною торговлею, потомъ, накопивши нѣкоторый капиталъ, вступилъ въ откупа по заставамъ внутреннихъ таможенъ, уничтоженныхъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, и тутъ онъ нажилъ себѣ милліоны, а затѣмъ умножилъ свое состояніе въ рудныхъ промыслахъ, купивши у Прокопія Акинфовича Демидова четыре завода (Невьянскій, Шуралинскій, Вынговскій и Верхнетагильскій) и одинъ заводъ у графа Семена Романовича Воронцова. При покупкѣ первыхъ четырехъ заводовъ удача поблагопріятствовала ему, такъ какъ Демидовъ, недовольный своими сыновьями, продалъ ихъ за безцѣнокъ. Кромѣ того онъ устроилъ, подъ Ярославлемъ, большую полотняную фабрику. Въ 1762 году, онъ, состоя компанейщикомъ и оберъ-директоромъ, но чего—неизвѣстно, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и, чрезъ то самое получивъ, по тогдашнимъ узаконеніямъ, потомственное дворянство, сталъ пріобрѣтать и помѣщичьи имѣнія. Не мало содѣйствовало Яковлеву, при составленіи его богатства, и покровительство князя Потемкина, которому онъ доставлялъ рыбу, угождая всѣмъ причудамъ свѣтлѣйшаго, а Потемкинъ, довольный Яковлевымъ, отдалъ ему поставку на армію, что въ ту пору было обыкновеннымъ источникомъ громадной разживы.

Савва Яковлевичъ Яковлевъ былъ извѣстенъ и подъ фамиліею Собакина. Это объясняется тѣмъ, что, по простонародному обычаю, первая изъ этихъ фамилія была только его отчество, тогда какъ настоящее фамильное его прозваніе было Собакинъ.

Богатства, нажитыя Саввою Яковлевымъ, сосредоточились главнымъ образомъ въ рукахъ его правнука, Ивана Алексѣевича Яковлева, который, какъ разсказывали, получалъ въ годъ: до 80 пудовъ золота, 15,000 пудовъ мѣди и до 500,000 пудовъ желѣза, а капиталъ его простирался до 60.000,000 рублей. У него было 13 заводовъ и 650,000 десятинъ земли.

Въ числѣ иностранцевъ, извѣстныхъ по ихъ богатству въ Россіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, были: Сутерландъ, Лазаревъ и Варвацій. Изъ нихъ первый занимался

банкирскими оборотами. Неизвѣстно, къ какой націи принадлежалъ Сутерландъ; по всей же вѣроятности онъ былъ родомъ англичанинъ. Екатерина II имѣла съ нимъ непосредственныя денежныя дѣла, а въ качествѣ финансоваго агента со стороны русскаго правительства, онъ принималъ деньги изъ государственнаго казначейства для перевода ихъ въ чужіе края. Сутерландъ пользовался громаднымъ кредитомъ и въ Россіи и заграницею. Оказалось однако, что онъ не заслуживалъ этого. Такъ посолъ венеціанской республики въ Петербургѣ, графъ Мочениго, имѣлъ торговыя сношенія съ Сутерландомъ, но этотъ банкиръ, получившій отъ него товары, употребилъ ихъ не такъ, какъ слѣдовало, аобра тилъ въ свою пользу, чѣмъ и нанесъ своему довѣрителю убытковъ на 12,000 рублей — сумму весьма значительную для того времени.

Дѣло это не имѣло, впрочемъ, слишкомъ дурнаго вліянія на кредитъ Сутерланда, а его погубило неотправленіе переданныхъ ему для перевода въ Англію казенныхъ суммъ въ количествѣ 6.000,000 гульденовъ, что̀ составляло на тогдашнія наши деньги 200,000 рублей. Когда недоставленіе этихъ денегъ по принадлежности обнаружилось, то русское правительство потребовало, чтобы Сутерландъ немедленно внесъ ихъ. Сутерландъ, считавшійся однимъ изъ первыхъ богачей въ Петербургѣ, не могъ однако исполнить этого требованія и объявилъ себя банкротомъ. Изъ боязни же того позора, который угрожалъ ему, какъ несостоятельному, онъ отравился, и тогда открылось, что главными виновниками разстройства его денежныхъ дѣлъ были самыя знатныя и самыя близкія къ императрицѣ лица.

При разборѣ банкирскихъ дѣлъ Сутерланда оказалось, что не только всѣ казенныя деньги, переданныя ему правительствомъ для перевода въ Англію, но и его собственные капиталы были разобраны частью по росписками, частью безъ росписокъ княземъ Потемкинымъ, генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, графомъ Безбородкою, вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, графомъ Морковымъ и другими богатыми вельможами. Въ числѣ многочисленныхъ должниковъ довѣрчиваго Сутерланда былъ и великій князь Павелъ Петровичъ. Сумма долговъ, слѣдовавшихъ Сутерланду, была очень

велика, такъ какъ одинъ князь Потемкинъ долженъ былъ до 700,000 рублей. Долги великаго князя Павла Петровича и князя Потемкина Екатерина велѣла принять на счетъ казны. Князь Вяземскій и Безбородко тотчасъ, по повелѣнію государыни, внесли слѣдовавшій съ нихъ Сутерланду долгъ. Прочіе же сановные должники отозвались, что воля государыни — поступить съ ними, какъ ей будетъ угодно, но что заплатить тотчасъ они не въ состояніи, а постараются сдѣлать это современемъ. Екатерина II приказала взыскать съ нихъ по законамъ. Упомянутый здѣсь князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій былъ представителемъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ, считавшагося, впрочемъ самымъ бѣднымъ.

Когда Вяземскій женился,—разсказываетъ одинъ италіянецъ, бывшій въ Россіи въ 1783 году, — самую драгоцѣнную его движимость составляла дюжина серебряныхъ приборовъ, а нынѣ онъ, не считая обширнѣйшаго дворца и великолѣпнаго загороднаго дома, имѣетъ состояніе въ 2 милліона рублей. Онъ слылъ за человѣка трудолюбиваго и распорядительнаго. Никто не могъ объяснить, какимъ образомъ онъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти огромное богатство.

Объяснить однако это можно тѣмъ, что кромѣ пожалованныхъ ему Екатериною имѣній и сверхъ той громадной наживы, какую представляла тогда должность генералъ-прокурора, Вяземскій производилъ разныя денежныя спекуляціи въ тѣсномъ товариществѣ съ Сутерландомъ, который съ своей стороны далъ дочери его, вышедшей замужъ сперва за князя Голицына, а потомъ за графа Разумовскаго огромное приданое, такъ что она имѣла 23,000 душъ крестьянъ.

Банкротство банкирскаго дома Сутерланда важно въ томъ отношеніи, что оно весьма чувствительно отозвалось какъ въ тогдашнемъ торговомъ нашемъ мірѣ, такъ и на состояніи многихъ частныхъ лицъ, въ особенности же на состояніи графа Михаила Илларіоновича Воронцова, довѣрившаго Сутерланду для торговыхъ оборотовъ едва-ли не всѣ свои капиталы.

Около 1770 года появился въ Петербургѣ нѣкто Лазарь Лазаревичъ Лазаревъ. По происхожденію онъ былъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ армянскихъ купцовъ, торговав-

шихъ въ персидскихъ владѣніяхъ. Тамъ онъ успѣлъ добыть удачными торговыми оборотами нѣкоторыя денежныя средства, съ которыми и отправился въ Россію, намѣреваясь пуститься здѣсь въ какія-нибудь болѣе выгодныя коммерческія предпріятія. Въ Петербургѣ, по словамъ Гельбига, Лазареву посчастливилось пріобрѣсти благосклонность знатныхъ и сильныхъ въ то время лицъ, а чрезъ нихъ онъ доставилъ покровительство своей торговлѣ со стороны русскаго правительства. Прежде всего съ нимъ сошлись Орловы, потомъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, графъ Александръ Воронцовъ и графъ Безбородко. Всѣ эти господа затѣвали въ сообществѣ съ Лазаревымъ разныя коммерческія предпріятія, приносившія значительную чистую прибылъ на долю каждаго изъ этихъ видныхъ сановниковъ. Отъ нихъ не требовалось ни малѣйшаго труда, такъ какъ руководителемъ и двигателемъ всѣхъ предпріятій былъ исключительно Лазаревъ. Гельбигъ разсказываетъ, что въ виду плана, обдуманнаго Лазаревымъ, означенные выше господа, для извлеченія собственныхъ выгодъ, замедляли поставку мѣдной монеты изъ Екатеринбурга въ главные города Россіи. По всей вѣроятности, планъ этой операціи былъ очень простъ: Лазаревъ скупалъ мѣдную монету, а потомъ, когда въ ней, какъ по торговымъ оборотамъ, такъ и по потребностямъ обыденной жизни, оказывалась крайняя необходимость, сбывалъ ее съ выгоднымъ лажемъ. Какъ бы то впрочемъ ни было, но государыня не знала ничего о продѣлкахъ Лазарева въ сотовариществѣ съ лицами, пользовавшимися особеннымъ ея довѣріемъ. Лазаревъ же, добавляетъ Гельбигъ, привезъ въ Петербургъ драгоцѣнный алмазъ и за уступку его императрицѣ выговорилъ себѣ 4,000 рублей въ пожизненную ежегодную пенсію.

Есть извѣстіе, будто бы брилліантъ, привезенный Лазаревымъ, замѣнялъ глазъ золотаго льва у трона великаго могола, и что другой глазъ этого льва, подъ названіемъ ко-и-нуръ (гора свѣта), находится нынѣ у англійской королевы. По другимъ извѣстіямъ, лазаревскій брилліантъ былъ глазомъ индійскаго идола въ храмѣ Серенгама; брилліантъ этотъ будто бы укралъ какой-то французскій солдатъ, бывшій въ Индіи въ испанской службѣ, и убѣжалъ съ этою драгоцѣнностью на Малабаръ.

Тамъ этотъ камень былъ купленъ капитаномъ корабля, продавшимъ его за 2,000 гиней еврею, у котораго и перекупилъ его Лазаревъ. Персидскій шахъ, узнавъ объ этомъ, принуждалъ Лазарева выдать купленный имъ брилліантъ, но Лазаревъ, сдѣлавъ разрѣзъ въ ляжкѣ, спряталъ туда брилліантъ, и такъ какъ брилліантъ у него не былъ найденъ, то его, наконецъ, выпустили на свободу. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ по просьбѣ его, сдѣлали ему операцію для вынутія брилліанта, но Лазаревъ запросилъ за него такую цѣну, что Екатерина II отказалась отъ покупки. Тогда Лазаревъ отправился въ Амстердамъ, и здѣсь графъ Алексѣй Орловъ купилъ брилліантъ за 450,000 рублей, и кромѣ того выдалъ Лазареву обязательство на полученіе пожизненной ренты въ 2,000 рублей. Брилліантъ этотъ находится теперь въ скипетрѣ русскихъ государей. Онъ вѣсилъ до полировки $194^3/_4$ карата, а теперь имѣетъ вѣсу 185 каратъ, и считался самымъ лучшимъ и самымъ крупнымъ брилліантомъ въ свѣтѣ.

О пріобрѣтеніи Лазаревымъ упомянутаго брилліанта, а также о способахъ его сохраненія во время долгихъ и опасныхъ странствій ходили разные слухи. Державинъ, хорошо знавшій все это дѣло, передаетъ въ своихъ „Запискахъ“, что бумаги о продажѣ Лазаревымъ брилліанта были выкрадены изъ дѣлъ Лавровымъ, бывшимъ потомъ директоромъ тайной канцеляріи. По словамъ Державина, въ этихъ бумагахъ доказывалось, что Лазаревъ обманомъ присвоилъ себѣ знаменитый брилліантъ отъ нѣкоторыхъ персіянъ, получившихъ этотъ камень въ наслѣдіе отъ ихъ матери во время Шахъ-Надира, и что онъ, взамѣнъ этого брилліанта, отдалъ имъ поддѣльный. Жалобы обманутыхъ персіянъ разбирались въ нижнихъ судахъ и инстанціяхъ, гдѣ пропали всѣ доказательства и улики противъ Лазарева. Недавно въ „Русскомъ Архивѣ“ была помѣщена замѣтка въ такомъ же смыслѣ; но по поводу ея было прислано возраженіе, которое, однако, — по замѣчанію редакціи „Архива“, — нисколько не разъяснило дѣла о брилліантѣ, привезенномъ въ Россію Лазаревымъ и послужившимъ главнымъ основаніемъ его богатства.

Поселившись въ Петербургѣ, Лазаревъ купилъ у князя Орлова Ропшу за 12,000 рублей и, употребивъ на отдѣлку этого

имѣнія 300,000 рублей, продалъ его съ барышемъ — за 400,000 рублей, — императору Павлу, который пожаловалъ Лазареву чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Лазаревъ умеръ въ 1802 году, оставивъ послѣ себя имущество разнаго рода, которое, въ общей сложности, представляло стоимость въ 12.000,000 рублей по тогдашнему курсу.

Кромѣ Сутерланда и Лазарева, при Екатеринѣ II былъ еще и третій богачъ изъ иностранцевъ — грекъ Иванъ Варваціи, родившійся въ 1751 году на островѣ Ипсара, въ Греческомъ архипелагѣ. На этомъ островѣ Варваціи имѣлъ свой домъ и разныя хозяйственныя заведенія, и вообще онъ пользовался на своей родинѣ порядочнымъ достаткомъ. Угнетенія, испытываемыя его соотечественниками отъ турокъ, тяготили его, и онъ, въ 1770 году, во время войны Россіи съ Турціею, вооружилъ на свой собственный счетъ фрегатъ съ двумя-стами матросовъ. Съ этимъ фрегатомъ Варваціи присоединился къ эскадрѣ адмирала Сенявина и дѣйствовалъ успѣшно противъ турокъ. Опасаясь ихъ мщенія, онъ, по окончаніи войны, переселился навсегда въ Россію, получивъ за оказанныя имъ услуги чинъ поручика. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ избралъ Астрахань, какъ одинъ изъ болѣе важныхъ торговыхъ пунктовъ въ тогдашней Россіи. Здѣсь Варваціи отличался чрезвычайною коммерческою предпріимчивостію: вскорѣ послѣ поселенія своего въ Астрахани, онъ завелъ обширныя рыбныя ловли при берегахъ Каспійскаго моря, принадлежавшихъ Россіи. Екатерина II пожаловала ему астраханскія рыбныя ловли, отъ которыхъ онъ потомъ, вмѣстѣ съ другими торговыми оборотами, составилъ „многомилліонное состояніе“. Варваціи не довольствовался производствомъ рыбной ловли на этихъ берегахъ, но сталъ съ тою же цѣлью брать на откупъ каспійскія воды и при берегахъ, подвластныхъ Персіи. Дѣла его шли чрезвычайно успѣшно. У него постоянно работало на рыбныхъ ловляхъ десятки тысячъ человѣкъ, и онъ, какъ сказано въ одномъ изъ его жизнеописаній, составилъ себѣ этими промыслами „знатный капиталъ и великое имѣніе“. Неизвѣстно, до какой цифры простиралась сумма его торговыхъ оборотовъ и его ежегодныхъ доходовъ, — но первые, судя по обширности его предпріятій, должны были быть чрезвычайно зна-

чительны; о размѣрѣ же его доходовъ можно заключить до нѣкоторой степени по важности тѣхъ пожертвованій, какія онъ отъ себя дѣлалъ.

Такъ, помимо значительныхъ пожертвованій на построеніе и украшеніе церквей, онъ устроилъ въ Астрахани на свой счетъ черезъ рѣку Кутумъ подъемный мостъ, тамъ же, въ 1809 году, онъ провелъ между Кутумомъ и Волгою судоходный каналъ, что̀ стоило ему 200,000 рублей. Переселясь впослѣдствіи изъ Астрахани въ Таганрогъ, онъ построилъ въ этомъ городѣ греческій монастырь, употребивъ на это до 600,000 рублей. Кромѣ, того по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что онъ, во время своей жизни въ Россіи, употребилъ на разныя благотворительныя дѣла, какъ-то: на поддержку воспитательнаго дома и заведеній, устраиваемыхъ приказами общественнаго призрѣнія, а также на воспитаніе грековъ и т. д. до 1.500,000 рублей. Вообще же онъ пожертвовалъ въ Россіи на общественную пользу до 3.500,000 рублей и 1.400,000 рублей предоставилъ въ пользу Греціи. Остальное свое имущество онъ завѣщалъ своей дочери, бывшей замужемъ за Петромъ Никифоровичемъ Ознобишинымъ, отцомъ русскаго стихотворца, довольно извѣстнаго лѣтъ сорокъ тому назадъ и недавно умершаго.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о богатствахъ, составившихся въ царствованіе Екатерины II, замѣтимъ объ одномъ изъ нихъ, пріобрѣтенномъ по слѣдующему странному случаю:

Во время ужасовъ пугачевщины, одинъ очень бѣдный дворянинъ Кротковъ жилъ въ своей симбирской деревенькѣ. Пугачевъ, проѣзжая мимо ея, вздумалъ обратить ее въ главное становище мятежниковъ и приказалъ понадѣлать въ ней магазины и склады для всего награбленнаго имъ въ Симбирской губерніи имущества. Когда войска, дѣйствовавшія противъ Пугачева, напали внезапно на это мятежническое становище, то Пугачевъ отступилъ, захватя съ собою и Кроткова. Нѣсколько времени Кротковъ слѣдовалъ за Пугачевымъ, но послѣ одного пораженія, нанесеннаго Пугачеву, онъ успѣлъ убѣжать и затѣмъ вернулся въ свою деревеньку. Здѣсь онъ нашелъ въ ригѣ, овинѣ и даже въ хлѣбныхъ скирдахъ множество всякаго добра, между прочимъ и нѣсколько сунду-

ковъ съ серебряной посудой и разными драгоцѣнными вещами, такъ что всего набралось тысячъ на двѣсти. Разжившись такимъ неожиданнымъ способомъ, Кротковъ накупилъ себѣ имѣній, въ которыхъ было до 6,000 душъ, и, ведя хорошо свое хозяйство, могъ бы пріобрѣсти еще болѣе, если бы не замотались его сыновья. Одинъ изъ нихъ, понаходчивѣе и поудалѣе своихъ братьевъ, имѣя нужду въ деньгахъ, вздумалъ продать обманнымъ способомъ часть отцовскаго имѣнія, и въ числѣ продаваемыхъ имъ крестьянъ помѣстилъ въ подворную опись и своего родителя, подъ скромнымъ именемъ бурмистра Степана Кроткова. Обманъ, однако, открылся, загорѣлось дѣло и отважному продавцу приходилось очень плохо. Какъ ни былъ сердитъ на него отецъ за всѣ его продѣлки, но родительское сердце старика Кроткова смягчилось, и онъ, чтобъ выручить изъ бѣды своего сына, долженъ былъ, для прекращенія начавшагося о немъ дѣла, заплатить покупщику, судьямъ и полиціи гораздо болѣе, нежели сколько получилъ его сынъ за проданное имѣніе. Послѣ этого онъ, чтобъ наказать сыновей за ихъ мотовство и кутежи, женился на бѣдной молодой дѣвушкѣ и укрѣпилъ за нею лучшую часть своихъ московскихъ деревень.

Въ исторіи нашихъ богатствъ встрѣчается, между прочимъ, одинъ такой странный случай, который никакъ не подходитъ подъ болѣе или менѣе общіе случаи, о которыхъ мы говорили.

Въ 1704 году купецъ Нѣмчиновъ донесъ прибыльщику Курбатову, занимавшемуся изысканіемъ способовъ для увеличенія государственныхъ доходовъ, что торговые люди подаютъ сказки о своихъ торгахъ и пожиткахъ неправильно, и указалъ на двухъ братьевъ Шустовыхъ, Матвѣя и Ѳедора, объявившихъ, что у нихъ всякихъ пожитковъ только тысячи на двѣ, на три и что они разорены всеконечно, тогда какъ у нихъ въ селѣ Дѣдиновѣ пожитковъ, отъ умершаго ихъ дѣда, близъ 40,000 червонцевъ, да нѣсколько десятковъ тысячъ въ серебряныхъ деньгахъ. Въ Дѣдиново, вслѣдствіе этого доноса, былъ отправленъ съ солдатами подъячій, который и вынулъ у Шустовыхъ въ нежилыхъ палатахъ коробку, задѣланную межъ половъ и сводовъ, а въ ней оказалось червонныхъ вѣсомъ на 4 пуда 6 фунтовъ, да „китайскаго“ золота въ

коробкахъ и въ кускахъ 14 пудовъ 13 фунтовъ, да въ гнилыхъ куляхъ и рогожахъ старыхъ денегъ 14 пудовъ 9 фунтовъ, да подъ тѣмъ же старымъ поломъ старыхъ денегъ 91 пудъ 37 фунтовъ. Такое богатство и въ настоящее время было бы весьма значительно, а въ ту пору оно было громадно. Шустовы отозвались, что они о кладѣ ничего не знаютъ, а знаютъ только, что дѣдъ ихъ положилъ не на ихъ дворѣ въ селѣ Дѣдиновѣ, въ „казенную палату“, т. е. въ кладовую, денегъ тысячъ на тридцать, да золотыхъ тысячъ на 27, но точно сказать не умѣютъ, потому что они послѣ отца и дѣда остались въ малыхъ лѣтахъ и тѣхъ денегъ не видали, а палата была запечатана печатью ихъ дѣда Василія. Подъячій забралъ не только эти деньги, но и тѣ, которыя нашелъ въ сундукахъ, стоявшихъ въ жилыхъ палатахъ дома одного изъ Шустовыхъ, а также и серебряную посуду. Петръ приказалъ выдать Нѣмчинову и Курбатову по 5,000 рублей каждому, возвратить Шустовымъ все найденое въ жильѣ, а все прочее богатство, какъ кладъ, отысканный служилыми людьми, обратить въ государственную казну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Раздача императоромъ Павломъ I помѣстій при вступленіи его на престолъ и при коронаціи.—Пожалованіе имѣній Кушелеву и Аракчееву.—Намѣренія Аракчеева и употребленіе его состоянія.—Князья Рѣпнины.—Князь Лопухинъ.—Переходъ его имѣнія.—Графы Кутайсовъ и Растопчинъ.—Необыкновенная щедрость императора къ князю Куракину.—Рыбныя ловли.—Князь Суворовъ.—Графъ Бобринскій.—Богатства, нажитыя злоупотребленіями.—Предѣлъ изслѣдованія о частныхъ богатствахъ въ Россіи.

Одною изъ отличительныхъ особенностей въ характерѣ императора Павла Петровича была, какъ извѣстно, чрезмѣрная щедрость, и потому, въ непродолжительное его царствованіе, одни изъ близкихъ къ нему людей успѣли сдѣлаться вдругъ замѣтными богачами, а состояніе другихъ достигло значительныхъ размѣровъ.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, Павелъ назначилъ въ раздачу изъ дворцовыхъ волостей 680,000 крестьянъ, а 1.500,000 оставилъ на содержаніе двора, но, какъ писалъ Роджерсонъ графу С. Р. Воронцову, и эти крестьяне пойдутъ въ раздачу, что̀ и исполнилось. Онъ пожаловалъ всѣмъ гатчинскимъ офицерамъ помѣстья, смотря по ихъ чинамъ и по прежней ихъ службѣ. На первый разъ штабъ-офицеры, командовавшіе какою либо частью въ Гатчинѣ — (генераловъ тамъ не было) — получили отъ 300 до 1000 душъ, капитаны до 100, самые младшіе офицеры по 30 душъ. Съ одной стороны награды эти были милостью государя, а съ другой—раздача помѣстій оказывалась необходимостію, такъ

какъ гатчинскіе офицеры, большею частью бѣдняки сами по себѣ, получивъ помѣстья, выходили изъ того затруднительнаго и весьма неловкаго положенія, какое ожидало ихъ въ другомъ обществѣ—среди новыхъ товарищей, блестящихъ и почти все богатыхъ екатерининскихъ гвардейцевъ.

Гатчинскіе полковники Григорій Григорьевичъ Кушелевъ и Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (род. 1769 г., † 1834 г.), какъ лица, пользовавшіяся особеннымъ благоволеніемъ государя, получили болѣе другихъ. Кушелеву, къ пожалованнымъ ему прежде 1,000 душамъ, было прибавлено потомъ 3,000 душъ въ Тамбовской губерніи, а при коронаціи онъ получилъ: 292 души, 15,000 десятинъ земли и 38,000 рублей. Менѣе чѣмъ въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ былъ пожалованъ изъ полковниковъ въ адмиралы и возведенъ въ 1799 году въ графское достоинство. Къ сыновьямъ его, какъ мы видѣли, перешло богатство, пріобрѣтенное княземъ и графомъ Безбородками. Богатство братьевъ Безбородковъ значительно увеличилось тѣми щедрыми наградами, которыми императоръ Павелъ I осыпалъ старшаго изъ нихъ, а также и вслѣдствіе пожалованія младшему графу Безбородко, Ильѣ Андреевичу, 1,049 душъ крестьянъ.

Аракчеевъ, сынъ бѣднаго новгородскаго помѣщика, имѣвшаго, при большомъ семействѣ, до полсотни крестьянъ, былъ возведенъ императоромъ Павломъ сперва въ баронское, а потомъ въ графское достоинство. Ему, при коронаціи государя, было назначено къ пожалованію 2,000 душъ. Когда императоръ предложилъ Аракчееву на выборъ имѣнія, то онъ указалъ на Грузинскую волость въ Новгородской губерніи.—„Не ошибся ли ты въ выборѣ?“ спросилъ Павелъ Петровичъ Аракчеева. „Я слышалъ, что эту волость сбирается просить себѣ Архаровъ“—отвѣчалъ Аракчеевъ.—„Въ такомъ случаѣ ты въ накладѣ не будешь, Архаровъ выбрать умѣетъ“, сказалъ Павелъ и утвердилъ Грузино съ деревнями за Аракчеевымъ, а Архарову предоставилъ другое помѣстье, состоявшее также изъ 2,000 душъ. Не смотря на всю ненависть, какую возбудилъ противъ себя въ своихъ современникахъ Аракчеевъ, никто однако не укорялъ временщика въ любостяжаніи и корысти. Онъ былъ богатъ, но богатства его были пріобрѣтены законнымъ путемъ, и Аракчеевъ не солгалъ, когда, отдавая въ рас-

поряженіе императора Николая Павловича имѣніе, написалъ на пробѣльныхъ листахъ евангелія, въ видѣ завѣщанія, слѣдующія слова: „Аракчеевъ возвратилъ все свое состояніе туда, откуда получилъ“.

Въ 1833 году онъ внесъ въ государственный банкъ 50,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы въ 1925 году изъ этой суммы, которая къ означенному году съ наросшими на нее процентами—считая по 4% на 100—составитъ 1.918,960 рублей, было выдано въ награду, за удовлетворительное сочиненіе исторіи императора Александра Павловича, 1.439,220 рублей, а остальныя 479,740 рублей поступили бы въ распоряженіе академіи наукъ на изданіе въ свѣтъ этого сочиненія и на издержки по переводу его на французскій и нѣмецкій языки. Въ томъ же году Аракчеевъ внесъ въ сохранную казну 300,000 рублей ассигнаціями для содержанія въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній.

У графа Аракчеева, отъ брака съ Натальею Ѳеодоровною Хомутовою (умершей въ 1842 году)—съ которою онъ разошелся черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы—дѣтей не было; но у него былъ побочный сынъ, носившій фамилію Шумскаго. Одно время Аракчеевъ намѣревался узаконить его и передать ему свое имѣніе, но потомъ оставилъ это намѣреніе, и есть извѣстіе, что онъ хотѣлъ сдѣлать единственнымъ своимъ наслѣдникомъ близкаго своего пріятеля Ильина. У Аракчеева было два брата, но они умерли бездѣтны, и императоръ Николай Павловичъ приказалъ все переданное ему графомъ Аракчеевымъ имѣніе обратить на устройство и содержаніе въ селѣ Грузинѣ кадетскаго корпуса.

Особенную щедрость проявилъ императоръ Павелъ Петровичъ при своей коронаціи. По случаю этого торжества, имъ роздано было въ общей сложности разомъ 82,330 душъ крестьянъ. При этомъ больше всѣхъ былъ награжденъ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, получившій 6,000 душъ изъ бывшихъ вотчинъ князя Кантемира и 30,000 десятинъ земли въ Воронежской губерніи. За нимъ слѣдовали: генералъ-фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, получившій 6,000 душъ.

Князю Александру Борисовичу Куракину было пожало-

вано 4,300 душъ съ 20,000 десятинъ земли въ Тамбовской губерніи.

Послѣ коронаціи, Павелъ пожаловалъ братьямъ Куракинымъ рыбныя ловли по Волгѣ на пространствѣ отъ Казани до Каспійскаго моря. Ловли эти могли приносить до 300,000 рублей ежегоднаго дохода.

Дано было: генералъ-фельдмаршалу графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину 4,000 душъ, генералъ-лейтенанту графу Петру Андреевичу Шувалову 3,000 душъ, тайному совѣтнику Стрекалову 2,580 душъ, князю Голицыну и графу Каховскому по 2,000 душъ каждому. Баронесса, потомъ графиня, и наконецъ свѣтлѣйшая княгиня Шарлота Карловна Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ, и государственный казначей баронъ Васильевъ получили по 1,500 душъ. Адмиралъ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ получилъ 1,300 душъ, столько же было дано и адмиралу Пущину; дѣйствительному тайному совѣтнику Соймонову дано было 1,200 душъ. По 1,000 получили: генералъ-отъ-артиллеріи Мелессино; дѣйствительный тайный совѣтникъ Волковъ, генералъ-лейтенантъ Вадковскій, генералъ-лейтенанты Левашевъ, князь Голицынъ и Беклешевъ вице-адмиралъ Мордвиновъ; затѣмъ прочія пожалованія состояли изъ помѣстій въ 800, 500 и 100 душъ.

Павелъ купилъ у Моркова для Безбородки домъ за 100,000 рублей, и за такую же сумму домъ Мятлева для князя Зубова.

Графу Шуазелю-Гуфье, бывшему французскому посланнику въ Россіи, еще Екатерина пожаловала 600 душъ, а Павелъ 2,000 богатыхъ крестьянъ въ Самогитіи, и Роджерсонъ замѣчаетъ, что въ этой мѣстности каждый изъ этихъ крестьянъ „стоитъ вдвое дороже“ сравнительно съ тѣми, которые получилъ онъ самъ, т. е. Роджерсонъ.

Говоря о помѣстьяхъ, розданныхъ при коронаціи императора Павла I разнымъ лицамъ, мы упомянули между прочими о генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Рѣпнинѣ. Родъ, изъ котораго онъ происходилъ, велъ свое начало отъ Рюрика и принадлежалъ къ старинной и богатой знати. Состояніе князя Николая Васильевича Рѣпнина заключалось главнымъ образомъ въ тѣхъ вотчинахъ, которыя были пожалованы Петромъ Великимъ его дѣду, генералъ-фельдмаршалу князю Аникитѣ Ива-

новичу Рѣпнину. Не смотря на тогдашнюю всеобщую жадность къ разживѣ, князь Николай Васильевичъ отказался отъ 3,000 душъ и 50,000 рублей, назначенныхъ ему въ подарокъ императрицею Екатериною II. Онъ не скупился проживать свое богатство и нерѣдко употреблялъ свои денежныя средства для пособія близкимъ къ нему лицамъ. Такъ, видя однажды постоянную задумчивость своего секретаря, Якова Ивановича Булгакова—пріобрѣтшаго впослѣдствіи извѣстность въ званіи русскаго посла при Оттоманской Портѣ — князь Рѣпнинъ, узнавъ стороной, что причиною такой задумчивости были долги Булгакова, навелъ о нихъ справки и заплатилъ за него кредиторамъ изъ собственныхъ своихъ денегъ 11,000 червонцевъ. Въ одной изъ біографій князя Рѣпнина указывается, какъ на примѣръ его безкорыстія, на добровольный отказъ отъ процесса съ князьями Лобановыми-Ростовскими о 3,000 душъ. Судя однако по родственнымъ связямъ фамилій князей Лобановыхъ-Ростовскихъ и Рѣпниныхъ, должно сказать, что особаго великодушія въ этомъ отказѣ не было, такъ какъ представители первой изъ этихъ фамилій имѣли несомнѣнное право на спорное имѣніе.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о богатствѣ князей Рѣпниныхъ, замѣтимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ проданъ въ Лондонѣ за 10,000 фунтовъ стерлинговъ севрскій сервизъ, принадлежавшій одному изъ нихъ.

Двоюродный братъ фельдмаршала, оберъ-шталмейстеръ князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ, человѣкъ чрезвычайно богатый, тратилъ безполезно множество денегъ, разъѣзжая чуть ли не по всей Европѣ для того только, чтобъ открыть, гдѣ существуетъ истинное масонство и чтобы, по отысканіи его, быть посвященнымъ настоящимъ образомъ въ высшія степени масонства.

Со смертью фельдмаршала князя Николая Васильевича пресѣкся въ мужскомъ поколѣніи родъ князей Рѣпниныхъ, и фамилія ихъ, по высочайшей волѣ, было передана внуку его по дочери, князю Николаю Григорьевичу Волконскому (род. 1778 г., † 1844 года), который, женившись на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, получилъ за нею въ приданое 17,000 душъ крестьянъ.

Намъ не встрѣтилось подробныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой степени императоръ Павелъ обогатилъ другаго своего любимца, Ѳедора Васильевича Растопчина (род. 1765 г., † 1826 года), возведеннаго въ 1799 году въ графское достоинство и получившаго такую громкую извѣстность въ 1812 году, въ бытность свою московскимъ генералъ-губернаторомъ. По всей вѣроятности, государь не забывалъ его щедрыми наградами, такъ какъ впослѣдствіи графъ Растопчинъ былъ въ числѣ лицъ, замѣтныхъ по своему богатству, между тѣмъ какъ отецъ его не былъ человѣкомъ даже достаточнымъ, происходя—какъ разсказываетъ Вигель—изъ крѣпостныхъ людей, о чемъ будто бы говорилъ онъ самъ въ присутствіи Вигеля. По другимъ свѣдѣніямъ такой разсказъ Вигеля едва ли заслуживаетъ вѣры.

Растопчинъ и его отецъ получили отъ Павла такія имѣнія, которыя доставили имъ отъ 80 до 100 тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Кромѣ того, какъ сообщалъ Роджерсонъ, онъ получилъ по крайней мѣрѣ, за время своего управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, до 300,000 рублей за устройство браковъ и за договоры, имъ улаженные или разстроенные.

Въ числѣ лицъ, обогащенныхъ императоромъ Павломъ, былъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ (род. 1753 г., † 1827 года), потомокъ древней боярской фамиліи, происходящей отъ касожскаго князя Редеги. Самъ по себѣ Лопухинъ былъ, по достатку, помѣщикъ средней руки, но за второю своею женою, Екатериною Николаевною Шетневою, онъ, какъ мы уже упоминали, благодаря безкорыстію графа Петра Ивановича Панина, получилъ 3,000 душъ. Отъ перваго же брака у него въ числѣ трехъ дочерей была дочь княжна Анна Петровна, вышедшая замужъ за генералъ-адъютанта князя Павла Гавриловича Гагарина и пользовавшаяся особеннымъ вниманіемъ государя. Императоръ Павелъ осыпалъ Лопухина чрезвычайными милостями, возведя его прямо въ достоинство свѣтлѣйшаго князя и пожаловавъ ему въ Кіевской губерніи богатое и многолюдное мѣстечко Корсунь, купленное императоромъ у наслѣдниковъ Потемкина. Отъ втораго брака князь Петръ Васильевичъ имѣлъ единственнаго сына, князя Павла Петровича (род. 1790 г., † 1872 г.), не оставившаго дѣтей; поэтому наслѣдникомъ послѣ него остался единственный внукъ старшей его

сестры, княжны Екатерины Петровны, бывшей замужемъ за гофмейстеромъ Григоріемъ Петровичемъ Демидовымъ.

При императорѣ Павлѣ I быстро смѣнялись опала и милость, но тѣмъ не менѣе неизмѣнно приближеннымъ къ нему лицомъ былъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, крещенный турокъ, состоявшій сперва въ числѣ домашней прислуги Павла Петровича въ то время, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола. При воцареніи Павла, возвышеніе Кутайсова пошло необыкновенно быстро: въ 1799 году, 22 февраля, онъ былъ возведенъ въ баронское, а 5 мая того же года въ графское достоинство Россійской имперіи, а въ слѣдующемъ году онъ былъ пожалованъ оберъ-шталмейстеромъ и получилъ андреевскую ленту. Терпѣливо и умѣло перенося крутой и неровный нравъ государя, графъ Кутайсовъ пользовался чрезвычайными его милостями и сдѣлался, вслѣдствіе данныхъ ему государемъ наградъ, однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Россіи. Императоръ пожаловалъ ему большія помѣстья какъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, такъ и въ Курляндіи, но Кутайсову въ особенности хотѣлось пріобрѣсти отъ Зорича мѣстечко Шкловъ по дешевой цѣнѣ; для этого онъ, какъ передаетъ Державинъ, пускалъ въ ходъ всевозможныя интриги и происки, но это ему не удалось. Однимъ изъ важнѣйшихъ пожалованій, сдѣланныхъ ему императоромъ, были эмбенскіе рыбные промыслы купленные у него, въ 1802 году, обратно въ казну за 150,000 рублей съ цѣлью возстановить древнюю свободу рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ.

Послѣ кончины Павла, какъ видно изъ писемъ Роджерсона, Кутайсовъ уѣхалъ съ своею возлюбленною извѣстною въ ту пору актрисою Шевалье въ Кенигсбергъ. Она вывезла изъ Россіи до 800,000 рублей, благодаря преимущественно щедрости графа. Онъ могъ безъ особаго разстройства для себя обогатить ее, такъ какъ имѣлъ до 300,000 рублей ежегоднаго дохода.

Никто, однако, изъ всѣхъ лицъ, пользовавшихся особымъ расположеніемъ императора Павла, не былъ обогащенъ имъ въ такой мѣрѣ какъ другъ его дѣтства, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Поэтому здѣсь всего умѣстнѣе упомянуть о князьяхъ Куракиныхъ, хотя они, прямые потомки

великаго князя Литовскаго Гедемина, и были извѣстны въ Россіи своими богатствами еще въ XVII столѣтіи.

Изъ нихъ князь Борисъ Ивановичъ, бывшій одиннадцать лѣтъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ и тамъ умершій въ 1727 году, завѣщалъ, чтобъ на его счетъ былъ основанъ въ Москвѣ странноприимный домъ для отставныхъ и раненыхъ служивыхъ. Домъ этотъ былъ открытъ въ 1743 году. На устройство его князь Куракинъ назначилъ до 30,000 руб. и на ежегодное содержаніе 1,600 рублей, сумму весьма значительную для того времени. Въ 1823 году выдѣленный изъ имѣній князей Куракиныхъ капиталъ на содержаніе этого дома простирался до 214,232 рублей.

Родной его правнукъ, князь Александръ Борисовичъ (род. 1752 г., † 1818 года), получившій, вдобавокъ къ наслѣдственному своему имѣнію, огромное состояніе отъ императора Павла, сдѣлался въ концѣ прошлаго столѣтія однимъ изъ самыхъ первыхъ богачей во всей Россіи.

Главнымъ основаніемъ его богатства были пожалованныя ему рыбныя ловли. До 1705 года рыбные промыслы въ Астрахани зависѣли отчасти отъ приказа казанскаго дворца, отчасти же принадлежали разнымъ монастырямъ. Въ этомъ году учреждена была особая „Рыбная канцелярія“, и вмѣстѣ съ тѣмъ рыбные и тюленьи промыслы отданы были на откупъ. Въ 1743 году откупа были уничтожены, и всѣ промыслы взяла въ свое владѣніе казна, но не надолго, такъ какъ, въ 1751, году они были пожалованы графу Петру Ивановичу Шувалову. Въ 1762 году была учреждена „Рыбная контора“ отъ купечества, а въ 1771 году разрѣшено было продавать земли съ принадлежащими къ нимъ водами въ частное владѣніе. Затѣмъ эмбенскія воды были въ 1792 году пожалованы графу Николаю Ивановичу Салтыкову, а въ 1799 году были у него куплены казною и пожалованы графу Кутайсову, отъ котораго опять были пріобрѣтены правительствомъ и открыты для вольной промышленности. Всѣ же другія воды, съ принадлежавшими къ нимъ землями и учугами, императоръ Павелъ, въ 1797 году, велѣлъ отобрать отъ завѣдывавшаго ими купечества и пожаловалъ ихъ въ вѣчное и потомственное владѣніе князьямъ Куракинымъ. Имъ было пожаловано 4 учуга, т. е. мѣста въ рѣкѣ или ея

рукавѣ, извѣстныя по особому изобилію въ нихъ рыбы, перегораживаемыя для удержанія ея забойкою свай. Куракинскіе учуги находились въ четырехъ протокахъ Волги, впадающихъ въ Каспійское море. Въ этихъ учугахъ ловилось иногда въ одинъ день до 100,000 штукъ большой рыбы, т. е. осетровъ и бѣлугъ.

Но любимецъ императора, князь Александръ Борисовичъ, непостоянно,—какъ, впрочемъ, и всѣ вообще близкія къ Павлу Петровичу лица—пользовался его благосклонностью. Осыпанный богатствами и сдѣланный вице-канцлеромъ, князь Куракинъ подвергся опалѣ и былъ на нѣкоторое время удаленъ отъ двора съ званіемъ отставнаго камергера. Онъ поселился въ Саратовской губерніи, въ селѣ Надеждинѣ, которому и далъ это названіе въ виду надежды на возвращеніе прежней царской милости, что̀, впрочемъ, вскорѣ и сбылось. „Въ великолѣпномъ своемъ имѣніи,—расказываетъ Вигель,—опальный камергеръ сотворилъ себѣ на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (дармштатскаго или веймарнскаго, но ужь вѣрно не кобургскаго) также нѣчто похожее на дворъ. Совершенно бѣдные дворяне принимали у него за большую плату должности главныхъ дворецкихъ и управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ. При немъ находились: секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекарь, а множество любезниковъ составляли его свиту и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ у него гремѣла музыка, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы. Раздѣленіе времени, дѣла и забавы, все было подчинено порядку и этикету. Самъ онъ, и въ деревнѣ, никогда не одѣвался иначе, какъ въ бархатъ или парчу, постоянно носилъ алмазныя пуговицы на кафтанахъ и такія же пряжки на башмакахъ, а также трость и табакерку, осыпанныя драгоцѣнными бриллiантами“.

Громадное богатство князя Александра Борисовича Куракина перешло впослѣдствіи къ единственному племяннику его, князю Борису Алексѣевичу, сыну роднаго его брата князя Алексѣя Борисовича.

Къ числу богатыхъ людей въ царствованіе Павла Петро-

вича принадлежали: генералиссимусъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій и графъ Бобринскій.

Отецъ Суворова, имѣвшій до 300 душъ крестьянъ, какъ родовое имѣніе, постоянно занимался умноженіемъ своего состоянія, покупалъ новыя имѣнія, устроивалъ ихъ, занималъ самъ и давалъ въ займы деньги, смотря по выгодности оборотовъ такого рода. Самъ генералиссимусъ въ денежномъ отношеніи отличался бережливостію, которая у отца его доходила до скаредности.

Отецъ Суворова получалъ разныя денежныя награды. Такъ онъ получилъ 3,000 руб., оставшихся у него изъ 7,000 руб., выданныхъ ему на отправку голштинцевъ во-свояси. Но о подаркахъ большой цѣнности или о пожалованіи ему деревень или земель свѣдѣній не встрѣчается. Въ пенсію было оставлено ему, въ 1768 году, все его содержаніе, составлявшее 3,600 рублей. Деньгу онъ сталъ копить, будучи еще молодымъ человѣкомъ. Такъ, давъ одному помѣщику 112 рублей подъ залогъ села Никольскаго, онъ взялъ за неуплату долга половину этого имѣнія, самъ заложилъ его за 1,000 рублей, и эти деньги опять далъ подъ залогъ, такъ что онъ къ старости разбогатѣлъ весьма замѣтно и въ шестидесятыхъ годахъ могъ купить столь извѣстное въ жизни его сына, генералиссимуса, село Кончанскъ за 22,000 рубл. и дать своимъ дочерямъ приданое— каждой по 17,000 рублей. Умирая, въ 1775 году, онъ оставилъ сыну богатоустроенныя имѣнія, въ которыхъ числилось 1,895 душъ мужскаго пола. Самъ Суворовъ тоже черезъ своего управляющаго скупалъ деревни и земли. Крестьяне его платили ему оброкъ, если и не очень высокій, то и не низкій, который онъ иногда забиралъ впередъ, но зато всѣ привозимые крестьянами такъ называвшіеся „гостинцы“, грибы, рыбу, дичину, онъ не бралъ даромъ, но засчитывалъ въ оброкъ. Императрица Екатерина II не слишкомъ щедро награждала этого славнаго полководца, сравнительно съ другими генералами, предводительствовавшими въ то время русскими войсками и дѣйствовавшими съ меньшимъ успѣхомъ, нежели онъ.

Когда, при Павлѣ, Суворовъ подвергся опалѣ, то на него и на служившихъ подъ его начальствомъ, а также отъ поставщиковъ и подрядчиковъ лично на него стали поступать разные

иски, по слухамъ простиравшіеся до 100,000 руб., а годоваго дохода имѣлъ онъ до 50,000 рублей. Изъ всего кобринскаго имѣнія, пожалованнаго Екатериною, Суворовъ роздалъ тяжущимся въ пожизненное владѣніе 209 душъ. Управляющій его, Красовскій, закрѣпилъ себѣ черезъ подлогъ во владѣніе 434 души. Кромѣ взысканій оказывались еще на Суворовѣ разные начеты по непредставленію оправдательныхъ документовъ и такіе начеты въ общей сложности простирались свыше милліона рублей и только отправка Суворова противъ французовъ избавила его отъ взысканія этого начета и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ полнаго разоренія.

Когда Павелъ потребовалъ свѣдѣнія о состояніи Суворова, то оказалось, что за нимъ было 2,080 родовыхъ душъ, 7,000 пожалованныхъ, всего 9,090 душъ, оброку съ нихъ получалось 50,000. Каменный домъ въ Москвѣ стоилъ 12,000 рублей. Пожалованныхъ алмазныхъ вещей было на 100,000 рублей, а по другимъ извѣстіямъ цѣнность ихъ простиралась до 300,000 р. Долговъ было на немъ 17,200 рублей. Предназначено было въ подарокъ графу Николаю Зубову, мужу его дочери, 60,000 руб. и Арсеньевой 30,000 рублей.

Что касается графа Бобринскаго, получившаго свою фамилію отъ пожалованной ему обширной волости, то происхожденіе его въ точности не было извѣстно.

Екатерина писала ему: „извѣстно мнѣ, что мать ваша, бывъ унижена разными непріязненными и сильными непріятностями, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, спасать себя и старшаго сына своего принуждена была и силилась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11 апрѣля 1762 г. Какъ вы мнѣ ввѣрены были, то я старалась дать вамъ приличное вашему состоянію воспитаніе“. Въ 1782 году, Екатерина положила на имя Бобринскаго капиталъ съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе десяти лѣтъ пользовался только процентами. Въ 1785 году капиталъ Бобринскаго простирался до 675,164 рублей. Бобринскій былъ страшный кутила.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Бобринскаго занимала мысль о княжествѣ Еверскомъ, личномъ помѣстьѣ Екатерины въ Ольденбургѣ. Ходилъ слухъ, что она завѣщала ему его и что при этомъ нѣмецкіе князья отказались отъ своихъ родо-

выхъ правъ на Еверъ. По порученію Бобринскаго, нѣкто Альбаумъ ѣздилъ отыскивать это завѣщательное письмо въ въ архивахъ города Гамбурга, но всѣ поиски не привели ни къ чему. Точно также безуспѣшно было желаніе Бобринскаго получить изъ англійскаго банка большія суммы, будто бы положенныя туда на его имя княземъ Орловымъ. Изъ этого обстоятельства возникло цѣлое дѣло. Александръ I принялъ въ немъ участіе и по смерти графа Алексѣя Бобринскаго, въ 1813 году, производилось розысканіе дипломатическимъ путемъ, но за неотысканіемъ самаго билета, оно кончилось ничѣмъ. Есть извѣстіе, что одинъ изъ близкихъ наставниковъ Бобринскаго, Лехнеръ, хранилъ постоянно на груди конвертъ въ кожанномъ мѣшечкѣ; что было въ этомъ конвертѣ неизвѣстно, но не были ли въ немъ бумаги и билетъ, переданныя Орловымъ?

Независимо отъ тѣхъ щедрыхъ пожалованій, какими императоръ Павелъ ознаменовалъ непродолжительное свое царствованіе, близкіе къ государю люди успѣли составить себѣ богатство и другими способами. Они—какъ разсказываетъ Державинъ—вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла Петровича, выпросили себѣ у него „великое количество“ на выборъ лучшихъ казенныхъ земель, и для удовлетворенія ихъ отбирали у казенныхъ крестьянъ всѣ лишнія земли сверхъ положенныхъ 8 десятинъ на душу. Крестьянъ при этомъ лишали не только пашенной земли, но и бывшей подъ огородами. Тѣ же лица, къ которымъ поступали во владѣніе эти земли, продавали ихъ тѣмъ же поселянамъ по 300 и даже по 500 рублей за десятину, и такимъ образомъ,—по словамъ Державина,—удовлетворяли свою ненасытную алчность. „Когда же—продолжаетъ онъ—эти хищники набили свои карманы, то будто бы изъ жалости и состраданія, что у казенныхъ крестьянъ мало земли, исходатайствовали указъ, чтобъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ надѣлить по 15-ти десятинъ на душу, и тогда пошло притѣсненіе владѣльцевъ, у которыхъ начали отнимать не только примѣрныя, но и писцовыя земли“.

Пожалованіе земель въ Крыму началось съ 1796 года, когда двумъ лоцманамъ дано было по 200 десятинъ по берегамъ Качи или Альмы, близъ Севастополя. Потомъ стали жа-

ловать земли въ великорусскихъ губерніяхъ съ правомъ выбора, въ 1800 году началась раздача земель въ Сибири, въ 1823 году на Кавказѣ. Количество жалуемой земли быстро увеличивалось, и уже въ 1797 году на одно лицо было дано 2,167 десятинъ. Въ 1798 году князь Сибирскій, князь Шаховской и тайный совѣтникъ Карадыгинъ получили каждый по 5,000 десятинъ. Особенною щедростью въ этомъ отношеніи замѣчателенъ 1800-ый годъ, когда оберъ-камергеру Нарышкину и его наслѣдникамъ дано было 225,464 десятины, а другимъ лицамъ роздано было 81,280 десятинъ. Вообще при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I роздано было 338 лицамъ около 1.238,000 десятинъ, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ 1.176,745 десятинъ, изъ числа которыхъ самое большое количество на одно лицо, а именно 30,000 десятинъ, получилъ министръ финансовъ графъ Канкринъ.

Въ историческомъ нашемъ изслѣдованіи о замѣчательныхъ богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи мы останавливаемся на рубежѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій. Мы дѣлаемъ это потому, что минувшіе годы нынѣшняго столѣтія нельзя считать еще историческими по отношенію къ тѣмъ сторонамъ политическаго и экономическаго быта въ Россіи, которыя были предметомъ настоящаго нашего труда. Это обусловливается прежде всего крайнею недостаточностью источниковъ. Всѣ, разнаго рода матеріалы, какъ-то: акты, документы и записки частныхъ лицъ, которыми мы пользовались при обзорѣ предыдущихъ столѣтій, большею частью еще не изданы. Притомъ съ прекращеніемъ главнаго источника нашихъ частныхъ богатствъ — пожалованія населенныхъ имѣній и тѣхъ особыхъ наградъ, которыя раздавались прежде съ такою щедростью — извѣстія о частныхъ богатствахъ дѣлаются весьма скудны. Вмѣстѣ съ этимъ увеличиваются все болѣе и болѣе новыя средства къ обогащенію частныхъ лицъ, и прослѣдить, путемъ историческихъ изысканій, богатства, основанныя на этихъ, слишкомъ разнообразныхъ средствахъ, представляется въ настоящую пору не только чрезвычайно затруднительнымъ, но даже и невозможнымъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина въ Петербургѣ и Москвѣ.

Ахшарумовъ. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 коп.

Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. Этотъ томъ содержитъ 50 снимковъ, посредствомъ геліографіи, съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ къ картинамъ, въ двѣ краски, въ художественныхъ рамкахъ. In-folio. Спб. 1880—1881 г. Ц. 25 р., въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 30 р.

Григоровичъ, Д. Акробаты благотворительности. Ц. 1 р.

Григоровичъ, Д. Гуттаперчевый мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

Додэ, А. Королева Фредерика. (Короли въ изгнаніи). Романъ Ц. 1 р. 50 к.

Житель. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Брикнера, профессора дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Панемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ; Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р., съ пересылкой 17 р.

Историческая портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ гравюрами. Спб. 1884. Ц. 3 р.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки съ гравюрами и портретами. Спб. 1884. Ц. 3 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль Ц. 1. 50 к.

Костомаровъ, Н. Кудеяръ. Историческая хроника въ 3-хъ книгахъ. Ц. 2 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Баритонъ. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ (Группы и портреты). Спб. 1878. Ц. 1 р. 75 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Первая борьба. Ц. 1 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Встрѣча. Ром. Ц. 1 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Повѣсти. 4 ч. Ц. 6 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Очерки и отрывки, 2 книги Ц. 3 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Большая Медвѣдица. Романъ. 2 т. Ц. 3 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Испытаніе. Романъ. 1883. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Провинція въ старые годы. Т. I. Свободное время. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1884. Ц. 1 р. Томъ II. Кто-жъ остался доволенъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к. Томъ III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). На память 1850—1884. Спб. 1885. Ц. 1 р. 25 к.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунками. Переводъ Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1884. Ц. 2 р. 50 к., въ роскошн. переплетѣ 3 р. 25 к.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) въ Петербургѣ и Москвѣ.

Леббокъ, Дж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика „Муравьиные слѣды“. Спб. 1884. Ц. 3 р.

Лейкснеръ. Нашъ Вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности. Со множествомъ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и др. иллюстрацій. 2 большихъ тома. Ц. 18 р.

Маркевичъ, Б. Переломъ. Правдивая исторія. Въ 4-хъ частяхъ Ц. 6 р.

Мериме. Варѳоломеевская ночь. Историческая хроника. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878). 2 тома Ц. 4 р.

Немировичъ-Данченко, В. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впечатлѣнія Ц. 80 к.

Немировичъ-Данченко, В. Быль. Новыя повѣсти, очерки и разсказы. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. Стихотворенія. Ц. 2 р. 50 к.

Пальмъ, А. И. Петербургская Саранча. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 коп.

Пальмъ. Старый баринъ. Комедія. Ц. 65 к.

Пальмъ. Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

Рише, Шарль. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Перев. съ франц. Спб. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Романовъ, В. В. За Уралъ! Разсказъ изъ воспоминаній о Сибири. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1884. Ц. 2 р.

Русская портретная галлерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей начиная съ XVIII столѣтія съ краткими ихъ біографіями (Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Выходитъ всего въ количествѣ 500 экз. выпусками состоящими изъ 6-ти портретовъ, Ц. каждому выпуску 2 рубля.

Саліасъ, графъ. Петербургское дѣйство Историческій романъ (1762). Изданіе 2-е. Ц. 4 р., въ роскошн. перепл. 5 р.

Саліасъ, графъ. На Москвѣ. Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ. (Изъ временъ чумы 1771 г.). Спб. 1885. Ц. 4 р., въ роскошн. переплетѣ 5 р.

Саліасъ, графъ. Атаманъ Устя. Поволжская быль. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 2 р.

Саймъ Джемсъ. Краткая исторія нѣмец. кой литературы. Перев. съ англійскаго. Ц. 60 коп.

Самсоновъ. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера. Ц. 2 р.

Сентсбери, Д. Краткая исторія французской литературы. Перев. съ англ. Спб. 1884. Ц. 40 к., на вел. бум. 70 к.

Смирнова, С. И. У пристани. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Стоюнина, В. Историческія сочиненія 2 т. (т. 1-й: Александръ Семеновичъ Шишковъ. Т. 2-й: А. С. Пушкинъ). Ц. каждаго т. 1 р. 50 коп.

Суворинъ, А. и Буренинъ, В. Медея. Драма въ 4-хъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Федотовъ, А. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ. Спб. 1884. Ц. 1 р.

Фурманъ, П. С. Дочь шута. Романъ въ 2-хъ томахъ (изъ временъ императрицы Анны Іоановны). Спб. 1885. Ц. за 2 т. 1 р. 50 к.

Хрущовъ, И. П. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Спб. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Черкасовъ, А. Записки охотника восточной Сибири. Ц. 4 р., въ роск. пер. 5 р.

Шашковъ, С. С. Исторія русской женщины. Ц. 1 р. 75 коп.

Штернъ, А. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный библіографическими указаніями. Спб. 1885. Ц. 2 р., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 75 к.

2007089994